

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

№ 2 / 2015

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 2, 2015

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),

акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),

д-р экон. наук *О. В. Инишаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),

д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чжао Геджин* (Китай),

д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),

канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов*,

канд. биол. наук *Л. Н. Ташинова* — г. Элиста

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;

тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.

Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 2, 2015

Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:

Ph.D. of History E. Bakaeva,

Ph.D. of Philology B. Kichikova

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),

Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph.D. of History M. M. Balzer (USA),

Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History N. Bugai (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),

Ph.D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia),

Ph.D. of History K. Maksimov (Elista, Russia), Ph.D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia),

Ph.D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia), Ph.D. of Philology Chao Gedzhin (China),

Ph.D. of History D. Schorkowitz (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kx. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),

Ph.D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph.D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),

Ph.D. of Philology G. Piurbeev (Moscow), Ph.D. of History V. Trepavlov (Moscow)

Ph.D. of History E. Badmaeva (executive secretary),

Ph.D. of Philology T. Basangova, Ph.D. of Philology E. Bembeev, Ph.D. of Philosophy B. Bicheev,

Ph.D. of Philology V. Kukanova, Ph.D. of Economics E. Mantaeva, Ph.D. of Philology D. Muzraeva,

Ph.D. of Sociology A. Ovshinov, Ph.D. of Philology E. Omakeeva, Ph.D. of History U. Ochirov,

Ph.D. of Pedagogy B. Salaev, Ph.D. of History V. Sanchirov,

Ph.D. of Biology L. Tashninova — Elista

The Editorial Board and Publisher's address:

358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilshkin Street, 8

tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84

e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

site: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Санчи́ров В. П.</i> Об ойратском историческом сочинении «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» 8 <i>Тепкеев В. Т.</i> К вопросу о причинах откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь в начале XVII в. 14 <i>Г. Хишигжаргал</i> Исторические условия потери независимости Монголии в XVII–XVIII вв. 18 <i>Дюльденко А. А.</i> Иоганн Иериг (1747–1795): сотрудничество с Императорской академией наук и европейским научным сообществом 26 <i>Н. Наранжаргал</i> Новые источники о первой монгольской делегации в СССР 33 <i>Манжиков Э. Б.</i> Военно-политическое сотрудничество СССР и МНР в 1930-е гг. 38 <i>Кринко Е. Ф.</i> Роль природного фактора в сражениях Великой Отечественной войны на юге России в 1942–1943 гг. 43 <i>Каменева Г. Н.</i> Служба женщин в военно-медицинских частях и учреждениях Юга России и их вклад в сохранение здоровья красноармейцев (1941–1945 гг.) 51 <i>Бугай Н. Ф.</i> Национальная политика в условиях войны 1941–1945 гг.: письма граждан в органы государственной власти, поиск решения проблем 59 <i>Максимов К. Н.</i> Калмыкия на защите Отечества 70 <i>Акаев В. Х.</i> Вторая Мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии 77 <i>Очирова Н. Г.</i> Социально-экономическое развитие Республики Калмыкия в контексте модернизации российского общества 84
ЭТНОЛОГИЯ	<i>Айыжы Е. В., Базырчан А.-Х.</i> Традиции природопользования в культуре этнических тувинцев северо-западной Монголии 93 <i>Бакаева Э. П.</i> К сравнительно-сопоставительному изучению традиционной культуры ойратов и калмыков: о происхождении и бытовании войлочных сапог типа «тооку» 98 <i>Шараева Т. И.</i> К вопросу изучения этнических маркеров калмыков: родовые тамги 106 <i>Корнеев Г. Б.</i> О традиции домашних молений в калмыцком буддизме: специфика текстов 113
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Бембеев Е. В.</i> «Ранние» тексты на «ясном письме» в национальном корпусе калмыцкого языка: хронологическая характеристика 121 <i>Музраева Д. Н., Бурькин А. А.</i> К проблематике изучения ойратско-калмыцкой лексики 130 <i>Мирзаева С. В.</i> Опыт анализа двух монгольских текстов о царевиче Норсане 136

CONTENTS

HISTORY	<i>Sanchirov V.</i> On the Oirat Historical Writing Named «The Story is about How the Rulers of Genghis Managed the State and Maintained the Khanate Rule» 8
	<i>Tepkeev V.</i> To the Issue of the Reasons of the Oirat Migration from Central Asia to Siberia at the Beginning of the 17th century 14
	<i>G. Khishigjargal</i> Historic Conditions of Mongolia's Loss of Independence in 17–18th Centuries 18
	<i>Diuldenko A.</i> Johannes Jährg (1747–1795): Cooperation with the Imperial Academy of Sciences and the European Scientific Community 26
	<i>N. Naranjargal</i> New Sources on the First Mongolian Delegation in the USSR 33
	<i>Mandzhikov E.</i> Military and Political Cooperation between the USSR and the Mongolian People's Republic in 1930s 38
	<i>Krinko E.</i> The Role of the Natural Factor in the Battles of the Great Patriotic War in the South of Russia in 1942–1943 43
	<i>Kameneva G.</i> Women's Military Service in Medical Units and Institutions of the South of Russia and their Contribution to Maintaining the Health of the Red Army Soldiers (1941–1945) 51
	<i>Bugay N.</i> Nationalities Policy in the Context of the War of 1941–1945: the Letters of Citizens to Public Authorities, the Search for Solutions to Problems 59
	<i>Maksimov K.</i> Kalmykia on the Defense of the Fatherland 70
	<i>Akaev V.</i> World War II in the Interpretation of Western and Russian «Researchers»: Attempts of Revision the History 77
	<i>Ochirova N.</i> Socio-Economic Development of the Republic of Kalmykia in the Context of Modernization of the Russian Society 84
ETHNOLOGY	<i>Aiyzhy Y., Bazyrchap A.</i> Traditions of Nature Management in the Culture of Ethnic Tuvans of Northwestern Mongolia 93
	<i>Bakaeva E.</i> To the Comparative Study of the Oirat and Kalmyk Traditional Culture: the Origin and Existence of the Felt Type Boots “Tohoku” 98
	<i>Sharaeva T.</i> To the Issue of Studying Ethnic Markers of Kalmyks: Clan Tamghas 106
	<i>Korneev G.</i> Towards a Tradition of Home Prayers in Kalmyk Buddhism: the Specificity of Texts 113
LINGUISTICS	<i>Bembeev E.</i> ‘Early’ Texts in ‘Clear Script’ in the National Corpus of the Kalmyk Language: Chronological Characteristic 121
	<i>Muzraeva D., Burykin A.</i> To the Issues of Studying Oirat and Kalmyk Lexicon 130
	<i>Mirzaeva S.</i> An Attempt of Analysis of Two Mongolian Manuscripts about Prince Norsan 136

	<i>Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В.</i> Фрейм-тарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамstedтом)	140
	<i>Куканова В. В.</i> Грамматика порядков словоизменительных аффиксов именных частей речи в калмыцком языке (на примере словоформы существительного)	154
ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Селеева Ц. Б.</i> Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар»	164
	<i>Осорин У.</i> Шинжэнэ өөрднрин болн хальмгудын байр-нээрин туск домгудын дүнцүүлнэ шинжллт (К сравнительному изучению легенд, связанных с праздниками ойратов Синьцзяна и калмыков)	169
	<i>Орлова К. В., Даваадорж Б.</i> О коллекции ойратских письменных источников из фонда Кобдоского государственного университета (Монголия)	175
	<i>Кичикова Б. А.</i> Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема	180
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Гунаев Е. А.</i> Правовые аспекты регулирования в области социально-трудовых отношений на уровне субъекта Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)	188
ЭКОНОМИКА	<i>Тимачева Е. В.</i> Российский рынок труда: проблемы и перспективы	195
	<i>Ярлыкапов А. Б., Бембетов А. В.</i> Некоторые вопросы обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельских территорий	201
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Нухаева Б. Б.</i> Брачное поведение населения Республики Калмыкия: основные тенденции в начале XXI в.	205
	<i>Иджаева Б. А., Бадмаева Н. В.</i> Статистические показатели дифференциации доходов населения в Республике Калмыкия на современном этапе	212
БИОЛОГИЯ	<i>Ташнинова Л. Н.</i> Почвы федеральных заказников Республики Калмыкия в новой классификации	218
ЮБИЛЕИ	<i>Бембеев Е. В.</i> Юбилей известного монголоведа. Г. Ц. Пюрбееву — 75 лет	225
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		227

	<i>Goryaeva B., Bayanova A., Butaeva A., Kukanova V.</i> The Characters in the Frame Story of the Kalmyk Fairy-Tale Tradition (the case study of tales recorded by G.I. Ramstedt)	140
	<i>Kukanova V.</i> Grammar of Order of the Inflectional Affixes of the Nominal Parts of Speech in the Kalmyk Language (the case study of noun wordform)	154
FOLKLORE & LITERATURE STUDIES	<i>Seleeva Ts.</i> Specific and Universal in the Image of the Hero of the Kalmyk Heroic Tale and Epos «Dzhangar»	164
	<i>Osorin U.</i> To the Issue of the Comparative Study of the Legends Connected with the Holidays of the Oirats of Xinjiang and Kalmyks . . .	169
	<i>Orlova K., Davaadorj B.</i> On the Collection of the Oirat Sources from the Fund of Khovd State University of Mongolia	175
	<i>Kichikova B.</i> A. Pushkin's Address 'To a Kalmyk Maiden' as a Historical-Literary Problem	180
JURISPRUDENCE	<i>Gunaev E.</i> Legal Aspects of the Regulation in the Field of Social and Labor Relations at the Level of a Subject of the Russian Federation (the case study of the Republic of Kalmykia)	188
ECONOMICS	<i>Timacheva E.</i> Russian Labour Market: Problems and Perspectives . . .	195
	<i>Yarlykapov A., Bembetov A.</i> Some Issues of Food Security and Sustainable Development of Rural Areas	201
SOCIOLOGY	<i>Nuskhaeva B.</i> The Marital Behavior of the Population in the Republic of Kalmykia: the Main Social Trends at the Beginning of the XXI Century .	205
	<i>Idzhaeva B., Badmaeva N.</i> Statistical Indicators of Income Differentiation of Population in the Republic of Kalmykia at the Present Stage . . .	212
BIOLOGY	<i>Tashninova L.</i> The Soil of the Federal Reserves of the Republic of Kalmykia in the New Classification	218
ANNIVERSARIES	<i>Bembeev E.</i> The 75th anniversary of a famous Mongolist Grigory Tserenovich Pyurbeev	225
SCHOLARLY MATTERS		227

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)46

ОБ ОЙРАТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ «ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК УПРАВЛЯЛИ ГОСУДАРСТВОМ ВЛАДЫКИ ЧИНГИСА И ПОДДЕРЖИВАЛИ ХАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ»

On the Oirat Historical Writing Named «The Story is about How the Rulers of Genghis Managed the State and Maintained the Khanate Rule»

В. П. Санчиров (V. Sanchirov)¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archaeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье рассматривается содержание ойратского сочинения на «ясном письме» «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление». Оно посвящено преимущественно этнической истории ойратов, в нем говорится о происхождении их главных этнических компонентов (хошуты, джунгары, дербеты, хойты и торгуты), родословных их князей и их взаимоотношениях друг с другом в XVII — первой половине XVIII вв.

Ключевые слова: история ойратов (западных монголов), этническая история ойратов, родословные правителей ойратских кочевых группировок.

The article covers the contents of an Oirat historical work named «The story is about how the rulers of Genghis managed the state and maintained the khanate rule» written in «todo bichig» (clear script). It mainly deals with the ethnic history of the Oirats (Western Mongols) and narrates the origin of their major ethnic components (the Khoshuts, the Dzungars, the Derbets, the Khoits and the Torghuts), the genealogies of their princes and their mutual relationship with each other in the 17th – the 1st half of the 18th century.

It is particularly remarkable that there was no ethnonym “Oirat” used in the work, it was replaced with a new collective ethnonym “Eleuth”. According to its anonymous author, the fact that those considered to be direct successors of the ruler Genghis, the united Mongol tribes, including the Oirats, were shattered and scattered, is a common misconception. The author finishes the work written in a span of ten years (1858–1868) by describing the events which led to the conquest of the Dzungar Khanate by the Qing empire in 1755–1758. Despite its fragmentary nature, the work contains the facts which after their verification and comparison can not only clarify the history but enrich the sources for research information. However, they can be considered reliable, since they are confirmed by reference to the other sources.

Keywords: history of the Oirats (western Mongols), the ethnic history of the Oirats, genealogies of the rulers of nomadic Oirat groups.

Сочинение «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» («*Boγda Ćinggis-un tǒrū-yi barıyad qaγan örgüge tedkügsen tuγujı*») имеет и второе название — «Родословная владыки Чингисхана, родословная дурбэн-ойратов, родословная хошутов» («*Boγda Ćinggis-un uγ, dörben Oγrad-un uγ, Qoşud-un uγ-un teüke bičig*»). Ее анонимный автор всячески подчеркивает, как видно даже из названия, что союзное государство дурбэн-ойратов якобы связано родством с Чингис-ханом через его зятя, урянхайского Чжарчиудая. По мнению автора, то, что считающиеся непосредственными наследниками «владыки Чингиса» объединенные монголы (включая и ойратов) были раздроблены и рассеяны, является ошибкой.

Рукопись сочинения на «ясном письме», сохранившаяся в Синьцзяне, была впервые найдена и введена в научный оборот в 1980-х гг. Оригинал, написанный волосяной кистью, переписал набело и опубликовал владелец рукописи З. Дугэй с предисловием Алтан-Оргила в № 2 за 1983 г. выходящего в Синьцзяне на «ясном письме» журнала «Хан-Тэнгри». В 1992 г. китайские ученые, монголы по национальности, Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ, опубликовали этот текст в сборнике «Ойратские исторические памятники» [Oγrad teüke-yin 1992: 6–21], переложив его на старомонгольскую письменность, разбив на абзацы и расставив знаки препинания. В 2002 г. монгольский ученый На. Сухбаатар издал текст этого сочинения в переложении на кириллице в третьем выпуске своего многотомного издания «Источники по истории ойрат-монголов» [Ойрад Монголын түүхэнд 2002: 57–68]. Таким образом, этот источник стал доступен для работы многим исследователям, на него стали ссылаться и использовать его в своих работах. Тем не менее необходимо отметить, что содержащаяся в нем информация еще недостаточно проверена, поскольку не была подвергнута источниковедческой экспертизе. Имя автора до сих пор не выяснено.

Хотя в самом сочинении напрямую ничего не говорится о времени его написания, но, основываясь на встречающихся в нем сведениях, именах исторических персонажей, можно определить дату его написания. Издатель этого сочинения на кириллице, Надмидын Сухбаатар после изучения тек-

ста источника датировал время его написания 1850-ми гг. Он принял во внимание тот факт, что в нем упоминаются имя Баярмагна, бывшего в промежутке между 1858–1868 гг. сверхштатным Алтайско-урянхайско-джунгарским амбанем (*сул амбан*), а также имена кукунорских князей, живших в первой половине XIX в. Однако в целом сам автор сочинения заканчивает свою историю ойратов описанием событий 1750-х гг., приведших к завоеванию Джунгарского ханства Цинской империей в 1755–1758 гг. [Сухбаатар 2002: 55]. Поэтому оно может быть отнесено к той группе исторических сочинений, в которых восточно-монгольские и ойратские авторы, после гибели этого последнего независимого ойратского государства, пытались рассказать, чем была вызвана его столь трагическая участь.

Содержание данного сочинения имеет чрезвычайно фрагментарный характер. Тем не менее многие приведенные в нем редкие и малоизвестные факты о вражде и соперничестве друг с другом ойратских князей подтверждаются показаниями других ойратских источников. В то же время познания автора в истории восточных монголов, судя по приводимым им фактам, чрезвычайно слабы и ошибочны. Абсолютно недопустимо то, что он говорит о Чингис-хане и его потомках, начиная с самых первых слов этого сочинения: «Августейший Чингис является родоначальником хошутов (*qoşud-un uγ*)». О нем сказано, что он, «разделив [потомство] четырех сыновей и семи внуков Владыки, посадил их на ханский престол». [Oγrad teüke-yin 1992: 57]. Из его сыновей упоминается лишь Чагатай (Цагатай), ошибочно названный старшим сыном «владыки Чингиса», будто бы завоевавшим Рим. Четверо ханов Халхи (Сев. Монголия) — потомки чингисиды Гэрэсэндзэ, жившего в XVII в. Так, наследовавший в начале XVII в. трон верховного хана Монголии и старший в роду монгольских князей-чингисидов Лигдан-хан (1594–1634), правитель Чахарского княжества в Южной Монголии, ошибочно назван Лингджан-ханом и четвертым сыном Чингис-хана.

Автор гораздо ближе к реальным фактам ойратской истории, когда переходит к рассказу об ойратских князьях. В этом разделе он объясняет происхождение и состав средневековых дурбэн-ойратов, более или менее подробно излагая последовательность нойонов ойратских этнополитических

объединений. Когда он говорит об изменениях в управлении дурбэн-ойратами, то указывает, что первым нойоном элёт-монголов был Чжэлмэ; родоначальником торгутов был керейтский Ван-хан; родоначальником хойтов — некий мальчик из рода Икэ Мингган по имени Мэргэн, затем из-за своего большого веса получивший прозвище Йобогон Мэргэн; родоначальником дэрбэтов — четвертый сын «элётского Далай-тайши по имени Омбо-Дайчинг-Хошуучи».

Хотя этническая принадлежность автора не названа, но из содержания сочинения видно, что это был хошут. Не случайно он называет свое сочинение «историей происхождения хошутов» и говорит в первую очередь о хошутских князьях. Иначе, нежели в общеизвестных источниках, он объясняет историю чоросских ханов, критически относится к ним, связывая их происхождение не с небесной девой, а с урянхайским Чжарчиудаем, который был незнатного происхождения и принадлежал к племени Урянхай, кочевавшего по соседству с отцом Чингис-хана Есугэем в окрестностях горы Бурхан-Халдун. В данном сочинении он назван простолюдином албату (*qaraču albatu*) Чжарчиудай-Мэргэном (т. е. «мудрым»), но сообщение о том, что он был зятем Чингис-хана, не подтверждается данными других источников. В «Тайной истории монголов» говорится только о том, что он был кузнецом и по случаю рождения Чингис-хана преподнес младенцу Тэмуджину собольи пеленки (Козин 1941: 96). Этот подарок указывает на то, что он был человеком зажиточным.

Его сыну Джэлмэ, которого Чжарчиудай в раннем детстве отдал в услужение семье Тэмуджина, суждено было стать знаменитым военачальником и ближайшим соратником Чингис-хана. О нем сообщается в этом сочинении, что, поскольку «элёт-монголам не достались князья из рода четырех братьев и семи внуков (имеются в виду чингисиды. — В. С.), то выбрали Джэлмэ и сделали его ханом» [*Oyrad teüke-yin* 1992: 59]. В «Тайной истории монголов» он назван первым в той группе элитных воинов, которые вместе с полководцами Чингис-хана Хубилаем, Джэбэ и Субэдэем именуются его «четырьмя псами» [Козин 1941: 158]. Другие его братья также принадлежали к высшим кругам монгольской знати. Через несколько столетий потомки Джэлмэ продолжали оставаться урянхайскими нойона-

ми, отмечал в XVII в. автор монгольской летописи «Алтан Тобчи» Лубсан Данзан [Лубсан Данзан 1973: 294].

Для нас представляет интерес сообщение данного источника о том, что знаменитый ойратский правитель Тогон-тайши, живший в первой половине XV в., является потомком Джэлмэ в восьмом поколении. Данный факт не находит подтверждения в других ойратских родословных и нуждается в дополнительном изучении. Известно, что Чжарчиудай и Джэлмэ, отец и сын из племени Урянхай, во времена Чингис-хана обитали в окрестностях священной горы Бурхан-Халдун. Это племя занимало подчиненное положение по отношению к монголам — тем племенам, которые группировались вокруг Есугэй-баатура и его сына Чингис-хана во второй половине XII — начале XIII в. После смерти грозного монгольского завоевателя урянхайцы сделались хранителями особой заповедной территории на горе Бурхан-Халдун, где были похоронены Чингис-хан и другие правители-чингисиды. Сейчас установлено, что это — гора Хэнтэй-Хан в Большом Хэнтэйском хребте на северо-востоке Монголии.

Если принять как данность высказанное автором сочинения утверждение о том, что Джэлмэ является далеким предком Тогон-тайши, о котором достоверно известно, что он принадлежал к известному роду Чорос позднейших джунгаров и дэрбэтов, тогда получается, что предки-родоначальники этих этнических подразделений ойратов были выходцами из племени Урянхай. Возможно, что здесь изложены отголоски каких-то полузабытых преданий о генеалогических связях правящих родов ойратских племен с древнемонгольскими племенами.

Упомянутый в нашем источнике Төмөр Тогон-тайши — это не кто иной, как выдающийся государственный деятель средневековой Монголии, ойратский правитель Тогон (умер в 1439 г.). С его именем и именем его сына Эсэна связана первая в послеюаньский период попытка нового объединения Монголии, создания единого государства монголов и ойратов. Приведенные автором рассматриваемой «Истории» сведения о Тогоне не выдерживают критики в сравнении с данными других ойратских родословных: он не был сыном Бо-хана и элётским ханом, а знаменитый Эсэн был его сыном, а не правнуком. Наиболее же далека от подлинности и противоречит данным как устной,

так и письменной традиции изложенная автором версия мифа о том, что Тогон родился в браке Бо-хана с дочерью Хормусты-тэнгрия.

Бо-хан (Бу-хан) – это искаженное имя от Бöö-хан (букв. «шаман-хан»). Согласно самому известному и широко распространенному ойратскому этногенетическому мифу, он являлся прародителем правящего рода Чорос у джунгаров и дэрбэтов. Уже одно его имя, Бöö-хан, переносит нас в далекие языческие времена, когда вожди ойратских племен управляли своим племенем и одновременно выполняли сакральную функцию верховных шаманов. В мифе о родоначальнике чоросов ясно видна мифологическая подоплека, но в сообщении о браке Бо-хана с дочерью Хормусты-тэнгрия заметно и позднейшее буддийское влияние, призванное легитимизировать власть правящей династии.

«История о том, как управляли государством владыки Чингиса...» как родовая история сохраняет характерные черты архаичного летописания, в ней отсутствует большинство буддийских мотивов, присущих другим ойратским сочинениям, лишь однажды упоминается Бурхан-багши (Будда Шакьямуни).

Буддийская историографическая традиция предполагает построение сочинения по принципу от общего к частному, то есть историческое повествование состоит обычно из двух частей — предыстории «от сотворения мира» и собственно истории. Для ойратских сочинений в отличие от монгольских характерно, что обе эти части неравнозначны: обычно первая — краткая, а вторая — более пространная и содержит набор конкретных исторических фактов. В нашем сочинении в первой части лишь сказано в нескольких словах о Чингис-хане и его сыновьях. Основное его содержание посвящено этнической истории ойратов, родословным их князей и их взаимоотношениям друг с другом.

Вообще период XIV–XVI вв. очень слабо отражен в монгольских источниках, поскольку многое из созданных в это время генеалогических записей и исторических сочинений до нас не дошло. Это обусловлено воцарившейся в Монголии феодальной раздробленностью после падения в Китае монгольской династии Юань и изгнанием монгольских завоевателей из этой страны. Монгольский историк Алтан-Оргил (КНР)

так характеризует перемены в этническом составе ойратов: «Начиная с XIII века, после поражения в войнах с Чингис-ханом в состав ойрат-монголов вливались друг за другом кереиты и представители других народов. В XV веке при Тогоне-тайши после того, как усилилось влияние ойрат-монголов, бежавших в Монголию вместе с Тогон-Тимуром (правивший в Китае и свергнутый юаньский император. — В. С.), китайцы и некоторые феодальные князья восточных монголов вместе со своими подвластными людьми также присоединились к ойратским ханам и князьям. Это обстоятельство еще больше усилило могущество ойратов и во времена Эсэн-хана явилось главной причиной победы над Минской империей и объединения восточных и западных монголов» (Altanorgil 1987: 142).

В послеюаньский период процесс консолидации западных монголов в ойратскую народность принял необратимый характер. На рубеже XVI–XVII вв. прежняя сложная родоплеменная структура ойратов отошла на второй план, и ойратское общество представляло собой политический союз, куда входили 5 крупных этнополитических объединений: хошуты, дэрбэты, джунгары, торгуты и хойты. Они с течением времени поглотили и растворили в своем составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор.

В «Истории о том, как управляли государством владыки Чингиса...» объясняется происхождение этих этнических объединений и приводятся родословные их правителей. Характерно, что в этом сочинении этноним «ойрат» вообще не появляется, а вместо него говорится о крупных родственных ойратам племенах. Ему на смену пришел другой этноним — элёт. О времени появления этого этнического подразделения в составе ойратов конкретно сказано, что после гибели Эсэна трое его внуков-князей стали называться элётскими и во главе ойратов «по наущению Шара шулмы (Желтого демона)» откочевали из родных мест. В этом можно видеть глухое упоминание о реальных событиях того времени: «... в обстановке междоусобиц, военных действий и грабежей начался отток ойратского населения с занимаемой территории в Западной Монголии на юг Гоби, в район Хами в Восточном Туркестане» [История Калмыкии 2009: Т. 1, 198]. Элётские, о которых говорится в этом со-

чинении, очевидно, составляли лишь некоторую часть племенного образования ойратов, другая же их часть осталась на родине, а позднее, в первой половине XVII в. разделилась на джунгаров и дэрбэтов.

В послеюаньский период, во времена так называемой «гегемонии ойратов» в Монголии, в состав ойратов вошли некоторые племенные объединения восточных монголов. Об этом свидетельствуют и данные нашего источника о хошутах. Судя по рассказу анонимного автора, их знатная верхушка считалась принадлежащей к монгольскому «Золотому роду» Борджигид, так как возводила свое происхождение к младшему брату Чингис-хана Хабуту-Хасару. Князь-родоначальник хошуты по имени Ёрөгтёмөр (потомок Хабуту-Хасара в 8-м, а не в 5-м поколении, как указано в этом сочинении) со своими подданными откочевал на запад и поступил на службу к ойратскому Тогону-тайши. Тот отдал ему в жены свою дочь и, сделав его своим зятем, поселил его в своих владениях. Поскольку находившиеся под началом Ёрөгтёмёра были собраны из разных хошунов, то Тогон назвал их хошутами (множественное число от слова «хошун», военно-административная единица).

К этому же периоду относится и появление у ойратов нового крупного этнополитического объединения — торгутов. Автор сочинения приводит легенду об их происхождении, которая стала известна науке сравнительно недавно. Она дошла до нас в качестве составной части родословной торгутских ханов и князей [Санчилов 1996: 38–43]. В ней сообщается, что предок торгутов, некто Ван-хан, откочевал на запад и там перешел под власть ойратского Тогон-тайши. Тот отдал ему в жены свою дочь, сказав при этом: «Отбери себе 250 мужчин красивой наружности, видом похожих на крупную антилопу (*turay görögesün*), вместе с 250 девушками, и сделай их своими крепостными (*albatu*). Начиная с этого времени их стали называть торгутами». Этимология, связывающая происхождения этого этнонима с ойратским словом *turag* (большой, крупный), представляет собой типичный пример народной этимологии, в которой, однако, отразились несомненные исторические реальности.

Из перечисленных выше ойратских этнических подразделений только хойты в составе средневековых ойратов были одним

из древнейших племен, по происхождению связанных с древними ойратами Восьмиречья. Автор сочинения относит их появление ко временам легендарного прародителя джунгарских и дэрбэтских князей Бо-хана, т. е. к языческим временам, еще до принятия буддизма, «когда ойраты и Халха отделились друг от друга». Именно тогда, по его словам, «ойраты северной стороны стали называть хойтами (букв. «северными»)).

При написании своего сочинения анонимный автор имел возможность использовать попавшие в его распоряжение устные предания и родословные ойратских ханов и нойонов, иначе он не сумел бы так подробно описать события за предшествующие 300–400 лет. Если приведенные им сведения разбирать по строчкам, то в них можно встретить редкие и нигде не встречающиеся факты — например, сообщение о том, как у ойратов появился обычай носить серьгу в ухе.

Заслуживает внимания и сообщение автора о том, что знаменитого хошутского правителя Гуши-хана (1588–1656), способствовавшего окончательному утверждению теократии в Тибете и власти Далай-ламы, звали Төрүбариху (букв. «тот, кто будет править государством»), а не Төрүбайху, как в других монгольских и ойратских источниках.

В советской историографии возникновение Джунгурского ханства датируют 1635 г., но современные монгольские авторы относят это событие к более позднему времени. Опираясь на ойратские источники, они связывают появление на исторической арене ойратского государства с приходом к власти в нем в 1671 г. Галдана Бошогту-хана и установлением им своего единоличного правления. После убийства заговорщиками прежнего правителя ханства, его старшего брата Сэнгэ, он смог расправиться со своими соперниками, противниками центральной власти в Джунгарии. Автор данного источника подтверждает вышеуказанную дату, сообщая, что «после этого все Четыре Ойрата (общее название всех ойратских объединений. — В. С.) объединились и провозгласили Галдана ханом, преподнеся ему титул Бошогту-хан». Хотя это сочинение было написано в середине XIX в., из его содержания следует, что автор ставил целью закончить свою историю описанием событий 1750-х гг., предшествовавших крушению Джунгарского ханства.

В заключительной части сочинения со- держится несколько любопытных сообще- ний о переселившихся в Нижнее Поволжье торгутах, прежде всего об их правителе Шүкүр-Дайчине. Они еще поддерживали тесные отношения с оставшимися в Джунга- рии ойратами. О Шүкүр-Дайчине говорит- ся, что его старший сын Намцэрэн был же- нат на дочери хошутского правителя Очир- ту-Цэцэн-хана, а другой его сын, Пүн-гсуг (в русских документах — Мончак), женился на дочери правителя Джунгарского ханства Эрдэни-Батура-хунтайджи. От этого брака родился знаменитый Аюка (1642–1724), бу- дущий хан волжских торгутов. Причем он появился на свет при дворе другого своего деда, Батура-хунтайджи, где в то время на- ходилась его мать. Аюка воспитывался там, пока ему не исполнилось 11 лет.

В 1653–1654 гг. Шүкүр-Дайчин, со- вершивший паломничество в Тибет, на обратном пути задержался в Джунгарии и возвратился домой, захватив с собой свое- го внука. В свиту Аюке дали 100 молодых людей, которые должны были сопрово- ждать его в долгом путешествии на Волгу. В последние годы своей жизни Шүкүр- Дайчин воевал с хошутским тайши Абла- ем, который вторгся в Приуралье с 40-ты- сячным войском в 1668 г. Именно тогда, как указывает автор сочинения, был убит его сын Пүн-гсуг, а сам Шүкүр-Дайчин по- пал в плен и был выдан старшему брату Аблая, Цэцэн-хану, в ставку которого он умер. После этого, по словам автора, «все торгуты объединились и захватили в плен Аблая... Аюку провозгласили ханом. На- чиная с этого времени торгуты кочевали, называясь *торгутами*».

Сетуя на чрезмерную краткость приво- димых автором сообщений, большинство их все же можно считать достоверными, так как они подтверждаются показаниями дру- гих источников. Несмотря на отрывочный характер приведенные в данном сочинении сведения, после их проверки и сопостав- ления, могут способствовать уточнению и дополнению источниковой базы исследова- ний.

References

- Altanorgil Todo üsüg degere jökiyarɣarsan Mongɣol teüke-yin surbulji bičig-üd-ün tanılčaxulya. Öbör Mongɣol-un barşı-yin yeke surxayuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl [Information about the sources on the history of the Mongols, written in «clear script». Scientific journal of the Pedagogical University of Inner Mongolia]. Nemelte sedgöl [Additional magazine]. 1987, pp. 137-176. (In Mongolian).
- Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei. T. 1 [History of Kalmykia from ancient times to the present day. Vol.1]. Elista, «Gerel» Publ., 2009. 838 p. (In Russ.).
- Kozin, S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja khronika 1240 g. [Sacred tale. Mongolian chronicle 1240]. Juan' chao bi shi. Mongol'skij obydenyj izbornik. T. 1. Vvedenie v izuchenie pamjatnika, perevod, teksty, glossarii [Mongolian everyday miscellany. Vol. 1]. Vvedenie v izuchenie pamjatnika, perevod, teksty, glossarii [Introduction to the study of the monument, translation, texts, Glossary]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1941. 619 p. (In Russ. and in Mongolian).
- Lubsen Danzan. Altan Tobchi («Golden legend»). translated from Mong., Introduct., comments. see app. N.P. Shastina. Moscow, Nauka Publ., GRVL, 1973. 439 p. (In Russ.).
- Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Pamjatniki po istorii ojratov [Monuments on the history of the Oirats]. Urumqi, Sinjijang-un arad-un keblel-ün qoriya [Narodnoe izdatel'stvo Sin'czjana] People's Publishing house of Xinjiang, 1992, pp. 6-21.]. (In Mongolian).
- Ojrad Mongolyn tyjhjend holbogdoh survalzh bichgyyd – III [Sources connected with the history of the Oirat Mongols – III]. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn ih surguul' Publ. [Mongolian state University Publ.], 2002, pp. 57–68. (In Mongolian).
- Sanchirov V. P. O proishozhdenii etnonima torgut i naroda, nosivshego eto nazvanie. Mongolo-burjatskie etnonimy. Sb. st.[On the origin of the ethnonym 'torgut' and the people that bore this name. Mongolian-Buryat ethnonyms. Collected articles]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 1996, pp. 31–50. (In Russ.).
- Sukhbaatar N. Predislovie. Bogd Chingis haany ug, dervon ojradyn ug, hoshuudyn ugijn tyjh bichig. Ojrad Mongolyn tyjhjend holbogdoh survalzh bichgyyd – III. Predislovie. Istorija proishozhdenija Chingis-hana, Sojuza Chetyreh Ojratov, Hoshutov [Preface. History of the origin of Genghis Khan, the Union of the Four Oirats, Khoshuts]. Istochniki, svjazannye s istoriej ojrat-mongolov – III [Sources related to the history of the Oirat Mongols – III]. Ulaanbaatar, Mongolian State University Publ., 2002, pp. 54–56. (In Mongolian).

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТКОЧЕВКИ ОЙРАТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРЬ В НАЧАЛЕ XVII в.

To the Issue of the Reasons of the Oirat Migration from Central Asia to Siberia at the Beginning of the 17th century

*В. Т. Тенкеев (V. Tenkeev)*¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archaeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: tvt@mail.ru.

Статья посвящена периоду откочевки ойратов из Центральной Азии в пределы Юго-Западной Сибири, который во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе автор выделяет четыре главные причины откочевки — экологическую, внутривосточную, внешнеполитическую и экономическую. Автор приходит к выводу, что четкое понимание причин откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь позволит в полной мере раскрыть весь комплекс вопросов и проблем политической истории ойратов в XVII в.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, XVII век, Московское государство, Сибирь, кочевники.

The article is devoted to the history of the Oirat migration process from Central Asia to the South-Western Siberia. Due to the lack of sources this subject has not been sufficiently studied on many aspects in the historiography. The author identifies four main reasons for migration: environmental, internal political situation, foreign policy, and economic. The main assumption is that revealing the reasons of the Oirat migration from Central Asia to Siberia will allow to resolve all the issues of political history of the Oirats in the 17th century.

The mass migration of the nomads from Central Asia to the west has long been seen in history. Nomads being pastoralists, hunters, and warriors due to the dominant mode of production were forced to search for vast areas. Population growth, increase in the livestock, unsuccessful wars, decrease of pasture areas and others forced them to embark on long wanderings. One of which was made by the Oirats in the 17th century. Kalmyk uluses, which had migrated from Western Mongolia, located in the upper reaches of the rivers Irtysh, Ishim, near Kamyshlov town, Omi and Salt lakes. Kalmyks became nearest neighbors of Siberian uyezds (districts) of Muscovy.

Keywords: Oirats, Kalmyks, XVII century, Muscovy, Siberia, nomads.

Начало миграции ойратских улусов в начале XVII в. занимает особое место в истории, поскольку этот исторический период коренным образом повлиял на дальнейшую судьбу народа. Именно с этого времени начинается активная фаза перемещения ойратских улусов в западном направлении, и ойраты начинают играть заметную роль в международных отношениях. В исторической литературе существуют различные точки зрения на причины откочевки ойратов из Центральной Азии в конце XVI — начале XVII вв. Поэтому целью данной работы является рассмотрение всех причин начала перекочевки ойратских улусов в начале XVII в. из Центральной Азии в сибирские пределы Московского государства.

На территории современной Западной Монголии и Джунгарии (северной части нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая) в XV–XVI вв. существовал так называемый военно-политический союз ойратских этнополитических объединений, именовавшийся «дурбэн ойрат». В него входили наиболее крупные этнические группы: торгуты, хошуты, дербеты, хойты и цоросы (чоросы). К началу XVII в. этот союз трансформировался в отдельные группировки, каждая из которых в зависимости от конкретной политической ситуации пыталась действовать совместно с другими или автономно. Но угроза потери самостоятельности в борьбе с внешними силами побуждала ойратских правителей координировать свои действия.

нирывать свои действия перед лицом общей опасности. В этих условиях возрастала роль такого политического института, как съезды князей («чулганы» или «хуралы»), и лиц, возглавлявших работу этого совещательного органа [История Калмыкии 2009: 250, 251].

Опираясь на различные источники, можно сделать вывод, что у миграции ойратов из Центральной Азии в Сибирь было четыре главных причины.

Экологическая. Природно-климатические явления играли в жизни кочевых народов Востока огромную роль. Ухудшение климатических условий, например, аридизация (иссушение) или значительное похолодание, вызывающее сокращение кормовой базы скота, вели к угрозе голода и вынуждали кочевников мигрировать в более благоприятные районы на границе с оседлым миром, где происходили вооруженные столкновения. Если в такой исторический момент в степи оказывался сильный и удачливый лидер, способный сплотить кочевников и направить их на путь завоевания, начиналась глубокая военная экспансия [Дробышев 2014: 63, 64]. Русские и ойратские источники неоднократно свидетельствуют о периодах резкого похолодания в Центральной Азии в начале XVII в., что, скорее всего, и приводило к массовому падежу скота и лошадей, а также поиску кочевниками новых пастбищных земель с более умеренными климатическими условиями.

Внешинополитическая. В рассматриваемый период причиной откочевки была и внешняя угроза. На рубеже столетий ойратские кочевья простирались на востоке — до окрестностей озера Баркуль, на западе включали территорию Семиречья, гранича с казахскими владениями, на юге хошутские кочевья граничили с Восточным Туркестаном, а на севере, в районе Черного Иртыша и озера Зайсан, располагались кочевья дербетов. Рядом с ними, у южных и западных отрогов Тарбагатай, кочевали торгуты [История Калмыкии 2009: 252]. Существует мнение, что Алтын-хан стремился отеснить ойратские кочевья как можно дальше на запад, за линию Алтайских гор [Бембеев 2007: 195]. Но главной целью Алтын-хана все-таки было подчинение всех ойратских племен и включение их в состав своего княжества.

Ойраты в конечном итоге были вынуждены отойти из восточных районов Алтая

современной Западной Монголии в результате военных поражений, нанесенных им войсками Алтын-хана во второй половине XVI — начале XVII в. Хотогойтское княжество Алтын-ханов занимало территорию в северо-западной части современной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На рубеже XVI–XVII вв. первым Алтын-ханом и основателем этого кочевого государства был Шолой Убаши-хунтайд-жи, который одновременно претендовал и на роль всеойратского хана [История Калмыкии 2009: 252, 253]. Растянувшаяся почти на столетие вооруженная борьба Алтын-ханов против ойратов вышла за рамки пограничных инцидентов и превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские владения [Златкин 1964: 70].

Экономическая. Открытое вооруженное противостояние с монгольскими и казахскими феодалами лишало ойратов свободных выходов к китайским и среднеазиатским рынкам. Торговля играло большую роль в хозяйственной жизни кочевников, особенно в период роста поголовья скота. Поэтому в дальнейшем, когда ойраты вступили в непосредственные сношения с царскими властями, они добивались права продавать скот, лошадей и скотоводческое сырье на русских рынках [Златкин 1964: 66].

Внутриполитическая. По мнению И. Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратов под главенством именно цоросского дома, как это было в XV в. — во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая подчиняться власти цоросов, со своими улусами откочевали в районы Юго-Западной Сибири [Златкин 1964: 139]. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри цоросского дома были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Юго-Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошутские тайши, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского ханства.

Объективно территория Джунгарии не в состоянии была вместить многочисленных ойратских беженцев с имуществом и скотом из Восточного Алтая. Небольшие группы ойратов были подчинены Алтын-ханом, другая их часть впоследствии направилась в западном направлении и заняла территорию Семиречья. Хойты, например, позднее мигрировали в южном направлении, войдя в контакт с мусульманским населением Восточного Туркестана (Кашгара). Но основная масса ойратов, представленная преимущественно дербетами и торгутами, двинулась на северо-запад, вниз по Иртышу в пределы Юго-Западной Сибири. В определении путей миграции действия ойратских тайшей носили согласованный характер.

Массовые переселения кочевников из Центральной Азии на запад отмечались издавна, поскольку, будучи скотоводами, охотниками и воинами, они в силу господствовавшего у них способа производства нуждались в обширных пространствах. Демографический рост, увеличение численности поголовья скота, закончившиеся неудачей войны и как результат — сокращение пастбищных территорий — вынуждали кочевое население пускаться в дальние странствия, одно из которых ойраты и совершили в XVII в.

Еще до времени своего появления у сибирских границ Московского государства на рубеже XVI–XVII вв. ойраты в русских документах именуется «калмыками». В 50-х гг. XVI в. об этом свидетельствует Р. Джонсон, спутник английского посла Дженкинсона, узнавший от русских купцов о неких «желтых» и «черных» калмыках [Кашин 1934: 21]. В. Л. Котвич обратил внимание на то, что в русских документах 1574, 1583 и последующих годов встречаются упоминания о калмыках [Котвич 1919: 1082, 1083]. К этому можно добавить и то, что в посольских делах России с европейскими государствами за 80–90-е гг. XVI в. также имеются прямые указания на калмыков, «колмацкую орду», «пегих калмыков». На рубеже XVI–XVII вв. отдельные группы калмыков входили в состав Казахской орды, калмыцкие отряды находились в войсках кучумовичей [Богоявленский 1939: 51, 52]. Впоследствии в русских документах появляется термин «чакарские калмыки» как название группировки ойратов, кочевавших в степях Западной Сибири.

Калмыцкие улусы, откочевавшие из Западной Монголии, расположились в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. Это были малонаселенные и почти никем не обороняемые степные пространства Юго-Западной Сибири. Калмыки стали ближайшими соседями Тарского, Тобольского и Томского уездов Московского государства. В дальнейшем этот регион становится местом постоянного присутствия ойратских улусов примерно до конца XVII в., а с 20-х годов столетия здесь формируется наиболее крупная по численности группировка улусов, включающая в себя в основном дербетов, хошутов и торгутов.

Таким образом, стоит отметить, что при всей малочисленности источников четкое понимание причин откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь позволит в полной мере раскрыть весь комплекс вопросов и проблем политической истории ойратов в начале XVII в. В свою очередь это даст нам возможность понять причины складывания ойратских государств в этот переломный исторический период.

References

- Bembeyev V. Sh.* Ojraty i kalmyki na evrazijskom prostranstve (XIII – 60-e gg. XVII veka) [The Oirats and Kalmyks in the Eurasian space (XIII – 60-ies of the XVII century)]. Elista, APP «Dzhangar» Publ., 2007. 496 p. (In Russ.).
- Bogoyavlensky S. K.* Materialy po istorii kalmykov v pervoj polovine XVII veka. Istoricheskie zapiski [Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII century. Historical notes]. Moscow, 1939, no. 5, pp. 48–102. (In Russ.).
- Drobyshev Y. I.* Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Central'noj Azii (III v. do n. e. – XVI v. n. e.) [Man and nature in the nomadic societies of Central Asia (III century BC – XVI century AD)]. Moscow, IV RAN Publ., 2014. 605 p. (In Russ.).
- Istoriya Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3-h tt.* [History of Kalmykia from ancient times to our days: in 3 vols.]. Elista, Gerel Publ., 2009. Vol. 1. 846 p. (In Russ.).
- Kashin V. N.* Krest'janskaja zhelezodelatel'naja promyshlennost' Kuzneckogo kraja XVII–XVIII vv. Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. № 7–8. [Peasant iron-making industry of the Kuznetsk region in XVII–XVIII centuries. Problems of history of pre-capitalist

-
- societies. no. 7-8]. Moscow,; Leningrad, 1934, pp. 11–31. (In Russ.).
- Kotvich V. L.* Russkie arhivnye dokumenty po snoshenijam s ojratami v XVII–XVIII vekah. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. № 12–15. [Russian archival documents on relations with the Oirats in XVII–XVIII centuries. Proc. of the Russian Academy of Sciences. no. 12–15.]. St. Petersburg, 1919, pp. 1082–1083. (In Russ.).
- Zlatkin I. Ja.* Istorija Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758 [The history of the Dzungar khanate. 1635–1758]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 333 p. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОТЕРИ НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ В XVII–XVIII вв.

Historic Conditions of Mongolia's Loss of Independence in 17–18th Centuries

Г. Хушигжаргал (*G. Khishigjargal*)¹

¹аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (Post-graduate Student of the Department of History and Regional Studies of the Institute of Oriental Studies at Buryat State University). E-mail: gkhishigee@yahoo.com.

Статья посвящена исследованию борьбы монголов с маньчжурами, результатом которой стала потеря независимости монголов. К основным факторам, обусловившим завоевание Монголии, можно отнести политическую и феодальную раздробленность страны, постоянные распри среди монгольской знати, гибкую и искусную политику маньчжуров, создавших империю Цин. В результате история монголов в течение нескольких столетий оказалась тесно переплетена с историей маньчжурской державы.

Ключевые слова: Монголия, маньчжуры, империя Цин, независимость, завоевание.

The article focuses on studying the Mongol-Manchu's struggle which resulted in loss of independence of Mongols. There are some main factors in the process of the conquest of Mongolia. The first one is political and feudal disruption of Mongols. Since the 14th century they had been divided into several rival groups and khanates. The most powerful among them were the Chahar khanate in Southern Mongolia, the Dzungar khanate in Western Mongolia and three Khalkh khanates in Northern Mongolia. All of them claimed the great khan's throne and their constant rivalry eventually led to the mutual weakening. Meanwhile on the territories to the east of Mongolia the neighboring Jurchen tribes were united by Nurkaci, a charismatic chieftain, under the name of Manchu. The consolidated Manchu state successively conquered the Mongols by means of military force, matrimonial relations and bribes. The first Mongols to ally the Manchus were the Khorchin, next the Chahars were subdued, then the Khalkh nobility pledged allegiance to the Manchu Emperor Kangxi in 1691. Finally in the middle of the 18th century the Dzungars were broken down by the Manchu and became a part of the Qing Empire.

Keywords: Mongolia, the Manchus, the Qing Empire, independence, conquest.

XVII в. для Центральной Азии стал эпохой ярких и стремительных по своему содержанию событий, имевших глубокие последствия для многих народов региона. В это время на огромном центральноазиатском пространстве существовало множество независимых или полунезависимых государств, которые устанавливали и развивали связи, исходя из собственных военно-политических интересов.

Еще со времен распада государства Юань, созданного в свое время внуком Чингис-хана Хубилаем, усилились внутренние конфликты среди монголов. Монголия вступила в долгий период политической раздробленности. Одним из результатов этих междоусобиц стала существенная ни-

велировка значимости титула «хан», часто переходившего от одного правителя к другому. В итоге Монголия превратилась в конгломерат самостоятельных владений князей и аристократов. В результате усилившихся междоусобиц и миграций заметно ослабло влияние монголов в Центральной Азии и близлежащих землях. Вследствие политической раздробленности монгольские земли были разделены на три крупные части: Южную Монголию (чахары), Северную Монголию (халха) и Западную (ойраты) [БНМАУ-ын түүх II 1968: 260].

Южная Монголия, или Чахарское ханство, была расположена на территории современного Автономного района Внутренней Монголии КНР. В Халхе выделились

три могущественных правителя — Тушээт, Засагт и Сэцэн ханы, первый из которых владел берегами р. Тола, верховьями р. Орхон, бассейном р. Тамир, второй — землями Хангайских гор и частью Монгольского Алтая, а третий кочевал вдоль р. Керулен. Север-западная часть Халхи, где проживали хотогойты, являлась владением Алтан хана [Чулуун 2006: 120], а Западную Монголию занимали ойраты, состоящие из торгутов, дербетов, хошоутов, чоросов и хойтов.

В соседнем с монголами Восточном Туркестане, в землях уйгуров, существовало Яркендское ханство, состоявшее из «уделов», т. е. городов-государств, находившихся в постоянной вражде между собой. Между их князьями и религиозными верхами шла непрерывная борьба за господство в Восточном Туркестане.

На западе и северо-западе между уйгурами и ойратами находились кочевья казахов¹. На территории современного Казахстана проживало коренное население, объединенное в форме трех племенных союзов — Жузов: Старшего, или Великого (Улы), Среднего (Орта) и Младшего (Киши). Для казахов также были характерны постоянные междоусобицы.

На востоке и севере от казахских кочевий, в верховье р. Обь, находилась земля алтайцев. А на правом и левом склоне горы Тяньшань, представлявших южную и северо-западную части казахских кочевий, расположились киргизы, которые в течение продолжительного времени совместно с казахами вели борьбу против восточных туркестанцев за регион Семиречья. Главными причинами военных столкновений между казахами и ойратами служили борьба за пастбища и военную добычу.

В конце XVI в. к востоку от монголов набирали силу маньчжуры. Согласно устоявшейся в исторической науке традиции, считается, что маньчжуры имели родственные связи с древними чжурчжэнями, в свое время покорившими северный Китай и создавшими собственную державу Цзинь [Болдбаатар и др. 1997: 135]. Маньчжуры объединились вокруг своего правителя Нурхацци (1575–1626), который проводил активную политику, направленную на консолидацию разрозненных племен. По этому поводу в одном историческом источнике

отмечалось: «... *Он мудр в законах и правах, порядочный, потому многие стали за ним следовать*» [Jimbadorji 1984: 474].

В 1616 г. в местности Хэтуала Нурхацци был возведен на ханский престол. Своему государству он дал название «Государство Северное Ся», которое стало заимствовать элементы военно-административной системы как соседних кочевников-монголов, так и оседлого Китая. Примером тому служит принятие хошунной организации военно-административного строя Монголии, согласно которой войска были разделены на 4 хошуна, именуемых Желтое, Красное, Синее и Белое знамя (*ци*). Впоследствии количество «знамен» было увеличено до 8 [Манжийн үнэн 4]. Маньчжуры также перенимали порядки государственного управления Китая, создав в 1631 г. по образцу государства Мин 6 управлений-министерств [Ермаченко 1974: 4].

По мере усиления маньчжуры вышли из зависимости от Мин и перестали платить дань китайскому императору. Вскоре после этого они перешли к политике вторжений в соседние страны. С 1618 г. маньчжуры начали нападать на северо-восточные границы Китая, а в следующем 1619 г. совершили первый поход против Кореи.

Еще одним важным фактором, определившим политическую обстановку в регионе в XVII в., стало расширение владений России за счет присоединения Южной и Восточной Сибири, тесно связанных с центральноазиатским пространством. Главная цель Российского государства состояла в освоении новых земель для их дальнейшего хозяйственного использования. Хотя временами имели место противоречия, которые перерастали и в вооруженные столкновения, надо признать, что царское правительство и местная русская администрация стремились к мирным формам отношений посредством обмена посольствами и регулярных торговых связей с монгольскими правителями [Чимитдоржиев 1987]. Например, в целях сбыта и обмена российских товаров правительство России не делало ограничений на количество скота и продуктов животноводства, которые ввозились монголами в Сибирь.

Вместе с тем по-особому складывались отношения России с западными монголами — торгутами и дербетами, вынужденными покинуть родные места из-за нехватки пастбищ и междоусобной борьбы в конце

¹ В российских архивных материалах XVIII в. они именовались казаками, а позже — киргис-кайсаками, киргисами и кайсаками.

XVI – начале XVII вв. Сперва они заселяли Южную Сибирь и часть Западной Сибири, а затем откочевали к устью Волги и образовали Калмыцкое ханство. Именно с этими народами приходилось находить общий язык Российскому государству, на границах которого они обосновались.

Продолжались перекочевки и из Халхи. В 1634 г. из центральных районов перекочевали в Тибет и Кукунор влиятельный Цогто-гайджиги и Бунтар в Хух-хото. С Сэцэнхановских и Тушээтухановских земель в сторону Селенги и Гусиного озера ушли другие [Монгол улсын түүх 2003].

В ситуации политической раздробленности монголов, а также ослабления минского Китая, маньчжурские правители усилили свою экспансию. В силу территориальной близости первыми столкнулись с маньчжурами южные монголы, в частности, хорчинские племена, чьи наследственные князья бэйлэ Онгудай, Мангус и Мянган совместно с чжурчжэньскими племенами Ехэ и Хада напали на Нурхаци, но потерпели неудачу [Манжийн үнэн 1]. После этого поражения хорчинские князья в 1594 г. отправили своих послов к Нурхаци и установили с ним дружественные отношения, впоследствии принявшие форму родственных связей.

Родственные связи между монголами и маньчжурами изначально устанавливались из соображений политического сближения двух кочевнических государств, граничивших с Китаем. По этой же причине маньчжурские правители не жалели подношений в виде высоких титулов и подарков монгольским князьям и аристократам, привлекая их на свою сторону [Монгол улсын 2003: 55]. Однако маньчжуры, используя родственные связи и подарки, стремились распространить свое влияние на монголов и подчинить их себе. Если на первых порах в своих отношениях с ними маньчжурские правители придерживались принципов равноправия, то позже характер этих отношений изменился. Среди маньчжурской верхушки возобладала концепция, согласно которой маньчжурский правитель как «Небесный владыка» должен завоевать все соседние народы и управлять ими.

Последний великий хан Монголии — Лигдэн (1604–1634) — в целях сохранения единства и могущества своего государства, равно как и предотвращения угрозы нашествия маньчжуров, начал поддерживать

отношения с ранее враждебным минским Китаем. Сближение Китая с монголами показало, что у первого также имелись большие опасения по поводу маньчжурской угрозы. В частности, в 1618 г. маньчжурские войска захватили Фушунь и Хайюан, а в 1621 г. — Ляодунский полуостров, что привело к некоторым изменениям в политике минского Китая по отношению к монголам. Исходя из своих интересов, китайцы приняли предложение Лигдэн хана об установлении дружественных отношений и союза против маньчжуров. Для Мин было важно прежде всего использовать монгольские силы для защиты своих северо-восточных границ.

Оценивая нависшую над его государством угрозу, Лигдэн хан стал проводить «политику всеобщего государства» (*paх mongolica*), собирая верных ему князей. В 1617 г. он основал «Цагаан хот» (Белый город)¹, куда стал собирать силы (около 100 000 воинов). Более того, в целях усиления своего влияния и демонстрации собственного могущества, он присвоил себе титул «Чингис Лигдэн хутухта» (Чингис Лигдэн святой. — Г. Х.) [Шара Туджи 1957: 75]. С ростом своего авторитета и влияния среди восточных и западных монголов Лигдэн решил проводить активную политику в сибирских землях, что, естественно, встревожило русских.

Впервые об этом упоминалось в письме Тобольской администрации управляющего Красноярска, А. Дубенского:

«В прошлом во 137 году, посылал он, Андрей, в Матарскую землицу [Мадорууд. — Г. Х.] для нашего ясаку казаков Ивашка Тимофеева с товарищи. И майя в 11 день те казаки Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские землицы и сказали ему, Андрею в съезжей избе что идет из-за Китайского царства царь неведомо какой а называют его Дючен-кан а имена ему не знают. И китайское царство взял и Лабинское государство взял же и Алтына де царя розвоевал а будет мугал воевать, и хочет итти до русских городов» [Русско-монгольские 1959: 147].

В описываемое время ситуация вокруг Монголии складывалась не лучшим для нее образом. Наряду с усилением маньчжурских сил и давлением с их стороны прежний

¹ Остатки города ныне находятся в сомоне Хааны сүм Ар хорчинского хошуна в современной Внутренней Монголии.

союзник, минский Китай, отказался от выдачи ежегодных вознаграждений, что вынудило Лигдэн хана напасть на него в 1628 г., опустошить Сюан-фу, Датун и предпринять попытку вернуть некоторые подвластные ему племена, для чего монголы вступили в бой с китайцами близ Хухэ хото. Вести о его набегах доходили до Сибири, о чем и было сказано в вышеприведенном источнике. Несомненно, что сибирские города получили эти вести от имевших с ними связи монголов.

С получением данных вестей 15 ноября 1629 г. администрация Казанского двора отправила на имя городничего Тобольска, А. Н. Трубецкого, письмо с указанием «...отправить военных людей для сбора сведений о Дючин хане и распространить городам Тобольска письма о предостережении от угрозы».

В письме было сказано:

«Воевода Кузнецка Савва Языков написал письмо, в котором ему, Савве, сказывал кондомской ясачной татарин Казаначко, что слышали они от черных калмыков: как будто идет на Алтана-хана некий царь по имени Чегир-хан с большим войском. А откуда и из какого государства, об этом он в Тобольск не писал. Тогда Савва отправил человека в земли киргизов и отдаленные районы, чтобы уточнить правдивость этой информации. При необходимости будет отправлено письмо, чтобы узнать какие новости пришли от Саввы в Тобольск. Из этого письма мы узнали о новостях» [Русско-монгольские 1959: 147]. Управляющему г. Томска, князю Петру Пронскому приказано было дать сыну боярина «...желаемое количество людей военных из Томска», вместе с тем получить подробные сведения о Лигдэн хане в кратчайшие сроки, предоставить донесения о том, «чьим ханом [государства] он является, каково его имя, где в сие время находится, много ли войск, какие у него люди, как и чем он воюет — с луком со стрелой или применяет огнестрельное оружие, с какими государствами воевал» [Русско-монгольские 1959: 148], — и в спешном порядке доложить администрации Казани об отправлении людей из Томска и получении правдивых сведений.

В случае получения каких-либо вестей о Лигдэн хане было указано немедленно отправить гонца с предупреждением: «...соблюдать всю бдительность в Тобольске, строить укрепления и составить спи-

сок тех, кто будет сидеть в них». К этому добавлено: «...защитить тех, кто несет повинности и платит налог, ... коих не должны вести в бой» [Русско-монгольские 1959: 160]. Обо всем этом приказано было докладывать время от времени. Из сказанного не трудно догадаться, что отправленное письмо носило весьма встревоженный характер.

Следуя данным указаниям, администрация Томска отправляла соответствующие письма в крепость Нарым, города Кузнецк, Енисей и Красный Яр с требованием контроля над исполнением указов. Однако только через год с лишним, 30 января 1631 г., администрация Казанского двора получила официальное сообщение от П. И. Пронского, главы г. Томска. Причина столь долгого молчания объяснялась в письме тем, что пришлось долго ждать ответы от военных округов подвластных городов, да и следуя указам, проверили их тщательным образом. Говорилось, что, несмотря на неоднократные разъяснения близлежащим военным округам, все они дали ответ в том смысле, что где бы то ни было, даже бывая в краях далеких, несущих повинности, не услышали каких-либо вестей о том хане, куда, в какое государство, область и округ тот пришел, вовсе не было слышно ничего ни от кого [Русско-монгольские 1959: 160]. Сообщив все это, Пронский в письме назвал Лигдэн хана «неведомым царем» [Русско-монгольские 1959: 161].

В письме есть еще одно интересное сведение: киргизы из окрестности Красноярска сообщили русским военным о приближении Дючин-хана и просили оставить крепость Красноярскую. Однако следует сказать, что эти сведения о Лигдэне были лишь слухами, распушенными кочевниками, в частности, со стороны государства Алтан хана, калмыков и киргизов, специально для приграничных новых русских городов. Можно предположить, что они являлись попыткой вытеснения русских со стороны кочевников.

В описываемое время России приходилось остерегаться нашествий кочевников с востока, так как с подобного рода слухами донесения почти непрерывно поступали в Москву от сибирских городов. Так, например, еще до вестей о Лигдэне, в 1621 г., управляющий г. Томска И. Ф. Шаховской прислал управляющему Тобольским острогом М. М. Годунову письмо с тревожным сообщением: «А слажилс я де Алтын-царь

с Казасцкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де ане в степех кочевали, и с тех с их кочевья збили. И одноконечно, господине, всем чорным колмакам кочевати меж Оби реки, а ждут де на себя вскоре Казачьи орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына-царя. И тебе бе, господине, те вести были ведомы» [Русско-монгольские 1959: 160].

Из сказанного можно заключить, что распространенные в русской Сибири вести о монгольском хане являются свидетельством успехов политики Лигдэна на определенное время. Но вскоре, с началом перехода монгольских князей на сторону маньчжуров, политика Лигдэна была направлена на применение силы, что еще больше толкало южномонгольских князей на сторону маньчжурского государства.

В 1626 г. маньчжурские войска, а в 1631 г. — южные монголы совместно с маньчжурами, напали на Лигдэна и нанесли ему поражение, вследствие чего последний, оказавшись в затруднительном положении, скончался в 1634 г. [История Монгольской 1983: 193]. Вскоре после этих событий, в 1636 г., сын Лигдэн хана Эжэй сдался маньчжурскому правителю Абахаю и передал ему тамгу (печать) Юаньской династии — символ высшей власти у монголов.

О кончине Лигдэн хана русские источники гласят, что «... *поныне уртусский хан Контарачи и китайцы подвергли Дючин хана к смерти*» [Русско-монгольские 1959: 156]. Упоминаемые в документе «уртуссы» и есть ордосский тумен. Таким образом, к 1636 г. Южная Монголия была завоевана маньчжурами.

В этот период Халха-Монголия стремилась укрепить свою самостоятельность путем возведения своего представителя на престол духовного буддийского владыки, а в Западной Монголии развернулась интенсивная деятельность Хархул хана по созданию Джунгарского ханства. Эти события показывают, что как халхасцы, так и ойраты, уже догадались о предстоящей угрозе со стороны созданного маньчжурского государства и стремились подготовиться к ее отражению.

Попытки к объединению монголов в этот период предпринимались неоднократно. Они нашли свое отражение в законодательной деятельности. В 1640 г. в местности Улаан бураа в Тарбагатае на съезде ойратских и халхаских владетельных князей был

принят свод законов «Их цааз» («Великое уложение». — Г. Х.), который предполагалось сделать основным законом для всех монголов. Поскольку в съезде участвовали самые влиятельные лица от ойратов и халха-монголов [Нацагдорж 1963: 34], принятие закона демонстрировало их стремление регулировать общественно-политические и религиозные отношения единым законом. И не случайно, что в «Их цааз» монгольское государство именовалось «дэчин дөрвөн хоёр» [Их цааз 1981: 125], исходя из самоназвания монгольских народов.

В 1644 г. маньчжуры, захватившие северный Китай и усилившие свою власть, сменили название своего государства с «Цзинь» на «Цин» («Чистая (благородная) [династия]»). С этого момента отношения монголов с маньчжурской державой определяются как отношения с империей Цин.

Покорив южных монголов и захватив северный Китай, цинские правители сосредоточили свое внимание на завоевании Халхи. Долгое время между маньчжурами и халха-монголами поддерживались весьма дружественные отношения, что объяснялось отвлеченностью первых на войны с Китаем и южными монголами. Однако с 1651 г. политика Цинского государства по отношению к Халхе ужесточилась.

В этих условиях халхаские ханы во главе с Засагт ханом, стремясь воспротивиться цинской угрозе, решили отказаться от несения дани т. н. «9-ю белыми»¹ и начали оказывать сопротивление вплоть до намерений вступить в военный конфликт [Бор 2000: 179], о чем сообщили с посольством к цинскому двору. В ответ на это цинский император не принял послов от трех халхаских ханов, но с большими почестями встретил Данзан ламу, родоначальника Сайн нойона, что, несомненно, явилось свидетельством цинской политики по разобщению халхасцев.

Цинское государство не могло оставлять Халху без внимания, так как знало, что на севере имела крупная сила в лице России, которая могла бы привлечь Халху к себе. Со временем стала активизироваться политика цинского двора, нацеленная на захват Халхи. Император Канси (1661–1722) хотел завершить этот процесс собственноручно. Так, в «Истории о завоевании китай-

¹ Восемь лошадей и один верблюд белой масти — символическая дань у кочевников.

ским ханом Канхием»* сказано: «*Издавна со светлым умом Хуанди, установив свою власть над монголами сорока девяти хошунов* (имеются в виду южные монголы. — Г. Х.), *вслед за ними держал мысль объединить Халху северного края. Не сумел пойти*» [Хан-и араха 44].

Канси особенно стремился привлечь на свою сторону буддийского главу Халхи, с которым имел и развивал связи через его духовного наставника — тибетского Далай-ламу.

Одновременно с этим на севере пришли в движение и русские, которые, один за другим отправляя своих послов, тоже оказывали давление на влиятельных халхаских князей, чтобы обратить их в свое подданство.

Тем временем начавшиеся с 1662 г. внутренние раздоры в Халхе все усугублялись, вследствие чего в ее дела стали вмешиваться четыре влиятельных «игрока»: цинский император, тибетский Далай-лама, русский царь и ойратский хан Галдан бошогту. Правда, акад. Ш. Нацагдорж отмечал лишь «троих лиц» [Нацагдорж 1963: 38], оставив без внимания Россию. На наш взгляд, в халхаском вопросе Россия принимала весьма активное участие, что подтверждают процитированные выше документы.

Самостоятельную роль в халхаских делах со второй половины XVII в. стали играть ойраты, что, естественно, породило большие опасения у цинского императора. Дело заключалось в том, что из-за противоречий между халхаскими Засагт и Тушээт ханами мог особенно усилиться ойратский Галдан бошогту. Поэтому Канси, в целях примирения двух ханов, инициировал съезд, куда, по мнению акад. Ш. Нацагдоржа, отправлялись «... послы Канси с замаскированной целью разведывать внутреннее положение Халхи и Ойратии и привлечь их на свою сторону» [Нацагдорж 1963: 40]. В 1686 г. в местности Хүрэн бэлчир при посредничестве посла Далай-ламы Канси созвал примирительный съезд «правого и левого крыльев» Халхи. Это свидетельствовало об изменении политики Канси в отношении северных монголов — от сеяния раздоров к объединению усилий в борьбе против Галдана, который все активнее вмешивался в халхаские дела. Так, Галдан отправил на съезд своего на-

блюдателя, который выразил протест и, более того, попытался сорвать проведение съезда.

На съезде был оглашен указ Цинского императора о примирении, и двое халхаских ханов (Тушээт и Засагт ханы) дали клятву в дружбе, что на самом деле было не более чем лицемерием [Монгол улсын 2003: 116].

Можно согласиться с авторами монографии «История Монголии» в том, что Хүрэн-бэлчирский съезд состоялся по указанию и под контролем цинской власти, а его истинная цель заключалась «... в стремлении аннулировать решения Монголо-Ойратского съезда 1640 г., в принятии в цинских интересах мер по ослаблению кризиса халхаских нойонов и попытке противопоставлять Халху Джунгарии (Ойратии)» [Монгол улсын 2003: 116]. Вскоре после этого съезда усиливаются халха-ойратские противоречия, которые впоследствии переросли в открытую ойрато-цинскую войну.

В связи с этим в 1689 г. Цинское государство заключило договор с Россией в г. Нерчинске и установило с ней дружественные отношения, что дало возможность цинскому императору не только более решительно вмешиваться во внутренние дела Халхи, но и подчинить ее себе. В этой благоприятной для себя обстановке Канси приступил к решительным действиям. Воспользовавшись тяжелым положением Халхи, оттесненной ойратами, в 1691 г. он созвал в Долонноре съезд с целью окончательного подчинения себе халхаской знати. В данный период у Халхи не было сил противостоять Цинскому государству, имевшему явное экономическое и военно-политическое превосходство. У халхасцев также были ограничены возможности получить помощь от северного соседа из-за пограничных и территориальных споров. Все это вынудило халхаскую знать пойти на уступки и принять подданство цинского императора. В результате 1691 г. стал датой потери независимости Северной Монголии.

После этого начинается подготовка к покорению Западной Монголии (Джунгарии), которая осталась еще не завоеванной и представляла угрозу цинским интересам в восточных областях Монголии и в Тибете.

В 1696 г. в битве на р. Тэрэлж Галдан бошогту потерпел поражение от объединенной цинской армии и был вынужден отказаться от активной внешней политики. Однако несмотря на это поражение могущество запад-

* «Энх-Амгалан хааны бодлогын бичиг» — «История о завоевании китайским ханом Канхи-ем калкаского и элютского народа, кочующего в Великой Татарии».

ных монголов не было сильно подорвано. Власть в Джунгарии после смерти Галдана перешла к его родственнику — Цэвээн-Равдану, которого цинский двор вначале хотел противопоставить Галдану и привлечь на свою сторону. Но он предпочитал вести самостоятельную политику [Нацагдорж 1963: 59], что привело к повторному усилению Джунгарии. На западе ойраты захватили города Кашгар, Турфан и Яркенд и начали взимать с них пошлины. Цэвээн-Равдан также начал проводить активную политику в Кукуноре и Тибете, что для Цинского государства служило причиной для прямого столкновения с ойратами. Более того, Цэвээн-Равдан стремился привлечь на свою сторону Гуши хана и Лхавзан, которые управляли Кукунором и Тибетом, а в противном случае угрожал захватом. Из всего этого цинским правителям стало понятно, что Джунгария является их крупным и опасным врагом.

Для Цинского государства районы Кукунора и Тибета были стратегическим плацдармом. По этой причине Канси разработал план нападения на Цэвээн-Равдана по трем дорогам (направлениям). В 1720 г. цинские войска, вступив в Тибет, воевали с войсками Джунгарии и, одержав первую победу над командующим Цэрэндовом, установили свое полное господство в Тибете.

Кончина Канси в 1722 г. привела к некоторым изменениям в политике цинского двора, так как новый император Юнчжэн стремился смягчить положение, решив приостановить введение войск в Джунгарию. Необходимость этого была обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, цинский двор опасался возникновения мятежей из-за бедствий войны в провинциях Шанси и Ганьсу. Необходимо было учесть тяжелое положение, возникшее в войсках, много лет воевавших с Джунгарией. Восемь лет борьбы Канси с ойратами не дали желаемых результатов. К этому добавилось то, что в Тибете началось антиманьчжурское восстание [Нацагдорж 1963: 60–61].

Все это удерживало императора Юнчжэна от решительных действий, и только через несколько лет он вступил в войну с Джунгарией. Одержав лишь две небольшие победы над ней, он долгое время не мог мобилизовать свои силы, после чего в 1734 г., договорившись с Джунгарией о дружбе, отозвал назад войска. На следующий год были выведены войска и с двух других на-

правлений. Вместе с тем в целях отпора дальнейших набегов со стороны Джунгарии Юнчжэн расположил 20-тысячное войско в Туркестане, Хами, Турфане, местности Цагаан суул и в районе Орхона.

Вскоре после этих событий Юнчжэн скончался, и вместо него цинский трон занял Цяньлун (1735–1796), который вначале тоже придерживался тактики мирного сосуществования с Джунгарией. Однако такие отношения продолжались недолго.

В Джунгарии в начале 1750-х гг. начался внутренний кризис, и политическая обстановка осложнилась. За ханский престол боролись несколько знатных князей. Этим решил воспользоваться император Цяньлун, встав на путь прямого завоевания ойратского государства. В одном из его указов говорилось: «... В эти годы у них (ойратов) одна за другой случались неурядицы и смуты, и ныне народ удрученный. Следовало бы пойти на них (воевать), ибо если потерять это, то через некоторые годы у них все сложится, и они по старой привычке снова поднимут возмущения. Мне думается, нельзя упустить это...» [Зүүнгарын бодлогын 2].

По сравнению с ранее завоеванными Южной Монголией и Халхой Джунгария была единой, и для того, чтобы разложить ее политически, Цины применяли испытанный метод разжигания внутренних противоречий среди ее элиты, что, конечно, сыграло решающую роль в поражении Джунгарии. Цяньлун, критически оценив методы борьбы прежних императоров с ойратами и не откладывая дело в долгий ящик, приступил к разработке новых планов. Он довольно успешно использовал внутренний кризис Джунгарии против нее самой, так как поставил во главе своих войск ойратского князя Амурсану, перешедшего на сторону Цинского государства. В результате в 1755–1757 гг. Западная Монголия была завоевана, а значительная часть ее населения уничтожена либо изгнана со своих земель.

Таким образом, монголы потерпели поражение в противостоянии с Цинским государством, которое в течение 120 лет последовательно, этап за этапом, проводило политику разъединения монгольских народов и их последовательного подчинения своей власти. Последующие столетия монгольской истории были неразрывно связаны с цинским господством.

Sources

- Khan-i araha vargi amargi ba-bje njechihij jemje togtobuha bodogon bithje. [Khronika pravlenija imperatora Kansi]. Ksilograf (na man'chzhurskom jazyke). Tom. 44 [The Chronicle of the reign of Emperor Kangxi]. The xylographs (In Manchu language). Tom. 44. Ulaanbaatar]. Ulaanbaatar. Manzhijn ynjen magad huul'. (Ulozhenie kitajskoj palaty vneshnih snoshenij). 1-r djevtjer. Rukopis. fond Instituta istorii i arheologii MAN [(The code of the Chinese chamber of external relations). Notebook 1. Manuscript. the Fund of the Institute of History and Archaeology MAN]. (In Monolian).
- Manzhijn ynjen magad huul'. 4-r djevtjer. Rukopis. fond Instituta istorii i arheologii MAN [Manuscript. the Fund of the Institute of History and Archaeology MAN]. (In Monolian).
- Zyngaryn bodlogyn bichig. Rukopis'. Tetrads' 2. Publichnaja biblioteka Mongolii [The Dzhungar policy. Manuscript. Notebook 2. Public Library of Mongolia]. Ulaanbaatar. (In Monolian).

References

- Bowl Touji*. Mongol'skaja letopis' XVII veka. Svodn. tekst, per., vved. i primech. N. P. Shastinoy [The Mongol Chronicles of the seventeenth century. Combined text, transl., introduction and comment. by N. P. Shastina]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1957. 197 p. (In Russ.).
- BNMAU-yn tyh. Bot' II [Istorija MNR. Tom 2] [The History of the MPR. Volume 2]. Ulaanbaatar, 1968. 620 p. (In Russ.).
- Boldbaatar Zh., Lyndjejezhancan D.* Mongol ulsyn ter jerh zyjn tyhjen ulamzhlal. [Istoricheskaja tradicija gosudarstva i prava Mongolii] [Historical tradition of the state and law of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1997. 393 p. (In Mongolian).
- Bor Zh.* Mongol hijgjejed Evrazijn diplomat shastir 1368–1758. Bot' 3 [Istorija Mongolo-evrazijskih diplomaticheskikh otnoshenij 1368–1758 gg. Tom 3] [The history of the Mongolian Eurasian diplomatic relations 1368–1758, Volume 3]. Ulaanbaatar, 2000. 364 p. (In Mongolian).
- Chimtdorzhiev S. B.* Rossiya i Mongolija [Russia and Mongolia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 239 p. (In Russ.).
- Chuluun S.* Hotogjdyn tyh. Bot' I (Ugsaa-tyhijn sudalgaany zarim asuudal. XVII–XX jehjen ye) [Istorija Hotogjtoy. Tom 1 (Nekotorye problemy istoriko-etnograficheskogo izucheniya. XVII – nachalo XX vv.)] [Some issues of historical and ethnographic study. XVII – beginning of XX centuries]. Ulaanbaatar, 2006. 162 p. (In Mongolian).
- Ermochenko I. S.* Politika man'chzhurskoj dinastii Cin v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v. [Policy of the Manchu Qing dynasty in the southern and northern Mongolia in the seventeenth century]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 196 p. (In Russ.).
- Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki. Izd. 3-e, pererab. i dop. [The History of the Mongolian People's Republic. Ed. 3rd, revised and enlarged]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 660 p. (In Russ.).
- Ik caaz. Velikoe ulozhenie [Great tsaz. Great code]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 148 p. (In Russ.).
- Jimbadorji.* Bolur toli [Hrustal'noe zercalo] [The crystal mirror]. Begejing, Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1984. 2+589 p. (In Mongolian).
- Mongol ulsyn tyh. Dötgöör bot' (XVII–XX zuuny jehjen) [Istorija Mongolii. Tom 4 (XVII–nach. XX vv.)] [The History of Mongolia. Volume 4 (XVII–early XX centuries)]. Ulaanbaatar, 2003. 420 p. (In Mongolian).
- Nacagdorz Sh.* Halhyn tyh [Istorija Halhi] [The History of Khalkha]. Ulaanbaatar, 1963. 280 h. (In Mongolian).
- Russko-mongol'skie otnosheniya 1607–1636. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian relations 1607–1636. The collection of documents]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1959. 350 p. (In Russ.).

**ИОГАНН ИЕРИГ (1747–1795): СОТРУДНИЧЕСТВО
С ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК
И ЕВРОПЕЙСКИМ НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ**

**Johannes Jählig (1747–1795): Cooperation with the Imperial Academy of Sciences
and the European Scientific Community**

*А. А. Дюльденко (A. Diuldenko)*¹

¹ аспирант кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (Post-graduate Student of the History and Law Department at Stavropol State Pedagogical Institute). E-mail: 9188660508@mail.ru.

В статье на основе преимущественно архивных источников освещается научная деятельность Иоганна Иерига — ученого XVIII в., который прибыл в Россию в 1769 г. из Германии и находился на службе Российской академии наук с 1773 по 1791 гг. Определены основные направления его работы по сбору и систематизации ценнейших материалов по истории, религии, географии и языку монгольских народов России, которые легли в основу отечественной и немецкой монголистики. Главным достижением этого ученого стала одна из первых грамматик монгольского и тибетского языков. Кроме того, благодаря Иеригу в Германию впервые попали образцы монгольских рукописей.

Ключевые слова: Иоганн Иериг, гернгутеры, Сарепта, монголистика, тибетология, востоковедение, калмыки, Российская Академия наук.

The article considers the scientific work of the XVIII century Orientalist – Johannes Jählig. Taking into account the fact that there were no fundamental studies regarding this topic, long time was considered that Jählig was a scientist of the Russian origin. However, on the basis of German historical sources, it became possible to know that he was born in the family of Moravians or Herrnhut Church on 17th March 1747 in Herngaag, Germany. In 1769 he moved to Herrnhut's settlement in Sarepta, Russia.

Analyses of historical sources and periodicals of the Russian Academy of Sciences helped to specify the line of his research. In 1773 Jählig left the settlement and take service at the St. Petersburg Academy of Sciences due to the assistance of Peter Simon Pallas. Academy charged him to study Kalmyk's language, culture and religion. As a result he sent to Academy numerous reports, translations, manuscripts, natural samples and many other materials from Kalmykia.

In 1780 on behalf of the Academy of Science Jählig moved to the modern Buryatia district in order to study Mongolians of Russia and increase knowledge about this region. At the same time Jählig systematized received knowledge, which formed the basis for Mongolian and Tibet studies of Russia. He developed one of the first Mongolian dictionaries, Mongolian and Tibetan language grammars as well as other numerous essential materials.

The article also considers the directions of his cooperation with the European scientific community. This field is completely unstudied by Russian historical science. The study found that despite the localized nature of Jählig's work within the Russian Empire, his works were published in a number of German and English scientific publications. Most likely his close contacts with such European scientists as P. S. Pallas and G.Th. von Ash helped him. Moreover, thanks to Jählig the first samples of Mongolian manuscripts appeared in Germany.

In conclusion it is necessary to note that Jählig's almost unstudied scientific work had impact on many areas of Russian and German Oriental Studies. His works in linguistics made an inappreciable contribution to science development. As a result their currency continues to increase due to the growing demand of the recovery of almost lost Mongolian native languages of Russia.

Keywords: Johannes Jählig, Herrnhuters, Sarepta, Mongolian Studies, Tibetology, Oriental Studies, Kalmyks, Russian Academy of Sciences.

Конституция Российской Федерации гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Однако сегодня мы сталкиваемся со значительными трудностями при реализации столь значимого права. Малочисленные народы, подвергнутые в разные времена естественной, а порой и насильственной, русификации, сейчас уже не помнят своего родного языка и не в силах его возродить. Государство выделяет огромные ресурсы на решение этой проблемы, разработаны и действуют программы поддержки коренных и малочисленных народов, установлена система льгот и преференций для данных категорий граждан.

Но никакие программы и финансовые инвестиции не смогут дать тех аутентичных сведений о языке и культуре, которые содержатся в исторических источниках. Порой только благодаря отдельным, чудом сохранившимся материалам мы можем по крупицам воспроизвести и попытаться возродить утраченный язык. Этим мы обязаны отдельным ученым, проделавшим колоссальную работу по изучению и сохранению культурного наследия народов России в разные периоды отечественной истории. Ярким примером такого беззаветного служения науке и обществу является Иоганн Иериг (Johannes Jählig) — выдающийся исследователь XVIII века. Актуальность исследования этой личности обусловлена двумя основными причинами: во-первых, труды Иерига содержат одни из самых ранних сведений о состоянии нескольких монгольских языков в XVIII в., что является ценным материалом не только для истории, но и для современной лингвистики (ориенталистики). Во-вторых, помимо научной ценности, работы Иерига имеют большой культурный потенциал и в перспективе смогут помочь в процессах восстановления родного языка, культуры (традиций и обычаев), религии ряда монголоязычных народов России. Кроме того, сама фигура Иерига и его труды практически не изучены, отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные его работе.

Целью настоящего исследования является изучение всего спектра деятельности Иерига как ученого Императорской академии наук, сотрудничавшего с европейским научным сообществом. Данной целью обусловлены следующие задачи: выявить основные биографические аспекты жизни Иерига; определить направления его иссле-

довательской деятельности на службе Академии наук, охарактеризовать результаты этих исследований, изучить влияние работ Иерига на европейскую науку, в особенности на немецкую ориенталистику.

В современном мире уже практически невозможно осуществлять продуктивные научные исследования без взаимной международной интеграции и сотрудничества ученых из разных стран. Едва ли не каждый научно-исследовательский институт или иная аналогичная организация в мире имеет в своем составе представителей иностранных государств в качестве сотрудников, научных консультантов, внештатных корреспондентов и т. д. О пользе подобного взаимодействия в России всерьез начали задумываться еще во времена Петра I. Известно, что значительную часть сотрудников Императорской академии наук в XVIII в. составляли выходцы из Германии. Данный факт обусловлен не только прямым стремлением руководства Академии иметь в своем составе высокообразованных специалистов из-за рубежа, но и большим количеством переселенцев из Германии, поток которых стремительно возрос именно в XVIII в. Среди немецких колонистов был Иоганн Иериг, впоследствии ставший одним из основателей российской отечественной монголистики.

Иоганн Иериг переехал в Российскую Империю в 1769 г. Сведений о его жизни до переезда в Россию сохранилось немного. К тому же в отечественной исторической науке долгое время преобладало ошибочное мнение о том, что Иериг — уроженец Санкт-Петербурга. Автор одной из самых значимых статей, посвященных этому ученому, — Т. К. Шафрановская пишет: «Можно предположить, что он был петербуржцем. Во всяком случае, в 1785–1788 гг. переговоры шли все время о его возвращении в Петербург. Двоюродный брат Иерига, выдающийся химик своего времени Т. Е. Ловиц, был также петербуржцем» [Шафрановская 1965: 163].

Основываясь на данных объединенного архива моравских братьев в г. Геррнгут (Германия), можно обозначить основные этапы жизни Иоганна Иерига до его принятия на службу в Академию наук.

Иоганн Иериг родился 17 марта 1747 г. в городе Гернгаг — сегодня район Бюдингена федеральной земли Гессен в Германии. Его родители были членами общины моравских братьев (геррнгутеров) — «дореформационной протестантской деноми-

нации». Отец — Иоганн Готтлиб Иериг, мать — Анна Барбара Иериг (в девичестве Штефан) [UMA. Brüderische Personalkartei. Bd. J]. 1751–1752 гг. Иериг провел в детском интернате Гроссенсдорфа. Примерно в это же время начинаются гонения на общину со стороны местных властей, в результате чего семья Иерига вынуждена была покинуть земли Бюдингена. Следующее упоминание об Иоганне Иериге датируется 9 июня 1760 г. — днем его принятия в общину города Геррнгут, также основанную братьями. Там он работал книгопечатником и печатником по текстилю. Спустя 6 лет он переехал в Барби (Эльба) — город в современной земле Саксония-Анхальт, где продолжал заниматься книгопечатанием. В те времена город Барби был достаточно развит: здесь любил бывать Гёте, и здесь же находился замок геррнгутеров, в котором располагалась их теологическая семинария.

В середине октября 1769 года Иериг вместе с другими членами общины прибыл в Сарепту (район современного Волгограда). Первоначально ему было поручено руководство мастерской по окраске тканей в индиго, а через год ему поручили вести миссионерскую деятельность среди калмыков. В качестве миссионера он выехал в Орду, где приступил к изучению калмыцкого языка и обычаев. Однако Штефан Августин отрицает участие Иерига в миссионерской деятельности общины: «Иоганн Иериг не был миссионером, а был назначен рабочим по запуску красильни. Его контакты с калмыками и стремление изучить их язык допускались, вероятно, с тем аспектом, что он когда-нибудь сможет пригодиться в миссионерской работе» [Augustin 2010: 368]. Скорее всего, Иеригу была вменена в обязанность миссионерская деятельность с практической целью улучшения торговли сарептскими товарами. Тем не менее в 1772 г. из-за целого ряда неудач в красильне и неудовлетворительной миссионерской работы среди калмыков он был отстранен от этих дел и, по решению Конференции старейшин, исключен из общины. Сарептский историк А. Глич полагает, что Иериг «...счел миссию только предлогом для того, чтобы общаться с этим народом поверхностно и безнравственно» [Glitsch 1865: 26]. Вскоре Иериг покинул Сарепту и уехал в Астрахань.

В 1772 г. И. Иериг встретился с профессором С. Г. Гmeliным и поразил его своим знанием калмыцкого языка, после чего пре-

бывал некоторое время при его экспедиции. Иериг передал профессору материалы, касающиеся религии и традиций калмыков. Годом позже произошло его знакомство с академиком П. С. Палласом, который также выразил большое восхищение не только его знанием языка, но и способностью читать и понимать письменность калмыков. 13 сентября 1773 г. Паллас отправил из Царицына в Академию наук письмо, в котором просил принять на службу господина «Эриха» (Иерига). Он предлагал поручить ему изучать калмыцкий язык, традиции и культуру, за что определить жалование в размере 100 рублей в год — сумму, которую Иериг сам пожелал [НА РК. Ф. 35. Оп 1. Д. 70. Л. 18.]. Следует отметить, что годовой доход простого переводчика в те времена составлял от 225 до 375 рублей в год [ПСЗ РИ. Т. XLIV. Книга штатов. Часть 2. Штаты по гражданской части 1715–1800: 59, 138, 147, 155]. По всей видимости, Иериг очень хотел получить эту работу, и основными его мотивами были отнюдь не финансовые потребности, а живой энтузиазм и жажда исследований.

24 ноября 1773 г. очередная Конференция Академии наук, рассмотрев просьбу Палласа, дала свое согласие. Профессору было поручено разработать для нового исследователя подробную инструкцию и снабдить его необходимыми бумагами, что и было сделано. От Иерига в Академию начали поступать многочисленные переводы, рукописи и натуральные образцы, носившие во многом уникальный характер. Многие из этого Петер Симон Паллас, вероятно, использовал в своей работе по истории монгольских народов — «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften», первая часть которой вышла в 1776 г.

Тем временем сфера исследовательской деятельности Иерига постоянно расширялась. Он начал изучать тибетский язык, занимался астрологией, описывал калмыцкую народную медицину, отправляя в Санкт-Петербург образцы лекарственных трав и растений. Библиотекарь академии наук И. Ф. Бакмейстер писал, что ко второй половине 1770-х гг. академическая библиотека была уже обильно снабжена «тангутскими» (т. е. тибетскими) и монгольскими письмами, которые написаны золотом, серебром и чернилами [Бакмейстер 1779: 87]. По всей видимости, в этом была немалая заслуга И. Иерига. В 1779 г. он получил официальное звание переводчика Академии наук (Transl'ateur de L'Academie).

Примерно в это же время П. С. Паллас предложил направить Иерига далеко на восток, в район реки Селенги (современная Республика Бурятия). Предполагалось, что экспедиция позволит составить более полную и детальную картину жизни монгольских народов России. Новая инструкция была рассмотрена и принята на заседании Конференции Академии наук 19 августа 1779 г. [Протоколы заседаний 1900: 419]. В соответствии с ней Иеригу было поручено, помимо текущих задач, уделить большее внимание природе и географии тех мест, а также овладеть тибетским языком.

Иериг остановился в небольшом поселке Гусиное озеро, где располагался почитаемый буддийский дацан (монастырь). Здесь он познакомился с местными ламами. К сожалению, инициатива Иоганна Иерига продолжить свое путешествие дальше, в Тибет, не нашла поддержки в Академии. Примером разносторонности его исследовательской работы было и подробное географическое описание пути из Тобольска в Кяхту, которое оказалось наиболее точным на тот момент.

В 1781 г. Иериг взял среди местного населения двух учеников, владевших бурятским языком, для обучения их русской грамоте, чтобы впоследствии они стали переводчиками. Все это время Иериг хвалил своих учеников и ходатайствовал перед Академией о всяческой им поддержке.

В 1785 г. тяжелые климатические условия, отсутствие понимания и поддержки среди местного населения заставили Иерига задуматься о поездке в Санкт-Петербург. В конце 1788 г. он впервые посетил столицу. А в 1791 г. ему была пожалована пожизненная пенсия Академии наук. Однако заниматься исследовательской работой он не перестал и по предложению медицинской коллегии трудился переводчиком при торговой комиссии. В начале 1794 г. Иериг снова посетил район реки Селенги — город Кяхту. В Санкт-Петербург он вернулся спустя год. 15 июня 1795 г. на Конференции Академии наук секретарь И. А. Эйлер сообщил о кончине выдающегося переводчика и исследователя Иоганна Иерига.

Систематизированные материалы на основе полученных в ходе работы Иерига легли в основу отечественной и немецкой монголистики. Сегодня результаты исследовательской работы ученого хранятся по большей части в архиве востоковедов Института Восточных Рукописей РАН: один из первых словарей монгольского языка

«Mongolischer lexicalischer Wörter-Spiegel» [AB ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1/1103.], грамматика монгольского и калмыцкого языка «Anfangsgründe der Mongolischer und Ohletschen Schrift und Sprachlehre» и «Mongolische Buchstaben-Fohrschung» [AB ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1/1103.], а также грамматика тибетского языка «Anfangsgründe der Tibätischen Schrift und Sprachlehre» [AB ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1/1105.].

С 1773 по 1791 гг., находясь на службе в Академии наук, Иериг проделал огромную и трудоемкую работу по изучению монгольских народов, отправил в адрес Академии множество рукописей, книг, переводов, рисунков, натуральных образцов и других ценных материалов. Оценивая проделанный им труд, историк языкознания С. К. Булич писал, что «во всяком случае, работы Иерига своей обстоятельностью и количеством превосходят все, что было у нас сделано в XVIII в.» [Булич 1904: 403].

Большую часть своей жизни Иериг провел в России. Здесь же он состоялся как исследователь и переводчик Академии наук. По имеющимся сведениям, после прибытия в 1769 г. в Россию он никогда более не покидал эту страну. Однако И. Иериг оставил значительный след и в немецкой ориенталистике, первым передав Германии образцы монгольских и тибетских рукописей.

Кроме того, некоторые заметки Иерига были опубликованы в европейских изданиях. Он состоял членом научного общества Геттингена в Германии. Совокупность этих обстоятельств, несомненно, порождает массу вопросов о том, каким образом Иоганн Иериг, никогда не покидавший Россию, смог добиться существенных успехов в европейском научном пространстве. В большой степени этому способствовали исследовательские контакты Иерига с другими европейскими учеными.

Огромную роль в научной карьере И. Иерига сыграл Петер Симон Паллас — член Императорской Академии наук. В отличие от Иоганна Иерига Паллас переехал в Россию, уже будучи авторитетным европейским ученым в статусе доктора наук. Сделав феноменальную научную карьеру на службе в Академии, он в конце жизни вернулся в Германию, где и скончался в преклонном возрасте. Таким образом, Паллас не был российским ученым в обычном понимании. Он был, скорее, исследователем европейского уровня.

Большая часть материалов, которые Иериг направлял в Академию, предварительно поступала в распоряжение Палласа, и только после его тщательного анализа передавалась для дальнейшего изучения. Некоторые из них П. С. Паллас использовал в своих исследованиях, что-то, вероятно, сохранял для личной коллекции. Тем не менее, определенная часть материалов по культуре и религии монголов, находящаяся в Германии, была собрана именно Иеригом и перевезена впоследствии Палласом.

В 1991 г. Фолькварт Вендланд (Folkwart Wendland) выпустил книгу «Петер Симон Паллас», ставшую одним из самых подробных жизнеописаний выдающегося ученого. Из анализа взаимоотношений Иерига и Палласа следует, что ученые находились в тесном научном диалоге и в значительной степени оказали влияние друг на друга. Показателен эпизод, когда в декабре 1780 г. на Конференции Академии наук встал вопрос о прекращении финансирования занятий Иерига тибетским языком. Паллас категорично высказался за продолжение поощрения подобной инициативы ученого [Wendland 1992: 203]. Только благодаря его твердой и уверенной поддержке Иеригу удалось продолжить свою исследовательскую карьеру.

Весьма загадочной фигурой в жизни Иерига стал барон Егор Фёдорович Аш (Thomas Georg von Asch). Обстоятельства знакомства этих двух выдающихся личностей неизвестны. Однако плоды их сотрудничества весьма значительны и заслуживают самого пристального внимания.

Георг Томас фон Аш родился 12 апреля 1729 г. в Санкт-Петербурге. Он был врачом Генерального штаба русской армии, а с 1777 г. входил в Государственный совет при Екатерине II. Барон фон Аш приобрел известность благодаря своей широкой поддержке Геттингенского университета, где он с 1748 до 1750 гг. получал медицинское образование под руководством Альбрехта фон Галлера. Фон Аш на протяжении более чем тридцати лет снабжал университет многочисленными материалами по истории, культуре, географии России и народов, живших на ее территории. Эти богатейшие коллекции находятся сегодня в различных фондах Геттингенского университета. Именно здесь впервые в Германии появились образцы монгольских рукописей, собранных Иеригом и переданных бароном фон Ашем. Известно, что Иериг иногда отправлял так-

же религиозные предметы, например «монгольский молитвенный венец» с описанием его использования буддийскими монахами [Heissig 1978: 87]. В мае 1794 г. барон отправил в Геттинген собрание молитвенных книг лам и амулет в медном сосуде с комментариями и разъяснениями Иерига. Он также отправил обзор монгольских манускриптов («Abhandlung über die Mongolische Buchstabir und Lesekunst, verfasst durch Johannes Jaehrig, Russisch kayserlicher Akademischer Translateur verschiedener Mongolischer Sprachen. A. o. 1782») и руководство к их чтению («Das Vater-Unser in mongolischer Schrift. Bedeutung und Aussprache. Übersetzt durch J. Jaehrig. In Mongolistan»). Среди переданных материалов встречались и письма на новом западно-монгольском шрифте ойратов и калмыков, которым Аш также придавал большое значение. После смерти Иерига в 1795 г. прекратились и поставки монгольских манускриптов в Геттинген.

Вальтер Хайсиг отмечает: «Иериг был первым, кто системно занимался языком религией и культурой монголов. После него стало появляться все больше русских ученых, занимавшихся исследованием монгольско-бурятского этноса, преподаванием их языка, распространением знаний о монголах и расширением коллекции монгольских писем в России. То, что было собрано бароном фон Ашем при поддержке Иоганна Иерига, было первым свидетельством монгольской письменности, полученным в Германии» [Heissig 1978: 88]. В 1790 г. за особые заслуги перед Академией наук Геттингена Иериг был заочно включен в состав ее членов-корреспондентов [Krahnke 2001: 123].

Отметим, что отдельные заметки и статьи Иерига были напечатаны в известных европейских изданиях того времени. Так, «Экономическая энциклопедия» под редакцией знаменитого натуралиста и ученого, Иоганна Георга Крюнитца, изданная в Берлине в 1803 г., содержит статью Иерига о монгольских способах сохранения молока путем его заморозки и изготовления молочного порошка [Oekonomische Encyklopädie 1803: 649].

Авторитетный и популярный в то время немецкий журнал «Allgemeine Literatur-Zeitung» за 1797 г., издаваемый в Иене и Лейпциге, опубликовал статью под названием «О монгольских книгах библиотеки Санкт-Петербургской Академии наук». В

ней сообщалось, что некто господин Иериг провел 16 лет среди монголов и составил каталог книг на монгольском языке, большинство из которых собрал, находясь среди местного населения. Далее следует текст следующего содержания: «В старом, описанном Бакмейстером, сообщении Академии, он (Иериг) признает вырванные страницы заслуживающими сохранения только лишь потому, что однажды там находились (у монголов). Большинство описанных здесь писаний относятся к религиозному классу. Тот самый, умерший в 1795 г. ученый оставил после себя очерки о брахманской религии, в особенности в Тибете, о печати первой части которых на немецком языке позаботился Пастор Грот. Из этого здесь включено введение и первая глава. Из него мы заметили, что Индийцы и жители Тибета (Tübät – так господин Иериг всегда пишет Тибет) высочайшую вершину в тибетских горах называют Буддала (Buddalah) — это ковчег или подбрюшник судна. Это имя предположительно дано по названию города Budala или Putala, который по нашим картам должен находиться на горе юго-западнее Лхассы (Lassa, Lhasa — современная столица Тибета)» [Allgemeine Literatur-Zeitung 1797: 797].

Английский журнал «The British Critic», издававшийся ежеквартально с 1793 по 1853 гг., в издании 1798 г. поместил небольшую заметку об Иериге, который «оставил воспоминания о религии Врамah (Брахма), в настоящий момент распространенную в Тибете» [The British Critic 1798: 211].

Таким образом, несмотря на то, что Иериг никогда не возвращался в Европу и до конца жизни пробыл в России, он смог оказать немалое влияние на развитие европейской науки, в особенности на германскую ориенталистику. Ряд его работ был опубликован в европейских изданиях, однако уже после его смерти. Следовательно, Иоганна Иерига можно по праву считать ученым не только российского, но и общеевропейского масштаба.

Sources

- Arhiv Vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk (AV IVR RAN) – [The Archives of the Orientalists of the Oriental Manuscripts Institute of the Russian Academy of Science].
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykija (NA RK) – [National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI) – [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- Unitätsarchiv Moravian Archives (UMA).
- #### References
- Allgemeine Literatur-Zeitung. Jena und Leipzig, T. 2. 1797. 832 s. (In German).
- Augustin S. Rezension zu: Schweitzer Karlheinz: Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. Bearbeitet und herausgegeben von der Geschichtswerkstatt Büdingen, Joachim Cott. Büdingen: Geschichtswerkstatt 2008. 46 p., 10 Abb., 1 Titelbild u. 1 Karte. Jahrbuch der Staatlichen Ethnographischen Sammlungen Sachsen, Bd. XLV, 2010. s. 365–371. (In German).
- Bakmejsler I. Opyt o biblioteke i kabinete redkosteĭ i istorii natural'noj Sanktpeterburgskoj Imperatorskoj Akademii nauk izdannoĭ na francuzskom jazyke Iogannom Bakmejslerom pod bibliotekarem Akademii nauk a na rossijskoj jazyk perevedennoj Vasiliem Kostygovym. Napechatan v tipografii morskogo shljahetnogo kadetskogo korpusa 1779 goda [The experience of the library and cabinet of rarities and natural history of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences published in French by the librarian of the Academy of Sciences Johann Bakmeyster and translated in Russian by Basil Kostygova. Printed by Marine Gentry Cadet Corps in 1779]. St. Petersburg, 1779. 109 p. (In Russ.).
- Bulich S. K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii. Tom 1 (XIII v. – 1825 g.). S prilozheniem, vmesto vstuplenija, «Vvedenija v izuchenie jazyka» B. Del'brjuka. SPb., 1904. 1248 s. [A Historical Essay of Linguistics in Russia. Volume 1 (XIII c. – 1825). With the appendix, instead of introduction, «Introduction to the language study» B. Delbruck. SPb., 1904. 1248 p.]. (In Russ.).
- Glitsch A. Geschichte der brüdergemeine Sarepta im östlichen Russland während ihres hundertjährigen bestehens: Nacharchivalischen Quellenbearbeitet von Alexander Glitsch. Selbstverlag des Verfassers, 1865. 400 s. (In German).
- Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. München. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1978. 336 s. (In German).
- Krahnke H. Die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 1751–2001. Vandenhoeck & Ruprecht GmbH KG, 2001. 377 s. (In German).
- Oekonomische Encyklopädie / J. Pauli, Berlin, T 91. 1803. 754 s. (In German).

- Protokoly zasedanij Konferencii Akademii Nauk s 1725 po 1803 god. Tom III. 1771–1785. SPb.: Tip. IAN, 1900. 976 s. [Reports of the meetings of the Conference of the Academy of Sciences from 1725 to 1803. Volume III. 1771–1785. SPb.: Tip. IAN, 1900. 976 p.]. Available at: <http://www.ranar.spb.ru/rus/protokol1/id/237/> (accessed: 06.11.2014). (In Russ.).
- Shafranovskaja T. K.* Mongolist XVIII v. Iogan Ierig. Strany i narody Vostoka [Shafranovsky T. K. Mongolist XVIII century. Johannes Jährg. Countries and nations of the East] Ed. IV. Moscow, 1965. pp. 155–164. (In Russ.)
- The British Critic. Printed for F. and C. Rivington, no. 62, st. Paul's Church-Yard. London. T. 12, 1798. 1416 p. (In English).
- Wendland F.* Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Walter de Gruyter. Berlin; N. Y., 1992. Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. Bd. 80, T. 1, 2, 1992. 1179 s. (In German).

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПЕРВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СССР New Sources on the First Mongolian Delegation in the USSR

*Н. Наранжаргал (N. Naranjargal)*¹

¹ аспирант Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student at Kalmyk State University).
E-mail: mr.naranjargal@mail.ru.

Несмотря на то, что многие документальные материалы, отражающие отношения Монголии и СССР в 1920-е гг., все еще не выявлены, революция 1921 г. занимает особое место в новейшей истории Монголии. В данной статье, на основе новых материалов автор показывает, как представители Монголии пытались реализовать при помощи СССР свои планы и добились своей цели, получив оружие и финансовую поддержку.

Ключевые слова: первая семерка, Троицкосавск, Коминтерн, печать Богдо-хана, Народная партия, военная помощь, монгольская делегация, Сибирское бюро, оружие, финансовая помощь, «От князей и лам Монголии», договоры.

In the middle of the 1920s on the basis of the written request on behalf of the Mongolian people and Bogd Khan the first seven representatives of the Mongolian People's Party composed of three groups were sent to the USSR for military and financial assistance in the struggle for independence from Chinese oppression. The first group of delegates held a series of important meetings with the leadership of the Far Eastern Soviet Republic and Eastern Bureau of the Central Committee of the C.P.S.U.(b.), where they presented their goals and objectives in the struggle for independence, as well as requests for assistance in training party workers, establishing the printing-house, providing international support, supply of arms and financial assistance. The Mongolian delegation was aimed to achieve the independence of Mongolia under Bogd Khan. The leadership of the USSR advocated the establishment of Soviet influence in Mongolia and the transfer of power from the hands of the aristocracy and the clergy to the common people. Despite these contradictions, for the sake of retaining the independence, the Mongolian delegates had to agree with the idea of the people's revolution the Soviet leadership was interested in. For political purposes the Mongolian People's Party (MPP) was renamed the Mongolian People's Revolutionary Party (MPRP). The Mongolian delegation composed a new letter in which it was stated that the revolution was in the interests of the common people and the power of the Bogd geegen was limited to the religious matters. In this case, Mongolia could count on the assistance in the delivery of weapons to 10,000 soldiers, machine guns, artillery guns, cars and 7–8 million dollars credit. Thus, the "first seven", who went to the Soviet Union for negotiations, successfully completed their tasks and returned home.

Keywords: the first seven, Troizkosavsk, the Comintern, the seal of the Bogd Khan, the People's Party, military assistance, the Mongolian delegation, the Siberian Bureau, weapons, financial assistance, «From Princes and Lamas of Mongolia», agreements.

В ноябре 1919 г. китайская армия под командованием Сю Шучжана вторглась в Монголию и свергла автономное правительство. Это привело к активизации деятельности, направленной на восстановление независимости Монголии. 25 июня 1920 г. объединились два тайных общества и провозгласили себя Монгольской народной партией. Были избраны делегаты, посланные в СССР для переговоров об оказании военной помощи.

Главной целью монгольской делегации было получение от СССР помощи вооружением и инструкторами для освобождения Монголии от китайских захватчиков и восстановления независимости страны в пределах границ Внешней и Внутренней Монголии, Барги, Бурятии и Урянхайского края во главе с Богдо-ханом, который обсудил вопрос об обращении за помощью к СССР и одобрил цель делегации

Первая группа делегатов в составе С. Данзана и Х. Чойбалсана отправилась из Урги 29 июня 1920 г. Этой группой была запланирована встреча с консулом О. И. Макстенеком в приграничном городе Троицкосавске (ДВР) для передачи ему сведений, собранных находившимися в Урге В. Я. Гембаржевским и М. И. Кучеренко. В целях конспирации использовался секретный пароль [Чойбалсан и др. 1979: 58].

Прибыв в Троицкосавск 4 июля 1920 г., они встретились с О. И. Макстенеком, а затем с главой Совета министров Дальневосточной советской республики и секретарем Восточного бюро ЦК ВКП(б) Б. Я. Щумяцким. С. Данзан и Х. Чойбалсан имели при себе удостоверения членов МНП и рекомендательные письма от В. Я. Гембаржевского и М. И. Кучеренко.

С. Данзан и Х. Чойбалсан при встрече получили инструкцию о соблюдении конспирации и познакомились с Ж. Цэвээном и Э.-Д. Ринчино [МАХН-ын 2004: 58]. Из Троицкосавска ими была отправлена телеграмма в Ургу с просьбой срочно направить вторую группу представителей с текстом обращения и печатью Богдо-хана [Чойбалсан и др. 1979: 72].

Вторая группа в составе Д. Бодоо и Д. Чагдаржава с текстом обращения от народа и Народной партии Внешней Монголии к Советскому правительству выехала из Урги 27 июля 1920 г. [Догсомын 2001: 14]. В начале августа они прибыли к месту назначения. Вместе с ними приехали С. С. Борисов и Цэдэн-Иш Дашепылов, которые по заданию Коминтерна изучали обстановку в Урге и Монголии. 11 августа в Верхнеудинск прибыла третья группа монгольских представителей (Сухэбатор, Лосол и Догсом) с текстом обращения и печатью Богдо-хана [Монголын 2011: 74]. В Верхнеудинске представители МНП пробыли почти месяц, потому что сначала коминтерновцы ждали сведений от С. С. Борисова и Ц.-И. Дашепылова об обстановке в Урге. Поскольку вопрос межгосударственного характера не мог быть самостоятельно решен главой буферного государства Б. З. Щумяцким, то он ждал инструкций из Москвы [Монголын 2011: 70].

Вскоре монгольская делегация была отправлена в Иркутск. В качестве переводчиков к ним приставили работника Коминтерна, бурята Э.-Д. Ринчино. В Иркутске 17 августа 1920 г. состоялась встреча с пред-

ставителем сибирского и дальневосточного бюро ВКП(б) Ф. Н. Гапоном [Коминтерин 1996: 9].

Во время второй встречи монгольская делегация передала письмо-обращение «От князей и лам Монголии» с печатью Богдо-хана [Дашдаваа 2003: 25], которое осталось без особого внимания у представителей СССР [Рощин 1999: 3]. Однако как официальный документ оно было отправлено в Москву, в НКВД СССР, а копия — в Сибирское бюро [Хишигт 2011: 160]. Монгольская делегация обратилась с просьбой о помощи в подготовке партработников, открытии типографии, обеспечении международной поддержки, поставки вооружения и военной помощи [Хишигт 2011: 161]. Наиболее важной была просьба о военной помощи, которая заключалась в отправке в Монголию 2-х–3-х тысяч солдат. Оценив свои возможности и опасаясь международной критики, советская сторона изначально дала отрицательный ответ [Коминтерин 1996: 16].

После этих встреч, ознакомившись с содержанием двух писем-обращений (Богдо-хана и МНП) и мнением делегатов, советская сторона уяснила характер политических предпочтений монгольских представителей. Однако содержание ни одного из полученных писем не удовлетворило советскую сторону.

Во время этих переговоров советскими представителями Монгольская народная партия (МНП) была в политических целях переименована в Монгольскую народную революционную партию (МНРП) [Монголын 2011: 76].

Основной целью СССР было установление советского влияния в Монголии и передача власти из рук аристократии и духовенства простому народу. Монгольская делегация преследовала иные цели — она стремилась добиться независимости Монголии во главе с Богдо-ханом. Понимая готовность монголов на любые действия ради обретения независимости, представители СССР пообещали им помощь только в ответ на осуществление народной революции. Несмотря на нежелание революции, монгольские делегаты были вынуждены согласиться на эти условия ради обретения независимости.

Ф. И. Гапон перед подписанием договора о помощи потребовал составления нового письма, в котором следовало указать, что

революция проводится во имя интересов простого народа и утверждения народной власти. Полномочия Богдо-хана ограничивались вопросами религии [Коминтерн 1996: 16]. В этом случае Монголия могла рассчитывать на помощь в поставке вооружения для 10000 солдат, пулеметов, артиллерийских орудий, автомобилей и кредита в 7–8 млн долларов [Коминтерн 1996: 15]. На вопрос монгольской делегации о цене этой помощи был дан ответ, что цена будет зависеть от политики, проводимой правительством Монголии [Баттогтох 1994]. Далее делегатам дали понять, что все вопросы, касающиеся помощи Монголии, будут решаться только в Омске и Москве.

После этих переговоров монгольская делегация разделилась на три группы, к каждой из которых был прикреплен представитель от Коминтерна, и вернулась в Ургу. Первая группа в составе Д. Бодоо, Д. Догсома и коминтерновцев Ж. Цэвээна и Баламсуу должна была провести работу по подготовке революции, а также направлению людей в военную школу в Иркутске [РГАСПИ Ф. 495. Оп. 154. 20]. Всем членам группы было выдано оружие и деньги [РГАСПИ Ф. 495. Оп. 154. 182].

Вторая группа — Д. Сухэбатор, Х. Чойбалсан и Д. Лосол — осталась в Иркутске для изучения военного и революционного дела, где пробыла 4 месяца. Втроем они участвовали в создании революционной газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»). В Улан-Удэ была доставлена бумага и печатные станки из Казани [Даш 1987: 31]. Именно они 2 ноября 1920 г. написали обращение к советскому правительству с просьбой о выделении войск для борьбы с Унгерном [МУУТА. МАХН-ын баримтын төв. Ф. 1. Д. 1. 2].

Третья группа в составе С. Данзана и Д. Чагдаржава 27 августа 1920 г. отправилась в Омск с письмом об оказании помощи оружием, командировании инструкторов и выдаче кредита на 6–7 млн долларов [МАХН-ын 2004: 164]. В середине сентября монгольские делегаты прибыли в Москву [Роцин 1999: 33]. С приехавшими в Москву делегатами встретился заместитель Наркома иностранных дел Л. М. Карахан, который пообещал дать ответ после встречи с китайским послом [Хишигт 2011: 166]. 5 октября Л. М. Карахану было вручено еще одно письмо, в котором монгольская делегация просила скорейшего решения их во-

просов о помощи [МУУТА. МАХН-ын баримтын төв. Ф. 1. Д. 11. хн. 33. Х. 6–7].

Глава НКВД Г. В. Чичерин, его заместитель Л. М. Карахан, верховный главнокомандующий С. С. Каменев неоднократно встречались с монгольскими делегатами [Дамдинсүрэн 1971: 3]. Было достигнуто соглашение о поставке вооружения, самолетов, бронетехники, артиллерийских орудий, автомашин и 600 000 рублей [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 33]. В первую очередь договорились передать вооружение и обмундирование для 3000 солдат, 2 самолета, бронетранспортер, грузовую машину, 600 000 рублей, 30 000 винтовок, 1000 гранат [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 177–178].

Был сформирован отряд бурятских инструкторов для помощи монгольским партизанам [Монголын 2002: 65]. Монгольско-тибетскому отделу было поручено тайно помогать МНП, кроме того, был сформирован валютный фонд для помощи МНП [Монголын 2011: 83]. Секцией восточных народов и монгольско-тибетским отделом Сибирского бюро было проведено совместное заседание по монгольским вопросам [Дашдаваа 2003: 34]. По заданию Коминтерна монгольско-тибетский отдел разрабатывал план преобразования МНП в МНРП, для чего во всех документах было изменено название партии, разработана новая печать и начата регистрация членов партии и выдача удостоверений [Дашцэрэн 2011: 3].

Монгольские делегаты в Москве встретились с В. И. Лениным. Во встрече участвовали переводчик монгольской делегации Э.-Д. Ринчино, посол СССР в Тибете А. Доржиев [Жабаева 2001: 192]. В Москве делегаты встретились также с представителем калмыцкого народа А. М. Амур-Сананом и попросили его представлять их интересы [Амур-Санан 1960] до прибытия официального консула из Монголии. Работавший в это время в Москве Номто Очиров помогал делегатам, выступая переводчиком [МУГХЯА Ф. 2. Д. 1].

В 1921 г. делегаты монгольской партии вернулись на родину, успешно выполнив поставленные задачи.

Таким образом, «первая семерка», отправившаяся в Советский Союз с просьбой о помощи, пробыла в СССР 6 месяцев. Основной целью делегации было добиться получения от СССР военной и финансовой помощи, политической поддержки для завоевания независимости Монголии.

С этой целью монгольская делегация встречалась с официальными представителями советской власти в Троицкосавске, Верхнеудинске, Иркутске и Омске. Но главные встречи, которые помогли разрешить многие вопросы, прошли в Москве. Представителям Монголии не удалось осуществить в СССР всех своих планов, но они смогли добиться получения помощи в виде оружия и финансовой поддержки.

Sources

MUGHJaA. H. 2. D. 1. Hn. 21.

MUYTA. MAN-yn barimtyн төв. H. 1. D. 1. Hn. 6. – Centr dokumentov Mongol'skoj narodnoj partii The Document Center of the Mongolian People's Party). (In Russ.).

MUYTA. MAHN-yn barimtyн төв. F. 1. D. 11. Hn. 33. – Centr dokumentov Mongol'skoj narodno-revoljucionnoj partii. [The Document Center of the Mongolian People's Revolutionary Party]. (In Russ.).

RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 30.

References

Amur-Sanan A. M. Politbjuron syır der hal'mg төр hahlgdlhn. [Solving the Kalmyk question at the meeting of the Politburo]. Teegin gerl. Oktjabr', 1960 (scient. journal). Elista, Moscow, 1928. (In Russ.).

Battogtokh S. Mongol dah' nugalaa zavharal [About corruption relations of Mongolia]. Ulan-Bator, UHG Publ., 1994. 140 p. (In Mongolian).

Choibalsan H., Losol D., Demid G. [the Mongol ardyn hasni huvsgul ane se biguanides touch th. Zarowin Hoyer Dah adagen Hallel]. Kratkaja istorija sozdanija Mongol'skoj narodnoj revoljucii. Izdanie vtoroje, dopolnennoe [Brief history of the Mongolian people's revolution. Second edition, supplemented]. Ulan-Bator, UHG Publ., 1979. 310 p. (In Russ.).

Damdinsyrjen S. [MAHN djelhijn kommunist hөdөлгөөнтөй holboo togtoozh hөgzhyylsjenn' (1921–1940)]. Stanovlenie i razvitie sotrudnichestva Mongol'skoj narodno-revoljucionnoj partii s mirovym kommunizmom (1921–1940). [The establishment and development of cooperation of the Mongolian people's revolutionary party with world communism (between 1921 and 1940)]. Ulan-Bator, Ulsyn hjevljeh gazar [Gosudarstvennoe izdatel'stvo] Publ., 1971. 150 p. (In Mongolian).

Dash D. Boris Zakharovich Shhumjatsky. Ulan-Bator, Ulsyn hjevljelijn gazar [Gosudarstvennoe izdatel'stvo] Publ., 1987. 107 p. (In Mongolian).

Dashdavaa Ch. [Ulaan түүх]. Krasnaja istorija [The red story]. Ulan-Bator, Bembi san Publ., 2003. 304 p. (In Mongolian).

Dashtseren G. [Hastamgataj MNRP, Sojombo tamgataj MAHN. өдрийн сонин]. Mongol'skaja narodno-revoljucionnaja partija s logotipom «Has» i Mongol'skaja narodno-revoljucionnoj partija s logotipom «Sojombo». Dnevnye novosti [The Mongolian people's revolutionary party with the logo of «Khas» and the Mongolian people's revolutionary party logo «Soyombo». Daily news]. 2011.05.14. No. 121(3823). H. 1, 3. (In Mongolian).

Dogsomyn B. (1985–1922). [Hjelsjen, bichsjen zjylsijn түүвж]. Obrazcy pis'mennyh i ustnyh izrechenij [Samples of written and spoken utterances]. Ulan-Bator, «Sojombo printing» Publ., 2001. 134 p. (In Mongolian).

Khishigt N. [Mongolyn huv'sgal: 1921]. Mongol'skaja revoljucija: 1921. [The Mongolian Revolution: 1921]. Ulan-Bator, Bembi san Publ., 2011. 299 p. (In Russ.).

[Kominterin ba Mongol. Barimtyн jemhtgjel]. Komintern i Mongolija. Sbornik dokumentov [The Comintern and Mongolia. The collection of documents]. Ulan-Bator, Shinzhljeh uhaan teknik mjedjeljel hjevljeh cek [Science and information technology workshop] Publ., 1996. 502 p. (In Mongolian).

[MAHN-yn түүхэнд holbogdol byhij zjyljyid. Njemzh sijryylsien hojordah' hjevljel. Hjevljeld bjeltgjesjen G. Dashnjam, C. Gantulga, Na. Syhbaatar]. Voprosy, svjazannye s istoriej Mongol'skoj narodno-revoljucionnoj partii. Izdanie vtoroje, dopolnennoe. Izdanie podgotovili G. Dashnjam, C. Gantulga, Na. Syhbaatar [Questions related to the history of the Mongolian people's revolutionary party. Second edition, supplemented. The publication was prepared by G. Dashnyam, C. Gantulga, Na. Syhbaatar]. Ulan-Bator, Sojombo printing Publ., 2004. 240 p. (In Mongolian).

[Mongolyn ardyn namyn түүх: 1921 ony huv'sgal ba mongol ardyn nam. I bot'. Zohiogch N. Hishigt, A. Altanbagana, Ch. Boldbaatar]. Istorija Mongol'skoj Narodnoj Partii: Revoljucija 1921 goda i Mongol'skaja Narodnaja Partija. I tom. Avtory: N. Hishigt, A. Altanbagana, Ch. Boldbaatar [The history of the Mongolian people's Party: the Revolution of 1921 and the Mongolian people's Party. I volume. Authors: N. Hilight, A. Altenbeken, CH. Boldbaatar]. Ulan-Bator, Sojombo printing Publ., 2011. 212 p. (In Mongolian).

[Mongolyn tuhaj BHK(b)N-yn barimt bichigt. Barimtyн jemhjetgjel. I bot'. (1920–1932).

- Redaktor D. Өлзийбаатар, V. P. Kozlov]. O Mongolii po dokumentam BHK(b)N. Sbornik dokumentov. I tom. (1920–1932). Redaktor D. Өлзийбаатар, V. P. Kozlov [[About Mongolia on the documents of BKhK(b)N. The collection of documents. Vol. I. (1920-1932). Editor D. Ltimate, V. P. Kozlov]. Ulan-Bator, Өнгөт Publ., 2002. 360 p. (In Mongolian).*
- Roshchin S. C. Politicheskaja istorija Mongolii. 1921–1940 [Political history of Mongolia. Between 1921 and 1940]. Moscow, Inst-t Vostokov. RAN [Institute of Oriental studies of the RAS] Publ., 1999. 327 p. (In Russ.).*
- Zhabaeva L. B. Elbek-Dorzhi Rinchino i nacional'no-demokraticeskoe dvizhenie mongol'skih narodov. L. B. Zhabaeva [Elbek-Dorzhi Rinchino and the national democratic movement of the Mongolian peoples by L. B. Zhabayeva]. Ulan Ude, VSGTU Publ., 2001. 335 p. (In Mongolian).*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И МНР В 1930-е гг.

Military and Political Cooperation between the USSR and the Mongolian People's Republic in 1930s

Э. Б. Манжиков (E. Mandzhikov)¹

¹аспирант Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student at Kalmyk State University).
E-mail: kundgabo@list.ru.

В данной статье рассмотрены проблемы военно-политического сотрудничества СССР и МНР в 1930-е гг. Выявлена и обоснована необходимость совместного Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР.

В военных действиях на Халхин-Голе монгольско-советское командование под руководством комкора Г. К. Жукова разработало и осуществило наступательную операцию. Победа на Халхин-Голе в 1939 г. показала актуальность и своевременность военно-политического союза СССР и МНР.

Ключевые слова: СССР, МНР, безопасность, договор, военно-политический союз, война, протокол, независимость, Халхин-Гол.

An important step in strengthening the military-political alliance and legal basis of relations between the two countries became to be the Gentleman's Agreement on mutual assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic dated November 27, 1934. It provided that the two parties would assist each other in the case of external military attack on one of the two sides. Its provisions had been supplemented and elaborated in the Protocol on mutual assistance, signed in Ulaanbaatar on March 12, 1936, which contributed to the failure of the aggressive plans of the Japanese militarists against the MPR in 1939.

In accordance with the Protocol on mutual assistance between the USSR and the MPR, Soviet military troops were brought into Mongolia and quartered along the South-Eastern boundary of the republic in September 1939. At the same time, the Soviet Union built a number of critical facilities necessary for the development of the Mongolian economy, and strengthening the defense power of the republic. The military-political alliance of the USSR and the MPR in the 1930s proved to be stable enough to defeat Japan at Khalkin-Gol in 1939. The Soviet-Mongolian troops under the leadership of the corps commander G.K. Zhukov who had developed a brilliant strategy for defeating the Japanese armed forces, managed to implement a successful offensive operation. So, the victory at Khalkin-Gol in 1939 showed the relevance and timeliness of creating the military-political alliance of the USSR and the MPR.

Keywords: the USSR, the MPR, safety, agreement, military and political alliance, war, protocol, independence, Khalkhin-Gol.

Важным шагом в укреплении военно-политического союза и правового фундамента отношений между двумя странами явилось соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о взаимопомощи от 27 ноября 1934 г., которое предусматривало взаимопомощь в случае военного нападения третьей стороны на одну из сторон. Его положения были дополнены и развиты в протоколе о взаимной помощи, подписанном в Улан-Баторе 12 марта 1936 г., который способствовал провалу агрессивных планов в отношении МНР со стороны японских милитаристов в 1939 г.

Сотрудничество СССР и МНР в 1930-е гг. нашло отражение в российской и монгольской историографии. Наиболее активно изучались проблемы военного сотрудничества СССР и МНР. Следует отметить, что до последнего времени вопросы военно-политического сотрудничества двух государств слабо освещались в научной литературе. Наиболее важными источниками по данной проблеме являются: Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов [1966]; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. В 2-х томах [1975; 1979].

Целью данной работы является освещение военно-политического союза СССР и МНР в 1930-е гг. в ходе анализа соглашения 1934 г. и протокола о взаимопомощи между СССР и МНР.

Оккупация Маньчжурии Японией в 1931 г. создала непосредственную угрозу независимости Монгольской Народной Республики, так как японские империалисты не скрывали своих намерений напасть на МНР.

В связи с этим в резолюции Президиума ЦК Малого Хурала и Правительства МНР по докладу об оккупации Японией Маньчжурии отмечалось: «Трудящиеся МНР заявляют, что они на стороне китайской революции, что они клеймят позором японских империалистов, захвативших чужую территорию... они оказывали и впредь будут оказывать морально-политическую поддержку рабоче-крестьянским массам, борющимся под руководством компартии Китая против контрреволюционной диктатуры Гоминьдана, за рабоче-крестьянскую власть в Китае, против иностранных империалистов, за независимость Китая» [История советско-монгольских 1981: 67].

Внешнеполитические агрессивные планы Японии в отношении Монголии были во многом связаны с намерением использовать ее территорию в качестве военного плацдарма для нападения на Советский Союз. Так, в газете «Тоа» (1935) в статье «Развитие Северной Монголии и ее стратегическое значение» подчеркивалось, что в «политическом, особенно военно-стратегическом отношении Внешняя Монголия имеет особое значение. Все военные специалисты единодушно считают, что вторжение в СССР через Внешнюю Монголию имеет наибольшие преимущества, нежели вторжение через Маньчжурию» [История Монгольской 1983: 390].

Япония стала сосредоточивать военные силы на монгольской и советской границах, создавая военно-инженерные сооружения в намечаемых районах вторжения, прокладывая к границе железные и шоссейные дороги, постоянно провоцируя пограничные инциденты для выявления слабых пограничных зон [Резолюции пленумов 1956: 489].

В октябре 1933 г. на пленуме ЦК МНРП вновь обсуждалось внешнее и внутреннее положение страны. В принятом постановлении указывалось: «Японские милитаристы... захватив страну, мечтают сделать ее

своей колонией... Завершение мер по укреплению суверенитета нашего государства есть основная и самая главная задача в нашей работе» [МАХН-ын 1956: 489].

В условиях усиления военных провокаций японцев на границах МНР 27 ноября 1934 г. в Москве было заключено соглашение между МНР и СССР, предусматривающее взаимную поддержку в случае военного нападения на одну из сторон. Договоренность была достигнута во время визита в Москву официальной правительственной делегации во главе с премьер-министром Монголии П. Генденом [Джагаева 2006: 102]. Это соглашение явилось серьезным предупреждением Японии. С 1934 г. ускорилась перестройка вооруженных сил МНР по европейскому (советскому) образцу. Были созданы дивизии и корпуса, в том числе и такие специализированные воинские части, как авиационные, танковые и артиллерийские. Расширилась подготовка военных кадров. Без помощи Советского Союза Монголия, не имевшая военно-промышленного комплекса, не смогла бы обеспечить быстрое перевооружение своей армии.

Осложнение ситуации на границах МНР настоятельно требовало мер по срочному повышению оборонной мощи страны, увеличению количества и повышению качества подготовки войск, насыщению их новой техникой и вооружением. Правительство МНР обратилось к Правительству СССР с просьбой о предоставлении дополнительных займов на эти цели. Советское правительство удовлетворило эту просьбу, благодаря чему Правительство Монголии смогло увеличить расходы на укрепление обороноспособности страны в 2 раза, срок военной службы был продлен с 2 до 3 лет, численность вооруженных сил возросла на 30 % [История Монгольской 1983: 391].

Одновременно Советский Союз по разным каналам делает серьезные предупреждения в адрес Японии. Так, 1 марта 1936 г. И. В. Сталин в беседе с главой американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Роем Говардом изложил позицию СССР в случае нападения Японии на МНР: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь МНР... Мы поможем МНР, так же как помогли ей в 1921 году» [Советско-монгольские 1979: II, 337].

Правительство Монголии в начале 1936 г. обратилось к руководству СССР с просьбой о юридическом оформлении соглашения от 27 ноября 1934 г., и 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР. Первая статья протокола о взаимопомощи предусматривала, что обе договаривающиеся стороны в случае угрозы нападения на территорию обеих стран со стороны третьего государства обязывались немедленно обсудить создавшееся положение, принять все меры, необходимые для обеспечения безопасности, и оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь [Советско-монгольские 1966: 72].

Заключение протокола о взаимопомощи между МНР и СССР было враждебно встречено Японией и Китаем. Так, гоминьдановское правительство заявило протест по поводу его подписания. В апреле 1936 г. оно направило ноту Советскому правительству, в которой заявило: «Поскольку Внешняя Монголия является интегральной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-нибудь договоры или соглашения... Поэтому... заключение указанного протокола... является незаконным...» [Советско-монгольские 1975: 342].

Советское правительство в ответной ноте от 8 апреля 1936 г., считая протест китайского правительства необоснованным, констатировало, что советско-монгольское соглашение не направлено против интересов третьих стран, поскольку оно вступает в силу лишь в случае, если СССР или МНР становятся жертвами агрессии и вынуждены защищать свою собственную территорию.

Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР оформил решимость двух братских стран сохранить мир на Дальнем Востоке и создал надежную гарантию безопасности и защиты независимости МНР.

В сентябре 1937 г. по просьбе Правительства МНР и в соответствии с протоколом о взаимопомощи между СССР и МНР в Монголию были введены советские воинские части, которые были расквартированы вдоль юго-восточной границы МНР. Советские войска не только помогали монгольским пограничным частям в охране государственных границ Монголии протяженностью 2000 км, но и гарантировали их безопасность, также была значительно

увеличена численность советских инструкторов и военных специалистов.

В это время Советский Союз построил ряд особо важных объектов, необходимых для развития монгольской экономики и укрепления оборонной мощи страны. Большое развитие получила инфраструктура МНР (в частности, было завершено строительство шоссейной дороги Сухэ-Батор — Улан-Батор — Ундур-хан — Баянтумэн протяженностью свыше 1000 км и железной дороги Соловьевск — Баянтумэн). Был построен ряд аэродромов и других важных объектов.

Одновременно с подготовкой нападения на МНР японские милитаристы не раз совершали военные провокации непосредственно на советской границе. В 1938 г. японские войска попытались нарушить границу в районе озера Хасан. Советские приграничные войска дали решительный отпор вторгшимся частям японской армии и вынудили их отступить с большими потерями. Убедившись в прочности дальневосточных границ СССР, Япония усилила концентрацию своих войск у границ МНР.

11 мая 1939 г. японские войска перешли государственную границу Монголии. События на Халхин-Голе по своему характеру, по масштабам развернутых действий, по количеству боевой техники и живой силы резко отличались от предшествовавших пограничных конфликтов. Используя превосходство в силах, японцы попытались окружить и уничтожить находящиеся на левом берегу реки монгольско-советские войска. Учитывая создавшееся положение, монгольско-советское командование отправило в район сражения 149-й стрелковый полк Красной Армии и 6-ю дивизию МНРА.

В первых числах июля 1939 г. японское командование сосредоточило в районе намечаемых военных действий 20 тыс. пехоты, около 5 тыс. кавалерии, 269 орудий, 164 пулемета, 130 танков, 250 самолетов, в то время как монгольско-советская сторона имела в этом районе лишь около 11 тыс. пехоты, около 1 тыс. кавалерии, 109 орудий, 152 пулемета, 186 танков, 266 бронемашин и около 100 самолетов. Необходимо учитывать и то, что японские войска имели большой боевой опыт, приобретенный в японско-китайской войне 1927–1937 гг.

Начало военным действиям положило форсирование японцами в ночь со 2 на 3 июля 1939 г. р. Халхин-Гол и захват ими

высоты Баян-Цаган. Тактической задачей операции было окружение частей монгольско-советских войск, находившихся на левом берегу Халхин-Гола, и их разгром. Стратегической целью японцев был разгром ударных сил советско-монгольских войск на правом берегу и укрепление на захваченной территории для дальнейшей эскалации военных действий. Японское командование было настолько уверено в победе, что пригласило для наблюдения за ходом боев военных атташе фашистской Германии и Италии и иностранных корреспондентов.

Однако монгольско-советские войска в свою очередь повели наступление на японские позиции и в результате двухдневного ожесточенного боя 5 июля 1939 г. разбили противника. Лично руководивший этим сражением комкор Г. К. Жуков (будущий маршал Советского Союза) писал позже в своих воспоминаниях: «Основную роль в Баян-Цаганском побоище сыграли 11-я да 7-я мотобронетанковые бригады, 8-й монгольский бронедивизион и взаимодействующие с ними артиллерия и ВВС» [Жуков 1974: II, 159].

Однако японцы, перегруппировавшись, начали интенсивно наращивать свои силы в этом районе. Ими была создана 6-я Особая армия, которая должна была нанести 24 августа решающий удар по объединенным советско-монгольским войскам. Командование советско-монгольских войск в свою очередь готовилось к наступательной операции для окончательного разгрома японских войск, вторгшихся в пределы МНР. В середине июля 1939 г. из находящихся на Халхин-Голе советских войск была создана армейская группа, пополненная свежими силами, ее командующим был назначен комкор Г. К. Жуков. Силами войск МНР командовал маршал МНР Х. Чойбалсан. Для координации боевых действий советско-монгольских войск была организована особая группа фронта во главе с командармом 2-го ранга Г. М. Штерном [Советско-монгольские 1981: 87].

Для обеспечения успеха наступления были сосредоточены свежие силы, боевая техника, материальные и технические ресурсы. Благодаря предпринятым мерам монгольско-советские объединенные силы значительно превосходили противника: в людском составе в 1,5 раза, в числе танков — в 4, орудий — почти в 2, пулеметов — в 1,7, самолетов — в 1–1,6 раза. В 5 часов 45 мин. утра 20 августа

1939 г. монгольско-советские объединенные силы начали наступление по всему фронту протяженностью в 80 км. Обойдя противника с флангов, монгольско-советские войска 23 августа 1939 г. полностью завершили его окружение, ожесточенные бои продолжались с 24 по 30 августа. 30 августа действия по разгрому окруженной японской армии закончились полной победой монгольско-советских войск.

В результате японская сторона в этих боях понесла большие потери в живой силе и технике. С апреля 1939 г., т. е. с начала военных действий на Халхин-Голе, и по сентябрь потери Японии в общей сложности составили 52–55 тыс. солдат и офицеров, из них свыше 25 тыс. убитыми. Только за август монгольско-советская сторона захватила в боях 175 орудий, 340 пулеметов, свыше 12 тыс. винтовок, свыше 42 тыс. артиллерийских снарядов, около 2 млн патронов, большое количество техники и военного снаряжения; кроме того, было уничтожено около 200 орудий и около 600 самолетов. Но и объединенным силам МНР и СССР эта победа далась нелегко, было убито и ранено около 10 тыс. советских и монгольских солдат [История Монгольской 1983: 395].

В заключение необходимо отметить, что победа на Халхин-Голе показала военную мощь Красной Армии и возросшее мастерство МНРА. Она вынудила японских агрессоров полностью отказаться от притязаний на территориальную целостность МНР. В Москве было подписано соглашение между СССР и Монголией, по которому восточная граница МНР была зафиксирована в границах 1936 г.

Военно-политическое сотрудничество СССР и МНР в 1930-е гг. имело взаимовыгодный характер, позволило двум дружественным государствам обеспечить безопасность и независимость, а также заложить военные и дипломатические основы для сдерживания агрессии Японии на Дальнем Востоке.

Sources

- Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921–1966. Sbornik dokumentov. [The Soviet-Mongolian relations. 1921–1966. Collection of documents]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 360 p. (In Russ.).
- Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921–1966. T. 1. Dokumenty i materialy. [The Soviet-Mongolian relations. 1921–1941. Vol. 1.

Documents and materials]. Moscow; Ulan Bator, 1975. 630 p. (In Russ.).

Sovetsko-mongol'skie otnoshenija. 1921–1966. T. 2. Dokumenty i materialy. [The Soviet-Mongolian relations. 1921–1941. Vol. 2. Documents and materials]. Moscow; Ulan Bator, 1979. 616 p. (In Russ.).

References

Dzhagaeva O. A. Russian-Mongolian relations: main trends, problems and prospects (1921–2005 gg.). [Russian-Mongolian relations: basic trends, problems and prospects (1921–2005 gg.)]. Rostov-on-don, 2006. 318 p. (In Russ.).

Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki [The History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka, Glav. red. vost. lit. Publ., 1983. 664 p. (In Russ.).

Istorija sovetsko-mongol'skih otnoshenij. [The history of Soviet-Mongolian relations].

Moscow, Nauka Publ., 1981. 352 p. (In Russ.).

[MAHN-yn Ih бага хурал Тјев хорооны бугд хурлын тогтоол шийдвјр (1921–1939)]. Sobranie reshenij Plenarnyh zasedanij CK MNRP (1921–1939) [The collection of decisions of the Plenary meetings of the Central Committee of MPRP (1921–1939)]. Ulan-Bator, 1956. 673 p. (In Mongolian).

Rezoljucii plenumov Central'nogo Komiteta Mongol'skoj narodno-revoljucionnoj partii (1921–1939 gg.). [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the Mongolian people's revolutionary party (1921–1939.)]. Ulan-Bator, 1956. 653 p. (In Russ.).

Sovetsko-mongol'skie otnoshenija. [The Soviet-Mongolian relations]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 250 p. (In Russ.).

Zhukov G. K. Vospominanija i razмышlenija. V 2 tt. T. 2. [Memoirs and reflections. In two volumes. Vol. 1]. Moscow, Agentstvo pečhati Novosti Publ., 1974. 447 p. (In Russ.).

РОЛЬ ПРИРОДНОГО ФАКТОРА В СРАЖЕНИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ В 1942–1943 гг.*¹

The Role of the Natural Factor in the Battles of the Great Patriotic War in the South of Russia in 1942–1943

Е. Ф. Кринко (E. Krinko)¹

¹доктор исторических наук, зам. директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ph. D. of History, Deputy Director at the Institute of Socio-Economic and Humanities Researches of the Southern Scientific Center of the RAS). E-mail: krinko@ssc-ras.ru

В статье проведен анализ влияния природного фактора на военную историю России. Природные условия определяли выбор военной стратегии и тактики, состояние и систему снабжения войск, а в немалой степени — и результаты боевых операций. При подготовке наступательных операций стали использоваться макеты местности, позволявшие детально представить особенности предстоявших сражений. Это стало одним из важнейших условий Победы, начало которой было заложено в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны.

Ключевые слова: природные условия, военная стратегия и тактика, Великая Отечественная война, юг России, Кавказ, Сталинград, Астраханское направление, Донской оборонительный рубеж, Калмыкия.

The paper examines the influence of the natural factor on the military history of Russia. It is natural conditions that determined the choice of military strategy and tactics, the state of the system and supply of troops, and to a large extent - and the results of combat operations. The major part of the territory in the south of the country (1250 km from Voronezh to Ordzhonikidze, from north to south and 1,000 km from Taman to Astrakhan from west to east) was turned into a combat zone from the summer of 1942 to the autumn of 1943. It is characterized by various forms of relief (from the plains and lowlands to highlands), climatic zones (from temperate continental to subtropical) and native zones (from the steppes to the semi-desert and glaciers). Various natural conditions had different effects on the course of military operations. Analyzing combatant operations in the south of the country it became evident that the Soviet military commanders didn't always take into account the influence of natural factors. Hundreds of thousands of ordinary soldiers and commanding officers with much effort and loss of their lives had to correct the errors of the military commanders in order to improve the situation. Only after the radical turn in the Great Patriotic War, the Soviet tactics underwent major changes. For instance, when planning offensive and defensive operations, one took into account natural factors. In particular, terrain models were studied to present the features of the upcoming battles in detail. This was one of the most important conditions for the victory, the beginning of which was laid in the battles of 1942–1943 in the south.

Keywords: natural conditions, military strategy and tactics, the Great Patriotic War, South of Russia, the Caucasus, Stalingrad, Astrakhan direction, Don defensive line, Kalmykia.

Влияние природного фактора на военную историю России давно и безуспешно обсуждается в отечественной науке. Однако его роль в сражениях Великой Отечественной войны на юге страны в 1942–1943 гг. практически не нашла специального отражения в историографии, за исключением ряда недавних публикаций [Матишов, Кринко, Артюхин 2014; Krinko 2014].

Между тем именно природные условия нередко определяли выбор военной стратегии и тактики, состояние и систему снабжения войск, а в немалой степени — и результаты боевых операций.

Общий замысел летней кампании вермахта, план которой был утвержден Гитлером 5 апреля 1942 г., предусматривал, что «все имеющиеся в распоряжении силы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942-1943 гг.).

должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет» [Дашичев 1973: 321]. Вследствие поражений под Харьковом и в Крыму Красная Армия утратила стратегическую инициативу к началу лета. 28 июня танковые и моторизованные соединения противника, прорвав советскую оборону, устремились на юг. Не выдержав натиска, части РККА отошли, понеся огромные потери. Дальнейшее наступление войск вермахта и его союзников развивалось по двум основным направлениям — на Кавказ и на Сталинград. Продвижение противника удалось остановить только на Волге и в предгорьях Кавказа, а в конце осени советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, ставшее началом коренного перелома в Великой Отечественной войне в целом. В начале 1943 г. началось освобождение территории Северного Кавказа. Но советское наступление остановили два немецких оборонительных рубежа — Миус-фронт в Приазовье и «Голубая линия» на Тамани. Первый из них удалось прорвать к концу лета, а второй — осенью 1943 г. [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 193].

В результате в зоне боевых действий на юге страны с лета 1942 г. до осени 1943 г. оказалась значительная территория: в 1 250 км от Воронежа до Орджоникидзе (в настоящее время — Владикавказ) с севера на юг и в 1000 км от Тамани до Астрахани с запада на восток. Она характеризуется различными формами рельефа (от равнин и низменностей до высокогорья), климатических поясов (от умеренно континентального до субтропического) и природных зон (от степей до полупустынь и ледников). Различные природные условия оказывали разное воздействие на ход боевых операций.

В начале немецкого наступления летом 1942 г. и советского контрнаступления зимой 1942–1943 гг. главные боевые действия разворачивались в степях Дона, Нижней Волги и Северного Предкавказья. Отсутствие высоких гор, непроходимых лесов и топей создавало впечатление, что пространство степи было максимально удобно для наступательных операций и передвижения войск. Действительно, в хорошую погоду местность просматривалась на значительном расстоянии. Непосредственный

участник боев, Маршал Советского Союза (в июле 1942 г. — генерал-лейтенант) В. И. Чуйков писал: «Видимость в степи была идеальна — километров на восемь — десять» [Чуйков 1980: 54]. Но данная территория изобиловала холмами, оврагами и балками, реками и ручьями, затруднявшими передвижение войск. Маршал Советского Союза (осенью 1942 г. — генерал армии) Г. К. Жуков отмечал преимущество перешедшего к обороне противника: «Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск — открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнем» [Жуков 1968: 35]. Особые сложности возникали для танковых и механизированных частей, составлявших основу ударных соединений как РККА, так и вермахта. Им приходилось ориентироваться на сложившуюся транспортную инфраструктуру. Между тем сеть грунтовых дорог в данном регионе была плохо развита, существовавшие пути в подавляющем большинстве не имели каменного и другого твердого покрытия, в дождливое время становились труднопроходимыми. Слабо развита была здесь и железнодорожная сеть, являвшаяся основой военно-транспортного сообщения в СССР [ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 977444, д. 121].

Для рек юга страны характерно асимметричное строение, чаще с высокими крутыми правыми и пологими низменными левыми берегами. В отдельных местах разница между берегами достигает до 100 м, давая возможность просматривать местность на левом берегу на расстоянии в 20–25 км. Командующий 4-й танковой армией, занимавшей в ноябре 1942 г. позиции в излучине Дона между станицами Клетской и Трёхостровской, генерал П. И. Батов вспоминал: «Впереди, подобно крепостям, возвышались занятые противником высоты. При свете ракет поблескивали их крутые меловые скаты» [Батов 1968: 524]. Поэтому использование рек в качестве оборонительных рубежей было более благоприятно для противника, чем для советских войск, и при обороне, и при наступлении действовавших на низких и открытых левых берегах.

Предвидя возможность наступления вермахта на южном направлении, советское

руководство заблаговременно приняло решение о подготовке здесь эшелонированной обороны. Еще 13 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР постановил создать Сталинградский, Донской и Северо-Кавказский оборонительные рубежи. Строительство возлагалось на 5, 8, 9 и 10-ю саперные армии, а также местное население. Только на строительство Донского рубежа (от станицы Верхнекурмоярской до села Кагальник) протяженностью в 450 км предполагалось мобилизовать 300 тыс. жителей. Однако эти решения не были выполнены, а к концу февраля 1942 г. в связи с изменением ситуации на фронте оборонительные работы на большинстве участков были прекращены [Маляров 2000: 108].

Весенний паводок 1942 г. нанес огромный ущерб уже построенным оборонительным сооружениям. Особенно пострадал Донской оборонительный рубеж, затопленный водой от станицы Цимлянской (в настоящее время — город Цимлянск) до Азовского моря, из-за чего большинство сооружений пришло в негодность. Восстановительные работы здесь так и не начались, поскольку долина реки не успела просохнуть, а ряд районов от станицы Николаевской до устья к 10 июля оставался залитым водой. Восстановительные работы на рубеже обороны между станицами Верхнекурмоярской и Семикаракорской (в настоящее время — город Семикаракорск) планировалось произвести к 20 июля, но этому помешали начавшиеся боевые действия. К 5 июля силами 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии было построено семь оборонительных эскадронных районов от Семикаракорской до Багаевской, а силами 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии — четыре батальонных района от Манычской до Ольгинской (50–60 % запланированного объема). Между Ольгинской и Кагальником 91-я стрелковая дивизия построила семь батальонных оборонительных районов (80 % объема работ). Так и не были установлены железобетонные колпаки, не закончены дзоты. Ранее построенные батальонные районы остались залитыми водой, а в тех, где вода сошла, грунт не просох [ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 5, л. 73–83].

10 июня Ставка ВГК постановила немедленно приступить к строительству и восстановлению отсечного рубежа от Северского Донца до Дона и Сталинградского рубежа, упирившегося обоими концами в Дон. Обо-

ронительные рубежи под Сталинградом возлагались на 7-ю резервную, по восточному берегу Дона — на 5-ю резервную армии. Общая численность жителей Сталинграда, занятых на оборонных работах, достигла 225 тыс. чел. [История Коммунистической 1970: 335–336]. Полным ходом велись работы по восстановлению и других рубежей. Но сделать все запланированное не удалось: по приказу командования 62-я и 64-я советские армии были брошены навстречу противнику без заранее подготовленных оборонительных рубежей. В. И. Чуйков писал: «Мы не успели использовать естественные преграды — реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать труднодоступными для наступающего; позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл» [Чуйков 1980: 32–33].

Советским войскам пришлось противостоять танковым и механизированным соединениям противника, не имея к началу боевых действий даже достаточного количества полевых укреплений. Ворошиловградский оборонительный район на левом берегу Северского Донца оказался вообще невозможно использовать, поскольку он не был рассчитан на организацию обороны при наступлении противника с севера. Усилия сотен тысяч жителей региона и военных строителей оказались в значительной степени потрачены впустую. Части РККА с трудом избежали катастрофы, понеся большие потери в живой силе и технике при переправах через Дон. Между тем реки, озера и искусственные водоемы могли превратиться в преграды на пути противника. Так, взрыв плотины Весёловского водохранилища неизвестным советским героем 27 июля позволил задержать на несколько дней переправу немецкой бронетехники через Маныч [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 107].

Переправа через Дон открыла вермахту дорогу на юг. Командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный 25 июля в донесении в Ставку Верховного Главнокомандования писал о невозможности имевшимися силами остановить вражеское наступление, предла-

гая отвести войска за реки Кубань и Терек, а еще надежнее — в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не мог реализовать свое превосходство в технике. К такому же выводу пришел и Генеральный штаб РККА. Генерал С. М. Штеменко вспоминал: «Мы в Оперативном управлении, рассчитав все и взвесив, пришли к выводу, что с танками противника в кубанских степях бороться будет трудно, тем более что на Северном Кавказе у нас имелось много конницы и мало противотанковых средств, а подходящих рубежей для организации обороны поблизости не было. Поэтому мы считали, что строить оборону надо по реке Терек и предгорьям Кавказского хребта» [Штеменко 1989: 56].

Но использование Кавказских гор в качестве оборонительного рубежа также требовало определенных усилий. Однако советское командование не готовилось к обороне горных перевалов, считая, что они не пригодны для ведения боевых действий. Вплоть до начала августа большинство перевалов вообще не были прикрыты войсками. В то же время командование вермахта направило сюда специальные горнострелковые соединения. Особенно хорошо была обучена, вооружена, экипирована и подготовлена к боям в горах 1-я горнострелковая дивизия вермахта, командиры которой располагали подробными картами местности и хорошо ее знали по до военным посещениям.

Быстрое продвижение горнострелковых частей противника вынудило советское командование срочно бросать в бой всех, кто оказался под рукой, — не имевшие соответствующего опыта и совершенно не подготовленные к действиям в горах стрелковые части, курсантов военных училищ, бойцов дивизий внутренних войск [Безугольный 2013]. В спешном порядке пришлось создавать специальные горнострелковые отряды, в состав которых включали альпинистов-инструкторов. Хотя противник овладел перевалами, дальше продвинуться он так и не сумел. На флангах, в предгорьях Кавказа — в районе Орджоникидзе и Туапсе, усилиями военнослужащих РККА и местных жителей были созданы мощные оборонительные рубежи [Тюленев 2007: 315]. Только максимальная концентрация всех сил и средств с использованием особенностей местности позволила остановить, а затем и отбросить противника.

Специфика природных условий в значительной степени предопределила характер и содержание боевых операций на астраханском направлении. Ильмени и болота, превращающиеся летом в солончаки, препятствовали прохождению бронетехники, пыльные бури уменьшали видимость до нескольких десятков метров, а голые калмыцкие степи, практически лишенные растительности, создавали свои трудности для действий как частей вермахта, так и соединений РККА. По словам командующего артиллерией 28-й армии, генерал-майора И. А. Устинова, войска были вынуждены «располагаться исключительно в открытом поле или землянках. Полное отсутствие стройматериалов и топлива не позволяет эти землянки отапливать и покрывать» [Цит. по: Шеин 2009: 10–11]. Это подтверждает рядовой участник боев П. С. Редкозубов, начавший войну курсантом Астраханского пехотного училища: «Нигде ничего нет, голые пески, полынь. Палатки были, в палатке замотался и спишь. Было зябко, особенно если кто-то ее выкинул. Кто-то копал ямку, но особенно не выкопаешь, что у нас было — такая лопаточка. А там ветер песок гонит, дюны большие нагоняет» [Респондент Редкозубов]. В условиях небольшой концентрации войск широкое распространение здесь получили действия диверсионно-разведывательных групп [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 99].

Свое влияние на ход боевых действий оказывали особенности климата и погодные условия. В степях юга страны климат умеренно континентальный, с теплым, даже жарким летом, в течение которого средняя температура воздуха нарастает, а относительная влажность, напротив, уменьшается, приводя к засухам и суховеям. Местные жители привыкли к такому климату, но военнослужащим и вермахта, и РККА пришлось пройти через серьезные испытания, впечатления от которых нашли отражение в их воспоминаниях и дневниках. Так, унтер-офицер 297-й пехотной дивизии А. Хеймессер отмечал в своем дневнике 9 июля: «Сегодня 50 градусов жары. Вдоль дороги в обмороке лежат пехотинцы, на протяжении километра я насчитал 27 человек» [Сталинградская эпопея 2000: 131]. Жара держалась практически до конца лета. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 8 августа указал, что температура воздуха доходила до 55° С [Гальдер 2012: 673].

Зной и жара сделали чрезвычайно затруднительными сами передвижения в открытой степи. Прошедшие не одну кампанию военнослужащие вермахта с сожалением констатировали: «При жаре днем наблюдается намного более высокая температура в июле по сравнению с Центральной Европой». Они перешли на облегченный вариант формы: «Все — от писаря до командующего — носят шорты и безрукавки» [Подевилъс 2010: 61]. Однако и это не спасало. Офицеру 6-й полевой армии И. Видеру летнее наступление запомнилось колоннами «обессиленных людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью — в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров» [Видер 1965: 39].

Еще больше трудностей испытывали отступавшие советские войска. По словам Н. П. Тетюнниковой — медсестры 229-й стрелковой дивизии, встретившей противника после двухсоткилометрового марша под бомбежкой на передовых позициях на реке Чир, «условия ведения боя были очень трудными: голая степь, изрытая балками, была удобна для механизированных частей противника и совсем не выгодна для наших войск». Она отмечала невероятную жару и ожесточенные бои в тяжелейших условиях: «Пять бесконечно долгих дней и ночей — без отдыха, без еды и питья — велась смертельная схватка: нужно было прорвать вражеское кольцо, выйти из окружения и соединиться со своими» [Тетюнникова]. Ветеран 33-й гвардейской стрелковой дивизии А. Паловой также вспоминал: «Это трудное лето было знойным, жара стояла за сорок. Нас мучила жажда, но не на всех хуторах мы находили воду. Часто за нее приходилось идти в атаку. А есть совсем было нечего — основной пищей для нас была созревшая рожь» [Цит. по: Курченко 2010: 53].

Вопросы обеспечения водой воинских частей приобрели важнейшее значение во всей системе снабжения как РККА, так и вермахта. Командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии генерал А. И. Утвенко признавался писателю и военному корреспонденту К. М. Симонову, что выход из окружения в 1941 г. — «это все семечки по сравнению с нынешним, летним, где за каждый грамм воды — драка. За воду ходили драться. Бросали гранаты, чтобы котелок воды отбить у немца, а жрать было нечего» [Симонов 1977: 42]. В свою очередь, И. Ви-

дер вспоминал: «Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу (снабжение не поспевало за наступающими войсками) и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы» [Видер 1965: 39]. Летом 1942 г. даже происходили столкновения румынских и немецких подразделений с применением артиллерии за обладание колодцами. Пришлось на каждый колодец выставить в качестве охраны по роте СС с двумя танками [Веремеев]. Растрескавшаяся земля превращалась в камень, делая чрезвычайно затруднительным рытье окопов.

Борьба за воду приобрела приоритетный характер и в Калмыкии. Единственными источниками водоснабжения здесь являлись колодцы, расположенные друг от друга на расстоянии в 20–30 км. Вода в них была очень низкого качества и в ограниченном количестве [Шейн 2009: 10]. П. С. Редкозубов вспоминал: «Не было воды. Где-то холодный колодец, туда посылают, а там немцы посадили снайпера. Кто пошел — там и остается, ни воды, ничего. Котелок в снег кинешь, потаял, выпил, и все. Я там как на каторге был, но выдержали все» [Респондент Редкозубов].

Середина лета для юга страны характеризуется сильными дождями с грозами. 15 июля Ф. Гальдер записал, что сражению на юге «несколько мешают грозы и дожди». Через три дня, 18 июля он вновь посетовал на плохую погоду: «Сильные грозы ночью серьезно замедлили и осложнили передвижение войск и их снабжение горючим». Запись, датированная следующим днем, позволяет понять, что особые затруднения погода доставляла танковым и моторизованным соединениям, определявшим успех действий вермахта: «Сильные ливни затрудняют продвижение войск на юге, хотя и следует отметить успехи пехоты, не имеющей машин, при преследовании противника на многих участках» [Гальдер 2012: 655, 658, 659].

Как правило, в первой половине осени в большинстве регионов на юге страны еще сохраняется теплая погода, хотя нередко

сильные проливные дожди. Но многочисленные свидетельства очевидцев позволяют считать, что в 1942 г. холода пришли рано. Уже 16 сентября А. Хеймессер записал в дневнике: «Проклятый холод! Вечером нам сообщили “приятную новость”, что в дивизии уже готовятся к зимовке на фронте. Заготовительная команда уже отправлена. Направлены также отряды для доставки леса для строительства блиндажей» [Сталинградская эпопея 2000: 134]. Взятый в плен в конце октября 1942 г. солдат 371-й пехотной дивизии В. Зоммер утверждал: «Из теплых вещей мы пока получили перчатки и подшлемники, о других вещах ничего не слышно» [Сталинградская эпопея 2000: 124]. Потому немцы и их союзники всю грабили местных жителей, отнимая теплые вещи.

В горах Кавказа 13 октября ударили морозы и пошел снегопад. Снег закрыл перевалы: уже через пять дней высота снежного покрова достигла 0,8 м, а к концу месяца доходила до 2 м. В начале ноября на Кавказе начался период интенсивных дождей, создавших дополнительные трудности. По словам В. Тике, «мелкие ручейки стали бурлящими реками. Глинистая почва превратилась в вязкую кашу... Снабжение превратилось в сложную проблему. Временами оно совсем прекращалось» [Тике 2005: 230, 255].

Со второй половины ноября морозы пришли в донские и приволжские степи. В декабре температура здесь колебалась от 0 до -10°C, а в январе опускалась ночью от 14 до 23°C мороза. Вступивший в командование армией незадолго до контрнаступления под Сталинградом, П. И. Батов утверждал: «Противнику было легче: он сидел в траншеях, подготовленных землянках и блиндажах, их оборона в глубине и по фронту проходила через множество населенных пунктов, оврагов и балок. У нас же, куда ни кинешь взор, — бескрайняя степь. Негде укрыться и обогреться. У войск ни дров, ни воды». Воду приходилось доставлять за 12–15 км, а из-за отсутствия дров нечем было отапливать землянки и блиндажи [Батов 1968: 537]. К тому же в целях маскировки нельзя было разжигать костры и пользоваться отопительными печками. Но затем испытаниям холодом подверглись отступающие, дезорганизованные и деморализованные части противника.

Уже по окончании Великой Отечественной войны один из главных героев Сталин-

градской битвы В. И. Чуйков вспоминал: «По всем нашим уставам и наставлениям, обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение, и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки». В то же время «местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении — сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющихся» [Чуйков 1980: 33].

Умение считаться с природными условиями, использовать их в своих интересах и не позволять это делать противнику — одно из важнейших качеств настоящего полководца. Анализ боевых операций на юге страны свидетельствует о том, что советские военачальники не всегда учитывали влияние природного фактора. Некоторым просто не хватило опыта, другие оказались послушными исполнителями не всегда продуманных приказов вышестоящего начальства. Исправлять ошибки военачальников нередко приходилось ценой героических усилий, а то и жизнью сотен тысяч рядовых бойцов и командиров. Только в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне произошли изменения в советской тактике, а при подготовке наступательных и оборонительных операций стали лучше учитываться природные условия, в частности, использоваться макеты местности, позволявшие детально представить особенности предстоящих сражений [Батов 1968: 527]. Это и стало одним из важнейших условий Победы, начало которой было заложено в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны.

Sources

Respondent: Redkozubov Petr Semenovich, 1923 g.r. Interv'juery: E. F. Krinko, M. V. Medvedev, T. P. Khlynina. Mesto provedenija: Rostov-na-Donu, kvartira interv'juiruemogo. Data provedenija: 11 aprel'ja 2014 g. Dlitel'nost': 104 minuty. [Respondent: Redkozubov, Peter S., born 1923 Interviewers: E. F. Krinko, M. V. Medvedev, V. P. Khlynina. Venue: Rostov-on-don, apartment of the interviewee. Date: 11 April 2014 Duration: 104 minutes].

CAMO RF — Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Central archive of the Ministry of defence of the Russian Federation].

References

- Batov P. I.* Na udarnom napravlenii. Stalingradskaia epopeja [In a shockward direction. Stalingrad epopee]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 517–544. (In Russ.).
- Bezugol'ny A. Y.* Zaoblachnyj front: boevye dejstviya sovetskih vojsk v rajone g. El'brus v 1942 g. [Exorbitant front: fighting operations of the Soviet troops in the region of Elbrus in 1942]. Korennoj perelom v Velikoj Otechestvennoj vojne: k 70-letiju osvobodzhenija Dona i Severnogo Kavkaza. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 6–7 ijunja 2013 g.) [Proc. of the Intern. Scientific. Conf. – The turning point in the great Patriotic war: to the 70th anniversary of the liberation of the Don and the North Caucasus. (Rostov-on-don, 6-7 June 2013)]. Rostov on-Don, 2013, pp. 120–127. (In Russ.).
- Chujkov V. I.* Ot Stalingrada do Berlina [From Stalingrad to Berlin]. Moscow, Voenizdat Publ., 1980. 713 p. (In Russ.).
- Dashichev V. I.* Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy. T. 2. Agressija protiv SSSR. Padenie «tret'ej imperii» (1941–1945 gg.). [Bankruptcy of strategies of German fascism: Historical essays. Documents and materials. Vol. 2. The aggression against the USSR. The fall of the «third Empire» (1941–1945)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 664 p. (In Russ.).
- Gal'der F.* Voennyj dnevnik (ijun' 1941 – sentjabr' 1942) [War diary (June 1941 – September 1942)]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 704 p. (In Russ.).
- Istorija Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Sojuza. T. 5. Kn. 1. [History of the Communist party of the Soviet Union. Vol. 5. Book 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1970. 736 p. (In Russ.).
- Krinko E. F.* Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942. Voennyj sbornik. Rossijskij voennyj zhurnal [Military collection. Russian military journal]. 2014, Vol. 3, no. 1, pp. 41–50]. (In Russ.).
- Kurchenko N.* 33-ja gvardejskaja strelkovaja divizija. 1941–1945 gg. [The 33rd Guards Rifle Division. 1941–1945]. Volgodonsk, Volgodon Publ., 2010. 195 p. (In Russ.).
- Maljarov V. N.* Stroitel'nyj front Velikoj Otechestvennoj vojny. Sozdanie strategicheskikh rubezhej oborony i placdarmov dlja obespechenija oboronitel'nyh operacij vooruzhennyh sil v gody vojny 1941–1945 gg. [Building Front of the Great Patriotic War. The establishment of the strategic defensive line of the defence and footholds to ensure the defensive operations of the armed forces during the war of 1941–1945]. St.Petersburg, VITU Publ., 2000. 348 p. (In Russ.).
- Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F., Kurbat T. G.* Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) [War. South. Turning point]. Rostov on-Don, JuNC RAN Publ., 2012. 284 p. (In Russ.).
- Matishov G. G., Krinko E. F., Arjjuhin Y. V.* Vlijanie prirodnyh faktorov na hod i harakter boevykh dejstvij v bol'shoj izluchine Dona vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojne. [The influence of natural factors on the course and the nature of warfare in the great bend of the Don during the Great Patriotic War]. Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra – Bulletin of the southern scientific center. 2014, Vol.10, no. 2, pp. 83-92. (In Russ.).
- Poddevils K.* Boi na Donu i Volge. Oficer vermahta na Vostochnom fronte. 1942–1943 [Battles on the Don and the Volga. Officer of the Wehrmacht on the Eastern front. 1942-1943]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010. 192 p. (In Russ.).
- Stalingradskaia epopeja. Materialy NKVD SSSR i voennoj cenzury iz Central'nogo arhiva FSB RF. [Stalingrad epic. The materials of the NKVD of the USSR and military censorship of the Central archive of FSB of the Russian Federation]. Moscow, «Zvonnica» Publishing House, 2000. 490 p. (In Russ.).
- Simonov K. M.* Raznye dni vojny. Dnevnik pisatelja. T. 2. [Different days of the war. The diary of a writer. Vol. 2]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1977. 183 p. (In Russ.).
- Shein O. V.* Neizvestnyj front Velikoj Otechestvennoj. Krovavaja banja v kalmyckih stepjah. [An unknown front of the Great Patriotic. Bloodbath in the Kalmyk steppes]. Moscow, Jauza, Eksmo Publ., 2009. 288 p. (In Russ.).
- Shtemenko S. M.* General'nyj shtab v gody vojny [the General staff during the war.]. Moscow, Voenizdat Publ., 1989. 560 p. (In Russ.).
- Tetyunnikova Nadezhda Pavlovna (serzhant). Vospominanija. Ja pomnju [Tetyunnikova Nadezhda Pavlovna (serzhant). Memories. I remember]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL [http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-\(serzhant\).](http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-(serzhant).)

- Vospominaniya.-/1002/2502. (accessed: 12.01.2014). (In Russ.).
- Tike V.* Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'. 1942/1943 gg. [March to the Caucasus. The battle for oil. 1942/1943]. Moscow, Eksmo, 2005. 448 p. (In Russ.).
- Tyulenev I. V.* Cherez tri vojny. Vospominaniya komandujushhego Juzhnym i Zakavkazskim frontami. 1941–1945. [Through three wars. Memoirs of the commander of the Southern and Transcaucasian fronts. 1941–1945]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2007. 432 p. (In Russ.).
- Veremeev Y.* Istorija inzhenernyh vojsk Russkoj armii. Kratkij ocherk. Saper [Elektronnyj resurs] [The history of the engineering troops of the Russian army. A brief sketch. Minesweeper [Electronic resource]. Available at: URL http://army.armor.kiev.ua/engeneer/ing_history3.shtml. (accessed: 16.01.2014). (In Russ.).
- Vider I.* Katastrofa na Volge. Vospominaniya oficera-razvedchika 6-j armii Pauljusa [Disaster on the Volga. Memories of a scout officer of the 6th army of Paulus]. Moscow, Progress Publ., 1965. 336 p. (In Russ.).
- Zhukov G. K.* Razgrom nemeckih vojsk v rajone Dona, Volgi i Stalingrada. Stalingradskaja epopeja [The defeat of the German troops near the Don, the Volga and Stalingrad. Stalingrad epopee]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 17–72. (In Russ.).

**СЛУЖБА ЖЕНЩИН В ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИХ ЧАСТЯХ
И УЧРЕЖДЕНИЯХ ЮГА РОССИИ И ИХ ВКЛАД
В СОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ (1941–1945 гг.)**

**Women's Military Service in Medical Units and Institutions of the South of Russia
and their Contribution to Maintaining the Health of the Red Army Soldiers (1941–1945)**

Г. Н. Каменева (G. Kameneva)¹

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (Ph. D. of History, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Historical and Philological Disciplines at Stavropol State Pedagogical Institute). E-mail: KamenevaGN@mail.ru.

В статье рассматриваются специфика службы женщин-медиков в годы Великой Отечественной войны в составе Северо-Кавказского и Сталинградского фронтов и их госпитальных баз, проблемы организации военно-медицинской службы Юга России, условия выполнения профессионального долга медиков, патриотические подвиги женщин.

Ключевые слова: женщины-медики, подготовка женских медицинских кадров, Общество Красного Креста, санитарные учреждения полевых частей, госпитальная база, медсестры, санитарки.

According to the analysis of the study, among a large number of female military specialists of the South of Russia during the Great Patriotic War there were more than 30 thousand women involved in medical units – hospital nurses, sanitary officers, women medical orderlies, medical assistants, doctors. The personnel of casualty clearing stations, medical and sanitary battalions, evacuation receiving stations, military infirmaries, hospital trains, evacuation hospitals consisted mostly of women. Servicewomen were predominantly sent to serve in the nearby fronts: the North Caucasian Front, the Stalingrad Front and the Caucasus Front. From the first months of the war, the South of Russia became the largest hospital base of the country, where for the entire period of the war up to thousands of hospitals were located.

In the summer of 1942 among nearly 52 000 physicians two-thirds of whom consisted of women, worked in the evacuation hospitals of the North Caucasus Military District. More than two million Red Army soldiers underwent medical treatment in regional hospitals. In spite of the wartime, the scientific activity of medical staff was not interrupted. Inside the hospital walls they conducted extensive researches, held scientific and practical conferences. Owing to the doctors' efforts soldiers could return to the army ranks. Among the active participants of donor movement in the region there were 90% of women. 25 tons of blood was delivered to the medical-sanitary battalions of the North Caucasian Front alone.

A lot of female physicians served in the Soviet Armed Forces were awarded orders and medals for their dedicated work during the war. For instance, a nurse from Essentuki evacuation hospital M. Alekseenko (Stavropol region) and a military physician S. Salamova (North Ossetia) were decorated with Orders of Lenin. And Galina Petrova (Krasnodar region) received the Soviet Union's highest award, the Hero of the Soviet Union who for the short period of her military service (a year and a half) managed to save hundreds of soldiers' lives. Women of the South of Russia made an invaluable contribution to the preservation of the health of the nation during the Great Patriotic War.

Keywords: women doctors, training of female medical personnel, the Committee of the Red Cross, sanitation service of field units, hospital base, nurses, medical orderly.

Длительные войны требуют мобилизации всех средств, предельного напряжения сил всего населения страны. При этом первостепенное значение имеют человеческие ресурсы, состояние здоровья народа, его жизнестойкость. Важной стратегической

задачей органов здравоохранения в условиях длительных и кровопролитных войн, отличающихся огромными людскими потерями, какой была Великая Отечественная война, являлось сохранение здоровья бойцов. В свете данной проблемы особую роль

в условиях войны приобрела работа военных медиков, значительную часть которых составляли женщины.

Из военных специальностей, освоенных женщинами в годы войны, медицинские представляли самую большую группу. Среди фронтовых врачей женщины составляли 46 %, хирургов — 43 %, фельдшеров — 57 %, медицинских сестер — 100 %, санитаров и санитарок — 40 % [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 80. Л. 1].

Региональный срез проблемы позволяет выявить и осмыслить особенности женской активности народов Юга России в годы войны, понять значимость и своеобразие процессов гендерной истории. В границах довоенных административно-территориальных субъектов Юг России представлял Сталинградскую (включая Астраханский административный округ) и Ростовскую области, Ставропольский и Краснодарский края, Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую, Чечено-Ингушскую, Северо-Осетинскую автономные республики. На территории региона в годы войны развернулись две грандиозные битвы — Сталинградская (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 гг.) и за Кавказ (25 июля 1942 – 9 октября 1943 гг.), поэтому предметом внимания избраны военно-медицинские части и учреждения Северо-Кавказского (СКФ) и Сталинградского (СтФ) фронтов, где была занята основная часть местных медицинских кадров.

С первых дней войны в действующую армию ушло подавляющее большинство медицинских работников различной квалификации. Несмотря на то, что накануне войны с 1938 по 1941 гг. число средних медицинских работников по стране увеличилось на 54 % [ГА СК. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 235. Л. 112. Информационный бюллетень], кадровый вопрос постоянно был весьма острым. К концу 1941 г. количество врачей в тылу сократилось более чем вдвое — со 141,7 тыс. до 64 тыс. [Зенич 1994: 87]. В связи с нехваткой средних медицинских работников в регионах была организована их подготовка.

Военные врачебные кадры готовились в основном высшими и средними медицинскими учебными заведениями. На Юге России к началу войны было семь медицинских институтов (в гг. Краснодар, Ворошиловск (Ставрополь), Ростов-на-Дону, Сталинград (Волгоград), Астрахань, Махачкала, Орджоникидзе (Владикавказ)) и более 10

медицинских училищ. Кроме того, на базе эвакуированных в район Кавказских Минеральных Вод Днепропетровского фармацевтического института, Ленинградского фармацевтического института и Второго Ленинградского медицинского института 27 марта 1943 г. был создан Пятигорский фармацевтический институт. Подготовку медсестер, санитаров и санитарок осуществляло Общество Красного Креста (ОКК). Активную работу проводил комсомол. Всего на Юге России в Обществе Красного Креста за годы войны, по подсчетам автора, прошли обучение более 33 тыс. медсестер и сандружинниц [ГА РФ. Ф. 9501. Оп. 3. Д. 140, 192, 197; Керимов, Аликберов 1959: 89; Северная Осетия 1989: 223; Сталинградская эпопея 1968: 389]. Кроме того, в регионе к началу войны, помимо нескольких тысяч женщин-медиков гражданских учреждений, основами сестринской службы владели выпускницы многих высших учебных заведений. Все они являлись военно-служащими запаса, и значительная их часть была мобилизована. За период с начала войны и до марта 1942 г. в Дагестане только медсестер было мобилизовано 7 632, из них 50 % были в возрасте до 35 лет [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 107. Л. 108].

Тысячи женщин-медиков героически трудились в боевых частях. Вместе с мужчинами тяжелую работу самоотверженно выполняли женщины-врачи, медсестры, санитарки непосредственно на поле боя, в армейских и фронтовых медицинских учреждениях, где решалась судьба сотен тысяч раненых. Только в санучреждениях полевых частей СКФ (I форм.) на 1 июля 1942 г., по подсчетам автора, находилось более 700 женщин-военнослужащих [ЦА МО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 32. Д. 1–36].

Главной проблемой в боевых условиях была организация выноса раненых с поля боя, поскольку оперативность и качество оказания первой медицинской помощи во многом определяли эффективность лечения бойцов. В контрнаступлении под Сталинградом работавшие на поле боя санитары Донского фронта доставляли до 80 % тяжелобольных на БМП в сроки, не превышающие 2 часов с момента ранения. Особое внимание уделялось требованию выноса раненых с оружием, что восстанавливало не только человеческий, но и военно-технический потенциал Красной Армии. Это еще более усложняло задачу хрупким девушкам-санитаркам.

Исключительное значение для спасения жизни раненых имели остановка кровотечения и крововосстановление. В армии кровь доставлялась санитарными самолетами с использованием их обратным рейсом для эвакуации раненых. Во всех армиях были организованы «группы крови» в составе врача и одной-двух сестер: кровь направлялась на места в медсанбаты и госпитали принадлежащими им транспортными средствами (санитарными и грузовыми машинами, на повозках, санях, а при полном бездорожье — пешком). В период весенне-осенней распутицы военные части получали кровь в специальных сбрасываемых корзинах. Только в медико-санитарные батальоны Северо-Кавказского фронта жителями региона было сдано 25 т крови. Женщины-медики являлись активными пропагандистами, организаторами и действенными участниками донорского движения [РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 384; РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 195. Л. 17; Асауляк 1947: 20; Кондакова 2002: 64]. Среди доноров женщины составляли более 95 %. Так, по отчетам сталинградской областной станции переливания крови, с августа 1942 г. по январь 1943 г. заготовившей 58 т литров крови, в т. ч. для госпиталей — более 40 т литров, из 3097 активных доноров женщины составляли 97,3 % [ГА ВО. Ф. 5916. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1–2].

Преимущественно женским был личный состав полевых эвакуационных пунктов, медико-санитарных батальонов, эвакуационных пунктов, войсковых лазаретов, военно-санитарных поездов, полевых армейских госпиталей. Среди сотен женщин полевых войск самоотверженную работу на поле боя выполняли десятки санитарок 44-го гвардейского корпусного медсанбата стрелковых войск СКФ [ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 35. Лл. 385–404], эвакуационника № 23 в составе 47-й армии, армейского полевого госпиталя № 2162 СКФ, эвакуационных пунктов № 1582, № 1582 СтФ и мн. др. учреждений [ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 80. Лл. 17–176].

В 1943 г. на Малой земле (небольшом плацдарме советских войск под Новороссийском) действовал хирургический госпиталь на 600 мест, эвакуационный пункт, медсанбат и медсанрота, где самоотверженно выполняли свой долг врачи, сестры и санитарки. За первую неделю высадки десанта хирургическая группа из 32 человек оказала первую операционную помощь почти 3 тыс. ране-

ным. Весь состав этой группы, за исключением одного человека, при бомбардировке медпункта погиб. Небывалый героизм проявила 20-летняя санитарка Наталья Дюжилова, под бомбежками с 12 по 25 апреля 1943 г. более 10 раз в день переносившая тяжелораненых. 20 апреля 1943 г. она дважды была ранена, но донесла раненого до безопасного места [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 35. Л. 137].

Санитарка 144-го батальона 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты СКФ Надежда Горбачева на Малой земле вынесла 31-го раненого с оружием, дважды награждена медалью «За отвагу»; Нина Хуцешвили — 120 раненых. Награждена орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу» [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 35. Л. 137]. 20-летняя медсестра Вера Клименко из Краснодара в боях за родной край вынесла с поля боя десятки раненых, взяла в плен 3-х немецких солдат. Награждена орденом Красной Звезды [ЦА МО. Газета СКФ «Вперёд за Родину!», 7 марта 1943].

Надежда Степановна Савченко (Радченко) из станицы Бургустанской Ставропольского края, санинструктор 4-й роты 19-й стрелковой бригады, за героизм по спасению раненых в период боев на Орджоникидзевском направлении дважды награждалась медалями «За боевые заслуги». Ставропольчанка Анна Черемис, командир роты санитаров 1053-го стрелкового полка 300-й дивизии, за спасение полкового комиссара награждена медалью «За отвагу», дважды была ранена, Ордена Красной Звезды была удостоена за организацию вывода 400 раненых из окружения. Прошла боевой путь от Кавказа до Чехословакии [Боевая слава 1994: 156; СГМЗ. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1. Л. 35]. Десятки раненых в боях за Марухский перевал вынесли санинструкторы 107-й, 155-й стрелковых бригад 810-го полка ЗКФ, ставропольчанки П. Губенко, О. Пакуль, А. Дутлова [Ставропольцы 2005: 114–115].

Сона Агаева из с. Мердакан Дагестана, хирургическая медсестра СКФ, в период боев марта 1943 г. ассистировала операции в медсанбате, в 2–3 км от фронта. В один из таких дней ее несколько раз отбрасывало взрывной волной, обрушилась стена операционной, однако она оставалась на боевом посту [ЦА МО. Газета СКФ «Вперёд за Родину!», 7 марта 1943]. Дагестанка Мария Вартазарова, медсестра саперного батальона, 5 сентября 1943 г. под хутором Во-

рошиловским Буденновского района Сталинградской области, защищая раненых, вступила в бой с противником, неожиданно прорвавшим оборону. Посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени [Дагестанская правда 1 февраля 1946]. Медсестра Фатма Додоева (Кошелева) при форсировании Днепра вынесла с поля битвы более 50 раненых. Награждена орденом «Красной Звезды» [Ставропольская правда 25 марта 1965]. Всю войну служила начальником аптеки военно-санитарного поезда № 6 Зарета Тимофеевна Мзюкова из Кабардино-Балкарии. Часто под обстрелом врага, без сна и отдыха, она отпускала лекарства, переносила раненых, ухаживала за ними, ассистировала во время операций. Среди многих ее наград медаль «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны I степени [Боевая слава 1994: 574].

В числе 116 тыс. медицинских работников, награжденных орденами и медалями, свыше 40 тыс. — женщины. В числе Героев Советского Союза — старшина медицинской службы Галина Петрова из г. Новороссийска Краснодарского края. С первых дней войны она добивалась отправки на фронт. Окончила Краснодарскую фельдшерскую школу, работала в Новороссийском госпитале. Осенью 1942 г. была включена в состав батальона морской пехоты. Участница десантов на Малую землю и Керченский полуостров. Во время Керченско-Этильгенской десантной операции в Крыму 1 сентября 1943 г. поднялась в атаку по минному полю, увлекая за собой солдат. Вынесла в этом бою 30 раненых бойцов. За 1,5 года военной службы на ее счету сотни спасенных жизней советских солдат. Золотой Звезды Героя удостоена посмертно [Героини 1969: 166; Герои Советского Союза 1984: 83; ЦА МО. Газета СКФ «Вперёд за Родину!», 16 мая 1943; Ерёмин, Исаков 1984: 97].

Смертность медработников в период войны была на втором месте после бойцов стрелковых частей. Всего за годы войны потери медицинской службы составили 210 тыс. человек, больше всего убитых и раненых было среди санитаров и санинструкторов.

Успех работы военных медиков во время войны был достигнут благодаря разработанной системе этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению. Это означало рассредоточение всего лечебного процесса в отношении раненого между

специальными подразделениями и учреждениями, представляющими собой отдельные этапы на его пути с места ранения в тыл, и проведение эвакуации по назначению туда, где каждому раненому будет обеспечено квалифицированное и специализированное лечение. Эвакуация раненых из госпитальных баз фронта в тыловые госпитали страны осуществлялась в подавляющем большинстве случаев военно-санитарными поездами.

Уже в первый год войны Юг России стал крупной госпитальной базой. Во многом этому способствовало наличие квалифицированных медицинских кадров, широкая сеть санаториев и курортов, бальнеологические факторы региона. Только в Краснодарском крае в 1941 г. было создано 145 госпиталей [Очерки истории 1976: 357–358; ЦА МО. Ф. 5. Оп. 962. Д. 70. Л. 93; ЦА МО. Ф. 5. Оп. 962. Д. 51. Л. 581. 27]. Уже к 30 июня 1941 г. (на 8-й день войны) в Сталинграде и некоторых райцентрах были сформированы 14 эвакогоспиталей на 5200 коек. Сразу же в них начали поступать раненые с Юго-Западного фронта. Развернутые в Сталинграде эвакогоспитали работали с большим напряжением: с разных фронтов сюда прибывали почти ежедневно от 3 до 5 санитарных поездов с ранеными, что в среднем составляло 3–5 тыс. человек.

Особенно большие нагрузки испытывал медперсонал эвакогоспиталей региона весной-летом 1942 г., в период упорных боев в Крыму, на Сталинградском направлении, на подступах к Северному Кавказу. На 1 мая 1942 г. по госпиталям Северо-Кавказского Военного Округа (СКВО) насчитывалось более 156 тыс. раненых, 3-я часть из которых была с Крымского фронта [ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 131. Л. 175]. Летом 1942 г. в эвакогоспиталях СКВО работало 52 тыс. медиков, значительную часть из которых составляли женщины. Недостаток врачей по штату составлял 314 человек, 29 госпиталей не имели ни одного хирурга. На одного квалифицированного хирурга по госпиталям СКВО приходилось 700–750 раненых [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 1289. Д. 301. Л. 221].

Летом 1942 г. обстановка на южном участке советско-германского фронта резко ухудшилась. Противник блокировал железнодорожные линии на Котельниково, Ростов, Северный Кавказ, а на севере — на Балашов. Когда участились бомбардировки

Сталинграда, возросла опасность для раненых, потребовалось рассредоточение госпиталей. Эвакуация раненых из Сталинграда шла по Волге в двух направлениях — на Саратов и Астрахань. Если на 1 июля 1942 г. госпитальная база Сталинградской области состояла из 96 госпиталей на 52 840 коек, то в ноябре 1941 г. их уже стало 80 на 37 700 коек. За 12 месяцев (июль 1941 г. — июль 1942 г.) сталинградские эвакогоспитали обслужили 225 736 раненых и больных, возвратили в строй 185 тыс. чел. [Сталинградская 1968: 387]. Из 431 санитарных частей и учреждений, принимавших участие в обороне Сталинграда, с 12 июля по 18 ноября 1942 г. 167 составляли госпитали [АВОМ-ГИЗ. Ф. 196. Инв. № 4596].

Во время бомбардировки Сталинграда 23–24 августа 1942 г. госпитали сильно пострадали, имелись жертвы среди медперсонала и раненых. Одной из самых трудных задач, стоящих перед медицинской службой, была переправа раненых на левый берег Волги. Сквозь неприятельский огонь, через завалы разрушенных зданий приходилось выносить раненых прямо к берегу на центральную набережную и грузить на катера, баржи, пароходы, чтобы переправить на левый берег. Специального санитарного транспорта не было. Использовались обратные рейсы Волжской военной флотилии. На центральной набережной раненых обслуживал ЭП-54. Здесь постоянно работали 3–4 врача, 6–8 медсестер и санитары. Эвакуация раненых на левый берег Волги проводилась только ночью под интенсивным огнем противника. Большую помощь оказывал раненым и полевой подвижной госпиталь № 689. Он прибыл в район Сталинграда в сентябре 1942 г. и был развернут на «Переправе-62». Ежедневно через госпиталь проходило от 600 до 800 человек, а всего за период боев в Сталинграде эвакуировано свыше 5 тыс. раненных. Переправа раненых через Волгу не прекращалась даже в ноябре, когда по реке пошел лед. По неокрепшему льду, минуя полыньи, были проложены пешие тропы, по которым в сопровождении санитаров передвигались «ходячие» раненые, тяжелораненых везли на лодках-волокушах. В декабре по льду уже смогли пройти автомашины, и эвакуация раненых продолжалась. В итоге работы эвакогоспиталей за 1942 г. было вывезено 142 978 человек [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 83. Лл. 8–19].

В период оккупации Северного Кавказа госпитальная база СКФ (I форм.) вошла в состав Закавказского фронта, основная часть госпиталей была передислоцирована в горные районы Кавказа. Доставка раненых осуществлялась конными и автомобильными санротами, воздушным транспортом. Не хватало вьючных, горнолыжных установок, палаточного фонда в медсанбатах. В районах с небольшим жилищным фондом зачастую приходилось проводить прием раненых под открытым небом. Для обучения работе медиков в высокогорных районах на горнолыжной базе в Бакуриани были оперативно организованы курсы для врачей, санитаров и санинструкторов. В ноябре 1942 г. из 348 медико-санитарных учреждений ЗКФ Северной и Черноморской группам войск принадлежало 258 на 60 тыс. мест [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 1029. Д. 52. Л. 86. Д. 49. Л. 41]. В санучреждениях тыловых частей ЗКФ работало 24 955 женщин [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 1029. Д. 52. Л. 86. Д. 49. Л. 22–28].

Зимой 1943 г., с началом наступательных операций Сталинградского и Северо-Кавказского фронтов (II форм.), госпитальная база региона начинает восстанавливаться. Как и в начальном этапе войны, регион становится тылом. Однако ожесточенные бои на Кубани продолжились до второй декады октября 1943 г.

Восстановление госпиталей происходило в трудных условиях: значительная часть медицинских учреждений, санаториев, курортов была разрушена оккупантами; кроме того, в связи с активными боевыми действиями в период завершающих операций по освобождению Северного Кавказа возрастал поток раненых. Врачи, медсестры, санитарки сутками не отходили от операционных столов и коек тяжелобольных солдат. Анализ данных о загрузке госпиталей армейских и фронтовых районов Северо-Кавказского фронта с мая по октябрь 1943 г. показывает, что среднее их число составляло 244, при загрузке 100–120 тыс. больных и раненых. Тем не менее, это было вдвое меньше, чем в дооккупационный период [ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 51. Л. 408, 581]. Сложно было осуществлять доставку раненых. Связь с госпиталями гг. Махачкалы, Пятигорска, Сочи осуществлялась только самолетами. Были перебои с горючим, сложные метеоусловия для полетов [ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 51. Л. 408].

До осени 1943 г. ощущался острый недостаток медикаментов, топлива, дизкамер, перевязочного материала. Не сразу была налажена специализация госпиталей, поступали пациенты по всем видам ранений и заболеваний. Одной из проблем было множество «хозяев». На территории СКВО госпиталями ведало 12 организаций и управлений медико-санитарной и другой работы [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 301. Лл. 221, 228, 231].

С осени 1943 г., когда регион был полностью освобожден от оккупантов, количество госпиталей и их нагрузки возросли. В регион стали поступать раненые и больные с других фронтов. На 1 врача приходилось по 100–130 раненых. Только в Кисловодске находился 21 эвакуогоспиталь (э/г) Перегрузка по разным госпиталям достигала от 3 до 50 % (в госпиталях г. Ессентуки № 2153 — на 40 %, № 2042 — на 51 %) [ГА СК. Ф. 2795. Оп. 2. Д. 3. Л. 47].

Наряду с перегрузкой госпиталей ранеными было множество других проблем — например, кадровая: нехватка врачей по госпиталям ВЦСПС СКВО достигала 24 %. Тем не менее, хирургами за II–III кварталы 1943 г. было проведено 4 219 операций. Одним из ведущих хирургов госпиталей Кавминвод являлась доктор Акулова [ГА СК. Ф. 3063. Оп. 1. Д. 7. Л. 85, 95]. За 1944 г. объем проделанной хирургической работы вырос в 3 раза [ГА СК. Ф. 3063. Оп. 1. Д. 38. Л. 6]. Для оперативного решения кадровой проблемы Управление госпиталей организовало курсы по подготовке врачей-хирургов, санитарок, эпидемиологов [ГА СК. Ф. 4227. Оп. 1. Д. 3. Л. 40].

Количество госпиталей в регионе, их наполняемость на протяжении войны постоянно менялись в зависимости от хода боевых действий, близости фронта и безопасности районов базирования госпиталей. Так, в Сталинградской области с 1941 по 1943 гг. работало 432 госпиталя. А всего на Юге России за годы войны — более 900 госпиталей [Очерки истории 1976: 357–358; ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 70. Л. 93; ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 51. Л. 581. 45].

Несмотря на все трудности деятельности госпиталей была проделана огромная работа по повышению качества врачебной помощи. Для укрепления служебной дисциплины было развернуто соцсоревнование госпиталей, для популяризации успешных методов лечения проводились «пятиминутки», лекции, межгоспитальные конфе-

ренции. Велись обширные научные исследования. Одним из ведущих направлений медиков было лечение инфекционных заболеваний. В годы войны массовые миграции людей в сочетании с резкой перенаселенностью, разрушением оккупантами сети медицинских учреждений на 80% и уничтожением средств вакцинации обострили эпидемическую ситуацию до крайности. Медики приложили большие усилия по предотвращению распространения различных видов тифов, дизентерии, туляремии, малярии и других опасных для жизни заболеваний.

За самоотверженную работу многие медицинские работники госпиталей региона награждены орденами и медалями. Среди них начальник госпиталя г. Железноводска, заслуженный врач РСФСР К. С. Гребенщикова, награждена орденом Трудового Красного Знамени; медсестра Ессентукского э/г М. Ф. Алексеенко, военврач Софья Саламова (Северная Осетия) — орденом Ленина; знаками «Отличник здравоохранения» — начальник госпиталя г. Железноводска Т. А. Засорина, военный хирург А. Н. Плотнокова, врачи Н. И. Куприянова, Е. Н. Кмарсова, старшая медсестра Г. А. Булгак. Многие сотрудницы госпиталей региона стали Отличниками санитарной службы Красной Армии — в их числе медсестры Л. Ф. Вагина, З. Я. Лежнева, Е. Н. Атлас, Е. Я. Складорова, А. В. Сливинская. Почетных грамот Военного Совета СКФ удостоены Л. А. Никитина, А. П. Голюдова, Д. М. Валентина, М. Б. Брацлавская, В. А. Алексеева, М. Ф. Косицкая и другие [Ставропольцы, 1995: 206–208; Ставропольская правда 12 января 1944].

Стараниями медиков 75–90 % бойцов возвращались в строй [ГА СК. Ф. 4227. Оп. 1. Д. 3. Л. 34. Информационный бюллетень]. Согласно сведениям Генштаба и подсчетам автора, всего в военных операциях на Юге России (с учетом стратегических и самостоятельных фронтовых операций) людские потери составили 2 млн 95 тыс. человек, из них санитарные — 1 млн 208 тыс. человек [Великая Отечественная 2009: 109, 111, 114, 117, 180, 182]. С учетом прибывших с других фронтов раненых более двух миллионов бойцов Красной Армии за годы войны восстановили свое здоровье в госпиталях региона. Только в Сочи — около 500 тыс. красноармейцев, в Кисловодске — 579 тысяч [РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 384. Лл. 250–253; Очерки истории 1976: 357–358].

Женщины многонационального Юга России в труднейших условиях войны на военно-медицинской службе проявили небывалый по своим масштабам повседневный массовый героизм, профессионализм, гуманизм, самоотверженность, мужество. Они приняли самое деятельное участие в решении важнейших задач по сохранению человеческих жизней — сведения к минимуму летальности на этапах эвакуации и инвалидности среди раненых, предотвращении массовых эпидемий в войсках; развертывании в регионе крупнейшей сети эвакогоспиталей, налаживании их эффективной работы и неоднократной передислокации — чем внесли неоценимый вклад в борьбу за жизнь и здоровье воинов-красноармейцев.

Sources

- Arhiv Volgogradskogo oblastnogo muzeja gigieny i zdravooohranenija (AVOMGIZ). F. 196. Inv. № 4596 – [The archive of the Volgograd Regional Museum of Hygiene and Public Health (AVRMHPH)]. F. 196. Inv. no. 4596. (In Russ.).
- Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNI VO) – [The Centre for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region]. F. 113. Op. 12. D. 83. Ll. 8–19. (In Russ.).
- Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (CAMO) – [The Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMD RF)]. F. 5. Op. 962. D. 51. L. 581; F. 32. Op. 11318. D. 35. L. 1137. (In Russ.).
- Dagestanskaja pravda. 1946. 1 fevralja February, 1. (newspaper). (In Russ.).
- Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GA VO) – [The State Archive of the Volgograd Region (SA VR)]. F. 5916. Op. 1. D. 1. Ll. 1–2. (In Russ.).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) – [The State Archive of the Russian Federation (SA RF)]. F. 9501. Op. 3. D. 140, 192, 197. (In Russ.).
- Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK) – [The State Archive of the Stavropol Region (SA SR)]. F. 2795. Op. 1. D. 235. L. 47; L. 112; F. 4227; Op. 1. D. 3. L. 34; L. 40; F. 3063. Op. 1. D. 7. L. 85; L. 95; F. 2795. Op. 2. D. 3. L. 47. (In Russ.).
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGA SPI) – [The Russian State Archive of the Social and Political History (RSA SPH)]. F. 17. Op. 8. D. 195. L. 17; F. 17. Op. 43. D. 381. L. 17; F. 17. Op. 44. D. 384. L. 250–253. (In Russ.).
- Stavropol'skaja pravda. 1944. 12 janvarja January, 12. (newspaper). (In Russ.).

References

- Asauljak A. A. Zdravooohranenie v Stavropol'skom krae [Health Care in the Stavropol Region]. Stavropol, Stavrop. Book Publ., 1947. 24 p. (In Russ.).
- Boevaja slava Kabardino-Balkarii. Kn. 6. [Battle glory of Kabardino-Balkaria. Book. 6]. Nalchik, Kabard.-Balkar. Book Publ., 1994. 638 p. (In Russ.).
- Eryomin V. G., Isakov P. F. Molodezh' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Youth in the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl Publ., 1984. 285 p. (In Russ.).
- Geroi Sovetskogo Sojuza: Istoriko-statisticheskij ocherk [Heroes of the Soviet Union: Historical and statistical sketch]. Moscow, Voenizdat Publ., 1984. 288 p. (In Russ.).
- Geroini. Oчерki o zhenshhinah – Gerojah Sovetskogo Sojuza. Vyp. 2. [Female heroes. Essays about female Heroes of the Soviet Union. Vol. 2]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 463 p. (In Russ.).
- Kerimov I. K., Alikberov Z. M. Na fronte i v tylu. Patriotizm narodov Dagestana v Velikoj Otechestvennoj vojne [At the front and in the rear. The patriotism of the people of Dagestan in the Great Patriotic War]. Mahachkala, Dagknigoizdat Publ., 1959. 115 p. (In Russ.).
- Kondakova N. I. Problemy prodovol'stvennogo obespechenija i zdravooohranenija v gosudarstvennoj politike SSSR 1941–1945 gg. Matly konferencii: Vtoraja mirovaja i Velikaja Otechestvennaja vojna: aktual'nye problemy social'noj istorii [The issue of food security and health in the state policy of the USSR, 1941–1945. Proc. of the conference – Second World War and the Great Patriotic War: actual problems of social history]. Maikop, AGU Publ., 2002. 384 p. (In Russ.).
- Oчерki istorii Krasnodarskoj organizacii KPSS [Essays on the history of Krasnodar organization of the KPSS]. Krasnodar, Krasnodar Book Publ., 1976. 656 p. (In Russ.).
- Severnaja Osetija: istorija i sovremennost'. Sb. Trudov [North Ossetia: history and modernity. Collected papers]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. NII, 1989. 292 p. (In Russ.).
- Stavropol'cy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Stavropol citizens during the Great Patriotic War]. Stavropol, Stavropol. fond kul'tury, 2005. 349 p. (In Russ.).

- Stalingradskaja epopeja. Sb. Materialov [Stalingrad epopee. Collected materials]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 16 p. (In Russ.).
- Velikaja Otechestvennaja vojna bez grifa «sekretno». Kniga poter'. pod red. G. F. Krivosheeva [The Great Patriotic War Unclassified. The book of losses. Ed. by G. F. Krivosheev]. Moscow, Veche Publ., 2009. 384 p. (In Russ.).
- Zenich M. S.* Budni voennogo liholet'ja 1941–1945 gg. Vyl. 2 [Everyday life during the hard times of the war years 1941–1945 Vol. 2]. Moscow, In-t Ros. Istorii RAN Publ., 1994. 143 p. (In Russ.).

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.:
ПИСЬМА ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ,
ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

**Nationalities Policy in the Context of the War of 1941–1945:
the Letters of Citizens to Public Authorities, the Search for Solutions to Problems**

*Н. Ф. Бугай (N. Bugay)*¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Ph. D. of History, Leading Scientist at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

В статье рассматриваются письма представителей депортированных народов в высшие органы власти в качестве источника по национальной политике СССР в условиях войны 1941–1945 гг. Они отражают реалии того времени и стремление этнических общностей к самоутверждению, возвращению к местам своего исконного проживания. Исполнение своего гражданского долга каждый видел в личном проявлении внимания к своему народу, выражении заботы о нем в разделяемой трагедии. Именно этим наполнено содержание многих писем, направлявшихся в 1940-е гг. в государственные структуры, а также адресованных непосредственно И. Сталину, Л. Берия и др.

Ключевые слова: депортация народов, балкарцы, немцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, крымские татары, чеченцы.

The article deals with the letters of deportee ethnicities' representatives to senior public authorities, which are considered as sources for the nationalities policy of the USSR during the War of 1941–1945. They represent the environment of those times and the urge of ethnic groups to develop ethnic identity and return to their native place of residence. The discharge of civic duties was seen by everyone as showing personal interest and anxiety regarding their ethnicity, and expressing sympathy regarding the shared tragic experience. Many letters sent to government institution and directly to J. Stalin, L. Beria and others during the 1940s were charged with these particular concerns. Brief analysis of the contents and subject matter of the special settlers' letters shows that their rich material expresses people's concern about their difficult situation under the supervision of 'spetskomandatura' (special labour brigade). The priority issues of many letters were the interests of the state, its preservation and economic development. The authors paid interest to future organization of life after their release from special settlements, improvement of life conditions in state national autonomies, establishment of public authorities and parties, and youth associations. They were concerned about the improvement of education system, including in national languages, as well as the consolidation and reunification of special settlements' families separated due to a variety of reasons. Of special interest is the level of interrelations and interperception between the ethnic groups who went through forced deportation. By communicating in the challenging conditions of special settlements they learned more about themselves in terms of culture, customs, traditions, and production skills. Without any doubt, this was beneficial for the ethnicities, making the society morally wealthier and more consolidated.

Keywords: deportation of peoples, Balkars, Germans, Ingushes, Kalmyks, Karachays, Koreans, Crimean Tatars, Chechens.

Война — явление общественное и навсегда остается в истории как универсальное событие. Очень сложно в нем определить долю вклада каждого из народов в многонациональном государстве. Это Победа, одержанная всеми и для всех. На практике достижение победы означает совместное решение главной задачи — сохранения целостности государства, завоеваний прежних поколений. Из нее следует решение задачи организации ответных действий,

известных в науке как явление ритомсации (return action — возвращение, необходимость ответа) на замыслы врага, направленные в целом на порабощение народов. Достигнутая в ожесточенных сражениях с врагом Победа требует неотложно принять комплекс мер второго дня: по возрождению страны, залечиванию нанесенных ран, восстановлению экономического сектора, утраченных символов государства, культуры народов, строгому следованию примене-

ния принципов создания и упрочения своего государства. Несмотря на наличие общей цели в годы войны у разных народов судьба складывается по-разному. Никто не мог предположить, что будет проведена такая широкая по своим масштабам политическая акция, как принудительное переселение этнических общностей в Советском Союзе, охватившее более 3,5 млн граждан государства. Однако данные явления имели место в ходе войны 1941–1945 гг.

Тем не менее ростки этого явления, заложенные уже в первые годы существования пролетарской диктатуры, получили бурное развитие в последующие десятилетия становления советской государственности и имели тяжелые последствия, прежде всего для самих народов. Как показывают современные условия войны на Украине, ее хунта, те меры, которые она демонстрирует мировому сообществу в плане развития отношений по вектору «народы и власть», превзошли даже формы и методы их воплощения, предпринимавшиеся в 1940-е гг. режимом Сталина. Они практиковались в отношении некоторых этнических общностей, в частности, Северного Кавказа, Северо-Запада страны, Поволжья, Крыма, Закавказья, Прибалтики и др. В условиях же мирного развития государственности, формирования общества на новых началах, хотя такая практика нигде не насаждалась, в том числе и в Украине, в целях продажи территорий, получения дополнительных дивидендов политики устраивают бойню, уничтожают составную часть населения своей страны. Нынешние власти Украины пошли по пути создания условий невозможности проживания неугодного населения, превратив его, по примеру американского сообщества, в самостоятельную диаспору, русскую диаспору — людей с особым сознанием, отличным от украинцев, различной идентичностью, бытом и т. д., и определив такую форму расправы с ней, как уничтожение военным способом.

На практике хунта располагала рекомендованными США методами. Более того, в условиях востребования по разным причинам той или иной территории США неоднократно прибегали именно к таким способам расправ с населением. Подобным образом поступали США в отношении индейцев, а затем гренландских иннуитов (эскимосов), японцев, алеутов и прочих. Так, в 1953 г. было осуществлено насильственное пере-

селение иннуитов (Гренландия) [Бугай 2012: 72, 73]. Чтобы освободить место для новой ракетной батареи, командир из армии США велел иннуитам «убираться, дав им на сборы четыре дня». Все население было увезено в новую деревню на расстояние 125 миль от прежнего места проживания, скоростным методом были построены туннели. Американская же пропаганда представляла эти события как добровольное переселение иннуитов. Все это позволяет еще раз сделать вывод о том, что на первое место всегда ставятся именно интересы государства. Похоже, такие же методы США навязывали и навязывают Грузии и Украине. Нужна территория, новые источники природных ресурсов — это стратегическая задача. А какими способами ее решать — другое дело. Выгоду получают в итоге, как правило, именно США, в своей «грязной работе» опираясь на страны НАТО и наказывая тех, кто не соглашается с такой политикой и поступает ей наперекор.

«Рецепты» по «исцелению» общества разрабатывались и за пределами СССР. И Гитлер, и Сталин нередко прибегали, хотя и разными путями, к одним и тем же методам. Каждый преследовал свои цели, опираясь на теорию «кристаллизации общества» (применим такой термин) с целью формирования однородного (в разных смыслах) по составу населения. Между тем никто так непосредственно не воспринимал обстановку, как сами народы, оказавшиеся в подобной ситуации. Они знали, кто и как относится к обществу, государству, могли дать верную оценку способности того или иного народа к совершению незаконных акций в отношении самого государства. Поэтому письма представителей репрессированных, направляемые в государственные структуры и партийные организации, имеют первостепенное значение для оценки событий военного времени, возможно, не всестороннего анализа, но оценок исключительно важных для рассмотрения положения народов, их самосознания и национального сознания.

В данном случае письма выступают в качестве источника по рассматриваемой сложной проблеме. Они отражают реалии того времени и стремление этнических общностей к самоутверждению, возвращению к местам своего исконного проживания. Исполнение своего гражданского долга каждый видел в личном проявлении внимания к своему народу, выражении заботы о нем в

разделяемой трагедии. Именно этим наполнено содержание многих писем, направлявшихся в 1940-е гг. в государственные структуры, а также адресованных непосредственно вождю государства И. Сталину, наркому НКВД СССР Л. Берия и др.

Так, представитель незначительного по численности народа — лазов, член правительства Аджарской АССР, писатель, министр, Мухамед Ванлиши (в середине 1930-х гг. входил в группу политиков Аджарии и Абхазии, призванных провести среди лазов просветительскую работу по вопросам советской власти и партийного строительства), обратился с письмом на имя Л. Берия. Цель его послания ясна: «...Лазы, живущие в остальных селах, которые имели со старых времен турецкие фамилии, оказались выселенными... Одновременно докладываю об исключительно патриотических проявлениях со стороны лазов в годы Отечественной войны путем посылки на фронт своих сынов и оказания фронту помощи в деле защиты Советской Родины.

Зная хорошо ту борьбу, которую провел грузинский народ против иностранных завоевателей, могу сказать, что грузинский народ, в том числе и лазы, сыграли величайшую роль в деле обороны Кавказа, и этой обороной непосредственно руководил достойный сын грузинского народа, в частности лазского народа, товарищ Лаврентий Павлович Берия.

Прошу Вашим вмешательством вернуть тех лазов, которые выселены ошибочно...» [ГАРФ. Ф. Р. 9478. Оп. 1. Д. 157. Л. 85, 86]. Кстати, голос Ванлиши был услышан. Однако так «везло» не каждому народу, вовлеченному в эти события периода войны 1941–1945 гг.

Если депортация советских немцев протекала быстротечно, особенно с территории автономии немцев Поволжья, то процесс реабилитации немцев имел длительный период, начиная с принятия постановления Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 8 декабря 1955 г. Не была восстановлена Республика немцев Поволжья. В связи с этим события, связанные с реабилитацией общности немцев, особенно в 1960–1970-е гг., по сравнению с другими этническими общностями, подвергшимися деструктивным воздействиям со стороны государства,

были наполнены целенаправленной и последовательной борьбой за решение этой задачи, приобретавшей различные формы перевода ее на правовую основу. Эта борьба способствовала возникновению национального немецкого общественного движения. Вначале партийные органы стремились придать ему самостоятельное направление путем организации Ассоциации российских немцев с определенным набором функций и в целях поддержания тесной связи с этнической общностью. Весьма широкий размах принимала и переписка групп немецкого населения с партийными и советскими органами.

В письмах ясно прослеживается роль областных и партийных организаций и органов советской власти в создании материальной базы для организации немецких общностей в регионах их проживания (Красноярский, Краснодарский, Алтайский края, Казахская ССР, Томская, Новосибирская, Саратовская, Тюменская и др. области). Очевидно стремление многих немцев к возрождению своей государственности. На решение этой задачи были нацелены усилия прессы, прежде всего издаваемых немцами печатных органов («Ноейс Лебен», «Фройндшафт» и др.). Заметным было участие советских немцев в секторе экономики — не только в промышленном производстве, но и в аграрной сфере. В письмах немцы обращались к вопросам образования, учета организаторских способностей, выдвижения их на руководящую работу. Правда, не везде эта работа проводилась на высоком уровне, однако многое зависело и от внимания партийных органов, их возможностей в налаживании культурно-просветительской работы.

Немцы сами зачастую проявляли интерес к организации массовой работы, изданию прессы, проявляя инициативу, ведя борьбу против влияния сект. Они уделяли внимание детям — воспитанию, культуре межэтнического общения, формированию их самосознания. Эта проблема была и в центре работы средств массовой информации. На свои средства немецкие колхозы строили школы, центры немецкой культуры и об этом информировали центральные органы страны.

В заявлениях российских немцев, итоговых резолюциях, принимавшихся на конференциях по вопросу воссоздания Республики немцев Поволжья, письмах граждан

выражалось и всеобщее недовольство населения, проживавшего на территории существовавшей до начала 1940-х гг. Республики немцев Поволжья. Разные точки зрения по этому вопросу имелись и в среде самого немецкого сообщества. Предлагалось, например, создать Ассоциацию советских немцев как своеобразное общественное объединение, призванное решать задачи этнической общности на территории Союза ССР до возрождения российской государственности. Эти идеи вызвали дискуссию в обществе, назревал определенный кризис доверия немцев к центральным органам власти.

Немец Я. Х. Гельвих 11 июля 1956 г. обратился к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и председателю СМ СССР Н. А. Булганину, а также редактору газеты «Правда»¹. «С 1941 года по сегодняшний день мы не видели на родном языке ни газет, ни журналов, ни кино, ни пьес. Собрании, как правило, проводятся на русском и казахском языках, школы для немецкой молодежи не открыты на родном языке, наши дети изучают только русский язык. В члены КПСС вообще нас, немцев, не принимают... — писал он. — Я прошу Вас помочь нам стать на путь свободы наравне с другими гражданами СССР в отношении литературы, искусства, книг, газет, журналов, а также в переводе песен и выступлений по радио» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 177. Л. 41, 42, 44].

Немцев на поселении постоянно волновала проблема утраты своего родного языка. Сохранились письма, в которых немцы озабочены недостаточностью решения вопроса о немецком языке. Так, коллективное письмо было направлено 6 марта 1966 г. родителями учащихся немецкой национальности Сокулукского района Киргизской ССР в редакцию газеты «Нойес Лебен» (копия — в идеологический отдел ЦК КПСС) по вопросу о школьной практике преподавания родного языка [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 23. Л. 62-67]. «Для того, чтобы дети хорошо знали свой родной язык, немцам необходимо иметь свои национальные школы, как у всех национальностей СССР. И нам совершенно непонятны споры по этому вопросу. Ведь для обучения детей существуют школы, и преподавание в них должно вестись на

¹ Сопроводительная записка к этому письму была направлена редакцией газеты «Правда» в отдел писем ЦК КПСС 26 июля 1956 г. Не публикуется [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 177. Л. 43].

родном языке этих детей. Кажется, все ясно: мы — немцы, и наших детей нужно обучать на родном, немецком языке. В отношении других национальностей это так и делается, а вот для немцев государственные органы власти считают это ненужным»².

Немцы считали, что «без восстановления АССР НП и предоставления немцам самоуправления организация национальных школ и прочих культурных мероприятий не могут дать удовлетворительных результатов и не реабилитируют нас, так как мы по-прежнему будем лишены участия в государственной и политической жизни страны»³. Но в этом плане решение проблемы мало продвинулось.

В мае 1956 г. в Президиум ЦК КПСС с письмом обратился коммунист М. Гаджаев⁴. Его помыслы также сводились к необходимости восстановления конституционных прав карачаевского народа⁵. «Невозможно переоценить значение доклада Первого секретаря ЦК КПСС товарища Никиты Сергеевича Хрущева «О культе личности и его последствиях» и решений XX-го съезда, принятых по этому докладу, для восстановления ленинских норм партийной жизни и партийного руководства», — писал М. Гаджаев [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71]. Карачаевцы, как замечает автор, были «беспрдельно счастливы потому, что наша честь и честь нашего народа... восстановлена!»

В связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне представляет интерес и оценка роли карачаевского народа в войне, данная М. Гаджаевым: «Вклад карачаевского народа в общий котел братских народов Советского Союза в войне против гитлеровской Германии известен, свыше 85 % взрослого мужского населения Карачая находилось

² Начиная со слов «родной язык» — подчеркнуто чернилами.

³ Начиная со слов «восстановления АССР» — подчеркнуто чернилами.

⁴ Гаджаев Манджир Ибрагимович, карачаевец, член КПСС с 1931 г., партийный билет № 00193588, инженер (окончил Военно-воздушную академию в 1937 г.), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., оборонял полуостров Ханко, г. Ленинград, освобождал Крым.

⁵ Письмо от 10 мая 1956 г. взято на контроль 7 июня 1956 года.

непосредственно на фронте»¹. «Горцы — седые старики, отцы героев Отечественной войны, — писал далее Гаджаев, — еще сражающихся на фронте, ходили по киргизским и казахским дворам с нищенской сумой за плечами». В связи с этим он замечает, что непосредственно Сталину «неплохо было бы знать, какое исключительно примерное трудолюбие и достойную выдержку проявили карачаевцы в условиях того неслыханного режима, в которые он их поставил в Средней Азии, лишив их даже права передвижения» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71].

Конечно, каждая группа авторов, направлявшая письмо в центральные органы власти, старалась, основываясь на всем пережитом, изложить и свои предложения по улучшению обстановки и, в первую очередь, по возвращению в места прежнего проживания на Северном Кавказе. В данном случае эти предложения были сформулированы в письме следующим образом: «Может быть единственно такое решение этого вопроса:

а) восстановление всех прав нашего народа, предусмотренных Конституцией СССР, без каких бы то ни было самонадеявшихся прямых или косвенных ограничений;

б) предоставление нашему народу своей исконной территории и своей собственной советской автономии в границах, существовавших до 1943 года и отнятых Сталиным в 1943 году единовластно и в грубейшее нарушение Конституции СССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71]. Одним словом, в сердцах переселенцев появилась большая надежда на лучшее.

Эти же вопросы рассматривались и в письме, направленном 21 мая 1956 г. карачаевцами из Фрунзенской области Киргизской ССР первому заместителю Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну с просьбой восстановить Карачаевскую автономную область². «Карачаевский народ за эти годы многому научился, приобрел гораздо больше жизненного опыта. Все прошлые трудности нас закалили, имеем разносторонний опыт в области полеводства, животноводства и т. д. Все это поможет нам

¹ Слова «Известно, что свыше 85% взрослого мужского населения Карачая находилось непосредственно на фронте» подчеркнуты карандашом.

² Взято на контроль в ЦК КПСС [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 72, 73].

восстановить область, не только восстановить, но и поднять до уровня передовых областей нашей страны к концу шестой пятилетки», — заверяли авторы письма [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 72, 73].

Под грифом «строго секретно» хранились письма, направленные в Президиум ЦК КПСС 28 мая 1956 г. группой коммунистов, карачаевцев и калмыков, о снятии ограничений в правовом положении [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 36. Л. 18]. По этим документам были даны поручения А. Микояну, К. Ворошилову, М. Маленкову, Л. Брежневу и Н. Беляеву разобраться в данном вопросе, а свои предложения внести в ЦК КПСС. Проект постановления, подготовленный этой группой, был представлен на рассмотрение в ЦК КПСС.

Интересные сведения содержатся в письме карачаевцев-коммунистов в ЦК КПСС от 7 января 1957 г., в котором излагалась просьба о преобразовании города Клухори (бывший Микоян-Шахар) в административный центр Карачаево-Черкесской автономной области³. «За 14 лет Микоян-Шахар запустел, не было капитальных затрат, почти все здания требуют текущего и капитального ремонта, некоторые здания полностью разрушены. Мы, коммунисты, просим Вас превратить г. Микоян-Шахар в административный центр Карачаево-Черкесской автономной области»⁴. Здесь же говорилось о поддержке данного предложения населявшими республику этническими общностями. «Всего карачаевцев было 85 тыс., а абазин-черкесов — 38 тыс. человек. Карачаевское и русское население области, составляющее абсолютное большинство, т. е. около 250 тыс. человек, живет ближе к городу Микоян-Шахару и желает превращения этого города в областной центр», — читаем в письме [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 84. Л. 4-6].

Сохранились и письма бедствовавших на спецпоселении калмыков. Не везде положение калмыков на спецпоселении можно оценивать как нормальное. Судя по опубликованным письмам, в первую очередь они и касаются бедственного их положения. «В момент переезда, также в настоящее время очень нуждаюсь в улучшении матери-

³ Взято на контроль в ЦК КПСС.

⁴ Письмо подписали: Джаммаев Мурат — член КПСС с 1939 г., Чотчаев Магомед — в партии с 1931 г., Лайпанов Хамид — с 1932 г., Тахчухов Хусей — с 1931 г.

ально-бытовых условий, так как родные в момент переселения растерялись, поэтому ничего не взяли с собой из запаса, можно сказать, в чем были, в том и уехали», — писал У. Д. Кикеев председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин [Ссылка калмыков 1993: 189, 203].

Обращения были связаны и с правовым положением калмыков, особенно после возвращения с фронта или принудительной демобилизации калмыков из рядов Вооруженных Сил СССР. Калмыки возвращались в свои семьи, не зная о правах демобилизованных. Так, калмыки Б. Б. Бадмаев и С. К. Комбиров в письме М. И. Калинин задавали вопрос: «В случае, если мы демобилизуемся, то мы и наши семьи будут жить как спецпереселенцы или как все граждане-труженики СССР, пользующиеся правами согласно Конституции СССР?» [Ссылка калмыков 1993: 188]. В письмах калмыков содержится и информация о взаимоотношениях демобилизованных калмыков с местными органами власти, в частности, со спецкомендатурой, по вопросу воссоединения калмыцких семей. Этот блок документов многочислен, поскольку информация о том, куда какая семья направлялась с территории Калмыкии, не фиксировалась. По этому вопросу к М. И. Калинин обращались О. Г.-Ц. Болдырев, Л. М. Басангов, Д. А. Лагунов, У. С. Гучунов и многие другие [Ссылка калмыков 1993: 194, 195, 197].

Вероятно, положение калмыков на местах было настолько трудным, что в работу местных органов власти все чаще и чаще должны были вмешиваться курировавшие спецпереселение государственные структуры. Об этом свидетельствует сохранившаяся большая переписка — например, НКВД СССР об улучшении положения спецпереселенцев-калмыков [Ссылка калмыков 1993: 158, 161].

Невозможно проанализировать весь объем корреспонденции, направляемой представителями самого многочисленного народа, подвергшегося репрессиям со стороны советской власти, — чеченцами. Однако ее характер фактически однозначен и преследовал определенные выше цели. Каждый по-своему выражал боль и страдания народа. Так, чеченский писатель М. Мамакаев в своем письме-обращении от 21 июля 1954 г. в Президиум ЦК КПСС по вопросу о положении чеченцев и ингушей и отмене ограничений в отношении

спецпоселенцев в первую очередь обращал внимание на душевные переживания своих соотечественников, и не случайно его повествование было посвящено именно состоянию души. Энергия человеческой памяти, связанная со всем пережитым, позволяла выразить главное: «Для человека нет на свете большего удовлетворения, — писал Мамакаев, — чем ощущение доверия своей Родины, чем чувство свободы в своем отечестве...» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68–78]. Далее он констатировал: «Тяжело в такой обстановке, будучи свободным, пожизненно находиться под стражей. Я наказан много и по-разному, но мне кажется, что трудно придумать более тяжелое наказание.

...В официальном Указе Президиума Верховного Совета РСФСР, по которому упразднена Чечено-Ингушская Республика, чеченцам и ингушам предъявлено обвинение в том, что они во время Великой Отечественной войны массами переходили на сторону немцев и сотрудничали с ними.

Неофициально чеченцам и ингушам приписали неприязнь к советской власти и обвинили их в том, что они за годы советской власти многократно восставали против существующего строя». Далее автор старается объективно оценить ситуацию в республике, допуская, что «в обвинениях, может быть, и есть некоторая доля правды, но мыслимо ли обвинить в этом всех чеченцев и ингушей в целом?». На наш взгляд, эта оценка стала приоритетной и в российской историографии, связанной с принудительными переселениями народов Союза ССР.

«Разве мало чеченцев и ингушей, которые мужественно сражались и умирали в годы Октябрьской революции и Гражданской войны за советскую власть?

Разве можно вычеркнуть имена коммунистов, комсомольцев и других представителей молодой чечено-ингушской интеллигенции, рабочих, крестьян, ставших жертвой ожесточенной классовой борьбы в чеченском ауле в годы укрепления советской власти и колхозного строительства?

Разве можно оскорблять память чеченцев и ингушей — воинов Советской Армии, мужественно погибших в годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость нашей Родины?!

В свете таких общеизвестных и бесспорных фактов становится непонятным и невольно напрашивается вопрос: на основании каких объективных данных пал такой

тяжелый выбор на долю чечено-ингушского народа?

Вот почему лично я считал и продолжаю считать, что нельзя было поступать так жестоко с целым народом. Можно было, а, может быть, и нужно было уничтожить половину, три четверти населения республики» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78].

Автор справедливо ставит проблему — весь народ не может быть виновным. Зачастую такие приемы используются и сегодня, когда дается общая оценка участия чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне при определении количества призывников, участников трудовых колонн и батальонов и прочего. В этом непростом вопросе, как представляется, исследователям этих процессов¹ надо проявлять объективность, не выстраивать формулу недовольства. В данном случае, как пишут историки Т. П. Хлынина и Е. Ф. Кринко, очень важно проявление профессионального такта и исследовательской этики, замечая при этом, что, «к сожалению, категория деликатности не является «сильным» местом отечественного историописания и рассматривается скорее как дань ситуативной конъюнктуре» [Хлынина, Кринко 2014: 88]. Тем не менее исследователи в большой мере отдают эту дань. Никто не должен ставить целью оскорбление всего народа, однако необходимо вести речь о конкретных институтах, формировавшихся в обществе, — тех же дезертирах, уклонявшихся от службы в армии, диверсантах, коллаборационистах. Указанные явления были характерны для всех регионов страны, и в данном случае

¹ В истории освещения процессов войны 1941–1945 гг., в том числе и вопроса о роли и месте Чечено-Ингушской АССР в этой войне, известно нашумевшее, ни на чем не основанное, шоу во главе с постоянным оценщиком всех событий в истории Н. Сванидзе, а также А. Бродом и Д. Зискиндом. В кампанию были вовлечены также юристы республики. Участники процесса выступили с явной клеветой по отношению к историкам, профессорам МГУ им. М. В. Ломоносова А. Вдовину и А. Барсенкову, с полным искажением представленных исследователями фактов в учебнике по истории России. Как раз в публикации сведений о чеченцах и ингушах первенство авторам учебника не принадлежало. Обобщенные сведения были опубликованы в сб.: [Сталинские депортации 2005], а также в исследованиях других авторов, в том числе и зарубежных — Гровер Фер и др.).

необходимо проводить соответствующие разграничения.

«В чем же повинны отцы, матери, жены и дети героически погибших чеченцев — воинов Советской Армии, из-за того, что подлые авантюристы типа Исраилова, поднявшие головы против советской власти (кстати, обезглавленные самими чеченцами), оказались по национальности чеченцами? Виновны ли в этом чеченцы, жившие в те годы далеко за пределами Чечено-Ингушетии жизнью и интересами других районов нашей страны? Или чеченцы-воины, находившиеся в рядах Советской Армии?», — задает конкретный вопрос автор письма [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78].

Автор обращается с просьбой справедливо оценить его письмо и изложенные в нем доводы. «Прочитав мое письмо, многие могут подумать, что я как чеченец из-за чисто национальных чувств решил выступить с защитой чеченцев. Нет. Это не верно. Мое личное национальное чувство меня беспокоит меньше всего в этом вопросе.

Меня оскорбляет это положение прежде всего потому, что подобная постановка вопроса о целом народе оскорбляет в планах общественного мнения существо самой советской власти, великое марксистско-ленинское учение по национальному вопросу.

Советской власти я обязан долгом сына — матери, она спасла меня от безрадостной жизни бродяги, дала университетское образование и высокое звание советского писателя, скрытый же враг, облеченный государственной властью, надел на меня ярмо преступника. Но он не смог убить во мне любовь к своей Родине и к своему народу.

Мои родители — горцы Кавказа, а вырастил и воспитал меня великий русский народ. Вот почему под понятием своей Родины я всегда подразумеваю не тот маленький клочок земли, именуемый Чечней, а Россию, ту самую великую советскую Россию, которая вырастила, воспитала и всюду принимала меня как своего родного сына» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78]. М. Мамакаевым фактически изложена обстоятельная оценка той ситуации, которая сложилась на протяжении многих этапов истории отношения республики с соседями, охарактеризовано положение чеченцев и стремление их вернуться на родину.

Интересны своим содержанием и письма в ЦК КПСС ингушского писателя Идриса Базоркина (1953 г.). Я. С. Патиев, соста-

витель сборника документов о депортации и реабилитации ингушей, так определяет направленность письма И. Базоркина: «Это письмо рассчитано на то, чтобы помочь партии и правительству увидеть, какое предательство совершил Берия против политики СССР, Конституции Советского Союза, против внешних народов, ибо нам известно, что виновником нашего выселения был он...» [Ингуши 2004: 310].

С письмом на имя Н. С. Хрущева (17 марта 1956 г.) от группы спецпоселенцев-ингушей, представителей творческой интеллигенции, проживавших в Киргизской ССР, по вопросу возвращения на прежние места жительства были ознакомлены секретари ЦК КПСС М. Сулов, Громов, Кириллин и Д. Поликарпов. «... 23 февраля 1944 г. началось переселение ингушей. Нет нужды говорить об условиях и методах этого переселения. Народ спокойно, с исключительным самообладанием принял страшную весть о переселении и сел в теплушки, уверенный, что все выяснится и его вернут домой», — читаем в письме [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 1–11]. Вызывает интерес поднимаемый авторами вопрос о населении, проживающем после выселения ингушей на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР: «Мы знаем, как знает и наш народ, что на наших землях живут люди, что разорять их и изгонять из мест, где они обжились, было бы несправедливо. Но мы знаем, это знает также и весь наш народ, что места на нашей родной земле хватит и нашему народу, и тем, кто там ныне живет. Наш народ не будет спорить из-за домов и имущества, пусть все это останется у тех, кто ими ныне владеет. Мы построим новые дома, лучшие, чем те, что у нас были, мы честным трудом приобретем все, что надо советскому человеку для обеспеченной и культурной жизни» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 1–11]. Дальнейший ход событий показал, что эта проблема оказалась самой сложной как в процессе реабилитации репрессированных народов, так и в период их возвращения на родину. Весьма сложно решалась она и в 1990-е гг. в связи с повторной реабилитацией народов.

Сохранился и блок писем, направлявшихся в центр группами коммунистов из числа крымских татар. Так, члены КПСС (Рефат Мустафаев, Шамиль Алядинов, Мустафа Селимов, Амет-Успи Пенерджи, Измаил Хайруллаев) в своем письме в Прези-

диум ЦК КПСС от 7 сентября 1956 г. ставили такой вопрос: «Нам также не понятны проводимые в настоящее время органами МВД мероприятия, когда от каждого гражданина — крымского татарина — требуют дать подписку о невыезде в Крым и об отказе от принадлежавшего ему движимого и недвижимого имущества с предупреждением о невыдаче паспорта в случае неподачи вышеуказанной подписки. Все это наталкивает на мысль о том, что крымские татары и поныне остаются с ограниченными правами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 141–143].

Коллективное письмо группы крымских татар и их семей, проживавших в Самаркандской области Узбекской ССР, в Президиум ЦК КПСС (март 1958 г.)¹ с просьбой о приеме их представителей по вопросу восстановления национальной автономии в Крыму² свидетельствует об обеспокоенности крымско-татарского населения тем, что восстановление автономий многих народов, подвергшихся репрессиям, и возрождение их государственности не могло оставить равнодушными и крымских татар, т.к. по этому поводу применительно к ним конкретные решения отсутствовали. Авторы письма констатировали: «На VI сессии Верховного Совета СССР³ не решен вопрос о возврате в родные места и восстановлении национальной автономии крымско-татарского народа, этот вопрос не вынесен на обсуждение VII сессии Верховного Совета СССР. Непонятное безмолвие глубоко угнетает нас, является тяжелым моральным бременем для нашего народа. Все тринадцать лет жизни после выселения наш народ делал мечту о возврате в Крым, о восстановлении его национальной автономии» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 162–176].

Крымские татары А. Аширов, А. Камилев, А. Мурадасилов, Э. Сейдаметова, А. Чобанов, проживавшие в Самаркандской

¹ Дата под письмом и дата регистрации в общем отделе отсутствуют. Однако встреча А. И. Микояна с представителями крымских татар, судя по опубликованному ниже письму А. И. Микояну (Приложение № 1), состоялась во второй декаде марта 1958 года.

² Под письмом стоят более 165 подписей.

³ После XX съезда КПСС на VI сессии Верховного Совета СССР принимались законодательные акты о возвращении в родные места и восстановлении национальной автономии народов Кавказа, которые были выселены в годы войны.

области Узбекской ССР, 22 марта 1958 г. обратились к члену Президиума Верховного Совета СССР и заместителю Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну. В своем письме они не только выразили благодарность Н. С. Хрущеву и А. И. Микояну, но и оценили положение крымских татар: «Крымские татары как народ, за исключением отдельных личностей, никогда ни в чем не был виновен перед Советской Родиной. Этот народ в известное Вам время на основании неправильных и ложных информации с мест в период культа личности был незаслуженно переселен и репрессирован» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 179].

Следует отметить, что в этот период корреспонденция по разным вопросам поступала и от корейской этнической общности, которая проживала главным образом в Казахстане и республиках Средней Азии. Однако содержание писем корейцев несколько отличалось от писем представителей этнических общностей, подвергшихся принудительному переселению в 1940-е гг. Их беспокоили вопросы формирования своей национальной автономии, организации периодической печати, улучшения положения корейцев на территории Союза ССР. Так, в коллективном письме корейцев от 30 октября 1958 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева содержалась просьба о переселении их на Дальний Восток и о предоставлении им национальной автономии¹. Они писали: «...В канун XXI съезда корейцы, проживающие в Союзе, вместе со всем народом проявляют новую трудовую и политическую инициативу... Дайте советским корейцам такую же национальную автономию, какую имеют другие малые национальности! Мы обращаемся к Вам только с одним этим большим для нас вопросом.

Мы уверены, что, получив национальную автономию, такую, какую имеют ингуши, чеченцы, калмыки, финны, карелы, буряты, якуты, советские корейцы смогут быстро продвигаться вперед в развитии национальной культуры, политики и идеологии. Сейчас корейские трудящиеся, находящиеся в Узбекистане и Казахстане, живут равноправной жизнью.

Однако мы остро ощущаем отсутствие национальной автономии. Мы убеждены в том, что если бы нам предоставили нацио-

нальный район в Приморье — нашей родине, расположенной по соседству с КНДР и национальной автономией корейцев в Китае, это бы дало огромные силы нашим сыновьям и дочерям, нашей молодежи в развитии национальной культуры, политики и экономики»² [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 117. Л. 2–4]. В целом, начиная с 1920-х гг., вопрос об автономии поднимался корейцами неоднократно.

Таким образом, даже проведенный краткий анализ содержания и направленности писем спецпереселенцев показывает, что при богатстве материала в них в первую очередь выражается обеспокоенность людей своим нелегким положением под надзором спекомендатур.

Во многих письмах приоритетными оставались интересы государства, его сохранение, экономическое развитие. Авторы проявляли интерес к дальнейшей организации жизни после освобождения от спецпереселения, налаживанию жизни в государственных национальных автономиях, созданию органов государственной власти и партийных организаций, объединений молодежи. Проявлялась забота о налаживании системы образования, в том числе и на родных языках, укреплении и объединении разобщенных по разным причинам семей спецпереселенцев.

Особый интерес вызывает уровень взаимоотношений и взаимовосприятия этнических общностей, подвергшихся принудительному переселению. Все они оказались в одинаковых условиях пребывания, в жестких рамках действия спецкомендатур. Общаясь в непростых условиях спецпереселения, они больше узнавали о культуре, обычаях, традициях, производственных навыках друг друга. Все это, конечно, шло на пользу народам, делало общество духовно богаче, консолидированнее.

Как теперь уже известно, в конце 1930-х гг. в Казахской ССР были расселены более 70 тыс. граждан корейской национальности. До 1944 г., когда на спецпоселение в Казахстан прибыли балкарцы, корейцы успели обжиться на новом месте, адаптировались и интегрировались в местный социум. Несомненно, их режим проживания к этому времени был ослаблен. Корейцы, сами являясь спецпоселенцами, стали привлекаться для выполнения обязанностей

¹ Текст письма публикуется в переводе на русский язык. Подлинник хранится в РГАНИ (Ф. 5. Оп. 31. Д. 117. Л. 5–7).

² Под письмом двадцать девять подписей корейцев, проживавших в г. Ташкенте.

по надзору за новыми контингентами спецпереселенцев. Отдельные представители из числа корейцев назначались даже на должность коменданта селений, районов, железнодорожных станций, речных портов. Так, комендантом железнодорожного вокзала ст. Ташкент был кореец Ким. Конечно, его отношение к спецпереселенцам заметно отличалось от других комендантов. Переживший сам тяготы депортации, Ким проявлял, как констатируют в своих воспоминаниях многие из спецпереселенцев-балкарцев, повышенное внимание к их нуждам, сочувственное отношение к ним. «За ощущение теплоты, которая исходила от этого человека, мы возблагодарили Аллаха», — отмечал в своих воспоминаниях балкарец Ибрагим Жангуланов, спецпереселенец, проживавший в Туркестанском районе Узбекской ССР. Комендант Ким оказывал спецпереселенцам помощь в обустройстве, поиске работы, своих родственников, содействовал в обеспечении продовольствием, получении солдатских пайков, денежного пособия [Балкарцы 2004, Вып. 1: 43, 44].

С балкарцами проживали представители многих этнических общностей — чеченцы, ингуши, крымские татары, западные украинцы, немцы. Несомненно, при знакомстве с культурой, укладом жизни, традициями и обычаями друг друга принималось все ценное, способствующее укреплению дружбы и связей. Вряд ли кто-нибудь может лучше характеризовать какую-либо этническую общность, чем представитель иной общности, пережившей такую же участь, т. е. пребывавшей в таком же статусе в годы Великой Отечественной войны и последующий период.

Балкарец М. Уянаев, проживавший на спецпоселении в пос. Кировский Талды-Курганской области Казахской ССР, вспоминал: «Наряду с балкарцами проживали представители многих высланных народов — чеченцы, ингуши, курды, корейцы, крымские татары, западные украинцы, немцы... Знакомясь с укладом жизни, бытом, трудовыми навыками разных народов, люди становились ближе друг к другу, проникались уважением к иным обычаям и традициям, перенимая лучшие в них...» [Балкария 2004: 40, 41]. При этом М. Уянаев особенно выделяет советских немцев, отмечая приоритетные черты их менталитета — «пунктуальность, тщательность, чистоплотность», и видя в них «высококласных кузнецов,

строителей, механиков». Он делает важный вывод: «В работе мы были не собратями по несчастью, а такими же советскими людьми — любящими свою великую родину, стремящимися трудом своим облагородить и укрепить ее» [Балкария 2004, Вып. 2: 41].

Это нашло подтверждение и в период возвращения балкарцев в 1956 г. в места своего исторического проживания на Северном Кавказе. Совместное проживание и взаимное восприятие народов до 1944 г. оставалось определяющим и в последующем. «Лучшие представители кабардинского, русского и других народов, проживавших на территории республики, — пишет исследователь А. Алафаев, — встретили балкарцев с братским радушием» [Алафаев 2012: 9]. Конечно, такое отношение служило укреплению отношений между народами.

Sources

- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (GARF) — [The State Archive of the Russian Federation] (SARF).
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI) — [The Russian State Archive of Contemporary History] (RSACH).

References

- Alafaev A.* Negasimaja bol' naroda [Unquenchable pain of the people]. Nal'chik, Poligrafservis Publ., 2012. 170 p. (In Russ.).
Balkarcy. Deportacija. Svidetel'stvujut ochevidcy. Vyp. 1. sost. M. A. Kotljarova i V. K. Kotljarov. [The Balkars. The deportation. Eyewitnesses testify. Vol. 1. Compiled by M. A. Kotlyarova and V. K. Kotlyarov]. Nalchik, «Poligrafservis» i T» Publ., 2004. 54, [2] p. (In Russ.).
Balkarija. Deportacija. Svidetel'stvujut ochevidcy. Vyp. 2. sost. M. A. Kotljarova i V. K. Kotljarov [Balkaria. The deportation. Eyewitnesses testify. Vol. 2.]. Nalchik, «Poligrafservis» i T» Publ., 2004, pp. 40–41. (In Russ.).
Bugay N. F. Problemy repressij i reabilitacii grazhdan: istorija i istoriografija (XX – nachalo XXI v.). [Problems of repression and rehabilitation of citizens: history and historiography (XX – beginning of XXI century)]. Moscow, In-t ros. istorii RAN Publ., 2012. 478 p. (In Russ.).
Ingushi: deportacija, vozvrashhenie, reabilitacija. 19442004. avt., sost. Ja. S. Patiev [Ingush: deportation, return, rehabilitation. 19442004. Ed., comp. by Ya. S. Patiev. Magas, Serdalo Publ., 2004. 608 p. (In Russ.).

- Khlynina T. P., Krinko E. F.* Istorija, politika i naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. Rostov-on-don, Publishing house of UNC RAS, 2014. 434 p. (In Russ.).
- Ssylka kalmykov: kak to bylo* [Deportation of Kalmyks: how that was]. Elista, Kalm. Book Publ., 1993. Vol. 1. Book.1. 264 p. (In Russ.).
- Stalinskie deportacii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow, Materik Publ., 2005. 904 p. (In Russ.).

КАЛМЫКИЯ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Kalmykia on the Defense of the Fatherland

К. Н. Максимов (K. Maksimov)¹

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Professor, Head of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье освещается вклад Калмыцкой АССР и ее народа в Победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. Калмыкия направила на фронт до 19,5 % своего населения, сформировала и направила на фронт кавалерийскую дивизию, ежегодно до 30 тыс. ее жителей трудились на строительстве объектов военно-стратегического назначения, оборонительных сооружений. Население республики собрало и послало на фронт бойцам в значительном объеме продукты, теплых вещи, внесло денежные средства в фонд обороны. Хозяйства Калмыкии поставили фронту до 20 тыс. лошадей, 250 тыс. голов скота.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский Союз, народы, Калмыцкая АССР, фашисты, Германия, тыл, строительство, объекты военного назначения, эвакуация, партизанские отряды, боевые действия, героизм, победа.

Owing to patriotism, solidarity of the people, scientific and economic potential, the Soviet Union not only withstood the attack of Nazi Germany but crushed the Nazis seventy years ago. In order to protect the freedom and independence of the country, the multinational Kalmyk ASSR (Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic) along with the entire country and the population, rose to the defense of Russia from the earliest days of World War II. In the Soviet Union during the Great Patriotic War, almost 34.5 million people (including 21.2 million of Russians) put soldiers' overcoats to fight the enemy. Among them there were 43,210 citizens of Kalmykia. The peoples of the Kalmyk ASSR participated not only in the fighting on the front lines of the war and partisan detachments but also worked selflessly in the rearward, assisting the Red Army. As a result, at the cost of thousands of lives the Soviet people defended their territory and state sovereignty. In July 1942 in conjunction with other compounds of the 51st Army, the 110th Kalmyk Detached Cavalry Division successfully completed its mission on the Don, repulsing an attack of superior enemy forces. According to the manual of the General Staff of the Red Army, Marshal A.I. Yeremenko, the fighting on the Don prepared the ground for a fundamental turning point in the Second World War at Stalingrad.

Keywords: Great Patriotic War, the Soviet Union, peoples, the Kalmyk ASSR, the Nazis, Germany, rear, construction, military facilities, evacuation, partisan detachments, heroism, victory.

В годы Великой Отечественной войны советский народ продемонстрировал свою приверженность лучшим патриотическим традициям, сложившимся в многовековой совместной борьбе при защите Отечества, твердость духа. Наиболее ярко проявились такие качества народов России, как преданность родной земле, мужество и готовность к самопожертвованию во имя победы над врагом, умение сплотиться, стремление к свободе и независимости, сохранению исторической территории. Эрл Земке, начальник отдела военной исторической службы

армии США, в своем исследовании пишет: «Самой большой ошибкой немцев было то, что они не могли предположить, что встретят со стороны советских людей подлинный героизм, самопожертвование и самоотверженный труд» [Земке 2009: 595].

Начавшаяся война потребовала мобилизации всех сил и ресурсов, в первую очередь людских. К началу войны в рядах Красной Армии на действительной военной службе находилось 4432 уроженца Калмыкии, из них 52 % (2305 чел.) калмыков, 41,6 % (1844 чел.) русских, 1,6 % (71 чел.) местных нем-

цев, 4,8 % представителей других народов. А этнических калмыков Советского Союза проходило военную службу 2848 человек, из них 106 относились к старшему и среднему начальствующему составу, 271 — младшему начальствующему составу, остальные — к рядовому составу [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 781. Л. 4-5; Д. 580. Л. 39; Д. 291. Л. 75-79; ЦАМО. Ф. 13А. Оп. 3029. Д. 226. Л. 34-39].

Ресурс военнообязанных и призывников в Калмыцкой АССР к началу войны составлял почти 50 тыс. человек. В 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны против фашистов сражался 18 081 представитель республики, в том числе 146 медицинских работников (48 врачей и 98 медицинских сестер). Из воевавших уроженцев Калмыкии в 1941 г. безвозвратные потери составили 9427 (74,7 %) человек, санитарные — 3 173 (25,3 %) человека. Остались в строю и в 1942 г. продолжили воевать 5 481 (30,3 %) человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 754. Л. 7; Д. 57. Л. 61, 63; Р-131. Оп. 1. Д. 1020. Л. 57-62].

Помимо этого, в соответствии с решением ГКО от 13 ноября 1941 г. за № 894 «с» Калмыцкая АССР наряду с другими республиками Поволжья, Средней Азии, Северного Кавказа приступила к формированию двух кавалерийских дивизий (110-й и 111-й), а также направила в г. Ворошиловск (г. Ставрополь) 279 человек для пополнения 189-го кавполка формируемой 70-й Ставропольской кавдивизии.

В 1941 г. республика, не считая около 5 тыс. лошадей, направленных двум формируемым кавдивизиям, поставила Красной Армии 7043 лошади, 548 автомашин, 98 гусеничных тракторов, 20 тыс. голов скота, сдала государству более 60 тыс. т зерна, более 8 тыс. т мяса и других видов сельхозпродукции. В сложных условиях с большим напряжением трудились работники рыбной промышленности, обеспечивая своевременную добычу и заготовку рыбы.

Предприятия местной промышленности республики выполнили спецзаказ правительства СССР и к декабрю 1941 г. изготовили и отправили на фронт 23700 пар валенок, 3300 полушубков, 1000 фуфаяк. Население Калмыкии сдало в фонды строительства: самолетов — 2962 тыс. руб., танков — 8,4 млн руб., в фонд обороны страны — 805 тонн мяса, 19 тыс. пар валенок, 3 тыс. полушубков, 4600 шапок-ушанок, варежек,

теплых носков, рубашек и др. вещи. Тем самым жители Калмыцкой АССР внесли заметный вклад во всенародное движение в помощь Красной Армии. Не менее массовой явилась и народная инициатива по сбору и отправке воинам-фронтовикам подарков. Жители республики собрали и послали в 1941 г. на фронт подарки общим весом 62442 кг (8 вагонов), а также 8 тыс. индивидуальных посылок [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 954. Л. 73; Д. 885а. Л. 79, 112-113; Д. 892. Л. 78; Д. 1025. Л. 21; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 46. Л. 12, 13; Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 1а, Л. 139. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 517. Л. 2-3, 35; Д. 734. Л. 11].

Трудящиеся Калмыцкой АССР внесли весомый вклад в сооружение объектов военно-стратегического назначения: железнодорожной линии Кизляр — Астрахань, паромного моста через Волгу, оборонительного рубежа на левом берегу Дона, по заданию ГКО и Генштаба Красной Армии на территории республики — 9 военных полевых аэродромов, телеграфно-телефонной линии на участке Ворошиловск — Элиста — Сталинград, новой линии связи на расстоянии 660 км, 12 наблюдательных постов системы ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи); подготовили к усиленной эксплуатации в условиях военного времени мосты, дороги длиной 120 км по территории Калмыкии для прохождения артиллерии, танков, автотранспорта.

В это же время республике приходилось оказывать помощь проходящим воинским частям Красной Армии в организации размещения, питания, а также принимать на передержку, обеспечивать кормами и оказывать ветеринарную помощь эвакуируемым стадам из других краев и областей.

Таким образом, самые трудные первые 6 месяцев войны не привели к отчаянию и неверию в победу, не сломили волю у абсолютного большинства советского народа, в том числе и жителей Калмыцкой АССР. Несмотря на материальные и моральные тяготы и лишения, жертвы, люди, почувствовав огромную опасность, нависшую над страной, еще более сплотились перед общей бедой, проявили самоотверженность, организованность. Контрнаступление советских войск в начале декабря 1941 г. под Москвой, означившее провал молниеносной войны фашистов, подняло боевой, моральный дух, придало уверенность в победе не только воинам, но и труженикам тыла.

Однако 1942 г. не принес облегчения ни армии, ни тылу. После неудачных насту-

пательных операций советских войск под Харьковом и на Керченском полуострове обстановка на юге страны серьезно осложнилась. Немецкие войска летом развернули наступление на двух направлениях — Кавказском и Сталинградском.

Калмыцкая АССР до августа 1942 г., т. е. до оккупации части ее территории, мобилизовала на фронт 10478 человек, в том числе 247 девушек в санитарные части Каспийской флотилии, где на береговой службе уже находились 140 девушек из республики призыва этого же года. В соответствии с новой структурой кавалерийского соединения к началу марта на базе формируемых двух кавдивизий была скомплектована одна — 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (командир — полковник В. П. Панин, начальник штаба — подполковник М. Т. Бимбаев) в составе трех полков и других подразделений и с 20 апреля переведена на бюджет Наркомата обороны СССР.

В середине июля 1942 г. она в составе Отдельного кавалерийского корпуса 51-й армии уже вступила в боевые действия на Дону. В тяжелых оборонительных боях на Дону и Маныче, длившихся почти две недели (с 15 по 27 июля 1942 г.), дивизия на отведенном рубеже выполнила боевую задачу по задержанию противника на переправе и прикрытию организованно отходивших по приказу Ставки Верховного главнокомандования частей и соединений Южного фронта. О выполнении дивизией поставленной задачи, ее боевых качествах свидетельствуют авторитетные источники отечественного и иностранного происхождения, такие как доклад 22 июля И. Сталину командующего Южным фронтом Р. Я. Малиновского, где было отмечено, что 110-я дивизия на отведенном участке держит оборону; решение Военного совета Северной группы войск от 30 сентября 1942 г. о сохранении штаба и командования 110-й кавдивизии, как имеющих боевой опыт управления, и направлении на доформирование как самостоятельной боевой единицы; предложение Генштаба Красной Армии, представленное в октябре 1942 г. председателю ГКО Сталину, о включении 110-й кавдивизии наряду с гвардейскими кавалерийскими соединениями в состав предполагаемой к созданию конной армии; в качестве классического примера ведения боевых действий кавалерийским полком в обороне после войны слушатели академии

Генштаба изучали тактику оборонительных боев 273-го кавполка 110-й кавдивизии на Дону. Вопреки этим фактам, изложенным в авторитетных источниках, авторы которых владели ситуацией на фронтах, в каждой армии, дивизии, начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. Леонтьев почему-то спустя два года решил, ничем не обосновав, в докладной записке от 30 августа 1944 г. на имя заместителя наркома НКВД СССР С. Н. Круглова написать, что «в районе Ростова на Дону 110-я калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость» [ГА РФ. Ф Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 55].

По праву можно считать, что беспримерный ратный подвиг всех воинов, сражавшихся на берегах Дона летом 1942 г., явился существенным вкладом в коренной перелом Великой Отечественной войны под Сталинградом. Оценивая заключительный этап Сталинградского сражения, Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своих мемуарах писал: «... по незнанию обстановки того времени или по иным причинам в нашей печати стремились превозносить конечный результат и значение заключительных этапов того или иного сражения, принося в связи с этим все то, что им предшествовало и чем они, в сущности, были обусловлены ... В действительности судьба окруженных была, повторяю, предрешена всем ходом сражения в предыдущие периоды» [Еременко 2006: 455].

В начале 1942 г., в зимний сложный период, значительное количество труженников республики продолжало работать на строительстве оборонительных рубежей на Дону, железнодорожного полотна Астрахань — Кизляр. В числе 40 тыс. рабочих на последнем объекте трудились более 10 тыс. человек из Калмыкии. Помимо этого, с января и до середины августа 1942 г. по заданию ГКО и ВВС Красной Армии Калмыцкой АССР пришлось построить и подготовить к эксплуатации 20 оперативных аэродромных площадок со всеми необходимыми службами обеспечения. На строительство этих объектов военного назначения были мобилизованы до 5 тыс. человек, различные виды механизмов, выделены стройматериалы, продовольствие и т. д. Однако в связи с угрозой вторжения немцев на территорию республики в срочном порядке по указанию Военного совета Сталинградского военного округа ликви-

дировали 5 военно-полевых аэродромов, находившихся вне зоны защиты.

В 1942 г. республика, напрягая все силы, увеличила поставки фронту. Только за первые 2,5 месяца она направила в фонд обороны страны: 9050 лошадей, 1364 повозки парные с упряжью, почти 2,5 тыс. седел, 163 автомашины, 40 тракторов. С целью постоянного снабжения фронта СНК КАССР 16 марта 1942 г. создал постоянный фонд «Лошадь — Красной Армии», в котором всегда в готовности находилось не менее 2,3 тыс. лошадей, и фонд «Обороне — повозки с упряжью», где наготове стояли до 450 повозок с парной упряжью.

За это же время жители республики успели собрать и отправить бойцам Красной Армии 4159 пар валенок, 652 полушубка, 276 тулупов, 3500 фуфаяк, 7789 ватных брюк, 1023 свитера, 1002 шерстяных одеяла, 92 шинели, 75 пар кожаных сапог, 1442 пары шерстяных и 4973 пары летних портянок, 3696 шапок-ушанок, 3205 пар шерстяных варежек, 9696 рубашек, 964 меховых жилета, 4162 пары меховых рукавиц, свыше 5 тыс. пар шерстяных носков, 1564 кальсон, 3490 полотенец, 1458 теплых шарфов, простыни, подушки, наволочки и другие вещи.

Важным источником финансирования возросших расходов явились государственные займы военных лет, которые начали выпускаться в стране с апреля 1942 г. В Калмыцкой АССР подписка на первый военный заем 1942 г. прошла организованно и успешно — при плане 24 550 тыс. руб. военный заем был реализован на сумму 28 115 тыс. руб. (114 %). Помимо этого, население сдало 505 тыс. руб., 214 тыс. облигациями, 600 тыс. руб. на строительство подводной лодки. Значительный вклад Калмыкии в сбор денежных средств на нужды обороны страны не остался незамеченным органами государственной власти. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1942 г. отдельные работники финансовых органов республики «за успешное выполнение заданий Правительства по финансированию обороны страны» были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «За трудовое отличие» [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 13. Д. 55. Л. 98–99].

В 1942 г. республика, перевыполнив план мясopоставок, сдала государству почти 6 тыс. т мяса, 5,5 тыс. т мяса отправила на продовольственные нужды Южного и Сталинградского фронтов, по чекам сдала

проходящим частям Красной Армии до 200 тыс. голов скота. Предприятия рыбной промышленности только в первом полугодии заготовили 232 тыс. ц рыбной продукции.

Важной задачей правительства Калмыкии, продиктованной войной, являлась организация оборонной работы, обучения населения военному делу, подготовки специалистов массовых военных и гражданских профессий. Постоянно велась работа по подготовке санитарных дружин и медсестер, боевых резервов для фронта. В 1942 г. курсы медицинских сестер закончили 522 девушки, сандружинниц — 1060. Специальности комбайнеров, трактористов, шоферов получили 1400 человек, из них 661 женщина, продолжали обучаться 798 человек [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 942. Л. 24, 38, 60; Оп. 10. Д. 85. Л. 60; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 433. Л. 299].

В связи с ускоренными темпами продвижения в июле — августе 1942 г. немецких войск в Сталинградском направлении и угрозой оккупации территории Калмыцкой АССР перед ее руководством возникла сложнейшая задача — в предельно короткий срок переместить в безопасные районы страны людей, огромное количество скота из хозяйств республики. Кроме того, еще в 1941–1942 гг. Калмыкии пришлось помогать Ростовской области, отдельным областям Украинской ССР, перегонявшим по ее территории свои стада (более 300 тыс. голов скота) к Волге.

Несмотря на внезапное вторжение немцев хозяйства Калмыцкой республики в начале августа 1942 г. эвакуировали 542 875 (42,6 % общего поголовья оккупированных улусов) голов скота. На временно захваченной немцами территории республики осталось 715 986 (57,4 % общего поголовья скота всех категорий из хозяйств оккупированных улусов) голов скота, в том числе крупного рогатого — 113 483, овец — 574 313, лошадей — 10 920, верблюдов — 1 803, свиней — 15 467 голов. У населения республики поголовье скота за кратковременный период оккупации сократилось вдвое.

В аналогичной ситуации в период временной немецкой оккупации оказались и другие регионы Юга России. В Ставропольском крае, по данным Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), в оккупации осталось 78 % поголовья скота. В Краснодарском крае общие потери всех видов скота в 1942–1943 гг. составили: крупно-

го рогатого — 299 263 (68 %), лошадей — 175 423 (58 %), овец — 592 122 (72 %), свиней — 300 тыс. голов (100 %). Кроме того, как пишут С. Линец и С. Януш, фашисты в Краснодарском крае забрали 59 973 головы крупного рогатого скота, принадлежавшего населению края [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 69; Линец, Януш 2010: 202].

С 1 по 25 августа 1942 г. часть территории Калмыцкой АССР была оккупирована подразделениями 111-й и 370-й пехотных дивизий 52-го армейского корпуса (от южных улусов до Троицкого и Улан-Эрге), 14-й танковой, 29-й моторизованной дивизиями 48-го танкового корпуса 4-й танковой армии, частями 6-го румынского армейского корпуса (Кетченеровский, Сарпинский и Малодербетовский улусы). С 25 августа на смену двум немецким пехотным дивизиям, уходившим на Кавказский театр военных действий, в калмыцкую степь прибыла усиленная 16-я мотодивизия (командир — генерал-лейтенант З. Хейнрици, с 15 ноября генерал-майор Г. Шверин) для ведения активных боевых действий на астраханском направлении. В боевые действия с ней вступила 28-я армия (командующий — генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко).

Несмотря на оккупацию полностью пяти и частично трех улусов в республике не прекращалась военно-мобилизационная работа. В 1942 г. Калмыкия направила на фронт 16 879 человек, а всего сражалось 22 360, в том числе оставшиеся в 1941 г. в живых 5 481 человек. Из них безвозвратные потери составили 4 181, санитарные — 5 277 человек. В 1942 г. в строю Красной Армии остались и продолжали воевать 12 902 (57,8 %) представителя Калмыкии.

В связи с проведением военной операции по окружению в Сталинграде немецкой 6-й полевой армии и с попыткой 16-й мотодивизии прорваться в астраханском направлении важное оперативное значение с осени 1942 г. приобрело строительство оборонительных сооружений и объектов военного назначения на южном оборонительном обводе Сталинградского фронта. По заданию Генштаба Красной Армии и Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР во второй половине 1942 г. на территории республики начались работы по приведению в проезжее состояние дорог на Сталинградском, Астраханском и Ростовском направлениях протяженностью 716 км. По решению ГКО от 7 августа 1942 г. Калмы-

кия направила до 5 тыс. человек, экскаваторов, тракторов, 100 подвод с верблюжьей упряжью на возведение обводных оборонительных сооружений с юго-западной стороны Астрахани [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 74–75, 100; Д. 712. Л. 6, 7; Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 94. Л. 257; Д. 121. Л. 39]. Помимо этого, в соответствии с заданием ГКО, в сентябре 1942 г. республика направила 3 тыс. человек и 1 000 подвод на подъем полотна новой ветки железной дороги Астрахань — Гурьев (Досанг).

Несмотря на тяжелейшие условия прифронтовой обстановки и частичной оккупации хозяйства республики в 1942 г. выполнили годовой план по сдаче мяса государству на 130 %, рыбаки полностью выполнили государственные задания по добыче, заготовке и обработке рыбы. На осенней путине было занято 4 200 рыбаков. Население неоккупированных улусов собрало на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» 2 млн руб., 7 вагонов подарков, 4 тыс. индивидуальных посылок бойцам Красной Армии.

В период немецкой оккупации на территории Калмыцкой АССР, несмотря на отсутствие природных укрытий, развернулась активная партизанская борьба, которая велась небольшими вооруженными отрядами и группами. Уже в октябре 1942 г. действовали 9 разведдиверсионных отрядов и 11 групп общей численностью 371 человек, подготовленных Астраханской спецшколой № 005 (начальник — А. М. Добросердов, бывший секретарь Элистинского горкома партии). Вопросы обеспечения разведдиверсионных отрядов вооружением, боеприпасами, средствами связи, частично — обмундированием решались штабом 28-й армии, а финансирование, снабжение продовольствием, теплой одеждой — в основном правительством Калмыцкой АССР. За период функционирования эта школа подготовила и направила в тыл неприятеля 540 бойцов, в том числе 247 человек из Калмыкии. За небольшой срок действия (октябрь — декабрь 1942 г.) на оккупированной территории Калмыкии партизанские отряды и группы нанесли противнику существенный урон, добыли и передали ценные разведывательные данные наступающим частям Красной Армии.

С начавшимся 20 ноября 1942 г. общим контрнаступлением войск Сталинградского фронта части 28-й армии, имея задачу

окружить и уничтожить хулхутинскую группировку 16-й мотодивизии, перешли в наступление в калмыцкой степи. Однако 16-й мотодивизии с большими потерями удалось вырваться из окружения и только с разрешения Гитлера перейти р. Маныч, 1–2 января 1943 г. оставив калмыцкую степь. Этой отборной дивизии был нанесен огромный материальный и моральный урон. После сражений в калмыцких степях, — как вспоминал командир танка «Тигр» Альфред Руббель, — рядовые танкисты «представляли собой испуганное стадо» [Руббель 2015: 160].

К этому времени части 51-й армии, освободив Малодербетовский, Сарпинский, Кетченеровский улусы, а части 28-й армии — Троицкий, Приютненский, Черноземельский, Западный и Яшалтинский улусы, полностью обезопасили южный внешний оборонительный обвод Сталинграда. Начавшиеся боевые действия в калмыцких степях с первых дней августа 1942 г. с наступлением немцев на Сталинградском и Астраханском направлениях завершились полным их разгромом в Сталинграде.

С изгнанием оккупантов республика направила все усилия на восстановление разрушенного народного хозяйства, оказание всесторонней помощи Красной Армии, на выполнение заданий советского правительства, обязательств перед государством. Население Калмыкии с начала войны к февралю 1943 г. сократилось на 54 796 (24,8 %) человек, в том числе трудоспособное — на 49 572 (46,3 %) человека. За этот период мужчин в Калмыкии уменьшилось со 111 418 до 66 364 (59,6 %) человек. Несмотря на это республика уже в феврале 1943 г. направила 3 200 человек и 225 пароконных подвод на сооружение объектов Управления южно-полевого строительства и Наркомата путей сообщения СССР, а также на восстановление Сталинграда, 550 человек. Кроме того, хозяйства Калмыкии поставили военным соединениям Южного фронта 3 185 т мяса. Рыбаки республики к 1 декабря 1943 г. сдали 395 тыс. ц рыбы (120 %), предприятия рыбной промышленности заготовили 343 тыс. ц рыбной продукции (104 %). За высокие производственные показатели по добыче и заготовке рыбы в 1943 г. 14 рыбаков и работников рыбной промышленности Калмыкии удостоились орденов и медалей.

По итогам подписки населения на Второй военный государственный заем Калмыцкая АССР, перевыполнив задание почти на 400 % (23 млн 485 тыс. руб.), в 1943 г. заняла третье место в РСФСР. Кроме этого, в ходе подписки жители Калмыкии внесли наличными 7 млн руб., в сберегательные кассы от населения поступило 6,5 млн руб., подписка на общий государственный заем составила 22 млн руб. Трудящиеся Калмыцкой АССР в первом полугодии 1943 г. сдали на боевую технику и вооружение Красной Армии 5 млн 678 тыс. руб., на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» — 3 млн 100 тыс. руб. В течение марта – мая 1943 г. труженики Калмыкии за солидную финансовую поддержку Красной Армии получили 5 благодарственных телеграмм от председателя ГКО И. Сталина [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 30–31; Д. 818. Л. 53; Калмыкия в Великой Отечественной войне 1985: 424, 438, 441, 446].

Помимо денежных средств, население Калмыцкой АССР в трудном 1943 г. сдало в фонд обороны страны 14,2 тыс. ц хлеба (вместо 10 тыс. ц по плану) и дополнительно 8 тыс. ц мяса. Не прекращалось начавшееся с первых дней войны движение по сбору и отправке воинам-фронтовикам подарков. В июле–августе 1943 г. республика отправила на фронт 7 400 пар шерстяных носков и 6 745 пар варежек, 80 полушубков и другие вещи, а также в значительном объеме продукты питания.

В 1943 г. на фронтах войны всего находились 21 022 уроженца Калмыкии (оставшиеся в 1942 г. в строю 12 902 человека и вновь призванные 8 120 человек). К концу года из этого количества людей безвозвратные потери составили 3 332 (45,9 %), санитарные — 3 921 (54,1 %) человек. Всего в 1943 г. потери составили 7 253 (34,5 %) человека, остались в строю 13 769 (65,5 %) уроженцев Калмыкии, из них 6891 (50,1 %) калмык (590 офицеров, 921 сержант, 5 159 рядовых, в военных учебных заведениях учились 221 человек). Из двухлетних санитарных потерь вернулись в строй около 1500 — 1 700 уроженцев Калмыкии [ЦАМО РФ. Ф. 13А. Оп. 3029. Д. 227. Л. 37, 38].

В течение 2,5 лет (июнь 1941 – декабрь 1943 г.) в действующую армию из Калмыцкой АССР были призваны 38 778 человек. С учетом людей, находившихся к началу 1941 г. на сверхсрочной и действительной службе (4 432 чел.) и призванных, на

фронтах Великой Отечественной войны сражались 43 210 уроженцев Калмыкии, в том числе: калмыков — 21 119 (48,9 %), русских — 20 223 (46,8 %), представителей других национальностей — 1858 (4,3 %) человек. По неполным данным, на фронтах Великой Отечественной войны находились почти до 1 тыс. женщин Калмыкии. Из 43 210 человек безвозвратные потери составили 14 735 (38,0 %) человек, санитарные — 13 003 (30,1 %). Таким образом, за 2,5 года войны общие потери уроженцев Калмыкии составили 27 738 (64,2 %) человек, а с учетом вернувшихся из плена — 24 138 (56 %).

Ежегодно на сооружении объектов (железной дороги, оборонительных рубежей, оперативных аэродромов, дорог, мостов и др.) работали до 30 тыс. человек из Калмыкии, в основном женщины и подростки, до 10 тыс. пароконных подвод и с верблюжьей упряжью. Хозяйства Калмыцкой АССР поставили Красной Армии 28 тыс. лошадей, более 700 автомашин и около 300 тракторов, население послало бойцам почти 50 тыс. пар валенок, 8 тыс. полушубков и тулупов, 5 тыс. фуфаяк, более 10 тыс. шапок-ушанок и другие теплые вещи.

Призванные на службу граждане Калмыцкой АССР мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. За отвагу и героизм, проявленные в боях против фашистских захватчиков, многие из них были награждены боевыми орденами и медалями, а ратный подвиг 22 человек, в том числе 10 калмыков, был отмечен высшим знаком воинского отличия — званием Героя Советского Союза. 6 воинов Калмыкии были удостоены высокой чести участвовать 24 июня 1945 г. в историческом Параде Победы на Красной площади в Москве.

Калмыкия достойно запечатлена на скрижалях военной истории России. Особое место в ней занимает Победа в Великой Отечественной войне, которая была достигнута неимоверными усилиями россиян и всего советского народа, сплоченностью, дружбой, героизмом, самоотверженностью на фронте и в тылу. Победа в Великой Отечественной

войне в системе ценностей, исторической памяти российского общества воспринимается как выдающееся событие XX столетия, свидетельствующее о сокрушении нацизма и фашизма. Россияне предотвратили как национально-государственную, так и социальную катастрофу, отстаивали свободу и независимость Отчизны, суверенитет государства.

Sources

- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) – [The State Archive of the Russian Federation] (In Russ.).
- Nacional'nyj Arhiv Respubliki Kalmykija (NA RK) – [The National Archive of the Republic of Kalmykia] (In Russ.).
- Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii (RGASPI) – [The Russian State Archive of the Russian Federation] (In Russ.).
- Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (CA MO RF) – [The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (In Russ.).

References

- Eremenko A. I. Stalingrad: Uchastnikam velikoj bitvy pod Stalingradom posvjashhaetsja [Stalingrad: is devoted to the Participants of the great battle of Stalingrad]. Moscow, AST: Khranitel Publ., 2006. 556 p. (In Russ.).
- Kalmykija v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941–1945 gg. 3-e izd. [Kalmykia in the Great Patriotic War. 1941–1945 3rd ed.]. Elista, 1985. (In Russ.).
- Linec S. I., Yanush S. V. Oborona Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The defense of the North Caucasus during the Great Patriotic War]. Moscow, Ilekso Publ., 2010. 640 p. (In Russ.).
- Rubbel' A. «Tigry» v snegu. Memuary tankovogo asa [Tigers in the snow. The memoirs of a German tank ace]. Moscow, Yauza-Press Publ., 2015. 318 p. (In Russ.).
- Zemke E. Ot Stalingrada do Berlina. Operacii sovetskih vojsk i vermahta. 1942–1945. per. s angl. [From Stalingrad to Berlin. Operations of Soviet troops and Wehrmacht. 1942–1945]. TR. From English. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАПАДНЫХ
И РОССИЙСКИХ «ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»: ПОПЫТКИ РЕВИЗИИ**
**World War II in the Interpretation of Western and Russian «Researchers»:
Attempts of Revision the History**

В. Х. Акаев (V. Akaev)¹

¹доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова РАН (Ph. D. of Philosophy, Professor, Leading Scientist at the Integrated Scientific Research Institute of the RAS named after Kh. Ibragimov). E-mail: kniiran@mail.ru.

В статье рассматривается Вторая мировая война в интерпретации западных и российских исследователей. Особое внимание уделяется переоценке и необходимости глубокого научного анализа событий Второй мировой войны, роли советского государства и его народов в победе над врагом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Германия, западная и российская историография, интерпретация, депортация народов.

The article deals with the analysis of World War II in the interpretation of Western and Russian researchers. Particular attention is paid to the two trends in historiography: right-wing (conservative) and revisionist. According to the first trend, J. Stalin was preparing well in advance for an attack on Germany, and A. Hitler knowing it started the war to contain Soviet expansion. Under the second trend, Germany acted as a barrier to the spread of Bolshevism in Europe, becoming its protector. The author concludes that, some politicians in the western historical research condemning the violent deportation of peoples, proposed to revise not only the results of both the Second World War and the Great Patriotic War, but also to revise state decisions of the two periods in history of Russia: the USSR's epoch and the epoch of the Russian Federation. In connection with the events taking place in Ukraine, increased attacks on Russia's foreign policy, revisionist ideas to revise the results of the victory over Nazi Germany and the key role of Russia in it are gaining new momentum. As a result, there is an urgent need in in-depth scientific research on the events of World War II as well as the role of the Soviet Union and its people in the victory over the enemy.

Keywords: World War II, the Great Patriotic War, the USSR, Germany, western and Russian historiography, interpretation, deportation of peoples.

Начиная с 1980-х гг. на Западе, в том числе Германии, стали появляться «исследования» и соответствующие публикации, преследующие цель реанимировать право-консервативные или ревизионистские направления историографии, чтобы обосновать превентивный характер войны гитлеровской Германии против СССР.

Высказывалось мнение о том, что в меморандуме, врученном советскому послу в Германии, Гитлер якобы обвинял советское правительство в подготовке нападения на Германию летом 1941 г. Этот миф после Второй мировой войны часто встречался в публикациях бывших генералов и офицеров вермахта, а также чиновников третьего рейха, оправдывавших свое участие в подготовке и осуществлении плана «Барбарос-

са». Они считали, что в планы СССР входило завоевание всей Европы и Сталин исподволь готовился к нападению на Германию, а потому Гитлер, опережая его, начал войну с целью сдерживания советской экспансии. У ревизионистов своя точка зрения: Германия выступила в качестве барьера для распространения большевизма в Европе, став ее защитницей.

Идеи фашистов, воевавших против СССР и нанесших колоссальный урон советскому народу, нашли развитие в книгах предателя Родины В. Резуна (Суворова), изданных в России массовым тиражом. В двух из них — «Ледокол» и «День-М», концептуально продолжая гитлеровскую версию, Резун пытается доказать: 1) у СССР был агрессивный план типа «Барбароссы»;

2) этот план был уже материализован в стратегических эшелонах (куда более мощных, чем немецкие); 3) СССР обязательно напал бы в июле 1941 г. на Германию (и на весь Запад); 4) Гитлер затормозил наступление мирового коммунизма.

В. Резун пытается доказать, что Вторую мировую войну как продолжение мировой коммунистической агрессии спровоцировал и начал Сталин, а в предисловии к 1-му изданию книги «Ледокол» он просит прощения за то, что «отнимает у советских людей последнюю их иллюзию» о том, что их война была Великой Отечественной. Его попытка опровергнуть неопровержимое привела к тому, что, не вынеся совершенного им предательства, покончил жизнь самоубийством его родной дед — офицер советской армии, участник Великой Отечественной войны.

У Сталина не было оперативного плана нанесения превентивного удара по Германии. Ни слова об этом не было сказано фашистскими генералами, представшими перед Нюрнбергским судом, ни Черчиллем с Монтгомери, ни советскими военачальниками. Даже Геббельс с его бурной фантазией не додумался обвинить в этом советское правительство. В связи с этим, думается, будет уместно вспомнить ситуацию, когда Сталин категорически запрещал отвечать на провокации и злодеяния немцев в пограничных зонах и грозился расстрелять Жукова и Василевского за одни только мысли о предупредительном наступлении.

Состоятельны ли в методологическом отношении «научные поиски» Виктора Резуна? Считаю, что нет, ибо его труды построены на предположениях по поводу того, что мог совершить Сталин как руководитель советского государства и как главнокомандующий Красной армии. Кроме того, в них отсутствует надлежащая источниковая база, автор не обращался к архивным документам, в чем лично признается. Его методика исследования такова: подогнать многочисленные факты, приводимые им, под концепцию, фальсифицирующую подлинные причины Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Резун и его сторонники на Западе и в России придерживаются позиции, что СССР производил горы оружия, чтобы расширить сферы влияния социализма, совершить мировую революцию. На самом деле, не СССР преследовал агрессивную цель — завоевать и переделать мир, а гитлеровская

Германия жаждала пересмотреть Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г., завершивший Первую мировую войну. Державы-победительницы принудили Германию вернуть ранее завоеванные ею территории соседним государствам, признать независимость Австрии, Чехословакии и Польши, а ее колонии они поделили между собой. Германия была ограничена в войсках и вооружениях, была обязана выплачивать репарации и т. д. — словом, была поставлена в жесткие рамки.

Как отмечает У. Черчилль, «по Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую сто тысяч человек, с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы... Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию, запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн» [Черчилль 2010: т. 2, 22–23].

Став 30 января 1933 г. канцлером Германии, Гитлер разрабатывает планы не только возвращения территорий, отошедших к другим государствам на основе Версальского договора, но и завоевания мира, укрепляет военно-экономическое положение страны, и все это обосновывает нацистской идеологией.

4 декабря 1933 г. советское правительство пытается обсудить агрессивные замыслы Германии в отношении Прибалтики и предлагает Польше опубликовать совместную польско-советскую декларацию о защите мира в Восточной Европе. Но 26 января 1934 г. польское правительство подписывает польско-германскую декларацию о дружбе и ненападении, а советскому правительству заявляет, что вопрос о советско-польской декларации считает отпавшим [Мухин 2010: 25]. Европейские государства делали все, чтобы блокировать участие СССР в политической жизни Европы и в конечном итоге вытеснить его оттуда.

В марте 1935 г. в Берлине проходят секретные переговоры между министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном и Гитлером, ставшие достоянием советской разведки. На вопрос Риббентропа об Австрии Саймон ответил, что «правительство Его Величества не будет беспо-

коиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Тем самым Великобритания санкционировала присоединение Австрии и оккупацию Бельгии, и Гитлер поблагодарил ее за «великодушную» позицию.

Через три года, 11 марта 1938 г. Гитлер, вопреки международным соглашениям, осуществляет аншлюс Австрии. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. премьер-министры Англии и Франции, Чемберлен и Даладье, встретившись в Мюнхене с Гитлером и Муссолини, предоставили Германии все потребованные ею территории и даже позволили расчленив Чехословакию, имевшую союзнические отношения с ними. По мнению итальянского историка Джузеппе Боффа, мюнхенский сговор стал роковым импульсом, приведшим в движение всю цепь событий и факторов, толкавших Европу к войне [Боффа 1994: 540]. Фактически этот сговор означал капитуляцию Англии и Франции перед Германией.

СССР поддерживал Чехословакию и имел с ней договор от 1935 г., согласно которому мог оказать ей помощь только в том случае, если аналогичным образом поступит Франция, — таково было желание самих чехословаков. Франция имела военное соглашение с СССР о защите Чехословакии от немцев, заключенное в том же году [Мухин 2010: 79]. В сентябре 1938 г. Москва заявила о своей готовности выполнить условие договора, если выступит Франция. Более того, советские дивизии были выдвинуты к границе, а Польша была предупреждена, что, если она вторгнется в Чехословакию, СССР будет считать автоматически расторгнутым пакт о ненападении, заключенный двумя странами [Риббентроп 1998: 158].

1 октября 1938 г. Германия присоединяет Судетскую область, где проживало более 3 млн немцев, а 14 марта 1939 г. объявляет о независимости Словакии, что приводит к распаду Чехословакии. Как отмечает французский историк Марлис Штайнер, Гитлер с самого начала стремился поглотить всю Чехословакию целиком, а судетский вопрос послужил для него всего лишь предлогом [Штайнер 2010: 389]. Великобритания, имевшая договор о взаимной помощи с Чехословакией, всячески потворствовала Гитлеру, британское правительство, «не стесняясь, заявляло чехам, что им нечего

надеяться на то, что Англия выполнит свое обещание помочь Чехословакии» [Бюкар 2011: 16–17].

У. Черчилль, оценивая неблагоприятную роль Франции и Великобритании в трагической судьбе Чехословакии, писал: «Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника, Чехословакию, было печальной ошибкой, имевшей ужасные последствия. В этом деле, как в фокусе, сосредоточились не только соображения мудрой и справедливой политики, но и рыцарства, чести и сочувствия маленькому народу, оказавшемуся под угрозой. Великобритания, которая, несомненно, вступила бы в борьбу, если бы была связана договорными обязательствами, оказалась все-таки глубоко замешанной в этом деле. Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь» [Черчилль 2010: т. 2, 148].

А тем временем Польша спешила захватить Тешинскую часть Силезии, четыре века находившуюся в составе Габсбургской империи, но по Версальскому договору отошедшую к Чехословакии. Кроме того, в Берлине польский министр иностранных дел Бек предлагал свои услуги по завоеванию Украины в случае поддержки Гитлером ее претензий на выход к Черному морю. Сегодня Польша обвиняет СССР в заключении пресловутого пакта Молотова–Риббентропа, участии с Германией в разделе ее территории, считая это началом Второй мировой войны. Далеко не лестны отзывы У. Черчилля о такой «европейской политике» Польши в лице полковника Бека, поспешившего «захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии» [Черчилль 2010: т. 2, 149].

15 марта 1939 г., в 1 час 15 минут президент Чехословакии Гаха в кабинете Гитлера выразил «твердое убеждение в том, что судьба его страны в руках фюрера и в таком случае за нее можно быть спокойным» [Буллок 1994: 218]. После таких слов Гитлер, охваченный бурей эмоций, ворвался в комнату, где сидели его секретари, и расцеловал их. «Дети мои, — заявил он, — сегодня величайший день в моей жизни. Я войду в историю как величайший из немцев» [Буллок 1994: 219].

Тем временем новое государство Словакия обращается к Германии с просьбой

взять ее под свою защиту и 16 марта 1939 г. получает от нее положительный ответ. Уже 23 марта в Берлине договор о защите Словакии был подписан министрами иностранных дел Третьего рейха и Словакии, Риббентропом и Тука. Заняв всю территорию Чехословакии, Германия отгородилась от СССР независимыми территориями Словакии и Венгрии, а последняя получила еще Закарпатье [Стариков 2010: 209]. Такая ситуация вызвала недовольство Англии и Франции, которые, потворствуя агрессивной политике Гитлера, нацеливали его на войну с СССР, но он не спешил выдвигать свои войска к границам Советского Союза.

23 августа 1939 г. между СССР и Германией был заключен Договор о ненападении, получивший название пакта Молотова–Риббентропа. Кроме основного договора, был подписан дополнительный секретный протокол, в котором говорилось о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе, в частности, в случае территориально-политического переустройства государств Прибалтики и Польши.

По поводу этого договора У. Черчилль пишет, что в Ялте Сталин ему признался: «Если бы англичане послали в 1939 году в Москву миссию из людей, действительно желавших соглашения с Россией, советское правительство не подписало бы пакта с Риббентропом. Риббентроп сказал русским в 1939 г., что англичане и американцы — только купцы и никогда не будут воевать» [Черчилль 2010: т. 2, 552].

Многие западные исследователи, особенно польского и прибалтийского происхождения, считают, что пакт Молотова–Риббентропа послужил толчком к началу Второй мировой войны. Всю вину при этом они возлагают на правительство Сталина, не учитывая того, что Польша еще в 1934 г., в правление И. Пилсудского, заключила такой договор. Кроме того, Польша и Венгрия вместе с Германией принимали участие в разделе Чехословакии, немцы аннексировали Мемель (Клайпеду). Эти процессы происходили при молчаливом одобрении и слабom противодействии Англии и Франции, тогда как СССР с самого начала протестовал против опасной политики Германии, однако все предложения советского правительства по созданию системы коллективной безопасности в Европе были отвергнуты.

Это обстоятельство и толкало СССР на заключение договора с Германией о ненапа-

дении. Все европейские страны, в том числе и Польша, такой договор с Германией уже имели. К этому времени агрессивная политика Гитлера, сутью которой был пересмотр Версальских соглашений 1919 г., все более активно проявляла себя в Европе.

Правительства европейских государств, вместо того чтобы общими усилиями отразить фашистскую агрессию, бросили свои народы на произвол судьбы: одни из них пошли на сговор с агрессором, другие поспешили в эмиграцию (как поступило польское руководство).

Западные страны не давали никаких гарантий балтийским государствам, отделявшим Германию от СССР. Заключение договора с Германией отодвинуло начало агрессии против СССР и никак не могло приблизить Вторую мировую войну. Началась она с благословения западных демократий, первыми подписавших мюнхенский договор с Гитлером, отдавших ему Судеты и санкционировавших аншлюс Австрии. Именно пакт Молотова–Риббентропа лег в основу послевоенной конфигурации и не позволил ангlosаксам войти в Восточную Европу. Этот договор, который СССР был вынужден подписать, стал крупнейшим провалом английской стратегии за всю историю XX в., и поэтому сегодня предпринимается немало попыток его демонизировать.

После захвата Польши 1 сентября 1939 г. Германия овладела Данией и Норвегией в апреле 1940 г., а в мае–июне — Голландией, Бельгией, Люксембургом и Францией. Тем самым она блокировала Британию, лишив ее возможности использовать ресурсы этих государств против нее, а их территории — как плацдарм для нападения, тогда как сама активно пользовалась и тем и другим.

Вместо того, чтобы тщательно проанализировать работы В. Резуна (Суворова) и его предшественников, фальсифицирующие начало, ход и итоги Второй мировой войны, в России нашлись сторонники данной «концепции», принимающие ее за научную истину. К ним относятся В. Д. Данилов, М. И. Мельтюхов, В. А. Невежин, Б. В. Соколов, Ю. Н. Афанасьев. Не без содействия последнего книга В. Резуна (Суворова) «Ледокол» попала в список литературы, рекомендуемой абитуриентам РГГУ. Подобные методы способствуют формированию нового поколения исследователей, историческое сознание которых ориентировано на пересмотр причин начала Второй мировой и Великой Отечественной войн и их итогов.

Ревизионисты из Восточной Европы, в частности, президент Латвии Вайра Вике-Фройберг, имеющая степень доктора наук, пытаются переформатировать историю Второй мировой войны. Им удалось добиться от ПАСЕ принятия резолюции о воссоединении разделенной Европы, в которой ответственность за развязывание войны и за ее жертвы в равной степени возлагается на фашистскую Германию и СССР. День подписания пакта Молотова–Риббентропа предлагается в ней объявить «общеευропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма». Сторонники этой резолюции приравнивают прибалтийских эсэсовцев к советским солдатам, защищавшим прибалтийские государства. Задолго до принятия данной резолюции в этих странах проводились марши бывших фашистов, уничтожались памятники советским солдатам, погибшим в войне. Если в прибалтийских государствах разрешено подобное, то вполне закономерен вопрос: почему не счесть возможным это и в самой Германии?

О равнозначности социально-политических феноменов «нацизма» и «сталинизма» не может быть и речи, ибо «нацизм» — это человеконенавистническая идеология, призывавшая к уничтожению неарийских наций за их неполноценность, в ее практическом осуществлении. Сталинские репрессии были направлены против народов СССР, поэтому именно они должны давать оценку тому, что происходило в период правления Сталина. В 2003 г. президент Германии Йоханнес Рау раскритиковал итоги Ялты и Потсдама, в результате которых чехам были возвращены Судеты, а полякам — исторические границы по Одеру и Нысе. По поводу такого передела крупнейший английский историк Второй мировой войны Энтони Биворе заявил, что судьбы 12 млн немцев, переселенных в «фатерланд», возможно, были несправедливыми и даже кровавыми, но на спусковой крючок этой бойни в Европе все-таки нажал Гитлер.

Ревизия итогов Второй мировой войны означает оправдание фашизма и обвинения в адрес СССР. Некоторые политики и ученые на Западе высказываются по поводу того, что Россия как правопреемница СССР должна покаяться перед Восточной Европой, более того, выплатить контрибуцию. Эта точка зрения находит поддержку у отдельных политических деятелей из стран антигитлеровской коалиции.

Вышесказанное нужно рассматривать как желание пересмотреть тегеранские, ялтинские и потсдамские соглашения, что вполне может привести к ликвидации ООН и его Совета Безопасности, постепенному скатыванию к Третьей мировой войне, установлению нового порядка в Европе, но без ликвидированных СССР и антигитлеровской коалиции, а также к изоляции России. А это в свою очередь приведет к созданию условий для установления в Европе неофашистского режима.

Нет сомнения в том, что европейские ревизионистские тенденции представляют угрозу для национальной безопасности России, поэтому выработка не только практических мер, включая укрепление обороноспособности страны, но и теоретическое противостояние современным неоревизионистам как на Западе, так и внутри страны — важнейшая политическая, научно-практическая задача. Победу в Великой Отечественной войне ковали все народы Советского Союза, защищавшие свою Родину от коричневой чумы. В том числе и депортированные Сталиным и Берией народы, среди них и чеченцы, которые, вопреки лживым обвинениям в их адрес, в тылу и на фронтах делали все, чтобы приблизить победу над общим врагом.

Глава МИД Польши Г. Схетына, комментируя вопрос о приглашении российской стороны на 70-ю годовщину освобождения лагеря Освенцим, заявил: «Лучше сказать, что это Украинский фронт, Первый Украинский фронт, и украинцы освобождали Освенцим, потому что там украинские солдаты были в этот день в январе, и они открыли ворота лагеря, и они освободили лагерь» [Захарова]. Эту интерпретацию журналист М. Захарова назвала адской логикой. Выбранная польским дипломатом формулировка представляет собой попытку ревизии важнейших событий Второй мировой войны. Ведь всем хорошо известно, что Освенцим освободили солдаты Красной армии, состоявшей из представителей разных национальностей, проживавших в Советском Союзе.

Глава МИД России Сергей Лавров заявление своего польского коллеги расценил как кощунственное и циничное. На пресс-конференции, состоявшейся после встречи «нормандской четверки» в Берлине 21 января 2015 г., он констатировал: «Заявление польского министра о том, что Освенцим

освобождали украинцы — я даже не могу это комментировать. Освещением освобождала Красная армия. Там были русские, украинцы, чеченцы, грузины, татары, и пытались играть на каких-то националистических чувствах в этой ситуации абсолютно кощунственно и цинично» [Лавров счел].

Если ревизионистская кампания по пересмотру начала, хода и итогов Второй мировой войны развернута вне нашей страны, то внутри нее продолжается отстаивание сталинско-бериевской политики отдельными политическими деятелями, писателями и журналистами, которые оправдывают депортацию народов, игнорируя при этом государственные решения, принятые в пост-сталинский период Российской Федерацией и признающие депортацию народов не просто преступной акцией, а геноцидом.

Думается, что в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне проблема тщательного исследования этих вопросов и аргументированной критики позиции ревизионистов, отечественных неосталинистов, стремящихся оправдать насилие над народами, не утратит своей актуальности.

Например, И. Пыхалов, автор книги «За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие?», оправдывает сталинское насилие над депортированными чеченцами и ингушами. Ссылаясь на фальсифицированные НКВД данные, игнорируя законы Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий», другие законодательные акты о реабилитации народов и граждан, политико-правовые оценки, данные органами государственной власти, он пытается доказать, что Сталин совершенно справедливо «наказал» депортированные народы. Более того, он считает, что постигшая чеченцев и ингушей в 1944 г. депортация «была гораздо мягче той, что полагалась им, согласно Уголовному кодексу» [Пыхалов 2008: 95].

Так, А. Мартирисян, написавший апологетический труд о Берии, клеветнически утверждает, что в годы Великой Отечественной войны немало представителей депортированных народов, в том числе чеченцев и ингушей, совершило злодейские преступления, при этом едва ли не с одобрения абсолютного большинства этих же народов [Мартирисян 2010: 217]. Сей откровенный клеветник пишет: «Если бы Ко-

митет Обороны СССР и лично Верховный Главнокомандующий И. Сталин решили бы поступить с этими негодями и преступниками в строгом соответствии с действовавшим тогда уголовным законодательством и с учетом специфики военного времени, то к стенке пришлось бы ставить практически все мужское поголовье этих народов». Но «гуманное» советское руководство избирает депортацию, которую автор считает куда более мягким путем, принципиально далеким от понятия геноцида [Мартирисян 2010: 218].

Подобные суждения не случайны, они имеют под собой соответствующую основу — либо «заказ», либо соучастие авторов или «заказчиков» в сталинско-бериевских преступлениях. Поскольку их высказывания имеют официальный характер, то ревизии подвергаются государственные решения по депортированным народам, оправдываются осужденные историей преступные сталинские деяния, что наносит непоправимый вред межнациональным отношениям в России. Такая позиция противоправна, зловердна, ее следует отнести к категории попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны. Более того, она умаляет значение вклада депортированных народов, в том числе ингушей, балкарцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, в приближение Победы над фашистской Германией.

Подводя итоги, следует признать, что в западных исторических исследованиях, высказываниях отдельных политиков предлагается пересмотреть итоги Второй мировой и Великой Отечественной войн, а поскольку СССР виновен, как и Германия, то Россия должна покаяться перед народами Европы. Эти идеи отчасти находят поддержку и у некоторых отечественных писателей, журналистов и исследователей. Предпринимаются попытки пересмотра и государственных решений как эпохи СССР, так и России, осуждающих сталинско-бериевские насильственные депортации народов.

Ясно, что в контексте событий на Украине, усиления нападков на внешнюю политику России, ревизионистская тенденция к пересмотру итогов Победы над фашистской Германией и ключевой роли России в ней набирает новые обороты. В связи с этим актуализируется необходимость глубокого научного анализа событий Второй мировой войны, роли российского государства и его народов в победе над врагом.

References

- Boffa D.* Istorija Sovetskogo Sojuza v dvuh tomah. T. 1. Ot revoljucii do Vtoroj mirovoj vojny. Lenin i Stalin 1917–1941 [The history of the Soviet Union in two volumes. Vol. 1. From the revolution to the Second World War. Lenin and Stalin 1917–1941]. Moscow, Mezhdunar. Otnoshenija Publ., 1994. 629 p. (In Russ.).
- Bullok A.* Gitler i Stalin: Zhizn' i vlast': sravnitel'noe zhizneopisanie: V 2 t. T. 2. [Hitler and Stalin: the Life and politics: a comparative biography: in two volumes. Vol. 2.] Smolensk, Rusich Publ., 1994. 527 p. (In Russ.).
- Bucar A.* Podlost' sojuznikov: Kak Zapad predaval Stalina. Anabella Bjukar, Ral'f Parker [Meanness of the allies: How the West betrayed Stalin. Annabelle Bucar, Ralph Parker]. Moscow, Eksmo: Algoritm Publ., 2011. 224 p. (In Russ.).
- Churchill W.* Vtoraja mirovaja vojna: V 3-h kn. Kn. 1. T. 1.: Nadvigajushhajasja burja; T. 2: Ih zvezdnyj chas. [World War II: In 3 vol. Book. 1. Vol. 1: The gathering storm; Vol. 2: Their finest hour]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2010. 635 p. (In Russ.).
- Lavrov schel zajavlenie pol'skogo ministra ob Osvencime koshchunsvom [Lavrov regarded as blasphemous and cynical statement of its Polish counterpart Grzegorz Schetyna on Auschwitz] [Elektronnyj resurs]. [Electronic resource]. Available at: URL: <http://lenta.ru/news/2015/01/22/lavrov/> (accessed: 25.04.2015). (In Russ.).
- Martirosyan A.* Sto mifov o Berii. Ot slavy k prokljatijam. 1941–1953 gg. [One hundred myths about Beria. From glory to the curses. 1941–1953]. Moscow, Veche Publ., 2010. 384 p. (In Russ.).
- Mukhin Y. I.* Kto na samom dele razvjazal Vtoruju Mirovuju vojnu? [Who actually unleashed World War II?]. Moscow, Yauza-press, 2010. 62 p. (In Russ.).
- Pykhalov I.* Za chto Stalin vyseljal narody? Stalinskie deportacii – prestupnyj proizvod ili spravedlivoe vozmezdie? [For what Stalin evicted peoples? Stalin's deportation – criminal arbitrariness or just retribution?]. Moscow, Jauza-press, 2008. 106 p. (In Russ.).
- Ribbentrop I.* Memuary nacistskogo diplomata [Memoirs of the Nazi diplomat]. Moscow, Rusich Publ., 1998. 448 p. (In Russ.).
- Steiner M.* Gitler [Hitler]. Moscow, Eterna Publ., 2010. 669 p. (In Russ.).
- Starikov N. V.* Kto zastavil Gitlera napast' na Stalina? [Who made Hitler attack Stalin?]. St. Petersburg, Peter Publ., 2010. 91 p. (In Russ.).
- Zaharova M.* Adskaja logika [Infernal logic]. [Electronic resource]. Available at: URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts...> (accessed: 25.04.2015). (In Russ.).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Socio-Economic Development of the Republic of Kalmykia in the Context of Modernization of the Russian Society

Н. Г. Очирова (N. Ochirova)¹

¹ кандидат политических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Political Sciences, Head of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье рассматриваются процессы модернизации российского общества и их отражение в развитии регионов страны. На примере Калмыкии автор исследует проблемы социально-экономического развития республики в контексте радикальных изменений, произошедших в постсоветское время. Проведенный анализ свидетельствует о том, что экономика Калмыкии по-прежнему имеет сырьевую направленность. Социалистическое переустройство сельскохозяйственного производства превратило республику в зону экологического бедствия. Наиболее болезненными результатами либеральной революции в Республике Калмыкия стали резкое снижение уровня жизни, ухудшение социального самочувствия населения и миграции.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, постсоветский период, социально-экономическое развитие, Россия, Республика Калмыкия.

The article considers scientific opinion addressing the processes of society modernization in transition period, a complex and painful but historically significant for the country. The author describes the results of researching the history of social and economic development of the Republic of Kalmykia in the context of changes in the country. The analysis allows the author to conclude that the economy of Kalmykia in the transition period was actually characterized by a commodity orientation. Socialist reorganization of agriculture has transformed the republic into a zone of ecological disaster. The most painful results of a «liberal» revolution «from above» in Kalmykia have been a sharp decline in living standards, deterioration in social well-being of the population and migrations.

Keywords: modernization, transformation, the post-Soviet period, socio-economic development, Russia, the Republic of Kalmykia.

Последнее десятилетие XX – начало XXI вв., т. е. вся постсоветская история, сопровождается в России коренными изменениями в этнической, религиозной, культурной и нравственной сферах жизни. Россия перешла рубеж десятилетия, так называемого переходного периода либеральных реформ, который в одних случаях именуется периодом посткоммунистической трансформации, в других — догоняющей модернизации [Россия 2001; Дискин 1999; Три века 1999; Кулинченко, Кулинченко и др. 2003].

Это весьма сложный и болезненный, но исторически значимый для страны этап, в ходе которого были заложены основы новой власти, экономических и общественных

отношений, морально-нравственных ценностей. Поэтому в целом оценка истории 1990-х гг. вытекает из разрушительного характера преобразований по отношению к советскому прошлому, первых попыток создать новые институты в области экономики, политики и других сферах общественной жизни [Строев 2001].

Содержание истории 1990–2000-х гг. обусловлено переходом от советского коммунистического прошлого к радикальным изменениям в жизни государства, общества и каждого гражданина. В условиях наличия тяжелых последствий, унаследованных из прошлого, объективных и субъективных трудностей происходило становление новой России [Пихоя и др. 2011: 12].

Официальная оценка постсоветского периода выглядит крайне противоречивой. С одной стороны, воздается должное президенту России Б. Н. Ельцину в сокрушении тоталитаризма, с другой — отношение к осуществленным при нем преобразованиям несколько сдержанное. Об этом, в частности, свидетельствует послание В. В. Путина Государственной Думе в 2006 г. В документе он суммировал ситуацию следующим образом: распад СССР в 1991 г. «стал крупнейшей катастрофой, в результате которой десятки миллионов граждан оказались за пределами российской территории; многие учреждения были распущены или реформированы на скорую руку. Накопления граждан были обесценены. Все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильного финансового положения, паралича социальной сферы. Ни власть, ни бизнес не оправдали ожиданий людей... Старые идеалы, — отмечал В. В. Путин, — были отвергнуты, а новых не появилось» [Путин 2006].

Таким образом, актуальность изучения процесса перехода к развитым рыночным отношениям в России, как и в составляющих ее регионах, к которым относится Республика Калмыкия, вызвана и негативными явлениями в современной российской экономике, которые возникли, по мнению ряда ученых, в результате непродуманных либеральных реформ [Федоренко 2003; Миньшиков 2004]. В ходе модернизационных процессов в каждом регионе страны накапливается уникальный опыт социально-экономического и политического развития, в результате чего изменяется социокультурный облик России и идентичность населяющих ее народов. Без систематического изучения этого опыта, знания объективных и субъективных факторов, тенденций модернизационных процессов, меняющихся в соответствии с требованиями времени ориентиров и программ реализации национальной политики трудно ожидать прогресс в государстве, улучшение положения его граждан.

Республика Калмыкия, на которую социально-экономический кризис повлиял особенно негативно, относится к группе дотационных регионов Российской Федерации. Причины многих современных проблем корнями уходят в прошлое — в те годы, когда происходил интенсивный процесс формирования народнохозяйственного комплекса республики и были заложены те

диспропорции в социально-экономической сфере, которые дают знать о себе и в постсоветское время.

Социокультурная и политическая ситуация в российском обществе, как и во всем мире, на рубеже столетий характеризуется заметной регионализацией общественной жизни. Поэтому учет региональных факторов при разработке стратегии перспективного развития страны становится объективной необходимостью. В Республике Калмыкия, как и в других регионах России, переход к новой модели развития общества имеет свою специфику, обусловленную особенностями ее предшествующего развития. Исследование современной Калмыкии становится актуальным, так как республика занимает важное геополитическое положение на Юге России [Арутюнов 2009]. На ее территории пересекаются стратегические транзитные транспортные пути, связывающие Европу с Азией, Север с Югом. Республика выступает контактной зоной христианской, исламской и буддийской цивилизаций и имеет выход к побережью Каспийского моря, в акватории которого открыты достаточно большие запасы нефти и газа, представляющие ресурсный интерес не только для России, но и для ряда ведущих мировых государств, которые стремятся поставить основные запасы мировых природных ресурсов под свой контроль. Республика Калмыкия является и одним из важных регионов в прикаспийском и северокавказском геополитическом пространстве. Она играет роль пограничного рубежа, обеспечивающего защиту национально-государственных интересов России в южном направлении¹.

¹ Не случайно Республика Калмыкия вошла в «список Шойнеманна». Группа американских неоконсерваторов, возглавляемая советником Д. Маккейна по внешней политике Рэнди Шойнеманном и мультимиллиардером Джорджем Соросом, лоббирует признание Вашингтоном независимости национальных регионов в ответ на признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. В список регионов России, которые советники кандидата в президенты рассчитывают отколоть от России, вошли республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тува, Удмуртская, Хакасия, Чувашская (см. URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/article.php?id=18476377> (13.06.2010)).

В связи с этим актуальность изучения современных социально-экономических и общественно-политических процессов в республике обусловлена, как представляется, необходимостью выявления степени влияния статуса субъекта Российской Федерации как на ход модернизационных процессов, так и на укрепление федеративного государства.

Между тем анализ современных процессов модернизации российского общества требует объективности. В связи с этим наибольший интерес представляет новейшая литература, посвященная модернизационным процессам на рубеже XX–XXI вв. Теория модернизации находит свои истоки в эволюционизме — своеобразной концепции действий человечества, сформулированной в XIX в. основоположниками социологии О. Контом и Г. Спенсером, а также Л. Г. Морганом, исходившими из того, что общество можно рассматривать как организм, непрерывно растущий и развивающийся. Из отечественных ученых, внесших в начале XX в. существенный вклад в разработку указанной проблематики, следует назвать Н. А. Бердяева [1990; 2000], И. А. Ильина [1956], С. Н. Булгакова [1992], С. Л. Франка [1990]. Они исследовали специфику российской культуры и влияние конфессионального менталитета на хозяйственную деятельность. В их работах отмечалось глубокое духовное влияние православного христианства на развитие России, а также была предпринята попытка осмысления взаимоотношений национальных окраин и Центра.

В последующие годы теория модернизации претерпела ряд изменений. Классические труды, появившиеся в 1950-х и середине 1960-х гг., уделяли больше внимания контрасту между «первым» и «третьим» мирами. В 1970-х и до середины 1980-х гг. данная концепция подверглась критике, поскольку реальность не всегда соответствовала представлениям теоретиков. В конце 1980-х гг. их теории возродились под названиями «неомодернизация», «постмодернизация», по сути, являющимися новыми трактовками понятия «модернизация». С начала 1990-х гг. концепция модернизации активно используется для изучения постсоветских обществ, с пересмотром многих положений. Что же определяет роль и значение теории модернизации?

Во-первых, сегодня это метатеория, которая в полной мере принята социологической традицией, стала объективной основой для большинства социологических построений и исторических концепций. Обусловлено это тем, что теория модернизации сочетает в себе элементы социально-философской теории и черты социологической доктрины, гармонично объединяя в себе решение задач исторической периодизации с определением структуры, характера и исторического места современных западных и восточных обществ.

Во-вторых, теория модернизации не приемлет разграничение обществ на «капиталистические» и «социалистические», отмечая, что оно не является сущностным в исследовании разных проблем общества. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов того или иного общества. Современная трактовка теории модернизации как многоаспектного процесса, связанного с явлениями культуры, рассматривается в работах ряда западных исследователей: Л. Харрисона [2008; 2008a], С. Хантингтона [2003], Дж. Сакса [2008], Р. Инглхарта [2000], Ф. Фукуямы [2004], С. М. Липсета [1994; Липсет, Ленц 2002] и др.

В 1970–1980-х гг. проблематика «человеческих» факторов разрабатывалась в трудах отечественных ученых А. И. Арнольдова, С. И. Артановского, П. С. Гуревича, Н. С. Злобина, М. С. Кагана. Как и в другие периоды радикальных перемен, в 1990–2000-е гг. возникла литература, исчисляемая сотнями монографий, воспоминаний и тысячами статей, посвященных различным аспектам социально-экономической и общественно-политической жизни страны в постсоветский период¹. Это, на наш взгляд, косвенно свидетельствует об актуальности избранной нами темы статьи.

В период «перестройки» стали выходить исследования, связанные с осмыслением причин кризисного состояния советской экономики и предложениями по выходу из экономического застоя (см., например, ра-

¹ Их авторами являются разработчики реформ и их оппоненты, государственные и общественные деятели, публицисты, большая армия ученых: экономистов, историков политологов, философов, социологов и т. д.

боты С. С. Алексеева [1999], Л. И. Абалкина [1989], Е. Ясина [1989], Ю. Яковца [1990] и др.). Тогда же появилось значительное количество отечественных трудов, посвященных методологическим проблемам российского обществоведения и систематизирующих множество теоретических подходов к ним [Брандт, Ляшенко 1994; Румянцева 2002; Селунская 2003; Савельева, Полетаев 2008]. Так, В. С. Павлов выделяет формационное, цивилизационное и модернизационное направления как наиболее популярные среди современных исследователей [Павлов 2004]. В. А. Красильщиков [1994] полагает, что без модернизации невозможно решить ни одну из стоящих перед Россией проблем, рассматривая направления модернизации в экономической, социальной, политической и духовной сферах. В коллективной монографии «Модернизация в России и конфликт ценностей» [1993] теория модернизации проецируется на цивилизационную специфику России, с концентрацией внимания на социокультурном факторе, обуславливающим большое число комбинаций, которые составляют сложность изучения особенностей модернизации в той или иной стране.

Заметный вклад в развитие теории модернизации внесли екатеринбургские историки. Ими издан ряд трудов, посвященных теоретическим и конкретно-историческим исследованиям модернизационных процессов [Модернизация 1998; Модернизация 2000], где уделяется большое внимание региональной составляющей в изучении процессов российской модернизации [Алексеев 1999]. Анализу основных направлений исторической науки в переходный период в свете кардинально изменившихся условий существования общества посвящена работа А. Н. Сахарова [2002].

На основе крупномасштабных социологических и социально-политических исследований изданы труды Института социологии РАН, в которых рассматриваются неэффективность и провал либеральных радикальных реформ, их негативные последствия для большинства российских граждан [Социальное расслоение 1999; Россия 2000; Россия 2001 и др.]. Авторы отмечают, что в государствах бывшего СССР происходящие преобразования подчас радикально не совпадают, эти процессы часто происходят неодинаково и в регионах России, несмотря на единое общероссийское пространство.

Республика Калмыкия в переходный период характеризовалась сырьевой направленностью, унаследованной от структурной деформированности народного хозяйства страны, отсутствием собственной топливно-энергетической базы и промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, нефти, газа и других ресурсов. Экономика республики, тесно интегрированная в единый народнохозяйственный комплекс страны, на протяжении всего советского периода развивалась как сельскохозяйственная с преобладанием животноводства, которое приносило доходы и служило основным источником экономического благосостояния населения.

Агропромышленный комплекс в постсоветский период работает нестабильно из-за воздействия множества факторов как по объективным, так и субъективным причинам, кризисные явления в Калмыкии — снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции, рост ее себестоимости, убыточность отраслей, увеличение кредиторской и дебиторской задолженности, взаимных неплатежей — имеют затяжной характер.

Производство валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1994 г. во всех категориях хозяйств только за 1996–1998 гг. сократилось на 33 %, а в сельхозпредприятиях всех форм собственности — более чем на 37 %. Наибольшими темпами снижается производство продукции животноводства. В сельскохозяйственных предприятиях разрушается ранее созданный производственный потенциал республики. В Республике Калмыкия темпы снижения поголовья скота и производства продукции имеют более высокий показатель, чем в целом по России и в Поволжском регионе [Концепция 1999].

Отсутствие надежного водо- и газоснабжения, развитой сети транспортных коммуникаций, предприятий по переработке сырьевых ресурсов, нехватка собственных финансовых средств создавали неблагоприятные условия для реформирования экономики республики, вхождения ее в рыночные отношения.

Анализ процесса реформирования сельского хозяйства показал, что, начиная с 2000 г., в отрасли наступил переломный момент. В аграрной сфере в постсоветский период произошли глубокие перемены, об-

условленные формированием многоукладной экономики.

Реформы, начатые в 1991 г., проходили под лозунгами «либерализации, приватизации, стабилизации». Стратегия либеральных реформ и их последствия не были до конца продуманы. Первым и наиболее болезненным результатом «либеральной» революции «сверху» в Республике Калмыкия стало резкое снижение уровня жизни, ухудшение социального самочувствия населения, связанное с распадом социальной инфраструктуры, ростом стоимости социальных услуг, стремительным углублением социального неравенства.

Уровень жизни населения во многом коррелирует с параметрами занятости, с ситуацией в базовых отраслях региональной экономики в целом. Современный республиканский рынок труда, сформированный в условиях социально-экономического кризиса и реформирования экономики в 1990-е гг., оказался разбалансирован с точки зрения взаимосвязи рабочих мест и трудовых ресурсов.

К числу основных проблем развития сферы занятости и рынка труда в республике относились: трудоизбыточность, обусловленная недостаточным развитием экономического потенциала, нехваткой собственных инвестиционных ресурсов для ввода новых рабочих мест; низкий уровень занятости сельского населения; сохраняющаяся тенденция сокращения численности населения, занятого экономической деятельностью; несбалансированность спроса и предложения рабочей силы; высокие масштабы общей и регистрируемой безработицы, превышавшей среднероссийские показатели более чем в 1,5 раза; снижение доли высококвалифицированных рабочих, занятых в производстве, на фоне одновременного процесса старения кадров.

Эти проблемы являются следствием массового сокращения работников, длительных и порой необратимых остановок производства, устаревания производственных технологий и оборудования. Безработицу в республике можно назвать «сельской»: на учете в районных центрах занятости сельских граждан более 70 % от общей численности безработных.

Доля занятого населения в общей численности населения республики в течение последних лет сохранялась примерно на уровне 37,5–38 %, лишь к началу 2004 г.

этот показатель снизился до 30,1 % (ср.: 1995 г. — 40,1 %). Вместе с тем происходит перераспределение работающего населения: с одной стороны, отмечается снижение числа занятых на государственных и муниципальных предприятиях и организациях, с другой — увеличение занятых в частном секторе.

В структуре занятости населения по отраслям экономики Калмыкии наибольший удельный вес составляли занятые в сельском хозяйстве (26,9 %); довольно высока занятость в образовании (13,4 %); торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте, заготовках (8,9 %), здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении (9,6 %).

Наибольший удельный вес в структуре занятых составляет население в возрасте 40–49 (33,3 %) и 30–39 лет (26,2 %). По уровню образования занятые — это прежде всего лица со средним профессиональным (32,1 %) и средним общим образованием (26,8 %). Доля населения с высшим образованием представлена 20 % от всех занятых, при этом по сравнению с 2000 г. наблюдается снижение этого показателя на 4,6 %. Произошло выталкивание высококвалифицированных специалистов на рынок труда, что в свою очередь явилось причиной миграций. Постоянно наблюдается существенное снижение общеэкономического потенциала республики.

Главным фактором, обусловившим бедность и в целом низкий уровень жизни населения республики, является масштабная безработица. Ее уровень в Республике Калмыкия остается одним из самых высоких среди регионов Южного федерального округа; в Российской Федерации по этому показателю республика занимает 83-е место. Уровень безработицы за период 1995–2003 гг. увеличился с 16,9 % до 18 % от всего экономически активного населения. При этом следует констатировать, что безработица в основном распространена среди молодежи в возрасте 20–29 лет (33,6 % от всех безработных) [Калмыкия в цифрах 2005].

Начиная с 1998 г., наметилась положительная тенденция к снижению безработицы (ее численность сократилась в 1,5 раза). Однако ситуация на рынке труда в целом остается неустойчивой из-за продолжающейся миграционной активности населения в республике. Уменьшение эффективности хозяйств, резкое падение производства, вы-

сокая инфляция на начальном этапе реформ обусловили значительное снижение уровня жизни большей части населения республики, существенно уступая среднероссийскому показателю. В 2003 г. реальные доходы граждан Калмыкии составили 92 % по сравнению с показателями 1995 г., а коэффициент дифференциации увеличился с 16 до 19,9 раз. Ключевым фактором, предопределившим изменение доходов населения, стало уменьшение уровня заработной платы. Реальная заработная плата в 2003 г. составила 76,7 % по сравнению с 1995 г. В целом уровень жизни населения республики уступает по показателям другим регионам Южного федерального округа. На начало 2004 г. количество людей, оказавшихся за чертой бедности, составило 49,4 %, т. е. 147068 чел. имели доходы ниже прожиточного минимума (половина от всех жителей республики) [Калмыкия в цифрах 2003].

Мониторинг трудовых ресурсов Республики Калмыкия свидетельствует, таким образом, о заметной не востребовавности трудового потенциала. Для состояния современного рынка труда республики характерны следующие проблемы:

- недостаточная реформированность трудовой сферы, приводящая к преобладанию неэффективной занятости;
- потеря трудового потенциала квалифицированных и высококвалифицированных кадров в результате недоиспользования их рабочего времени, отсутствие реальной связи между доходом и уровнем профессионализма работника, их оттока в сферу неформальной занятости, часто не требующей прежней квалификации. Проблемы повышения уровня жизни населения не могут разрешаться без снятия напряжения на рынке труда экономически активной части населения.

Важным фактором устойчивого развития любого региона является оптимальное состояние окружающей природной среды. Такие отрицательные явления, как деградация пастбищных экосистем, истощение природных ресурсов, загрязнение природной среды на техногенных объектах, весьма негативно отражаются на экономическом развитии Республики Калмыкия и создают социальную напряженность в регионе.

Социалистическое переустройство пре-

вратило республику в зону огромного затратного механизма сельскохозяйственного производства, с утраченными пастбищами, с наступающей пустыней, т. е. в зону экологического бедствия. Ненормированная хозяйственная деятельность, бессистемный выпас сельскохозяйственных животных и высокая нагрузка на пастбища, нарушение сезонности выпаса, отсутствие мер по улучшению кормовых угодий, а также отсутствие механизмов стимулирования и рационального землепользования создали не только серьезную экологическую угрозу, но и угрозу нарушения территориально-хозяйственной системы. Республика Калмыкия в полной мере ощутила на себе тяжелые последствия трансформации сельскохозяйственных земель, в первую очередь пастбищ. По данным исследования ВНИАЛМИ (г. Волгоград), в 2005 г. площадь открытых песков в Калмыкии составляла 126,1 тыс. га, сильно сбитых пастбищ — 463,3 тыс. га. Степень освоения комплекса мероприятий по борьбе с опустыниванием (согласно федеральным и республиканским программам) к 2005 г. составила 32 % от полного объема финансирования. Предпринятые меры способствовали повышению продуктивности пастбищ, прекратили лавинообразный прирост песков. И все же экологическая обстановка в регионе остается по-прежнему крайне сложной, деградиционные процессы привели к снижению валовой сельскохозяйственной продукции, к количественной и качественной потере природных ресурсов, уменьшению реальных доходов населения, способствовали миграционным процессам — оттоку населения из неблагоприятных районов.

Для дальнейшей стабилизации экологической обстановки в районе Черных земель и уменьшению влияния негативных процессов, деградации земельных угодий с целью повышения их продуктивности, защиты от разрушения и создания благоприятной среды для жизни человека необходимо осуществить финансирование федеральной программы по сохранению и восстановлению плодородия почв. Реализация названных мер будет способствовать преодолению негативных последствий экологического бедствия, снятию социально-экономического напряжения в регионе и ликвидации очага единственной в Европе пустыни.

Макроэкономические показатели социально-экономического развития Респуб-

лики Калмыкия, индикаторы развития ее человеческого и интеллектуального потенциалов свидетельствуют о неэффективности модели управления реформами в рассматриваемый период, вызвавшей деградацию в экономике, существенное снижение благосостояния населения. В республике неоправданно низкая степень обеспечения регионального рынка собственной продукцией, особенно с высокой степенью переработки, что негативно отражается на бюджетно-налоговой ситуации. Рынок труда и уровень жизни подавляющей части населения предопределяет общее позиционирование республики как периферийного слабо-заселенного аграрного высокодепрессивного региона со сложными, детерминируемыми природно-экологическими факторами и условиями хозяйствования и расселения.

За первые годы социально-экономических реформ в республике явно обозначились выраженные социальные проблемы. В их числе низкая адаптированность жителей к экономическим, социальным условиям жизни, неуверенность в завтрашнем дне, повышение уровня тревожности в массовом сознании; усиление тенденции потенциальной миграции, особенно среди молодежи; отсутствие постоянной работы, неудовлетворительные условия жизни, ее низкий уровень; тяжелое положение группы людей предпенсионного возраста; проблема бедности и в целом неудовлетворенность жизнью; постепенное вытеснение трудовых ресурсов из сферы товарно-денежных отношений в сферу натурального хозяйства, в большей степени характерное для сельских жителей.

Таким образом, данные проблемные ситуации социально-экономического развития предопределили необходимость реализации комплекса мер по выводу экономики республики из депрессивного состояния, в том числе и на основе реализации целевых программ. Основным стратегическим приоритетом социально-экономического развития Республики Калмыкия является преодоление бедности, обеспечение эффективной занятости и существенного роста реальных доходов населения, формирование благоприятной хозяйственно-предпринимательской, социокультурной и экологической среды для устойчивого воспроизводства его на уровне европейских стандартов.

Стабильный правовой режим хозяйственной деятельности, открытость рынков

— это главные стратегические резервы республики в конкуренции за инвестиции из других регионов России, за развитие деловой активности российского бизнеса на ее территории.

References

- Abalkin L. I.* Rynok v ekonomicheskoi sisteme sotsializma [Market in the economic system of socialism]. *Voprosy ekonomiki – Problems of modern economics*. 1989, no. 7, pp. 8–9. (In Russ.).
- Alekseev S. S.* Vlast' i ekonomika. Radikal'naya ekonomicheskaya reforma: istoki, problemy, resheniya [Power and economy. Radical economic reform: origins, problems, solutions]. Moscow, 1999. 107 p. (In Russ.).
- Arutyunov S. A.* Evrazia, Rossia, Kalmykia: problemy vzaimodeistviya [Eurasia, Russia, Kalmykia: problems of interaction]. *Izvetia SOIGSI. Vyp. 3(42)* [Proceedings of the North Osetian Institute of Humanitarian and Social Studies. Issue 3 (42)]. Vladikavkaz, 2009. pp. 3–9. (In Russ.).
- Berdyaev N. A.* Russkaya idea. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka v Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofya posleokt'yabrskogo zarubezh'ya [The Russian idea. The main problems of the Russian thought of the XIXth and the beginning of the XXth century in Russia and in Russian philosophical culture. The Russian Post-October philosophers]. Moscow, V. Shevchuk Publ., 2000. 540 p. (In Russ.).
- Berdyaev N. A.* Sud'ba Rossii [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR Publ., [Philosoph. society of the USSR] 1990. 240 p. (In Russ.).
- Brandt M. Yu., Lyashenko L. M.* Vvedenie v istoriyu: uchebnoe posobie [An introduction to the history. Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1994. 80 p. (In Russ.).
- Bulgakov S. N.* Geroizm o podvizhnichestvo [Heroism and selfless devotion to a cause]. Moscow, Russkaya kniga Publ. 1992, 528 p. (In Russ.).
- Diskin I.* Rossijskaya model sotsial'noj transformatsii [The Russian model of social transformation]. *Pro et Contra*. 1999. Vol. 4, no. 3, pp. 5–40. (In Russ.).
- Fedorenko N. P.* Rossia: uroki proshlogo i liki budushchego [Lessons of the past and faces of the future]. Moscow, Ekonomika Publ., 2003, 490 p. (In Russ.).
- Frank S. L.* Po tu storonu «pravogo» i «levogo». Stat'i po sotsial'noj filosofii. [On that side

- of the «right» and «left». Articles on social philosophy]. *Novyj mir* — New world. 1990, no.4, pp. 205–241. (In Russ.).
- Fukuyama F.* Konets istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. Translated by M.B. Levin. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russ.).
- Il'in I.A.* Nashi zadachi: stat'i, 1948–1954 gg. V dvujh tomakh [Our tasks: articles, 1948 — 1954. In two volumes]. Paris, Russkij obshevoinskij soyuz Publ., 1956. Vol.1. 346 p. Vol.2 337 p. (In Russ.).
- Inglkharth R.* Kul'tura i demokratiya. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture and democracy. Culture matters. How values shape human progress. Edited by S. Khantington]. Moscow, MSHPI Publ., 2000, pp. 106–128. (In Russ.).
- Kalmykia v tsifrakh. Statisticheskij sbornik. Goskomstat Respubliki Kalmykia [Kalmykia in numbers. The statistical yearbook. The State Committee of Statistics of the Republic of Kalmykia]. Elista, 2005. 290 p. (In Russ.).
- Kalmykia v tsifrakh [Kalmykia in numbers]. Elista, 2003. 310 p. (In Russ.).
- Khantington S.* Stolknovenie tsivilizatsij [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russ.).
- Kharrison L.* Glavnaya istina liberalizma: Kak politika mozhet izmenit' kul'turu i spasti ee ot samoj sebya [The central liberal truth: How politics can change a culture and save it from itself]. Moscow, Novoe izdat-vo Publ., 2008, 279 p. (In Russ.).
- Kharrison L.* Kto protsvetaet? Kak kulturnye tsennosti sposobstvuyut uspekhu v ekonomike i politike [Who prospers? How cultural values shape economic and political success]. Moscow, Novoe izdat-vo Publ., 2008a. 282 p. (In Russ.).
- Kontseptsia prioritetnykh napravlenij razvitiya ekonomiki Respubliki Kalmykia na srednesrochnuyu perspektivu [The conception of the priority directions of the development of the economy of the Republic of Kalmykia in the medium - term outlook]. Elista, Kalm.Book Publ., 1999. 79 p. (In Russ.).
- Krasil'shchikov V. A.* Modernizatsia: zarubezhnyj opyt i Rossiya [Modernization: foreign experience and Russia]. Moscow, Agentstvo «Informatika» Publ., 1994. 115 p. (In Russ.).
- Kulinchenko V. A., Kulinchenko A. V.* O dukhovno-kul'turnykh osnovaniyakh modernizatsii Rossii [On the spiritual and cultural basis of the modernization of Russia]. Polis. 2003, no. 2, pp. 150–156. (In Russ.).
- Lipset S. M.* Rol' politicheskoy kul'tury. Predely vlasti [The role of political culture. The limits of power]. 1994, no. 2–3, pp. 35–40. (In Russ.).
- Lipset S. M., Lents G. S.* Korruptsiya, lul'tura i rynki. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture and democracy. Culture matters. How do values contribute to social progress]. Moscow, 2002. pp. 152–160. (In Russ.).
- Men'shikov S. M.* Anatomia rossijskogo kapitalizma [The anatomy of the Russian capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, 428 p. (In Russ.).
- Modernizatsiya v Rossii i konflikt tsennostej [Modernization in Russia and the conflict of values]. A.S. Akhiezer, N.N. Kozlova, S.Ya. Matveeva, E.A. Orlova, V.G. Fedotova I.G. Yakovenko. Moscow. 1993, 412 p. (In Russ.).
- Modernizatsiya v sotsiokul'turnom kontekste: traditsii i transformatsii [The modernization in socio cultural context: traditions and transformations]. Managing editor V. V. Alekseev. Ekaterinburg, UrO RAN, UrGI Publ., 1998. 179 p. (In Russ.).
- Modernizatsiya: faktory, modeli razvitiya, posledstviya izmenenij [The modernization: factors, models of development, consequences of changes]. Uralskij istoricheskij vestnik — Ural Historical Bulletin. No. 5–6. Ekaterinburg, Akademkniga Publ., 2000, 443 p. (In Russ.).
- Pavlov V. S.* Metodologicheskie problemy otechestvennoj istoricheskoy nauki. Istoriya i istoricheskij protsess: materialy nauchn, konf. posvyashchyonnoj pamyati S.B. Senyutkina [Methodological problems of the national historical science. Proc. of the scientif. Conf. — History and historical problems devoted to the memory of S. B. Senyutkin]. Moscow, 2004. pp. 85–91. (In Russ.).
- Pikhoya R. G., Zhuravlev S. V., Sokolov A. K.* Istoriya sovremennoj Rossii [The History of contemporary Russia]. Moscow, Novyj Khronograph Publ., 2011. 312 p. (In Russ.).
- Putin V. V.* Poslanie federal'nomu sobraniyu Rossijskoj Federatsii [The message to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2006). Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> (accessed: 14.06. 2008). (In Russ.).
- Rossia: riski i opasnosti «perekhodnogo obshchestva» [Russia: risks and dangers of «transitional society»]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2000. 238 p. (In Russ.).

- Rossia: transformiruyushcheesya obshchestvo [Russia: transforming society]. Moscow, Kanon Press Publ., 2001, 640 p. (In Russ.).
- Rumyantseva M.F. Teoriya istorii: uchebnoe posobie [Theory of history: Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, 319 p. (In Russ.).
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Teoriya istoricheskogo znaniya: uchebnoe posobie [The theory of historical knowledge: Textbook]. St. Petersburg, Aletya, Publ.; Moscow, GU Vysh. Shkola Ekonomiki Publ., 2008, 523 p. (In Russ.).
- Saks G. Dostoinstvo razlichiya. Kak izbezhat' stolknoveniya tsivilizatsij? [The dignity of difference. How to avoid the clash of civilizations?]. Moscow, Mosty Kultury Publ., Gesharim, 2008. 336 p. (In Russ.).
- Sakharov A.N. Obshchie problemy istoricheskoy nauki. O novykh podkhodakhv rossijskoj istoricheskoy nauke. 1990-e. Istoriya i istoriki. [Common problems of historical science. On the new approaches to the Russian historical science. 1990s. History and historians]. 2002. no.1, pp. 15–21. (In Russ.).
- Selunskaya N. B. Problemy metodologii istorii [Problems of methodology of history]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 390 p. (In Russ.).
- Sotsial'noe rassloenie i sotsial'naya mobil'nost' [Social stratification and social mobility]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 192 p. (In Russ.).
- Stroev E. S. Samoopredelenie Rossii i global'naya modernizatsia [Self-determination of Russia and global modernization]. Moscow, Ekonomika Publ., 2001. 350 p. (In Russ.).
- Tri veka otechestvennykh reform [Three centuries of domestic reforms]. Moscow, 1999, 243 p. (In Russ.).
- Yakovets Yu. Inflatsionnaya volna: prichiny, sledstviya, protivodeistvie. Radikal'naya ekonomicheskaya reforma: Istoki. Problemy. Resheniya [The Inflationary wave: causes, effects, counteraction]. Moscow, Vyshaya Shkola Publ., 1990. 607 p. (In Russ.).
- Yasin E. Sotsialisticheskij rynek ili yarmarka illyuzij? [The socialist market or fair of illusions?]. Comments. 1989. no.15, pp. 53–62. (In Russ.).

УДК 39

ББК 63.5 (5Мон)

ТРАДИЦИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ТУВИНЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

Traditions of Nature Management in the Culture of Ethnic Tuvans of Northwestern Mongolia

Е. В. Айыжы (E. Aiyzhy)¹, А.-Х. О. Базырчан (A.-K. Bazyrchap)²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета (Ph. D. of History, Associate Professor of the Department of World History and Archaeology at Tyva State University). E-mail: aiygy@mail.ru.

² аспирант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Post-graduate Student of the Ethnology Chair of the History Faculty at Moscow State University named after M. Lomonosov). E-mail: anaihaak1990@mail.ru.

Статья посвящена освещению традиций природопользования этнических тувинцев северо-западной Монголии. К исследованию привлекаются материалы собственных полевых исследований авторов, проведенных в последние годы в Кобдоском и Баян-Ульгийском аймаках Монголии.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, традиционное природопользование, родоплеменная группа, мировоззрение, обряд, *оваа*, священные места.

The article is based on the materials of field investigations conducted by the authors in Kobdo and Bayan-Ulgii aimags of Mongolia and devoted to the traditions of nature management of ethnic Tuvans from North-western Mongolia. The peculiarities of the traditional economy, the territory of nomadism, the customs associated with the ethnic traditions of nature management are considered in the article. The authors come to the conclusion that rational use of natural resources is necessary for the preservation of modern ecosystems which is impossible without studying their characteristics. Since breeding has been the main occupation of the Tuvans from North-western Mongolia, each tribal group knew their place in the overall scheme of nature conservation. Rituals, traditions and experience of farming were passed down from generation to generation. These places were marked by the so called 'ovaa' signs as they were primordially considered native and sacred. The Tuvans living in North-western Mongolia, over many decades have adapted to living in the area, maintaining the tradition of land use without disturbing the natural balance in accordance with the environmental capabilities of the developed environment.

Keywords: traditional agriculture, traditional land use, tribal group, world view, ritual, *ovaa*, sacred places.

Одной из глобальных проблем человечества в третьем тысячелетии становится охрана окружающей среды как первейшее условие не только для дальнейшего существования человека, но и его выживания как вида. Для экологии важное значение приобретает анализ огромного историче-

ского опыта народов Востока, в том числе народов Центральной Азии, выработавших своеобразные методы регуляции взаимоотношений человека и природы.

С точки зрения экологии, каждая этническая культура экологична, ибо она сформировалась в определенной природ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 15-21-03002 «Диалог цивилизаций народов Центральной и Внутренней Азии: история, культура и парадигмы существования».

но-ландшафтной среде путем адаптации к ней. Поэтому экологическая культура народа, в сущности, есть отражение его традиционной культуры. Так, от первобытных обществ таежных охотников и рыболовов Юга Сибири унаследованы экологические традиции промысла, выражающиеся в соблюдении сезона охоты, выбора особого вида зверей по полу и возрасту, разумных потребностей добычи, обуславливающих смену мест охоты и т. п. [Абаев 2006: 8].

Территория Центральной Азии является родиной тюрко-монголоязычных народов, у которых выработался определенный опыт сохранения этноэкологических традиций в результате комплексного взаимодействия уникальных природных ландшафтов, автохтонных верований и культов этносов, населяющих данный регион, и мощного культурного влияния буддизма.

Территории Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии представляют собой уникальный природный комплекс в центре Азии, сочетающий в себе высокогорную тундру, горные луга и горные степи — эталон высокогорных систем. Вершины гор плоские, склоны крутые, что свидетельствует о поднятии древних поверхностей выравнивания новейшими горообразовательными движениями [Тишков 2003: 296]. Характерной особенностью данного региона является то, что здесь преобладают горно-луговые, гольцовые и ледниковые ландшафты, которые пригодны для выпаса овец, коз, лошадей и яков.

Баян-Ульгийский и Кобдоский аймаки относятся к экологической системе Монгольского Алтая, расположенного на западе страны. Протяженность хребта Монгольского Алтая с северо-запада на юго-восток составляет более 800 км, далее тянутся хребты Гобийского Алтая, на западе он граничит с котловиной Больших Озер, на востоке — с котловиной Барун Хурай [Дашзэвэг 2006: 54].

В своем культурном наследии общности людей имеют особые и разнообразные механизмы выбора и обозначения пространства, организации его через использование и установление определенных прав над его частью, будь то территориальные участки, пограничные линии или коммуникационные пути [Дашзэвэг 2006: 54]. В целом для тувинцев, проживающих в северо-западной Монголии, характерно почитание всех природных стихий и определенных объектов

природы. У каждой долины, реки, горы есть хозяин, дух местности. И, конечно, огромную роль в их жизни играют система запретов и предписаний относительно природопользования и система экологических традиций, которые обеспечивают сохранность ресурсов родовых земель.

Пространственные обозначения содержат много характеристик — исторических, властных, романтических, амбициозных, курьезных и прочих [Тишков 2003: 297; Тишков 2004: 31]. При этом можно заметить, что пространственные обозначения обязательно имеют свои центры. Вообще, центры появляются и существуют в среде человеческих общностей как своего рода метафизические необходимости: они служат узлами связей, местами защиты и управления, формируют каркас обитаемой территории, придают ей определенную конфигурацию. Такими местами следует называть родовые земли, священные *оваа* и т. д.

Родовые земли — среда обитания кочевников. Территории родовых земель, принадлежавших родоплеменным группам этнических тувинцев Монголии, имели обязательный режим землепользования независимо от ландшафтов.

Священными землями у тувинцев с древних времен считались:

- священная земля родовой группы, т. е. каждая родоплеменная группа имела свою священную гору, которая играла определенную роль во взаимоотношениях внутри общества;

- места лечебных источников — *аржааны* [Аракчаа, Дадаа 2005: 86].

Местами особого почитания у тувинцев являются *оваа*. Они бывают нескольких типов: из нагроможденных камней и плит, в виде конусообразных шалашей из жердей, хвороста, в которые втыкались шесты с привязанными к ним лентами (чалама) [Айыжы, Базырчап 2014: 32]. Шесты, воткнутые в землю, означали право определенного рода на эту землю. *Оваа* из дерева возводили у озер и в местах *хем белдири* — слияния двух рек, а также в тайге, они символизировали собой пункты связи с Верхним Миром. Такие *оваа* служили символом источника жизни (вода) и единства рода, при этом *оваа* из дерева мог символизировать род людей, могущих сменить расположение, поэтому их делали из ветхого материала — дерева. *Оваа* из камней возводили на перевалах, и они служили пограничным знаком между

родовыми землями. Каждый год перед началом лета (первая половина июня) освящали священную гору, проводя культовый обряд *оваа дагыры*. На этом обряде присутствовали все члены родоплеменной группы, они просили хозяина священной горы даровать благополучие семье, роду, племени. Авторам статьи удалось наблюдать совершение обряда *оваа дагыры* в местности Беш-Богдо, в сомоне Ценгэл Баян-Ульгийского аймака.

Священная земля тувинцев Беш-Богдо (в переводе означает «Пять богов») находится в 120 км от сомона Ценгэл. Сакрализация освоенной ими местности манифестирована в виде *оваа*, соорудившихся из камней, в честь местных духов-хозяев. Они представляли собой и первоначальное святилище, и жертвенник и были своего рода маркерами родовой, а позднее и этнической территории. В сезон полевой работы экспедиции в Кобдоском аймаке в местности Цагаан Эрик (букв. «Белый берег»; тув. Ак-Эрик) удалось собрать материал об обряде освящения *оваа*, сооруженных на возвышенностях. Вблизи от этой местности были обнаружены *оваа* тувинцев (по словам информантов, их два), остальные монгольские. Но это не означает, что тувинцы Кобдоского аймака освящают только эти два *оваа*, наверняка их больше. Один из них, как сообщили информанты, люди перестали почитать и освящать. По словам информантки Тас (из рода донгак, 93 г., родилась в местности Торук Кок Тайги), «название этому *оваа* — «белое *оваа*» — дано тувинцами. Почему белое? Потому что туда клали в основном белые камни. *Оваа* был сооружен недалеко от местности Цагаан Эрик, на не очень высокой горе. Живущие здесь тувинцы перестали освящать *оваа*—после того, как случился пожар. Именно рядом с ним сгорел трактор, который перевозил пожитки перекочевывавших пяти юрт. Водитель погиб». С этого момента люди прекратили освящать *оваа*, посчитав это место оскверненным, и до настоящего времени здесь не возведен большой *оваа*. По сведениям информанта Монге, раньше *оваа*, рядом с которым произошел несчастный случай, освящали «в основном люди, у которых были быстрые скакуны». Воздвигались *оваа*, как правило, в наиболее приметных точках ландшафта (на вершинах гор, горных перевалах, перекрестках дорог, берегах рек и озер). У тувинцев большинство *оваа*

сооружено на возвышенностях, в некоторых случаях — даже в труднодоступных местах, чтобы не привлекали к себе внимание, видимо, в основном, в родовых местах. Выбор места сооружения тоже имел большой смысл — *по поверью, для того, чтобы духу-хозяину этой местности все вокруг было видно* (информант Болормаа, из рода Иргит, 1972 г. р., родилась в г. Ховд, Кобдоский аймак Монголии).

Обряд *оваа дагыры* призван был объединять людей внутри рода. Совершая культовые обряды, люди постигали силу общества и понимали свою зависимость от природы. Как объясняют информанты, на горе, где стоит *оваа* тувинцев, нельзя охотиться, потому что все на ней считается священным, кроме того, там обитают архары. Каждый, кто посещал *оваа* или проезжал мимо, должен был что-нибудь там оставить — камень, тряпочку, долю пищи и питья, позднее — спички, деньги, бутылки с молоком и т.д.

Недалеко от вышеописанного *оваа* есть большая скала, на которой видно множество петроглифов разных времен, чудом сохранившихся до наших дней. Среди наскальных рисунков много изображений животных, колесниц, сценок из охотничьей и повседневной жизни людей. Большая часть петроглифов, предположительно, относится к эпохе бронзы. Наиболее интересные петроглифы словно скрыты от посторонних, они выбиты в щели между скалами. Следует заметить, что такие петроглифы также служили своего рода маркерами родовых местностей.

Кроме того, эта местность богата историко-культурными памятниками: археологические памятники бронзового и скифского периодов, «коленные камни», тюркские могильники и поминальники. Все это свидетельствует о том, что данная территория была хорошо освоена кочевниками. Следовательно, необходимо дальнейшее углубленное изучение их символики и установление точного возраста.

Выше упоминалось, что различные родоплеменные группы считали священными землями свои родовые места, т. е. земли своих предков, которые они освящали. Со слов наших информантов, зафиксированы следующие, преобладающие по численности в Кобдоском аймаке, родоплеменные группы: *чаг-тыва*, *донгак*, *иргит*, *хойук*, *куулар*, *соляннар*. Эти группы подразде-

ляются на более мелкие — например, родоплеменная группа *чаг-тыва* делится на две подгруппы (*сарыг чаг-тыва*, *кара чаг-тыва*). Таким образом, у каждой родоплеменной группы есть свои священные места. Информант Болормаа (из рода иргит, 1972 г.р.) рассказала: «У рода иргит есть оваа, и мы каждый год освящаем его. Оваа есть еще у группы чаг-иргитов. На обряде освящения присутствуют только члены нашего рода, а „хозяин“ живет сам в г. Ховде». Из этого сообщения следует, что обряд освящения родовых оваа сохраняется, что имеющееся внутри родоплеменной группы иргит подразделение *чаг-иргит* также проводит освящение своего оваа, что у каждого оваа имеется свой *хозяин*, который следит за существующим порядком. В последнее время тувинцы Кобдоского аймака Монголии перестали освящать родовые оваа, которые находятся в труднодоступных местах.

При исследовании данной темы в ходе экспедиционных работ информантам был задан вопрос: территория, на которой вы проживаете, искони родная или обретенная? Интересно то, что информанты (люди разного возраста) отвечали, что земли, где они живут, — это родные и священные для них места, что здесь жили их отцы, прадеды, прапрадеды и т. д. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в Кобдоском аймаке в основном проживают тувинцы, переселившиеся из Баян-Ульгийского аймака, или Китайского Алтая, а цэнгельские тувинцы считают себя автохтонами, коренными жителями сомона Цэнгел Баян-Ульгийского аймака.

Тувинцы Баян-Ульгийского и Кобдоского аймаков традиционно занимаются отгонным животноводством. В сельской местности зажиточными считаются семьи, у которых поголовье скота насчитывает свыше 500–600 голов, среднего достатка — 200–300 голов, а те, у кого менее 200 голов, — бедными [Цэцэгдарь 2003: 10]. В Кобдоском аймаке тувинцы, кроме скотоводства, занимаются земледелием, в том числе бахчеводством. При этом надо отметить, что охота как занятие существует до сих пор.

В ходе экспедиции 2009 г. в сомон Цэнгел Баян-Ульгийского аймака группа выехала в местность Кады (в 90 км от сомона Цэнгел). Во время пути водитель Аюш и проводник Халза продемонстрировали мастерство охоты на тарбаганов (сурков). Бук-

вально с одного выстрела они убили тарбаганов, тут же освежевали тушки, при этом сердце и почки забрали себе, а остальное оставили на земле. Объяснили они это тем, что внутренностями кормят духов данной местности, чтобы те даровали удачу и в следующей их охоте. В Монголии в последние три года введен запрет на охоту на тарбаганов, поскольку государство отнесло этих животных к исчезающим, а потому подлежащим охране.

В традиционном мировоззрении тувинцев северо-западной Монголии обращают на себя внимание издревле укоренившиеся обряды поклонения солнцу, небу, звездам. К примеру, они поклонялись солнцу как источнику тепла и света, совершая обряд окропления. Каждое утро, сварив чай с молоком, наливали его в пиалу или чашку и, выйдя из юрты, с молитвой «Хурмушту бурган, Алтай Тээдис!» брызгали специальным приспособлением типа ложки с 9 отверстиями («девятиглазницей») чай вверх к солнцу и небу, прося даровать им счастье, здоровье, радость, тепло, хороший урожай, благополучие семье и дому. При этом все молились и только после этого окропляли чаем огонь очага. В настоящее время тувинцы северо-западной Монголии совершают обряд поклонения солнцу в день свадьбы. Самый старший в роду, стоя рядом с молодоженами и другими близкими родственниками, совершает жертвоприношение и просит солнце даровать супругам счастье, здоровых детей и много скота.

Из обрядов поклонения звездам большая часть относится к созвездию Чеди-Хан, т. е. Большой Медведице, которая находится прямо над нами и состоит из нескольких звезд. Тувинцы верили в то, что судьба каждого человека, в соответствии с годом его рождения, связана с определенной звездой из этого созвездия. Вечером, когда на небе зажигались звезды, тувинец обращался к «своей» звезде. Информанты пожилого возраста рассказывали, что в *новолуние тувинцы по звездам могли предсказать погоду, определить, каким будет следующий месяц — благополучным или нет.*

В настоящее время одной из острых проблем традиционного природопользования является заброшенность 10–15% пастбищ в Баян-Ульгийском аймаке. При этом традиционные пастбища тувинцев ухудшаются из года в год, меняется их растительный покров. Зимы 2009–2010 гг. в Монголии, как

и в Республике Тыва, выдались очень суровыми. Массовый падеж скота отмечался и в зиму 2010 г. Изменение климата, экологические проблемы особенно тяжело воспринимаются кочевниками-скотоводами. Продуктивность земли снижается, а регенерация происходит очень медленно.

Таким образом, для сохранения современных экосистем требуется рациональное использование природных ресурсов, что невозможно без изучения особенностей данных экосистем. Так как главным и основным занятием тувинцев северо-западной Монголии издревле являлось скотоводство, каждая родоплеменная группа знала свое место в общей схеме природопользования. Эти места они считали исконно родовыми и священными землями, маркировали их знаками — *оваа*. Обряды, традиции и опыт ведения хозяйства передавались из поколения в поколение. Тувинцы, живущие в северо-западной Монголии, за многие десятилетия адаптировались к данной территории, при этом сохраняя традиции природопользования, не нарушая природного равновесия в соответствии с экологическими возможностями освоенной среды, но собственные потребности так и не адаптировали к ней.

References

- Abaev N. V.* Ekologicheskaja kul'tura i etno-konfessional'nye svjazi narodov Altaj-Bajkal'skogo regiona i Central'noj Azii [Ecological culture and ethnic and religious ties between peoples of the Altai-Baikal region and Central Asia]. Tuvan State University Publ., Kyzyl, 2006. 115 p. (In Russ.).
- Aiygy E. V., Bazyrchap A.-Kh. O.* Svjashchennye mesta caatanov v somone Cagaannuur Hubsugul'skogo ajmaka Mongolii (po materialam polevyh ekspedicij). [Sacred places of tsaatan of Tsagannur somon of Hubsugul aimag of Mongolia (on field materials)]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN — Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2014, no. 1, pp. 31–35 (In Russ.).
- Arakchaa L. K., Dadaa G. E.* Tradicionnoe prirodo-pol'zovanie tuvinskogo etnosa [Traditional nature using of the Tuvan ethnic group]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2005. 86 p. (In Russ.).
- Dashzeveg Ch.* Izmenenija prirodnih ekosistem Mongol'skogo Altaja. Ekologo-geograficheskie, arheologicheskie i sociojetnograficheskie issledovanija v Juzhnoj Sibiri i Zapadnoj Mongolii. Rossijsko-mongol'skij sbornik nauchnyh trudov. [Changes of the natural ecosystems of the Mongolian Altai. Ecological and geographical, archaeological and socio-ethnographical study in South Siberia and Western Mongolia. Russian-Mongolian collection of scientific papers]. Barnaul, Altajsky State University Publ., 2006. 148 p. (In Russ.).
- Tishkov V. A.* Rekviem po etnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. [Requiem for Ethnos. Studies on the socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.).
- Tsetsegdar Ulamsurengiyn.* Obrazcy fol'klora i rechi kobdoskih tvincev [Samples of folklore and speech of the Kobdo Tuvans]. Kyzyl, Tuva. Book. Publ., 2003. (In Russ.).

**К СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ:
О ПРОИСХОЖДЕНИИ И БЫТОВАНИИ
ВОЙЛОЧНЫХ САПОГ ТИПА «ТООКУ»***

**To the Comparative Study of the Oirat and Kalmyk Traditional Culture:
the Origin and Existence of the Felt Type Boots “Tohoku”**

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)¹

¹доктор исторических наук, зам. директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Deputy Director of Scientific Work at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

Статья посвящена рассмотрению вопроса о бытовании в традиционной культуре ойратов Монголии и калмыков России специфического типа обуви — войлочных сапог, называемых ныне *тооку*, которые торгуты Монголии и КНР воспринимают в качестве одного из этнических маркеров. На основании новых данных сделан вывод о том, что указанный вид обуви имел распространение среди алтайских урянхайцев, торгутов и захчинов, а также калмыков.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, традиционная культура, обувь, *тооку*.

The article considers the existence in the traditional culture of Oirats of Mongolia and Kalmyks of Russia a specific type of shoes — felted boots, now called “tohoku”. On the basis of new data it is concluded that this type of footwear had been spread among the Altai Uriankhai, the Torghuts, the Zakhchins and also Kalmyks. This type of footwear was perceived as one of the ethnic markers of the Oirats and Torghuts of Mongolia and China. The features of the piston type pattern of the leather part of the boots — *tsarag* — and customs of using such boots suggests an ancient origin of this type of footwear and its connection with the culture of hunters. The common name of these peoples, characterized by a specified type of shoes was actually the name of felt boots (or stockings) oims that appeared, probably with the spread of pastoralism.

Keywords: Oirats, Kalmyks, traditional culture, footwear, *tohoku*.

Сравнительное исследование традиций западных монголов, или ойратов, в сопоставлении с традициями родственных им этнических групп, в силу исторических обстоятельств оказавшихся на иной территории, в составе другого государства, является актуальным в аспекте выявления общего и особенного, что позволит определить общее культурное наследие, сохранявшееся и частично сохраняющееся ныне в культурном наследии ойратов и калмыков. В этой связи в данной статье анализируется один из предметов материальной культуры ойратов Монголии, который торгутским населением этой страны воспринимается как народное наследие и этноспецифическая черта, характерная для культуры торгутов Монголии и Китая.

В работе, посвященной *тооку* как особому предмету материальной культуры ойратов Монголии, мы приводили рассказы информантов из сомона Булган Кобдоского аймака Монголии о том, что *тооку* позволили беспрепятственно (бесшумно и не оставляя следов) двигаться во время откочевки¹, что якобы позволило удалиться достаточно далеко к тому времени, когда за мигрантами были направлены войска для их возвращения. Анализ позволил сделать вывод: предположение о том, что войлочные сапоги имеют происхождение от рус-

¹ По одной информации, речь идет об откочевке из России в 1771 году, по другой — о бегстве из Джунгарского ханства во время его разгрома цинскими властями.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

ских валенок¹, недостаточно обоснованно [Бакаева 2008].

В работах монгольских исследователей *тооку* чаще упоминается как одна из особенностей костюма торгутов [Очир 1992: 51; Буяндалай 2001a, 2006; Тулгаа 2005 и др.]. В специальной работе, посвященной одежде народов Западной Монголии, М. Амгалан дает описание внешнего вида и особенностей ношения *тооку*. Автор отмечает, что *тооку* представляют собой изделие типа войлочных длинных носков или чулок с надеваемой снизу частью *цараг* — овальными по форме кусками кожи с расположенными вокруг, близко к краю, надрезами, в которые вдевают кожаные ремешки, фиксирующие кожаную подошву на войлочных сапогах на уровне щиколотки; *тооку* делают из белой шерсти (такие изделия предназначены для повседневной носки) и черной шерсти (в Монголии такие *тооку* носят в торжественных случаях) [Амгалан 2008: 46]. Традиционная обувь торгутов Монголии, ее происхождение и ареал распространения остаются все еще недостаточно изученными, и в данной статье мы возвращаемся к вопросу о происхождении и бытовании войлочных сапог *тооку*.

Для большинства монгольских народов характерна разновидность обуви *гутал*, представляющая собой кожаные широкие сапоги на толстой подошве и с загнутыми вверх носами. В кратком словаре торгутского говора Ж. Буяндалай отмечает, что *тооку* — торгутские сапоги («*тоокуу* — *торгууд гутал*, *госон*») [Буяндалай 2001: 69]. При этом толкование в словарной статье также потребовало уточнения, поскольку в халха-монгольском языке для обозначения понятия «сапоги» существует термин *гутал*²

¹ Подобные предположения высказывались устно отдельными исследователями; М. Амгалан в английском тексте книги и без указания на источник возможного заимствования пишет: «This boot produces during the migration» («Эта обувь появилась во время миграции») [Амгалан 2008: 46].

² «ГУТАЛ — обувь, сапоги, унты, башмаки; ажлын гутал — рабочая обувь, спецобувь; биеийн тамырын гутал — спортивные тапочки; чешки; кеды; бутсы; гэрийн гутал — домашние тапочки; монгол гутал — гутулы (монгольские кожаные сапоги); савхин гутал — сапоги; сунадаг гутал — резиновые сапоги; шаахай гутал

[БАМРС I: 464], а в торгутском говоре этому слову соответствует *госон* [Буяндалай 2001: 51].

Один из знатоков культуры ойратов Монголии, автор ряда книг по истории западномонгольского народа торгутов, их этнических подгрупп, культуры, обычаев, традиций, Жумбайн Буяндалай в «Записках о торгутах» освещает некоторые особенности культуры торгутского населения Монголии, дает краткую характеристику хозяйства и бытовых традиций, материальной культуры торгутов, а также указывает: «*Торгууд нар дээр үед хүйтний улиралд «Туув» хэмээх хос улан залатай үстэй малгай, хонины элдэсэн цагаан нэзийг хурганы (хүрсэхээр) эмжсэн дэвэл өмсөж, хөлдөө зузаан ултай мохоо ноосон оймстой цараг тоокуу (гутал) хийж өмсдөг, зуны цагт цагаан алчуурар толгойгоо ороон боож (зангилаж), тэрлэг цэгдэг, дан дэвэл (лавшиг), тоорцог малгай өмсдөг байлаа. Торгуудын тоокуу гос(гутал)-аар нь бусад ястанаас амархан алгаж таньж болдог. Зүүн гар улс эвдэрч (алаг дааганы хөлөөс болж) тэндээс салж нүүхдээ дайснаасаа мөрөө буруулж, тоокуу хийж өмсөөд нүүсэн гэдэг домог яриа бий*» [Буяндалай 2001a: 6]. Автор перечисляет этноспецифические особенности материальной культуры этнической группы торгутов Монголии: зимний головной убор «*туув*» с красной кисточкой; зимняя шуба из белых шкур ягнят; *тооку*; повязываемый летом белый головной платок; платья замужних женщин цегдег и терлег; халат лавшиг; а также шапка тоорцог.

Ж. Буяндалай приводит сведения о легенде, указывая, что в период, когда рушилось Джунгарское ханство и его население было вынуждено бежать, торгуты надели мягкие войлочные сапоги, чтобы скрыть следы, и именно в тот момент якобы появилась песня «*Тооку нэгэн госон*» («Сапоги *тооку*»):

— туфли; ботинки; эсгий гутал — валенки; гутал оймс хорш. — сапоги и чулки; гутал өмсгөх — обувать кого-л; гутал өмсөх — обуваться; гутал тайлах — снимать сапоги, разуваться; ус үзээгүй гутал тайлах, уул үзээгүй хормой шуух зүйр. — снимать сапоги, не увидев ещё воды, поднимать подол, не увидев ещё горы» [БАМРС I: 464].

«Тооку нэгэн госон
Тов хийгээд аньа¹.
Торгууд нэгэн сэвгэр
Толхаа дохиод байна.
Мянган сарлагтай хойгоо
Мянгадын давд хариулна.
Миний залуугийн тоокуг
Мяндсан гүлдүүтэй гилцэнэ.
Хар манхан тэмээн
Хамраа сунгаад аньа.
Халхаар оёсон госон
Хөлөм холгоод аньа.
Өлөн манхан тэмээн
Өвдөг сунгаад аньа.
Өөлдөөр оёсон госон
Өсгөөгөм холгоод аньа»

[Буяндалай 2001a: 6–7]².

Данная легенда связывает происхождение *тооку* с периодом середины XVIII в. Известно, что этническая группа торгутов, возглавляемая нойном Шеаренгом, покинув пределы разгромленной маньчжурами Джунгарии, достигла Калмыцкого ханства. Впоследствии Шеаренг являлся одним из лидеров группировки, приведшей к откочевке из Поволжья. Возглавляемые им торгуты по возвращении на территорию цинского Китая были названы «новыми» и поселены в Монгольском Алтае, на территории, ныне относящейся к Кобдоскому аймаку Монголии [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 144; Тулгаа 2005 и др.]. И в варианте легенды об откочевке из России в 1771 г., и в другом варианте — о бегстве из разгромленной Джунгарии — речь идет о представителях этнической группы торгутов. Следовательно, для традиционной культуры одноимен-

¹ При переводе использованы разъяснения, которые дал Ж.Буяндалай (в разделе одной из его книг, в котором приводится текст данной песни) выражениям, характерным для торгутского говора. «Тов хийгээд байна» в монгольском языке соответствует, согласно этому автору, «хөнгөн байна»; «сэвгэр — хүүхэн бүсгүй; мянган харлаг хой — хар хонь; мянгадын дав — мянгадын сала; миний залуугийн тооку — миний ханийн гутал; мяндсан гүлдүү — мяндсан оосор; халхар оёсон госон — халх гутал; хөлөм холгод аньа — хөл холгоно; өсгийм холгоод аньа — өсгий холгох» [Буяндалай 2001: 7].

² Песня «Тооку нэгэн госон» — народная, ее часто исполняют, а текст приводится разными авторами — см., например, [Тулгаа 2005: 75].

Сапоги тооку
Легки.
Торгутская девушка
Покачивает головой,
Черного барана
Пасет в балке мингатов.
Тооку моего супруга
Говорят, с шелковистыми бечевками.
Черный лысый верблюд
Раздувает ноздри.
Сапоги, сшитые по-халхаски,
Натирают ногу.
Сизый лысый верблюд
Расслабил ноги в коленях.
Сапоги, сшитые по-олётски,
Натирают мне пяточную часть»

ного субэтноса калмыков могла быть характерна такая черта материальной культуры, как войлочные сапоги типа *тооку*.

Диалектизмы (толкование которых дано в упомянутой работе [Буяндалай 2001a: 7]) приведенной народной песни свидетельствуют о ее локальном характере. Противопоставление в песне сапог *тооку* и халхаских и олётских сапог типа гутулов также свидетельствует об их этнической специфике.

По данным наших информантов из сопона Булган Кобдоского аймака, *тооку* — особенность костюма торгутов Монголии [Бакаева 2009]. Это мнение отражено в исследованиях монгольских ученых. Так, М. Ганболд пишет о торгутах: «Дөрвөн ойрадын нэгэн гол аймаг мөн. Тэд нар цагаан алчуураар толгойгоо тойруулан ороож. Хонины ахар ноосоор битүү тохойлдож хийсэн, уланд нь бод малын арьсаар таваг хийж бүрсжн тоокуу хэмээх өвөрмөц оймсон гутал өмсдөг» 'Это один из главных аймаков дербен ойратов. Они повязывают на голове вкруговую белые платки. Носят специфические удобные бесшовные (цельные) сапоги, называемые *тооку*, которые изготавливают из короткой овечьей шерсти, снизу к которым прикрепляют подошву из шкуры крупного рогатого скота' [Ганболд 2012: 10].

В ряде научных изданий при характеристике материальной культуры других народов Монголии не упоминается наличие обуви, сходной с торгутскими *тооку*, так же как и особой традиции ношения головных белых платков. Так, И. Лхагвасурэн и Ю. Конагая в совместной работе, посвященной

предметам материальной культуры монголов-кочевников, пишут: «Традиционная общемонгольская обувь с загнутым кверху носком называлась *гутул*. Исключительно тонкое, изысканное мастерство проявляли монголы при отделке обуви. Обувь делали из кожи крупного рогатого скота. Делилась она на мужскую и женскую, праздничную и будничную. У традиционной монгольской обуви широкие голенища, еще более широкий с расшитыми раструбами верх и загнутые носки. Такую обувь не изготавливали отдельно на правую и левую ногу, а делали одинаковой, поэтому ее можно надевать на любую ногу»¹ [Конагая, Лхагвасурэн 2014: 86]. Как следует из данного утверждения, для всех монголов вообще характерен единый тип обуви.

В то же время известно, что культуре алтайских урянхайцев, кроме традиционных гутулов, присущи мягкие кожаные сапоги *маага*, войлочные сапоги *тооку*, а также обычай повязывания на голове белых платков — как у торгутов Монголии. И. Лхагвасурэн в диссертации, посвященной алтайским урянхайцам, отмечает: «... традиционная обувь (*маага гос*) алтайских урянхайцев по форме была одной из разновидностей общемонгольской обуви (*гутул*) с загнутым кверху носком (*Этнография Монголии*² 1987: 158–159) <...> В отличие от степных монголов алтайские урянхайцы часто носили **войлочные чулки**, они их пришивали внутрь обуви. Мягкую повседневную обувь (*хатуу гос*) шили из выделанной кожи, ее носили без войлочных чулок» [Лхагвасурэн 2009: 85]. Другую работу, посвященную одежде алтайских урянхайцев, данный автор иллюстрирует фотографиями урянхайских кожаных мягких сапог *маага*, зимних сапог *тооку* («winter shoes» *tooku gos*) [Lkhagvasuren 2014: 187–188], а также фото урянхайки в костюме замужней женщины, на ногах которой видны *цараг*, надетые на войлочные сапоги *тооку* [Lkhagvasuren 2014: 191]³.

¹ В качестве иллюстраций к статье, соответственно, приводятся изображения трех пар гутулов из разных музеев мира [Конагая, Лхагвасурэн, 2014: 86].

² Автор ссылается на издание: БНМАУ-ын угсаатны зүй. 1 боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 432 т.

³ Однако автор статьи не выделяет особенности войлочной обуви алтайских урянхайцев.

В книге «Этнография алтайских урянхайцев» указано, что представители этого народа носили летом белые и синие головные платки, а из обуви предпочитали мягкие сапоги из коровьей кожи *маага*⁴ и войлочные *тооку* [Алтайн урианхайн 2014: 90–92]. Более того, авторы пишут о том, что сапоги *тооку* были так же часто используемы, как и сапоги *маага* [Алтайн урианхайн 2014: 90–93].

А. Баасанхүү и Б. Батмөнх уточняют: среди ойратов алтайские урянхайцы, торгуты и захчины, отправляясь на охоту, надевали сапоги *маага* (изготавливавшиеся из мягкой коровьей кожи)⁵ или войлочные *тооку* [Баасанхүү, Батмөнх 2011: 110]. В то же время эти авторы указывают, что *тооку* использовали, отправляясь за зверем (т.е. на охоту), торгуты и захчины [Баасанхүү, Батмөнх 2011: 111]. Кроме того, охотники-хамниганы тоже надевали похожие на *тооку* сапоги [Баасанхүү, Батмөнх 2011: 112].

В «Большом монгольско-русском словаре» термин *тооку* отсутствует, *гутал* определяются как «обувь, сапоги, унты, башмаки» [БАМРС I: 447–448], *маага* — обувь урянхайцев, однако, хотя слово *госон* определяется как «унты» [БАМРС I: 426], а в торгутском диалекте так называют сапоги, в словарь без пометки о диалектном характере включено слово *госч* — сапожник [БАМРС I: 426]. Показательно, что в монгольском языке слово *госон* связано с обувью типа унтов, т. е. обуви для очень холодного климата. Учитывая и то, что алтайские урянхайцы, захчины и торгуты, как отмечают А. Баасанхүү и Б. Батмөнх, использовали данный вид обуви на охоте [Баасанхүү, Батмөнх 2011: 110–111], можно предположить, что традиция *тооку* восходит к древ-

⁴ В «Большом монгольско-русском словаре» относительно термина *маага* имеется следующее разъяснение: «**МААГА** — урянхайские мягкие сапоги, обувь урянхайцев» [БАМРС II: 307].

⁵ Авторы привели легенду о происхождении сапог *маага*: «Эрт урьд цагт нэгэн госгүй хүн байж гэнэ. Тэгээд нэг уран хүнд очоод чи их уран хүн байна, надад нэг гос оёж өгнө үү гэхэд, нөгөөх нь би танд нэгэн госон зохиож өгье хэбээгээд гос хийж өгчээ. Уг госыг хүмүүс их гоё болжээ хэбээн хэлэлцээд, үүнийг ямар гоё гэж нэрлэдэг юм бэ? гэж асуужээ гэнэ. Тэгэхээд нь мэдэхгүй, надад май гос гээд өгсөн шүү дээ гэж хэлжээ. Май гээд өгсөн тул энэ цагаас хойш уг госыг *маага гос* гэж нэрэлсэн» гэнэ» [Баасанхүү, Батмөнх 2011: 110].

ности — вероятно, к «лесному» периоду жизни ойратов¹.

В традиционной культуре народов Сибири выделяются несколько типов обуви, которые определены географическим, хозяйственным и этническим факторами, при этом основным материалом для изготовления обуви у народов Сибири, занимавшихся охотой и рыболовством, являлись ровдуга или камыс, а у скотоводов — и войлочные чулки для ношения внутри зимней обуви [Василевич 1963: 53]². По мнению исследователя, «обувь с приподнятым носком, по-видимому, появилась до начала скотоводства и была обусловлена ходьбой на лыжах. Сохранению ее способствовала хозяйственная деятельность: у одних — постоянная верховая езда, у других — охота на лыжах» [Василевич 1963: 56]. В этой связи урянхайские сапоги *маага*, имеющие внешнее сходство с общемонгольскими *гутал*, по материалу, форме и сохранявшемуся до XX в. характеру применения, возможно, следует отнести к древнему типу обуви «лыжных охотников».

В современной культуре ойратов термин *тооку* воспринимается как название войлочных сапог, однако при этом Ж. Буяндалай называет их «*ноосон оймстой цараг тоокуу (гутал)*» [Буяндалай 2001а: 6] (букв. '*цараг-тооку* (обувь) с войлочным чулком *оймс*', где *цараг* — название собственно поршня³, а *тооку* — обозначение сапог,

т. е. синоним слова *госон*). Термин *тооку* отсутствует в калмыцком языке, что может свидетельствовать о позднем появлении данного слова в языке ойратов⁴. Общим в лексиконе, связанном с данным типом обуви, является слово *оймс* ('войлочный чулок или носок'). Бытование до середины XX в. в культуре калмыков обуви типа *буришмг*⁵, изготавливавшейся из единого куска кожи, и сохранение у ойратов первоначального вида поршня в виде *цараг* (без голенища и без сшивания его с союзкой и голенищем из кожи или сукна) могут косвенно свидетельствовать и о более древнем происхождении данной части *тооку*.

Таким образом, можно констатировать, что *тооку* присущи материальной культуре алтайских урянхайцев и захчинов — как и традиция повязывания⁶ на голове белого платка, подобно торгутам и мингатам [Бакаева 2014]. В культуре бурят существовали два основных типа обуви, один из них — поршневидный — типологически сходен с *тооку*, такую обувь носили западные буряты. Подобная обувь, вероятно, бытовала и у предков калмыков. Но в литературе о традиционной культуре калмыков обычно упоминаются кожаные сапоги с особым каблучком [см.: Бакаева 2008; Калмыцкий национальный 2008]; в эпических песнях — красивые сапоги героев. На основании доступных нам источников в более ранней статье мы констатировали, что калмыки изготавливали войлочные чулки, носили холщовые онучи *цугла* и кожаные *буришмг*, «войлочные "чулки" сменились кожаными фабричными сапогами, более приемлемыми в климатических условиях северо-запада Прикаспия. <...> сохранился и архаический тип обуви — поршневидный *буришмг*» [Бакаева 2008: 85].

Однако, как выясняется, простонародье в Калмыкии носило войлочные чулки *ишкэ*

¹ Имеется мнение, что наличие поршневидной обуви в культуре бурят связано с влиянием культуры таежных охотников на культуру кочевников-скотоводов.

² У народов побережий северных морей, тундры и лесотундры — зимняя обувь из камысов, летом обувь из ровдуги или по берегам морей непромокаемая обувь из нерпичьих шкур, у народов тайги — более легкая обувь, летом из ровдуги, зимой двойная: верх из камысов, низ из шкуры. Обувь народов степных зон — кожаная, с войлочным чулком (зимой) [Василевич 1963: 53].

³ «Поршень — кусок ровдуги, кожи или камыса, выкроенный значительно больше очертаний ступни. В обуви загибается кверху сборами, огибая ступню...» [Василевич 1963: 3]; «Определяющий признак поршней — подошва, выкроенная значительно больше размера стопы и заходящая на пальцы и подъем ноги. В данном классе обуви, как правило, подошва, союзка, пятка и боковины являются одной деталью кроя, которая формирует поршень за счет деформации кожи под различными углами» [Старостина 2009: 13].

⁴ По мнению специалиста по культуре ойратов, доктора истории, ученого секретаря Института истории и археологии Академии наук Монголии Н. Ганбата, высказанному в устной беседе, слово *тооку* имеет китайское происхождение.

⁵ Буршмг — «сыромятные лапти» [КРС 1977: 122]. Другой вариант этого же слова в калмыцком языке — боршмг — «лапти, сэрсн боршмг — сыромятные лапти» [КРС 1977: 111]. Таким образом, в слове меняются гласные о/у, что характерно для диалектов калмыцкого языка.

⁶ Особыми способами: платок закрывает верхнюю часть головы. — См.: [Бакаева 2014].

өөмсн¹ с кожаной поршневидной нижней привязной частью (типа ойратских цараг) до начала XX в. Об этом можно уверенно говорить, познакомившись с работой известного русского фотографа М. П. Дмитриева (1858–1948 гг.), одного из основоположников социальной и публицистической фотографии в нашей стране, создавшего знаменитые циклы фотографий в ходе реализации своих творческих проектов, отмеченных престижными наградами на российских и зарубежных выставках [Государственное учреждение 2010: 6–8]. Во время своих творческих поездок М. П. Дмитриев создал ряд коллекций, среди них «Коллекция типов и быта народов России» и «Волжские типы» (1894 г. и 1903 г.). В Астраханской губернии М. П. Дмитриев зафиксировал быт калмыков, в 1894 г. он сделал фото, известное как «Киргизская² кибитка в Ногайских степях под Астраханью» [Классики фотоискусства], на котором, судя по конструкции кибитки и одежде сидящих и стоящих у ее входа людей, запечатлены калмыки³, и лишь стоящий поодаль слева мужчина, возможно, — представитель другого этноса. То, что на нем изображены калмыки, подтверждает другое фото М. Дмитриева, опубликованное им в серии «Волжские типы» — «Внутренний вид калмыцкой кибитки» — на котором вновь можно увидеть женщину и двоих мальчиков, изображенных на рассматриваемой первой фотографии.

Стоящий справа от входа в кибитку юноша в калмыцком бешмете, как можно видеть на фотографии М. П. Дмитриева, стоит в войлочных сапогах с кожаной привязной подошвой (типа поршня), в которых сразу можно узнать современные *тооку* ойратов.

¹ Өөмсн — чулки, ишкэ өөмсн — войлочные чулки [КРС 1977: 420]. Данное калмыцкое слово соответствует ойратскому *оймс*.

² При наименовании фотографий М. П. Дмитриевым допущены некоторые неточности. Так, подпись к изображению известного буддийского храма — хурула — в Багацохуровском улусе Калмыцкой степи Астраханской губернии гласит: «Калмыцкий хурум в селе Булгары (Успенское)» [http://club.foto.ru/classics/photo/69/].

³ При анализе данного иллюстративного материала следует учитывать, что в восточной части Калмыцкой степи Астраханской губернии (т.е. в соседстве с Ногайской степью) проживали калмыки, относившиеся к субэтносу торгутов.

Фото 1. «Киргизская кибитка в Ногайских степях под Астраханью». Фотограф М.П.Дмитриев. [http://club.foto.ru/classics/photo/67/]

Рис. 1. Тооку торгутов Монголии. Рис. из книги: Баасанхүү А., Батмөнх Б.. Монголын ойрадуудын уламжлалт аж ахуй (XIX–XX зууны зааг үе). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2011. 106 т.

Таким образом, архаический тип обуви *цараг*, ныне вместе с войлочной частью называемый ойратами *тооку*, истоками связан с древним охотничьим хозяйством; войлочные чулки с поршневидной частью получают применение при переходе к скотоводству. Данный тип обуви являлся характерной чертой культуры ойратов — торгутов, захчинов, алтайских урянхайцев, а также в прошлом — калмыков Астраханской губернии.

References

- Amgalan M.* Baruun Mongolchuudyn edijn sojolyn dursgalt zyls Pamjatniki material'noj kul'tury zapadnoj Mongolii [Monuments of material culture of Western Mongolia]. Ubaanbaatar, 2008. 211 p. (In Mongolian).
- Altajn urianhajn ugsaatny zyj Etnografija altajskih urjanhajcev (red. Zolbajar G., Ganbold). [Ethnography of the Altai Uryankhai. Ed. Solbar, Ganbold]. Ulaanbaatar, LLC «Kitab» Publ., 2014. 256 p. (In Mongolian).
- Bakaeva E. P.* Belyj platok v kul'ture torgutov Mongolii (k voprosu o proishozhdenii i simvolike). Polevye issledovanija KIGI RAN. Vyp.2. [White headscarf in the culture of the Mongolian Torghts (to the issue on the origin and symbolism). Field research of KIGI RAS. Vol.2. Elista, KIGI RAN Publ., 2014, pp. 4–28. (In Russ.).
- Bakaeva E. P.* Odezhdha v kul'ture kalmykov: tradicii i simvolika [Clothing in the Kalmyk culture: traditions and symbolism]. Elista, «Gerel» Publishing House, 2008. 189 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P.* Torguty Mongolii: etniceskij sostav i etniceskie markery. Problemy etniceskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov. [The Torguts of Mongolia: ethnic composition and ethnic markers. Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Elista, 2009. Ed-n. 1, pp. 69–86. (In Russ.).
- Bakaeva E. P.* Tsarag i tooku kak etnospecificheskie elementy material'noj kul'tury torgutov Mongolii (k probleme izuchenija statusa ojratov v tipologii etniceskih obshhnostej). Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities. [Tsarag and tohoku as ethno specific elements of the material culture of the Mongolian Torguts (to the issue of studying the status of the Oirats in the typology of ethnic communities). Elista, KIGI RAS, 2008, no.3, pp. 24–31. (In Russ.).
- [BAMRS] Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. [Big academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001, Vol. 1. 468 p. Vol.2. 502 p. (In Russ.).
- Baasankhuu A., Batmyonkh B.* Mongolyn ojraduudyn ulamzhalt azh ahuj (XIX–XX zuuny zaag ye). Tradicionnoe hozjajstvo ojratov Mongolii (19–20 vv.) [Traditional household of the Oirats of Mongolia (19–20 centuries). Ulaanbaatar, LLC «Soyombo printing» Publ., 2011. (Biblioteca Oiratica XXI). (In Mongolian).
- BNMU-Eun-psaty si. 1 bot Etnografija MNR. 1 tom. [Ethnography of the Mongolian People's Republic]. Ulaanbaatar, Ulsyn of haulin gazar Gosudarstvennaja Tipografija State Publishing House, 1987. 432 p. (In Mongolian).
- Buyandalai Zh.* Socialcon archive Hoher torguud tendall Tav. Kratkij slovar' torgutского dialecta. Primechanija po torgutam [Concise dictionary of the Torght dialect. Notes on Torghts]. Ulaanbaatar, Blu Uind [Blue Wind] Publ., 2001. (In Mongolian).
- Buyandalai Zh.* Torguud alguna touch roofing. Torguud ramdehal. Primechanija po torgutam [Notes on Torghts]. Ulaanbaatar, Blu Uind [Blue Wind] Publ., 2001, pp. 46–87. (In Mongolian).
- Buyandalai Zh.* Torguud tendall. Ulaanbaatar, Blu Uind [Blue Wind] Publ., 2001a. 88 p. (In Mongolian).
- Ganbold M.* Ojrat-mongol'skaja tradicija sohraneniya okruzhajushhej sredy. Ойрат-монгольская традиция сохранения окружающей среды [Oirat-Mongolian tradition of environmental conservation]. Ulan-Bator, LLC «Sojombo printing» Publ., 2011. (Biblioteca Oiratica XXVIII). (In Mongolian).
- Gosudarstvennoe uchrezhdenie gosudarstvennyj arhiv audiovizual'noj dokumentacii Nizhegorodskoj oblasti. Obzor. [State institution of state archive of audiovisual documents of the Nizhny Novgorod region. Review]. [Electronic resource]. Nizhny Novgorod, 2010. 23 p. Nizhny Novgorod, 2010 23 p. // www.archiv.nnov.ru/?id=4787 (accessed 01.02.2015). (In Russ.).
- Kalmyckij nacional'nyj kostjum. Metodiko-bibliograficheskoe posobie. Nac. b-ka im. A. M. Amur-Sanana. Sost. M. V. Dzhagdaeva; red. L. P. Akieva [Kalmyk national costume. Methodical-bibliographic manual]. NAT. library named after A. M. Amur-Sanan. Comp. by M. V. Dzhagdaev; ed. by L. P. Akiev. Elista, 2008. 96 p. (In Russ.).
- Kalmycko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977. 770 p. (In Kalmyk and in Russ.).
- Klassiki fotoiskusstva. Maksim Dmitriev. Kirgizskaja kibitka v Nogajskih stepjah pod Astrahan'ju. 1894 g. Negativ 18x24 sm. [Classics of photography art. Maxim Dmitriev. Kirghiz kibitka in the Nogai steppe near Astrakhan. 1894 Negativity 18x24 cm]. // <http://club.foto.ru/classics/photo/67/> (accessed 01.03.2015). (In Russ.).
- Konagaya Y., I. Lkhagvasuren I.* K voprosu o predmetah material'noj kul'tury mongolov-kochevnikov. Kul'turnoe nasledie mongolov: rukopisnye i arhivnye sobranija Sankt-Peterburga i Ulan-Batora. Mat-ly mezhdunar.

- nauch. konf. 19–20 aprelja 2013 g. [To the issue of objects of material culture of the Mongols-nomads. Cultural heritage of the Mongols: manuscript and archival collection in St. Petersburg and Ulan Bator. Proc. of the Intern. Scientific. Conf. 19–20 April 2013. St. Petersburg. SPb.; Ulan Bator, the IVR RAN Publ., the Institute of History of Mongolian Academy of Sciences, 2014, pp. 76–102. (In Russ.).
- Lhagvasurjen I.* Altajskie urjanhajcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Konec XIX – nachalo XX veka [Altai Uriankhai Historical and ethnographic research. The end of XIX – beginning of XX century]. Dis... kand. ist. nauk. [Thesis for Ph.D in History]. Moscow, IEA RAN, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2009. 160 p. (In Russ.).
- Lkhagvasuren I.* Altaic Uriankhan Clothing of the Late 19th and Early 20th Centures. Oirat People. Cultural Uniformity and Diversification. Ed. by I.Lkhagvasuren, Yuki Konagaya. Senri Ethnological Studies 86. Osaka National Museum of Ethnology, 2014. P.181–196. (In Russ.).
- Men-gu-ju-mu-czi (Zapiski o mongol'skih kochev'jah). Per. s kit. P. S. Popova. Zapiski IRGO (Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva) po otdeleniju etnografii. T. XIV. [(Notes on Mongolian nomad territories) TR. from Chinese by P.S Popova. Notes of the Imperial Russian Geographical Society of the Ethnography Department]. St. Petersburg., 1895. 487 p. (In Russ.).
- Ochir A.* Mongolyn ojraduudyn tuuhin товч Очерки истории монгол-ойратов [Essays on the history of Mongol-Oirats]. Ulaanbaatar, 1992. 94 t. (In Mongolian).
- Starostina O. V.* Obuv' v tradicionnoj kul'ture narodov Srednej Azii i Kazahstana: XIX – pervaja tret' XX v. [Shoes in the traditional culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan: XIX – first third XX century]. Avtoref. dis... kand ist. nauk. [Abstract of Thesis for Ph.D in History]. St. Petersburg, 2009. 24 p. (In Russ.).
- Tulgaa T.* Vangijn torguud tymnij түүхэн дурдатгал Автобиографическая история лүдэйдэ рода Вангийн торгут. Ulaanbaatar, Өдөр шөнөхөвлөлийн газар [«Den' i noch'»] Publ., 2005. 234 p. (In Mongolian).
- Vasilevich G. M.* Tipy obuvi narodov Sibiri. Sbornik Muzeja antropologii i etnografii. T. XXI. [Types of shoes of the peoples of Siberia. The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXI]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, pp. 3–64. (In Russ.).

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ КАЛМЫКОВ: РОДОВЫЕ ТАМГИ

To the Issue of Studying Ethnic Markers of Kalmyks: Clan Tamghas

Т. И. Шараева (Т. Sharaeva)¹

¹кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Researcher of the Department of Ethnology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

В статье рассматриваются калмыцкие тамги в контексте изучения этнических маркеров и родовой структуры у калмыков, а также трансформационных процессов в формах хозяйствования. Автор приходит к выводу, что в калмыцкой культуре тамги продолжают выполнять объединительную функцию внутри рода для всех его представителей и определительную, различительную функцию для представителей других родов. На основе сравнительного анализа калмыцких тамг с этническими маркерами — знаками родовой собственности тюрко-монгольских народов — можно проследить их этногенетические связи в прошлом.

Ключевые слова: тамга, род, калмыки, этнический маркер, этническая история.

The article considers Kalmyk tamghas in terms of studying ethnic markers and clan structure of Kalmyks as well as transformation processes in management forms. The topicality of the research is relevant in connection with the processes of ethnocultural revival and the fact that Kalmyk tamghas and the issue of studying ethnic markers have little been studied.

The purpose of this article is to examine the Kalmyk tamghas as a clan marker and a sign of ethnogenic relations in the past. In this connection, we have studied forms of tamghas and their marks, their application methods, types and values, and carried out their comparative analysis with those of the Turkic-Mongolian peoples. The analysis of the Kalmyk tamghas allows to conclude that they continue to perform a unifying function for all of the clan representatives and a definitive, distinctive function for the representatives of other clan. Though socio-historical processes in the last hundred years have contributed to a significant loss of knowledge about tamghas, however, interest in them has increased due to the revival of ethnic culture in modern Kalmyk society. There is also a trend to change the status of tamghas as a sign of ownership (brand) to the multifunctional symbol associated with heraldry, and the sacred sphere (symbol containing amulet functions). Besides, there is a decline in the status of tamghas: those which were common for the whole clan became common only for one family which is connected primarily with the change process within the forms of management. On the basis of comparative analysis of tamghas it is possible to trace the ethnogenetic ties of the Turkic-Mongolian peoples in the past. Materials on Kalmyk tamghas can be used in compiling a catalogue of Kalmyk clans.

Keywords: tamgha, clan, Kalmyks, ethnic marker, ethnic history.

Описывая песенный фольклор калмыков, П. И. Небольсин отмечал: «...песни у калмыков вертятся около одного предмета — обширной степи, статного коня и милого юноши. Иногда в песнях вовсе не говорится о человеке прямо, но воспевается один конь, с прибавкою, что он был с таким тавром; это уже служит намеком и на улус, и на род, а иногда и на самое лицо героя песни» [Небольсин 1852: 131]. Исследователь точно отметил значение тавра как особого символа в жизни калмыка-кочевни-

ка. Тавро — знак собственности, которым метили животных кочевые народы. У тюрко-монгольских народов значения «тавро», «клеймо», «печать» объединены термином «тамга». В период существования Золотой Орды термин «тамга» получил еще одно значение — «документ с ханской печатью». Данный термин был широко распространен в странах Средней Азии, Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, «тамгой» называли также денежный налог, взимавшийся монголами с торговли, ремесла и различных

промыслов. У тюрко-монгольских народов тамга — полифункциональный символ: это и знак собственности (тавро), и геральдический символ (печать рода), и родовой знак.

Научное изучение тамг и тамгообразных знаков имеет свою историю и научно-практическое значение, однако в целом необходимо отметить, что они все еще остаются малоисследованными. Различные аспекты изучения тамг нашли свое отражение в научных трудах многих исследователей, например, Л. Р. Кызласова [1960], Д. Н. Соколова [1904], С. А. Яценко [2001], С. И. Вайнштейна [1972], Л. П. Потапова [1969], Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородовой [1976], Г. Пурэвдоржа [2008], Н. В. Екеева [2005], С. Ч. Донгак [2010], и других.

Рассматривая калмыцкие тамги, Г. О. Авляев подчеркивал, что «типы калмыцких тамг, их наименования и семантический смысл очень разнообразны и заслуживают специального научного изучения» [Авляев 2002: 63]. Это связано в первую очередь со сложной родовой структурой и этнической историей калмыков.

Сведения о калмыцких тамгах фрагментарны и разрозненны. Некоторые сведения о тамгах калмыков в XIX в. изложены К. К. Костенковым, возглавлявшим Кумо-Манычскую экспедицию [Калмыцкая степь 1868], при описании этнического состава улуса и его хозяйства. П. И. Небольсин отмечал, что «...тамги имеют у калмыков значение, близко подходящее к значению герба у владельцев, у аймачных зайсангов, также у хурулов, или молитвенных храмов; они служат калмыкам как вместо печатей, так и для тавра скота» [Небольсин 1852: 13]. В его работе дано описание форм и наименований некоторых тамг родов хошутов, а также кереитов, эркетеней, урянхайцев, теленгитов, цаатанов и хойтов, которые в силу различных исторических причин находились в составе Хошеутовского улуса. В Приложении к главе IV материалов Кумо-Манычской экспедиции приведены как родовые, так и частные тамги. Интересно отметить, что они обозначены в первую очередь как тавро (термин *тамга* дан в скобках), к тому же среди частных тавр наравне с таврами нойонов, имеющих древнюю символику, указаны тавры в виде аббревиатур «Б.Ц» — Багильда Цакунова (Яндыковский улус), «Ч.З.» — Чекана Зундуева и «Ч.Н.» — Ут-Насуна Ширипова (Эркетеневский улус) [Калмыцкая степь 1868: 173], что, возмож-

но, связано с изменениями в социальной и хозяйственных сферах у калмыков в конце XIX в.

В работах Г. О. Авляева и А. Г. Митирова тематика тамг рассмотрена в контексте изучения этнической истории и родовой структуры калмыков. Г. О. Авляев предпринял попытку определить тамгу каждого рода в составе субэтносов. Так, например, исследователь указывал, что тамга рода *тохан-кесик* — «джунгру», *замутов* — «голта очир», а у большинства родов в Эркетеневском улусе тамга называется «джанхан» или «джанховыт»; тамга рода *бах чонос* — «балта-тамг», шарнут-чоносов — «кюрде», бүдүрмс — «сам» и т. д. [Авляев 2002: 102, 132; 164; 170]. А. Г. Митиров в своей работе представил изображения наиболее общих тамг калмыков, «так как многие тамги разных родов и улусов как в изображении их, так и в названиях повторяются» [Митиров 1998: 376]. В данном источнике заметно выделяется многообразие знаков собственности князей Дондуковых в количестве 7 тамг.

Наиболее полное собрание тамг калмыцких родов (их начертаний) содержится в работе Д. Б. Гедеевой [2003]. Часть сведений о них была собрана автором у информантов, часть материалов была собрана студентами факультета калмыцкой филологии и культуры Калмыцкого государственного университета (ныне — Институт калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ) в этнографических и диалектологических экспедициях по районам республики 1971–1990 гг. Исследователь не исключает, что, возможно, допущены серьезные ошибки, т. к. «некоторые информанты, помня название родовой тамги, не знали ее рисунка, поэтому информация в статье дается не полной» [Гедеева 2003: 254]. Тем не менее, тамга у калмыков была и остается видимым знаком собственности, маркером отдельно взятой семьи, рода, этнической группы.

В традиционной форме калмыцкие тамги, отражавшие родовую структуру калмыков, использовались вплоть до начала XX в. Тамгой в качестве тавра чаще всего метили лошадей на лопатке или крупе, крупный рогатый скот — на рогах. Для этого использовали металлическую форму (с длинной ручкой), которую раскаляли и прикладывали к телу животного, выжигая тавро. Нанесенное таким образом тавро облегало поиск скота в случае его потери или кражи.

Крупный рогатый скот и овец метили также надрезами *им* на ушах животных, практика которых характерна для скотоводческих народов. Представители одного рода, но разных семей, могли использовать различные варианты тамги, например, меняя угол рисунка или не обозначая какой-то элемент. С переходом на оседлость, затем со вступлением в советскую форму хозяйствования и образования совхозов и колхозов значение тамги как знака собственности стало уменьшаться. Длительное пребывание калмыков в восточных районах страны в результате насильственного переселения надолго прервало традицию нанесения родовых тамг на животных. После возвращения в родные степи частный скот практически не метили тамгами, но знания о них сохранялись представителями старшего поколения. Лошадей стали метить, изображая на крупе или на боку какой-нибудь символ, цифры, инициалы хозяина краской для внешних работ; на шею или рога крупного рогатого скота стали вешать какие-нибудь предметы, например, колокольчик, деревянный обломок на веревке или определенного цвета узкий и длинный лоскут ткани. На боках овец краской наносили простой символ, например, «птичка», «круг», цифры или инициалы хозяина, например, «НБ» — Нимя Бачаев. Совхозный скот стали метить цифрами, бирками в ушах или на рогах.

При исследовании тамг у калмыков выделяются две тематические линии: тамга как маркер определенного рода в контексте изучения родовой структуры и тамга как знак этногенетических связей в прошлом. Тамга как родовой маркер калмыков, наряду с ураном (родовым кличем), родовым божеством, родовой территорией, сакральными цветовыми маркерами *өлгц* и легендой рода составляет своеобразный комплекс родовых маркеров, все элементы которого связаны между собой и базируются на родовой структуре, социальной организации и традиционном мировоззрении. Например, *тамга рода «орхахн» представляет собой пять соединенных колец, символизируя родство пяти братьев — сыновей родоначальника по имени Орга. В свою очередь, имена братьев связывают с названиями малых патронимических групп в составе рода.* Родовые маркеры, конечно же, подвержены некоторой трансформации в силу различных исторических преобразований, однако, видоизменяясь, все маркеры комплекса

продолжают исполнять роль идентификатора — как внутри рода для всех его представителей, выполняя объединительную функцию, так и для представителей других родов — определительную, различительную функцию. А. Г. Авляев отмечал совпадение начертания и названия тамг родов из разных субэтносов калмыков, но объяснения этому не дал. Однако высказал предположение, что совпадение тамг у разных родов в пределах одного субэтнуса, при этом дополненное совпадением еще нескольких маркеров, например, ураном и наименованием родового божества, может указывать на общее происхождение и родство представителей данных родов. На сходство форм и значений тамг разных родов указывал и А. Г. Митиров. Анализ начертаний тамг в работе Д. Б. Гедеевой также указывает на значительное количество совпадений в их названии и формах.

Анализ изображений калмыцких тамг, опубликованных разными авторами, позволяет сделать следующие выводы:

I. Фиксируется наличие сходства в названии и формах тамг родов как в пределах одного субэтнуса, так и в других субэтнических группах. Например, тамги «жунһру» (свастика) и «маля» (плеть) есть как в дербетских, так и в торгутских родах.

II. Имеется большое количество вариантов тамг. Например, тамга «төөлг» (кольцо): «келтэ төөлг» (кольцо с язычком внутри круга), «хойр келтэ төөлг» (кольцо с двумя язычками внутри круга), «һурвн төөлг» (три кольца), «тавн төөлг» (пять колец). В тамгах кольца могут располагаться по горизонтали, по вертикали, составлять треугольник, пятиугольник, иметь форму цветка. Есть вариант тамги в виде круга/кольца под названием «хээсн» (котел).

Возможно, эти вариации связаны в первую очередь с типологией хозяйства и культурой, в них фиксируется древний и наследственный характер тамг.

По типу изображения выделяются:

1. Тамга «күн» (человек), которая относится к наиболее древним тамгам и имеет различные начертания: стоящий человек, идущий человек, с поднятыми обеими руками, поднятой одной рукой. Различные варианты имеет также древняя по символике тамга «балт» (секира).

2. Тамги, связанные с хозяйственной деятельностью и бытом калмыков: «маля» (плеть), «хээч» (ножницы), «алх» (молоток),

«хош алх» (сдвоенный молоток), «көрэ» (пила — но, возможно, это элемент вышивки в виде зигзага. — *Т. Ш.*), «ууд» (удила), «турун» (копыто), «хазар» (уздечка), «тулһ» (таган), «тах» (подкова), «цаһрг» (крестовина дымника жилища), «хараç» (дымник жилища), «сам» (гребень), «кет» (огниво), «зег» (элемент орнамента *зег*).

3. Выделяются: тамга «шовун» рода *шубучнр* из Багацохуровского улуса, изображающая птицу и указывающая, что представители данного рода имели непосредственное отношение к уходу за птицами и охоте (*шубучнр*=шовучнр — те, кто занимается птицами, птицеловы); тамга «шоңхрин көл» рода *укиахн* в виде следа птичьей лапки (калм. шоңхр — кречет); тамга «гулз», обозначающая рака, у родов *хабучнр*, *будбул*, *көтчнр*, *эрекчуд*; тамга «килв» («килба») (приманка, наживка) ламы Александровского улуса; в работе А. Г. Митирова приводится тамга рода *келькт* в виде треугольника, поделенного внутри на три сегмента и имеющего на вершине два завитка (к сожалению, не приводится ни название, ни описание символики данной тамги. — *Т. Ш.*); тамга в виде рогов сайгака «оон» приводится в работе Д. Б. Гедеевой, но без данных тамги о принадлежности к конкретному роду.

4. Тамги, связанные с буддийской символикой, — «очир» (ваджра), «жунһру» (свастика), «жиндмн» (чиндамани), «бу» (буддийский амулет), «күрд» (колесо учения) — имеют большое количество вариантов начертаний, с изменением угла наклона, отсутствием каких-то элементов или добавлением дополнительных. Так, тамга «тунмл» обозначает ритуальный предмет, описание которого есть в работе П. Небольсина: «круг означает круглый низенький сосуд, употребляемый при домашнем и общественном богослужении. В этот сосуд насыпается зола, и в ней выдавливается изображение, именуемое *тунмылом* ... в ямки, образовавшиеся от выдавливания этой формы, насыпается благовонная трава ... *полутунмыл* называется «дегре» ... и служит тамгой у хурулов и у родов, чтобы не смешать одного с другим, тамге *дегре* дается разное положение» [Небольсин 1852: 13].

Анализ типов тамг позволяет высказать мнение, что разнообразие тамгообразных знаков и тамг указывает на их древнее про-

исхождение, а одинаковое начертание в большинстве, лишь с небольшими дополнительными элементами, тамг, связанных с буддийской символикой, указывает на более позднее их происхождение.

Начиная с конца 1990-х гг. на волне этнокультурного «возрождения» и возросшего интереса к родовым маркерам проблема изучения тамг вновь актуализировалась. Интерес к родовым маркерам, в том числе к тамгам, в Калмыкии усилился после издания Указов «[О паспортизации калмыцких родов]» и «О паспортизации русских родов» в 2001 г., однако к этому времени знания о своих тамгах у многих родов были утрачены. В настоящее время отмечается тенденция возникновения тамг-«новоделов», когда берут за основу общие сведения о родовой тамге у нескольких представителей старшего поколения и на их основе пытаются «восстановить» свою тамгу, или же, имея устное описание родовой тамги, полученное от старшего поколения, изготавливают ее в виде печати и хранят в архиве своей семьи. Если тамга рода известна, то она может выполнять функцию геральдического символа, как, например, у представителей рода *ики-чонос*: после паспортизации рода тамга, оформленная надлежащим образом, стала гербом рода. В данном случае наблюдается смена значения родовой тамги: неиспользование ее в повседневной жизни в качестве тавра, что дополнительно указывает на изменение форм хозяйствования, привело к форме ее сохранения как геральдического символа. В этом контексте необходимо указать на то, что тамги как символ рода наделяются в настоящее время и сакральной символикой с обережной функцией. Ее изображение, нанесенное, например, на бумагу или металлическую поверхность, используют как символику рода на общеродовых праздниках, так называемых родовых молениях, проводимых ежегодно на родовом месте. После изображения тамги чаще всего хранят на алтаре как сакральный предмет, способствующий благополучию рода вообще и отдельно взятой семьи, в частности. Здесь также необходимо отметить происходящие в настоящее время процессы трансформации статуса тамги: переход из родовой в семейную тамгу. Это указывает на то, что, несмотря на важность родовой принадлежности и сохранение

знаний об этом, близкородственные отношения поддерживаются больше во втором и третьем поколении, так как в настоящее время более дальние родственники встречаются довольно редко, например, только на свадьбе, проводах, поминках и т. д., что нашло отражение в статусе тамг. Главное значение в данном случае имеет понятие «тамга предков» — предков, которые призваны оберегать своих потомков. Наделение тамг в настоящее время обережными функциями прослеживается и в том, что современные предприниматели изготавливают штамп на документы с изображением родовой тамги: «чтобы дела шли хорошо».

Тамги как знаки собственности являются одним из важных исторических источников, в том числе и в решении различных вопросов этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов. Исследователи отмечают, что «при отсутствии письменных свидетельств или крайней скудности их тамги порой могут указать пути расселения или передвижения отдельных этнических групп» [Вайнберг, Новгородова 1976: 66], полагая, что тамга «в условиях родоплеменной организации кочевников являлась самым значительным (в функциональном отношении), популярным компонентом для внешней информации» [Айыжы, Тюлюш 2012: 26].

Так, Э. П. Бакаева привлекла материал по тамгам как маркерам этнической идентичности при анализе общих черт и родového состава среди торгутов Монголии и Калмыкии, придя к выводу, что «практически все знаки собственности торгутов Монголии нашли соответствие среди тамг калмыцких родов» [Бакаева 2009: 84]. Бытование сходных знаков собственности родов у тюрко-монгольских народов может указывать на тесные этногенетические связи в прошлом.

Н. В. Екеев, сопоставив наименования и тамги монгольских ойратов, калмыков и алтайцев, сделал вывод том, что анализируемые материалы указывают на сходство и тождество их этнонимов и тамг. Так, например, у калмыков есть такие же тамги — «сам» (гребень), «нум» (лук со стрелой), «сэрээ» (вилка) — как и у алтайских урянхайцев; «дэгрээ» (знак S), «бу» (амулет-треугольник) у захчинов; «зөв дэгрээ» и «буруу дэгрээ» (правильный и обратный знак S), «сар» (месяц), «алх» (молот) у

дербетов; «маля» (кнут, палка), «тумгал» (дороим=триратна), «хараач» (дымник), «гахууль» (удочка), «тогрог» (круг, кольцо) у торгутов; «сараалж» (крест, крест с пикой) у мянгатов; «айа» (лук), «ай» (луна), «кас» (свастика), «сулук» (удила), «jылкүр» (ключ), «эжик, эркин» (дверь, порог) у алтайцев [Екеев 2008: 92–101].

С. Ч. Донгак, рассматривая тамги тувинцев, выделила тюркские и монгольские пласты в наименованиях и формах тамг, а также буддийский пласт в виде отдельных тибетских букв или сакральных знаков. Рассмотрение материалов данного исследователя позволяет выявить параллели с калмыцкими тамгами. Это, например, «кас демдек» (свастика), «алага» (молоток), «сэрээ» (вилы), «шындамал» (чинтамани), «дорума» (калм. «бу» в форме треугольника), «эге демдек» (калм «тунмыл», вариант формы) [Донгак 2010: 151–157]. Более детальное рассмотрение и проведение сравнительного анализа тамг тюрко-монгольских народов может способствовать выявлению этногенетических связей в прошлом и разрешению вопросов этнической истории в настоящее время.

Тамги как знаки собственности, которыми метили лошадей, характерны для многих кочевых народов. Калмыцкие тамги многообразны по форме и названиям, являясь одним из значимых этнических маркеров, они связаны с родовой структурой, хозяйством и бытовой сферой. Социально-исторические процессы за последние сто лет способствовали значительной утрате знаний о тамгах, однако в настоящее время интерес к ним возрос в связи с происходящими в современном калмыцком обществе процессами «возрождения» этнической культуры: отмечается тенденция смены статуса тамг как знака собственности (тавро) на полифункциональный символ, связанный и с геральдикой, и с сакральным сферой (символ с обережными функциями). Необходимо также отметить снижение статуса тамги с общеродовой на семейную, что связано в первую очередь с изменениями форм хозяйствования. Детальное рассмотрение калмыцких тамг и проведение их сравнительного анализа с тамгами тюрко-монгольских народов может способствовать выявлению этногенетических связей в прошлом и разрешению вопросов этнической истории в настоящее время.

References

- Avljaev G. O.* Proishozhdenie kalmyckogo naroda. 2-e izd., pererab. i ispravl. [The origin of the Kalmyk people]. 2-e izd., pererab. i ispravl. [2nd revised edition]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.).
- Ajzhy E. V., Tjuljush A. Ch.* K voprosu ob izuchenii rodovyh tamg u tuvincev [To the issue on studying tribal tamgas of the Tuvans]. Vestnik TuvGU. Vyp. 1 – Bulletin of Tuvan State University. Vol. 1]. Kyzyl, TuvGU Publ., 2012, pp. 26–31. (In Russ.).
- Bakaeva E. P.* Torguty Mongolii: etniceskij sostav i etniceskie markery. Problemy etniceskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr. Vyp. 1. [Torghuts of Mongolia: ethnic composition and ethnic markers. Problems of ethnical history of the Turkic-Mongolian peoples: Collected scientific articles. Issue 1]. Elista, KIGI RAN Publ., 2009, pp. 69–85. (In Russ.).
- Dongak S. Ch.* Nekotorye aspekty izuchenija tuvinskih tamg. Problemy etniceskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr. [Some aspects of studying of Tuvan tamgas. Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples. Collected articles]. Elista, KIGI RAN Publ., 2010, pp. 151–157. (In Russ.).
- Ekeev N. V.* Oiraty i altaicy: etniceskie i etnokul'turnye paralleli. Problemy etnogeneza i etniceskoj kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr. Vyp. 2. [the Oirats and the Altaians: ethnic and ethno-cultural parallels. Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples. Collected articles. Vol. 2.]. Elista, KalmGU Publ., 2008, pp. 92–101. (In Russ.).
- Gedeeva D. B.* O znakah sobstvennosti u kalmykov. Mongolovedenie v novom tysjacheletii (K 170-letiju organizacii pervoj kafedry mongol'skogo jazyka v Rosii): Matly Mezhdunar. nauch. konf. [Proceed. of Intern. Scientific. Conf. – About property signs of Kalmyks. Mongolian studies in the new Millennium (To the 170th anniversary of the organization of the first Department of the Mongolian language in Russia)]. Elista, KalmGU, 2003, pp. 254–259. (In Russ.).
- Iatsenko. S. A.* Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja [Signs-tamghas of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early middle ages. Moscow, Vost. lit. Publ., 2001. 190 p. (In Russ.).
- Kalmyckaja step' Astrahanskoj gubernii po issledovanijam Kumo-Manychskoj ekspedicii. [Kalmyk steppe of Astrakhan province according to the research of the Kumo-Manych expedition]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i komp. Publ., 1868. 173 p.: il. (In Russ.).
- Kyzlasov L. R.* Novaja datirovka pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. Sovetskaja arheologija [New Dating of the sites of Yenisei script. Soviet archaeology]. 1960, no. 3, pp. 23–29. (In Russ.).
- Mitrov A. G.* Ojraty — kalmyki: veka i pokolenija [Oirat — Kalmyks, centuries and generations]. Elista, Kalm. Book Publ., 1998. 384 p.: ill. (In Russ.).
- Nebol'sin P. I.* Ocherki byta Hosheutovskogo ulusa [Essays of life of the Khosheutovsy ulus]. St. Petersburg, Tip. Karla Krajja Publ., 1852. 190 p. (In Russ.).
- Potapov L. P.* Etniceskij sostav i proishozhdenie altajcev [The ethnic composition and the origin of the Altaians]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 239 p. (In Russ.).
- Purevdorzh G.* Ojrad Mongolchuudyn malyn im tamga. Ulaanbaatar, 2008. 88 p. (In Mongolian).
- Sokolov. D. N.* O bashkirskih tamgah. [On the Bashkir tamgas]. Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 13. [Proc. of the Orenburg Scientific Archival Commission. Vol. 13]. Orenburg, 1904. Cit po: Ajzhy E. V., Tjuljush A. Ch. K voprosu ob izuchenii rodovyh tamg u tuvincev. [Cited from: To the issue on studying the clan tamghas of the Tuvans]. Vestnik TuvGU. Vyp. 1. — Bulletin of Tuvan State University. Vol.1. Kyzyl, TuvGU Publ., 2012, pp. 26–31. (In Russ.).
- The Altaians (Materialy po etniceskoj istorii). sost., predisl., per., komment. N.V. Ekeeva. [(Materials on Ethnic history). Compiled, forew., trans., comm. by N.V. Ekeeva]. Gorno-Altajsk, A. Orehova's Printing house, 2005. 175 p. (In Russ.).
- Ukaz «O pasportizacii kalmyckih rodov» ot 18 ijunja 2001 g. [The decree «On certification of Kalmyk clans» from 18 June 2001]. Izvestija Kalmykii. 26 ijunja 2001 g. [News of Kalmykia]. June 26, 2001, no. 129, p. 2. (In Russ.).
- Ukaz «O pasportizacii russkih rodov» ot 6 avgusta 2001 g. Izvestija Kalmykii. 16 avgusta 2001 g. № 172. S. 2. [The decree «On certification of Russian clans» from 6 August 2001. Izvestija Kalmykii. 16 avgusta 2001 g. № 172. S. 2. [news of Kalmykia]. August 16, 2001, no. 172, p. 2. (In Russ.).

Vainberg B. I., Novgorodova E. A. Zametki o znakah i tamgah Mongolii. Istorija i kul'tura narodov Srednej Azii (drevnost' i srednie veka) [Notes on signes and tamghas in Mongolia. History and culture of the peoples of Central Asia (antiquity and the middle ages)]. Moscow, Nauka Publ.,

1976, pp. 66–74, 176–179. (In Russ.).

Vainshtein S. I. Istoricheskaja etnografija tvincev. Problemy kochevogo khozjajstva [Historical Ethnography of the Tuvans. Problems of nomadic economy]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 314 p.: il. (In Russ.).

О ТРАДИЦИИ ДОМАШНИХ МОЛЕНИЙ В КАЛМЫЦКОМ БУДДИЗМЕ: СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ*

Towards a Tradition of Home Prayers in Kalmyk Buddhism: the Specificity of Texts

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

Статья посвящена изучению традиции домашних молений калмыцких буддистов-мирян. Автор приходит к выводу, что данная традиция имеет древние истоки, но получила в калмыцком буддизме особую форму. Тексты, читаемые мирянами в определенные дни, имеют различное происхождение, и необходима работа по их идентификации.

Ключевые слова: буддизм, Калмыкия, миряне, молитвы, тексты.

The article is devoted to the study of the tradition of home prayers of Kalmyk Buddhist laymen. On the basis of the data on the traditions of Theravada and Mahayana, the author comes to the conclusion that the laity's tradition of prayer on special days three times each lunar month dates back to the ancient period of the history of Buddhism. Though the tradition is still preserved in Kalmyk Buddhism it has some specific features. Of particular importance are the texts, read by Kalmyk believers in Kalmyk and Tibetan languages during the days of fasting which are called Matsg. The author identifies 4 groups of texts and gives their examples. Further research will probably be connected with the identification process of all the texts included in the collections of the prayers of fasting days.

Keywords: Buddhism, Kalmykia, laity, prayers, texts.

Традиция мирян, практикующих буддистское учение, восходит к периоду раннего буддизма. Как в раннем, тхеравадинском, так и в позднем, махаянском, канонах имеются подтверждения того, что светские лица (не монахи) входили в первую буддийскую общину и даже достигали высоких духовных степеней. Так, в переводе основных частей палийского канона, в частности, в Маха Париниббана сутте, сказано, что Будда, дабы Ананда не докучал вопросами об участии различных учеников в Нади-ке, научил его Зеркалу Дхармы, объяснив, что архатство для мирян хотя и возможно, но труднодостижимо [Пийя Тан]. Вместе с этим, в Маха Ваччаготта сутте, Сона сутте, Ваджиямахитта сутте, Гилаяна сутте, Аматаддаса сутте, Патипада сутте и Маханама сутте Будда наряду с монахами дает наставления и комментарии к правильному поведению и мирянам, которые, как и монахи, в результате диалога обретают плод архат-

ства [Пийя Тан]. Таким образом, в раннем буддизме практикующие учение Будды миряне считались полноценной частью благородной общины — духовного сообщества пробужденных.

Что касается махаянского буддизма — основной его идеей (впрочем, приведшей даже к расколу буддийской монашеской общины) буддологи считают расширение буддийской сангхи за счет допуска в нее мирян [Торчинов 2005: 62], потому мирской практике в махаяне уделено большее внимание, нежели в раннем, тхеравадинском буддизме. Среди канонических произведений буддизма махаяны имеются различные классы текстов, так или иначе предназначенные для практики мирянами. Например, таковой является основополагающая для философии мадхьямики сутра Вималакирти нирдеша, повествующая о беседе домохозяина Вималакирти с Буддой [Донец 2005: 6]. Среди других произведений махаянского буддиз-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

ма, которые упоминают о важности и необходимости мирской практики, можно также назвать многие сутры девиционального характера, согласно классификации, предложенной Е. А. Торчиновым. Среди текстов, упоминающих участие мирян в буддийской практике, можно назвать сутру «Умиротворяющая черные скандалы», в которой домохозяин Чаруманта обращается с вопросами о защите жизни к Будде [Царь благих пожеланий 2015: 67], и многочисленные дхарани, в которых Будда пребывает в окружении великой общины бодхисаттв, монахов, монахинь, а также практикующих мирян, мужчин и женщин.

Приведенные в качестве примеров канонические буддийские тексты, в которых говорится о практикующих учение Будды мирянах, имеются и в тхераваде, и в махаяне. Они свидетельствуют о том, что в обеих традициях буддизма практика, которую применяли миряне, существовала уже во времена раннего буддизма, а не является, по выражению Е. А. Торчинова, «искусным средством» по привлечению большей аудитории к буддизму махаяны. Таким образом, необходимо особо подчеркнуть, что буддийская практика мирян — не позднее, развитое буддийскими теоретиками явление, а традиция, берущая, согласно буддийским текстам, начало от Будды Шакьямуни.

Распространение учения Будды за пределами Индии, на территории Кушанского царства, Центральной Азии и Ближнего Востока, дало толчок к формированию буддийского канонического искусства, новых буддийских культов, ритуалов и обрядов, которые привлекали значительное количество практикующих буддизм мирян [Хижняк 2008: 20–21]. Буддолог А. Берзин отмечает: «В каждой стране, куда проникал буддизм, возникали свои собственные формы буддизма, своя религиозная структура и свой духовный лидер» [Берзин].

Активному распространению буддийского учения в Азии способствовали торговые отношения между народами центральноазиатского региона. Анализ терминологии буддизма у монгольских народов показывает, что буддийская культура монголов, бурят и калмыков восходила через древних уйгуров к согдийцам. Об этом свидетельствует этимология многих монгольских буддийских терминов, заимствованных у уйгуров, а уйгурами, в свою очередь, — у согдийцев. О том, что уйгурский буддизм сложился

под влиянием именно согдийской традиции, свидетельствует уже первое письменно зафиксированное буддийское произведение, переведенное на уйгурский язык, — Нирвана сутра: она была записана согдийским алфавитом во второй половине 500 г. н. э. [Кляшторный, Султанов 2004: 169]. Известно, что уйгуры, переводя буддийские произведения на родной язык, создали филигранно разработанную буддийскую терминологию, которую позднее у них заимствовали уже для своих переводов монголы.

Для последователей буддийского учения в Центральной Азии многие принципы этой религии были трудно осуществимы. Например, для кочевников-скотоводов полный отказ от мяса противоречил традиционной культуре многих народов, а также был невозможен в силу географических и климатических условий. Их буддийская практика отказа от мяса (а также рыбы и яиц) ограничивалась особыми днями лунного месяца, коими являются восьмой, пятнадцатый и тридцатый лунный день. Подобная традиция связана с древнеиндийской добуддийской культурой, в которой указанные дни считались священными. В традиции раннего южного буддизма представители мирской общины верующих совершают особые молебны и соблюдают пост четыре раза в месяц — первого, восьмого, пятнадцатого и тридцатого числа. Тхеравадинский «облегченный» пост включает лишь два дня лунного месяца — пятнадцатый и тридцатый — и называется на сингальском языке *sathara pooya*. В Индии во времена существования там буддизма дни поста назывались *upavasta* [Позднеев 1993: 175]. В китайской буддийской традиции пост с чтением молитв в указанные дни лунного месяца называется 齋戒 (*zhaijie*). В такие дни буддисты-миряне соблюдали пост и проводили время в чтении молитв. У древних уйгуров мирской пост назывался *baṣaṭ*, что этимологически восходит к согдийскому слову *paṣ* — пост [ДТС 1969: 76], когда миряне посвящали свое время молитвам. Монголы, заимствовавшие основную буддийскую терминологию у уйгуров, переняли и это слово. В старописьменном монгольском языке оно пишется — *baṣaṭ*. В более поздней, приближенной к особенностям артикуляции монголов форме — *maṣaṭ* (*maṣaṭ*), это слово со значением «пост» существует в монгольских языках и ныне [БАМРС 2: 329]. Этимология заимствованного монголами слова

baṣaṣu / taṣaṣu, восходящая к согдийскому языку, свидетельствует о том, что эта традиция буддийских молений и постов первоначально была заимствована монголами не из Тибета, а у центральноазиатских буддистов. Безусловно, в махаянском буддизме Тибета также есть традиция молений и постов мирян восьмого, пятнадцатого и тридцатого дня каждого лунного месяца. Такие дни и молебны, в это время исполняющиеся, носят название *bsnyen-gnas*.

Калмыки (как называли позднее представителей части западномонгольских ойратских этнических групп, откочевавших из Центральной Азии в Нижнее Поволжье в конце XVI – начале XVII вв.) принесли буддизм в Европу. В калмыцком буддизме зародилась и развилась собственная традиция мирских молений, которую по сегодняшний день сохраняют пожилые люди, в основном женщины, называющие себя *мацгин сан-врта эмгчуд* — ‘пожилые женщины, соблюдающие обеты мацг’.

Традиция чтения буддийских молитв мирянами-калмыками освещалась в работах Г. Ю. Бадмаевой [2010], Э. П. Бакаевой [2010, 2011], В. К. Шивляновой [2001] и других исследователей. Э. П. Бакаева записала в начале 1990-х гг. молитвенные тексты дней поста со слов информантов и передала в Научный архив КИГИ РАН. Н. М. Дандырова опубликовала молитвенные тексты дней поста [Ик дүүцн 1999]. В данной статье к анализу привлекаются также полевые материалы (рукописный сборник молитв из коллекции автора, записанный для личного пользования Утнасуновой Эльзатой Акимовной, 1898 г. р.).

Форма буддийской практики, связанная с воздержаниями и молениями в особые дни лунного месяца, безусловно, является упрощенной, простонародной формой восприятия идей буддизма. Как справедливо заметил О. О. Розенберг, «...наряду с философскими течениями имелись всегда, имеются и по настоящее время простонародные формы буддизма, которые, правда, примыкают к тому или другому вероисповеданию; эти формы имеют в таком смысле вполне выработанный индивидуальный характер, хотя и по существу не представляют систем в смысле систем философии» [Розенберг 1991: 203]. Э. П. Бакаева [2008] отмечала взаимосвязь обрядов поста у калмыков с культом предков.

Калмыцкая традиция молений мирян относится к тибетской буддийской школе

Гелуг, которая была объявлена доминирующей у монгольских народов с XVII в., когда в 1640 г. на ойратско-монгольском съезде было принято решение придерживаться именно этого тибетского буддийского направления. Вместе с доминантой тибетской буддийской школы Гелуг в калмыцких степях интерес к мирской практике буддийского учения поддерживался буддийскими монастырями и калмыцким буддийским духовенством, покровительствующим практикующим мирянам. Так, в биографии Зая-пандиты Намкайджамцо, именуемой «Лунный свет», говорится следующее: *basa busu dgeslong dgecul bandi ubaṣi ubasanca nige ödüriyin **baṣaq** abiṣiq udurilsu noyoudi öqböi* — ‘И еще другим гелонгам, гецулам, банди, мирянам и мирянкам даровал однодневные обеты, посвящения и комментарии к посвящениям’ [Раднаабдраа 2009: 103]. В своих наставлениях мирянам багши донских калмыков Менке Борманжинов также отмечает: «...мирянин должен соблюдать в известные дни «мацаки» (посты)» [Борманжинов 1998: 257].

О правилах таких молений И. А. Житецкий, побывавший в 1884–1886 гг. в кочевьях астраханских калмыков, писал: «Молиться, собственно, должно постоянно, непрерывно, а если этого нельзя сделать, то лучше все-таки держать «мацак» три раза в месяц. В «мацак» должно вставать рано, и если на ладони можно разглядеть линии, то следует начинать молиться; вести себя должно скромно и так продолжать до зари следующего дня» [Житецкий 1991: 70].

Текстовый состав молитв, читаемых мирянами, весьма неоднороден. В него входят традиционные тибетские буддийские махаянские тексты (с характерными для калмыцкой артикуляции искажениями тибетских слов), выдержки из сутр как на тибетском, так и на старописьменном ойратском языках, гимны буддийским божествам из категории *шаитр дун*, написанные неизвестными авторами, особые заклинания, в которых присутствуют элементы буддизма и добуддийских верований.

Тексты, которые традиционно читают в дни поста буддисты-миряне Калмыкии, можно разделить на четыре группы.

1. Народные версии тибетских буддийских текстов.
2. Выдержки из буддийских сутр (на тибетском и калмыцком языках).
3. Тибетские, ойратские и монгольские короткие тексты.

4. Гимны и заклинания на калмыцком языке и санскритские мантры.

Необходимо также отметить, что устная традиция передачи этих буддийских молитв наложила особый отпечаток на их исполнение. Так, тибетские тексты и санскритские мантры подверглись сильному искажению. Тексты, заученные мирянами из письменных источников, сохранили архаичные, письменные формы многих слов и падежных суффиксов. Санскритские и тибетские имена махаянских Будд иногда сложно идентифицировать.

Для обоснования предложенной нами классификации указанных текстов, читаемых по буддийским дням поста, рассмотрим каждую из выделенных нами групп подробнее.

1. Народные версии тибетских текстов, читаемых калмыцкими буддистами-мирянами. Данные тексты входят в тибетский буддийский канон как отдельные произведения, хотя, по существу, многие из них являются выдержками из более крупных буддийских канонических текстов. Так, к наиболее популярным среди калмыцких буддистов молитвам на тибетском языке по праву можно отнести гимн «Двадцати одной Таре» (тиб. *sgrol-ma gnis shu rtsa gcig*). Это произведение было написано на санскрите, переведено на тибетский, а затем на монгольский и ойратский языки. Заучивание данного произведения в монастырях входило в обязательную программу подготовки каждого буддийского монаха [Позднеев 1993: 134]. Калмыцкие буддисты читают его с заметными искажениями, связанными с традицией устной передачи текста, а также с особенностями артикуляции калмыков, которые без специальной подготовки не могли произносить некоторые тибетские звуки.

Приведем пример калмыцкого и тибетского прочтения одного четверостишия этого текста:

Калм. н.в. Цакцал ормаль ему баму
Жани начг Луһднрома
Жигдн самһн чоҗ шальж
Геер жоова слайин жогма
[Ик дүүцгин 1999: 25].

Тиб. транскр. Чагцел Долма ньюрма памо
Ченни кедчик логданг драма
Жигтен сумгон чукьи щелгы
Гесар джева лени джунгма
Тиб. транслит. phyag 'tshal sgrol ma myur ma
dra mo
sryan ni skad cig glog
dang 'dra ma

'jig rten gsum mgon chu skyes
zhal gyi
ge sar bye ba las ni byung ma ||
[stod smon phyogs bsgrigs
1996: 211].

Рус. Поклоняюсь!
Тара, стремительная героиня,
С глазами, подобными вспышке
молнии,
Рожденная из тычинок
появившегося
В воде¹ Защитника трех миров
(пер. наш. — Г. К.)

Процитированный гимн, хотя и является народной версией буддийского канонического произведения, может служить источником по изучению традиции исполнения тибетских текстов в калмыцких буддийских монастырях.

Вторым по популярности текстом является молитва Раскаяния в совершенных недобродетелях перед Тридцатью пятью Буддами Покаяния (тиб. *ltung-bshags*). В тибетской традиции этот текст считается полноценным и читается отдельно, хотя фактически является отрывком из махаянской Трикута сутры ('сутры Трех груд'), о чем свидетельствует колофон к тексту тибетского варианта: «*phags pa phung po gsum pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo rdzogs so*» — 'Закончена благородная махаянская сутра, именуемая Три груды' [stod smon phyogs bsgrigs 1996: 11].

Калм. н. в. Девшэн шигвэ Доржи нимбу
равдунь жамбунь болад цак-
цалу [Ик дүүцгин 1999: 55].

Тиб. транскр. Дешин шегпа дордже ньингпо
рабту джомпа ла чагцалло

Тиб. транслит. de bzhin gshegs pa rdo rje sny-
ing po rab tu 'joms pa la phyag
'tshal lo || [stod smon phyogs
bsgrigs 1996: 5].

Рус. Склоняюсь пред Татхагатой,
Алмазным сердцем, превос-
ходно уничтожающим! (пер.
наш. — Г. К.).

Приведенный текст, как и Гимн Двадцати одной Таре, показывает, сколь существенно искажился в народной молитве текст тибетского оригинала. Вместе с тем искажение фонетического звучания не умаляет значения

¹ Появившийся в воде (тиб. *chu skyes*) — эпитет лотоса.

этого буддийского гимна, сохранившегося в устной передаче калмыцких верующих. Два текста (тибетский и калмыцкий) и тибетская транслитерация представляют ценный источник по изучению калмыцкой традиции чтения тибетских текстов.

2. Выдержки из буддийских сутр — это небольшие части некоторых махаянских текстов, как правило, взятых из наиболее доступных и понятных для простого последователя буддизма девициональных сутр. Так, широко распространенная у калмыцких буддистов-мирян молитва «Өглһнэ күчэр» — часть из буддийской культовой сутры «Безмерно долгая жизнь и превосходная мудрость» (тиб. 'phags pa tshe dang ye-shes drag tu med pa'i mdo). Сравним калмыцкий текст из сборника молитв мирян, из классической ойратской сутры «саqlaši ügei nasun belge biliqtei» и тибетский вариант этого текста:

Калм. н. в.

Өглһнэ күчн-ер бурхн сээтүр һарч
Күмни арслңгин өглһнэ күчинь унулж
Өршәңгүдтәнь авх балхтнь одх цагтнь
Өглһни күчн Дуни дүүрсх болтха
[Ик дүүцңгин 1999: 70].

Калм. совр.

Өглһин күчәр бурхн сээтр һарн,
Күмни арслң, өглһин күч онж
Өршәңгүтә авх балһдт орхд
Өглһин күчни ду дуурьсх болую.
[Өдр болһна 2012: 102].

Ойрат. транслит.

öqligüyin kücün ye:r burxan sayitur yarun
Kümüni arsalan öqligüyin kücü onoži
Örşö: nggüyitü abxu balyadtu orxodu
Öqligüyin kücünü dou dourisxaxu boluyu
[saqlaši ügei nasun belge biliqtei,
текст из коллекции автора].

Тиб. транслит.

sbyin pa'i stobs kyis sangs rgyas yang
dag 'phags
mi yi seng ge spyin pa'i stobs rtogs nas
snying rje can gyi grong khyer 'jug pa na
spyin pa'i stobs kyis sgra ni grags par 'gyur |
[bkra shis brtsegs pa 2009: 188]

Рус.

Силой Даяния Будда превосходно
обрел святость,
Лев среди людей, [он] постиг силу Даяния,
Когда он вошел в град сострадания —
Восславил в глас силы Даяния
(пер. наш. — Г. К.).

Из приведенного примера видно, что текст калмыцкой молитвы, читаемой мирянами, сохранил архаичные, письменные формы, характерные для письменного ойратского языка XVII в. и дающие основания полагать, что он был взят из текста указанной сутры.

3. Тибетские, ойратские и монгольские короткие тексты в составе текстов «мацг» — это зачастую сложно поддающиеся идентификации части каких-либо буддийских неканонических произведений. Рассмотрим эту группу текстов на примере известного тибетского буддийского восхваления Ламы Цонкапы «Мигцема», состоящего из четырех строк:

Калм. н. в.

Мёнкн зевя дерсен жангрин зег
Рембе чембо бамбоа
Гочн гевя зужи зункова
Лузн ревя сулван солван деб
[Рукописный сборник].

Тибетский оригинальный текст звучит следующим образом:

Тиб. транскр.

Мигме цеве терчен Ченрезиг
Дриме кьенпи вангпо **Джамбиянг**
Канчен кьенпи цуггьен Цонкапа
Лобсанг Драгпи **шабла** сольван деб.

Тиб. транслит.

dmigs med brtse ba'i gter chen spyan ras
gzugs
dri med mkhyen pa'i dbang po 'jam dpal
dbyangs
kang cen mkhyen pa'i gtsug rgyen tson
kha pa
blo bzang grags pa'i zhabs la gsol ba 'debs

Рус.

К сокровищнице безъобъектного
сострадания — Авалокитешваре,
К владыке незагрязненного ведения —
Манджушри,
К короне мудрецов [Страны] Снегов¹ —
Цонкапе,
К стопам Лобсанг Драгпы² обращаюсь!
[пер. наш. — Г. К.].

Ярким примером калмыцкого текста поклонения Будде Шакьямуни является короткая молитва: «Эльгян тётгхн ольгхн беднян бурхн бакшин кегян шакж чидгч

¹ Страна Снегов (тиб. kang can zhing / yul) — поэтическое название Тибета.

² Лобсанг Дракпа (тиб. blo bzang grags pa) — монашеское имя Цонкапы.

шакж маву бурхнд мани хоир ўльмяд таср-луга мёргмү [Рукописный сборник]. Реконструкция этого текста на современный калмыцкий язык будет выглядеть следующим образом: «Йилһн Төгсн Үлсн биднэ бурхн багшин гегэн Шагж Чадгч — Шагж Муни бурхнд мань хоир өлмэд тасрл уга мёргмү» — «Непрерывно склоняюсь пред двумя стопами нашего будды, Бхагавана¹, наставника, Шакьяского Мудреца — Шакьямуни» (пер. наш. — Г. К.). Словосочетание «Эльгян тёгсн ольгкн» в оригинальном калмыцком тексте представляет собой ойратскую форму одного из эпитетов будды Шакьямуни, являющуюся калькой тибетского выражения — *bcom ldan 'das* – Бхагаван. «Шакж чидгч» — также ойратско-монгольский эквивалент тибетского варианта «*Shākya thub pa*», этимологически восходящего к санскритскому «*Śākya muni*». В ойратских переводных буддийских произведениях, основу которых заложил Зая-пандита Намкайджамцо, форма «*Śākya čidačči*» как эквивалент тибетского «*Shākya thub pa*» не встречается. Можно предположить, что текст этого поклонения был создан калмыцким монахом, который хорошо разбирался в монгольских и ойратских переводных произведениях. Желая безукоризненно следовать тибетской традиции, он постарался, как в свое время тибетцы переводили с санскрита каждое слово на свой язык, максимально использовать родные слова для обозначения санскритских понятий. А чтобы верующим было понятно, о ком идет речь, он оставил и санскритский эквивалент Шакж маву — Шакж муни. Это дублирование имени Будды, вероятнее всего, нужно объяснять требованием тибетско-монгольского словаря «Мэргэд гархуйн орон» — «Источник мудрецов», с которым неизвестный нам калмыцкий монах, вероятнее всего, был знаком и в котором говорится: «При переводе собственных имен ученых, чудотворцев, ханов, сановников и простолюдинов, а также названий стран, цветов, плодоносных деревьев, когда затруднительно понимать и произносить слова, хотя бы и возможно было перевести по догадкам, но не вполне достоверно, необходимо поставить индийское или тибетское название, сопровождая его на подобающем месте словами «ученый», «хан», «цветок», и пр...» [цит. по: Цыбиков 1991: 47].

¹ Бхагаван – санскр. Благословенный. Эпитет Будды.

4. К четвертому блоку текстов — гимнам и заклипаниям на калмыцком языке и санскритским мантрам — можно отнести молитву-гимн Авалокитешваре, которая называется «Арвн хоир нигүртэ», и молитву-гимн «Шарин дөрвн кид», посвященную четырем крупнейшим тибетским гелугпинским монастырям [Рукописный сборник]. К заклипаниям мы относим такие молитвы, в которых в короткой форме верующими испрашивается помощь у будд: «Цаг босин ўкл өвчн зуурдин шалтг хамгиг уга болһж евән сёбрхтн²» — «Соблаговолите защитит от преждевременной смерти, болезней, препятствий на пути, устраните их все». Санскритские мантры, представленные в рассматриваемых нами молитвенных сборниках, как упоминалось ранее, сильно искажены. Приведем пример одной из таких мантр: «Эма хум баазр гүр бадмин синда». Представленная мантра есть неполный текст сердечной мантры Гуру Падмасамбхавы, известной как «Ваджра гуру мантра». В транслитерации на русский язык она звучит так: «Ом ах хум ваджра гуру падма сиддхи хум». Как известно, в калмыцкой традиции существуют и различные варианты народных форм (с искажениями тибетского оригинала) самой известной буддийской мантры «Ом мани падме хум».

Таким образом, буддийская традиция чтения молитв и занятий буддийской практикой мирян, зародившаяся еще в древности, с распространением буддизма за пределы Индии претерпела значительные изменения, преломившись в призме этнических культур. Однако пост и моления мирян в особые дни, которыми являются восьмое, пятнадцатое и тридцатое числа каждого лунного месяца, характерны как для индийских мирских последователей Будды, так и для всех остальных буддистов. Калмыцкая буддийская традиция домашних молений включает неоднородные по структуре и происхождению тексты, которые читали верующие калмыки. Все тексты передавались в устной традиции, отчего они имеют значительные грамматические ошибки и искажения (как ойратских письменных, так и тибетских текстов), вместе с тем калмыцкие тексты сохранили архаичные письменные формы «тодо бичиг» — ойратского «ясного письма». Все молитвы можно разделить на четыре группы, согласно их происхождению из тибетских или перевод-

² В цитатах сохранена орфография источника [Рукописный сборник].

ных, монгольских и ойратских, буддийских канонических сочинений. Некоторые молитвы — гимны, заклинания и обращения к божествам, исполнявшиеся верующими калмыками, — были составлены и написаны калмыцкими монахами, что подтверждают лингвистические данные.

Традиция домашних молений верующих калмыков недостаточно исследована, ее изучение имеет большое значение для истории языка, религии и традиционной культуры калмыцкого народа, что потребует в последующем работы по идентификации текстов, входящих в сборники калмыцких молитв, исполнявшихся и продолжающих исполняться во время домашних молений.

Сокращения

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь.

ДТС — древнетюркский словарь.

Калм. Н. В. — калмыцкая народная версия

Калм. совр. — калмыцкий современный

Ойрат. — ойратский

Ойрат. транслит. — ойратская транслитерация

Рус. — русский.

Тиб. — тибетский

Тиб. транскр. — тибетская транскрипция

Тиб. транслит. — тибетская транслитерация

Internet -sources

Piya Tan. Mirjane, dostigshie probuzhdenija [Laymen who have reached awakening]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: www.theravada.ru/Teaching/Works/laymen-awakeing-3-sv.htm (accessed: 15.02.2015). (In Russ.).

Berzin A. Rasprostranenie buddizma v Azii (pervonach. opubl.: Berzin A. Buddhism and Its Impact on Asia [the Spread of Buddhism in Asia (the original. publ.: Berzin A. Buddhism and Its Impact on Asia)]. Asian Monographs. No. 8. Cairo, Cairo University, Center for Asian Studies, June 1996). Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.berzinarchives.com> (accessed: 25.03.2015). (In Russ.).

References

Badmaeva G. Yu. Molitvennye napevy obrjada macg (den' posta). Kalmyki. (Tom serii «Narody i kul'tury») [The prayer chants of the ritual Matsg (day of fasting). Kalmyks. (Volume of the series «Peoples and cultures»)]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 350–351. (In Russ.).

Bakaeva E. P. Buddizm. Kalmyki. (Tom serii «Narody i kul'tury»). Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 406–429. (In Russ.).

Bakaeva E. P. Kalmyckij buddizm: istorija i sovremennost' [Kalmyk buddhism: history and modern time]. Religija v istorii i kul'ture mongolozazychnyh narodov Rossii [Religion in the history and culture of the Mongolian speaking peoples of Russia]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2008, pp. 161–200. (In Russ.).

Bakaeva E. P. K etnicheskim harakteristikam kalmyckogo buddizma: obrjad «macg» [To the ethnic characteristics of Kalmyk Buddhism: 'matsg' ritual]. Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2011, no. 1, Ch. 2, pp. 120–123. (In Russ.).

Bormanzhinov M. Put' k istine [The path to the truth]. Orient. Al'manah. [Orient. Almanac]. St. Petersburg, Utpala, 1998, Vol. 2–3, pp. 252–266. (In Russ.).

Donets A. N. Sutra «Pouchenija Vimalakirti» [Sutra «Teachings of Vimalakirti»]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2005. 144 p. (In Russ.).

[Ik dүүсн macgin mөргүлин ном]. Mantry, chitaemye vot vremja dnei posta i pokajaniya. Sost. Dandyrova N. [Mantras the mantra read during the days of fasting and repentance]. Moscow, Elista, Kalm., 1999. 160 p. Comp. Dandarova N. M. Elista, Kalm. Book Publ., 1999. 160 p. (In Kalmyk).

Khizhnyak O. S. Stupa: nachalo formirovaniya buddijskogo kul'ta [Stupa (monumental religious building): the beginning of the formation of Buddhist worship]. St. Petersburg, St. Petersburg Gos. Un-t. Publ., 2008. 274 p. (In Russ.).

Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Drevnost' i srednevekov'e [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 368 p. (In Russ.).

Өдр болһна бытәлин һураһһу. Sbornik dlja ezhdnevnyh praktik [The collection for everyday practice]. Na kalm. i rus. jazyke. Sost. G. B. Korneev. [In Kalmyk and in Russian language. Compiled by G.B. Korneev]. Elista, NPP «Dzhangar» Publ., 2012. 126 p. (In Russ. and in Kalmyk).

Pozdneev A. M. Ocherki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svjazi s otnoshenijami sego poslednego k narodu [Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of this latter to the people]. Serija «Nashe nasledie» – Izd. Reprint. [Series «Our heritage» – Ed. Reprint.]. Elista, Kalm. Book

- Publ., 1993. 512 p.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1993. 512 p. (In Russ.).
- Radnaabadraa. Ravzham Zaja bandidyn tuuzh Sarny gjerjel hjemjeje orshiv. Biblioteca Oiratica. T. XII [Mantras taught during the days of fasting and repentance. Comp. by Dandarova N. M.]. Ulan-batar, Sojombo Publ., 2009. 252 p. (In Mongolian).
- Rozenberg O. O. Trudy po buddizmu [Works on Buddhism]. Moscow, Glav. red. vost. lit. Publ., 1991. 295 p. (In Russ.).
- Shivlyanova V. K. Kalmyckij obrjad «Macg Odr» (Den' posta) i problemy strukturno-stilisticheskogo edinstva molitvennyh napevov. [Kalmyk ritual «Matsg Day» (Day of fasting) and the problem of structural and stylistic unity of prayer chants]. Mongolica V. St.Petersburg, 2001, pp. 113–118. (In Russ.).
- Tsar' blagih pozhelanij. Jørəlin han. Sbornik buddijskih molitv (uchebnoe posobie). Pod red. G. B. Korneeva. [King of Aspiration Prayers. The collection of Buddhist prayers (Workbook)]. Edited by G.B. Korneev. Elista, «Okean mudrosti» Publ., 2015. 144 p. (In Russ.).
- Torchinov E. Vvedenie v buddizm: Kurs lekcij. St.Petersburg, Amfora. TID Amfora Publ., 2005. 430 p. (In Russ.).
- Tsybikov G. C. Izbrannye trudy. T. 2. [Selected works. Vol. 2]. Novosibirsk, Nauka Publ. Siberian department, 1991. 230 p. (In Russ.).
- Zhitetsky I. A. Ocherki byta astrahanskih kalmykov. [Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks]. Etnograficheskie nabljudenija. 1884–1886 gg. [Ethnographic observation. 1884–1886]. Reprint. ed-n., Elista, 1991. 76 p. (In Russ.).

УДК 81'33+811.512.37 (Калм)

ББК 81.2(2Рос=Калм)

«РАННИЕ» ТЕКСТЫ НА «ЯСНОМ ПИСЬМЕ» В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

‘Early’ Texts in ‘Clear Script’ in the National Corpus of the Kalmyk Language: Chronological Characteristic

*Е. В. Бембеев (E. Bembeev)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

Статья посвящена описанию хронологического развития письменных памятников на «ясном письме». Процесс развития самобытной ойратской (калмыцкой) литературы, созданной на «ясном письме», можно разделить на два основных периода: первый «общий» — с 1648 по 1771 гг. Второй период разделяется на две части: с 1771 по 1924 гг. на территории Нижнего Поволжья, с 1771 г. по настоящее время среди ойратов Синьцзяна КНР.

Ключевые слова: зая-пандитская письменность, «ясное письмо», письменные памятники, рукописи, периоды, жанры, корпус.

The article describes chronological characteristics of the written monuments in «Clear Script». The development process of the peculiar Oirat (Kalmyk) literature, written in «Clear Script» can be divided into two periods. The 1st period is from 1648 to 1771. The second period is divided into two parts which is connected with the fact that the major part of the Kalmyk people left for Dzhungaria in 1771 and the unified Oirat-Kalmyk written language continued to evolve in different geographical and ethno-political conditions. On the territory of the Lower Volga region the old Kalmyk written language began to develop, the graphic system of which was replaced in 1924 by the Cyrillic alphabet. A conventionally «Oirat» written language has been further developed in Xinjiang which continues to be used at the present time.

While studying the chronological characteristics of written heritage in «Clear Script» original works of the authors of the XVII–XIX centuries, primarily historical essays, formal written documentation, as well as works created on the basis of works of folklore will be selected as text sources for the subcorpus of «early texts». These works convey a vivid world of the Oirat and the Kalmyk people’s way of life in the XVII–XIX centuries. Handwritten historical essays, business letters, namtaru and other works of original genres, despite their brevity, are of special cultural value, as they reflect, albeit in a limited way, the state of the Oirat-Kalmyk language of the time and carry information about the grammatical system of the Kalmyk language.

Keywords: Zaya Pandita’s system of writing, «Clear Script», written monuments, manuscripts, periods, genres, Corpus.

В современной лингвистике для сохранения языков и их глубокого исследования широко используются информационные технологии, в первую очередь корпусные. По мнению Е. И. Кузьмина, председателя Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», проблемы сохранения языкового и культурного разнообразия «...приобрели особую актуальность в связи с бурным развитием процессов формирования глобального информационного общества, которые, с одной стороны, усиливают унификацию культур и ведут к сокращению культурного разнообразия, но, с другой стороны, открывают благоприятные возможности для его сохранения и даже для его развития в киберпространстве» [Кузьмин 2010: 40]. Во многих регионах Российской Федерации корпусная лингвистика динамично развивается, о чем свидетельствуют разработанные и ныне функционирующие языковые корпуса национальных республик (см., например: [Бадмаева, Бадагаров 2008; Бадмаева 2009; Ринчинов 2009; Сиразитдинов, Полянин 2013; Сиразитдинов и др. 2014]). С 2010 г. на базе КИГИ РАН реализуется фундаментальный проект по созданию и развитию Национального корпуса калмыцкого языка (НККЯ), который в итоге будет включать более 10 модулей (см.: [Куканова, Бембеев и др. 2012]). На данный момент разработаны и полноценно функционируют основной (художественный прозаический), поэтический, фольклорный, диалектный, параллельный подкорпусы, по некоторым из них доступен поиск с учетом калмыцкой морфологии и семантики. Созданная информационно-справочная система [<http://kalmcorp.ru>] основана на большом массиве текстов на современном калмыцком языке, которые сопровождаются лингвистической и металингвистической информацией [Куканова 2015]. Прикладное значение разработанных модулей несомненно и очевидно — это важный шаг в становлении новых методов исследования структуры современного калмыцкого языка.

Вместе с тем заметим, что электронные ресурсы являются удобным и надежным способом хранения, обработки, передачи не только современного, но и древнего текста. Некоторые из созданных ресурсов (в особенности на европейских языках) стали источниками формирования электронных коллекций — не просто коллекций

в виде отсканированных изображений, а распознанных в специальных программах текстов. В сети Интернет успешно развиваются корпусные ресурсы по истории русского языка [Рукописные памятники Древней Руси; Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»; Славянское письменное наследие «Манускрипт»], древнетюркских языков [Памятники рунического письма Горного Алтая].

Такой же важной задачей является и создание подкорпуса «ранних текстов» в рамках НККЯ, написанных на старокалмыцком языке (на «тодо бичиг» ‘ясном письме’) [Куканова, Бембеев, Музраева 2013]. В связи с этим прежде всего необходимо дать хронологическую характеристику большого по объему письменного наследия калмыцкого народа.

Ойрат-калмыцкая национальная письменность «ясное письмо» (ее называют еще ойратской, зая-пандитской, старокалмыцкой) является одним из выдающихся культурных достижений ойрат-калмыков и неразрывно связана с именем выдающегося политического, религиозного и общественного деятеля, ученого и просветителя, поэта-переводчика и мыслителя XVII в. Зая-пандиты Намкай Джамцо [Бадмаев 1968а; 1968б]. С середины XVII в. начинается становление собственно ойратской литературы, которая выделилась из общемонгольской и развивалась до начала XX в. в Калмыкии, и развивается в настоящее время среди ойратов Синьцзяна КНР. Академик Б. Я. Владимирцов писал: «...Как бы отвечая новым потребностям и национальному самосознанию <...> Зая-пандита <...> изобрел в 1648 году ойратский алфавит ... Зая-пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный общеойратский письменный язык» [Владимирцов 1929: 25–26].

Творческое наследие Зая-пандиты вызвало и продолжает вызывать большой интерес отечественных и зарубежных исследователей с момента зарождения научного монголоведения. Состав, содержание переводов Зая-пандиты, их жанровая принадлежность, ряд других вопросов получили освещение в трудах как классиков отечественного монголоведения — К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, А. В. Попова, так и современных ученых [Бадмаев 1968а; 1968б; 1975; 2003; Кара 1972; Лувсанбал-

дан 1968, 1975, 1986; Михайлов 1970; 1977; Музраева 1999а; 2012; Сазыкин 1977; 1988; 2001; 2003; Heissig 1954; Яхонтова 2010].

Хронология развития письменного наследия и языка ойратов и калмыков рассматривалась в работах многих ученых. Так, известный калмыковед Д. А. Павлов выделяет три основных периода в развитии литературного калмыцкого языка: первый — начальный, или общемонгольский, период в развитии калмыцкого языка в XIII–XIV вв.; второй — средний период, который в свою очередь делится на два этапа. «Первый охватывает конец XIV и первую половину XVII вв., в течение этого этапа формируется самостоятельный ойратский язык. Этот этап завершается созданием старокалмыцкой, или зая-пандитской, письменности “тодо бичиг”. Второй этап среднего периода в развитии калмыцкого языка начинается со времени добровольного вхождения значительной части ойратов в состав Российского государства». Третий — новый — период в развитии калмыцкого литературного языка, по мнению автора, начинается после революции 1917 г. и длится по настоящее время [Павлов 1970: 71].

Монгольский ученый Х. Лувсанбалдан, давая хронологическую характеристику собственно памятникам на «ясном письме», выделяет два основных этапа: первый этап с 1648 г. до второй половины XVIII в., второй — со второй половины XVIII в. до 1924 г. в Калмыкии и до настоящего времени в Синьцзяне [Лувсанбалдан 1975: 62].

Обращаясь к периодизации, предложенной вышеуказанными авторами, необходимо отметить, что в первом случае в качестве объекта выступает калмыцкий литературный язык, а во втором — собственно калмыцкая письменная литература на «ясном письме». Таким образом, рассматривая процесс развития самобытной ойратской (калмыцкой) литературы, созданной на «ясном письме», целесообразно выделить следующие периоды: первый период — с 1648 до 1771 гг., когда «новая письменность, созданная Зая-пандитой, в исключительно короткий срок стала единственной основой ойратского литературного языка, получившего признание у всех ойратских народностей Джунгарии, Кукунора и Поволжья» [Павлов 1970: 68]. Второй период необходимо разделить на две части, так как с уходом в 1771 г. большей части калмыцкого народа в пределы Джунгарии единый ойрат-

калмыцкий письменный язык продолжил функционировать в разных географических и этнополитических условиях. На территории Нижнего Поволжья стал развиваться старокалмыцкий письменный язык, графическая система которого была заменена в 1924 г. кириллицей. В Синьцзяне получил дальнейшее развитие условно «ойратский» письменный язык, который продолжает свое бытование и в настоящее время.

Как известно, значительную часть сочинений, написанных на ойратском языке в начальный период, составляют переводы с классического тибетского языка, выполненные самим Зая-пандитой и его последователями. Согласно данным биографии Зая-пандиты «Лунный свет», составленной в конце XVII – начале XVIII в. одним из его ближайших учеников, Раднабхадрой, в период от «года барса до следующего года барса»¹ Зая-пандита перевел на ойратский язык 177 тибетских сочинений как из собрания канонических сводов Ганджур и Данджур, так и из разряда неканонических произведений [Biography 1967: 8, 43 (л. 9а); Лувсанбалдан 1975: 123; Бадмаев 1975: 118; Музраева 2012: 14]. Кроме того, ученики Зая-пандиты, продолжая работу учителя, перевели на ойратский язык еще 37 произведений [Biography 1967: 9 (л. 11а–11б); Radnabhadra 1959; Лувсанбалдан 1975: 123; Бадмаев 1975: 119; Норбо 1999; Музраева 2012: 14].

В классическом источниковедческом труде Х. Лувсанбалдана «Тод үсүг, түүний дурсгалууд» («Ясное письмо и его памятники»), где нашло отражение творческое наследие ойратского просветителя, отмечается, что найдено 65 переводов, принадлежавших Зая-пандите, и 12, сделанных его учениками [Лувсанбалдан 1975: 125–128; 152–159].

Академик Б. Ринчен, определяя исключительную роль Зая-пандиты и его учени-

¹ По поводу датировки этого периода в ойратоведении существуют разные точки зрения: одни ученые определяли его периодом с 1650 по 1662 гг. [Бадмаев 1968а: 17; Михайлов 1977: 180; Лувсанбалдан 1975: 332], другие относили его к тому 10-летию, которое предшествовало созданию ойратской письменности (т. е. к 1638–1650 гг.) [Норбо 1999: 53], согласно третьей точке зрения, этот период соответствует 1638–1662 гг. [Раднабхадра 1999: 127], Д. Кара определяет этот период 1652–1662 гг. [Кара 1972: 78].

ков, писал: «Калмыцкие ученые переводчики внесли значительный вклад в монголо-ойратскую литературу и тем самым подготовили почву для создания собственного калмыцкого, или ойратского, литературного языка, питавшегося как книжно-литературным монгольским, так и устно-литературным калмыцким языком, живущим и по сей день в богатейшем калмыцком народном эпосе, причем уже в первые годы существования собственно калмыцкой, или ойратской, письменности литературный язык калмыков был настолько разработан плеядой талантливых учеников и сподвижников Зая-пандиты Огторгуйн Далая, что позволил создать блестящие переводы сложнейших философских, медицинских и других текстов, которые немыслимы у народа, только что создавшего знаки для изображения звуков своей речи» [Ринчен 1966: 59].

Как известно, многие из переводов Зая-пандиты оказались с течением времени утрачены, дошедшие до наших дней хранятся в собраниях рукописных памятников России, Монголии, КНР, Германии, Дании, Франции, США, Японии и т. д. Сведения об этих собраниях мы можем почерпнуть из целого ряда описаний, обзоров, каталогов письменных источников. В России крупнейшими собраниями рукописных памятников на ойратской письменности располагают Институт восточных рукописей РАН и библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета [Сазыкин 1988; 2001; 2003; Музраева 2012]. Небольшая коллекция старописьменных источников на ойратском языке хранится в архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН [Чуматов 1983; Орлова 1996; Музраева 2008]. Ценнейшие исторические документы, датируемые 1713–1771 гг., находятся в Национальном архиве Республики Калмыкия [Сусеева 2003; Гедеева 2004; Кокшаева 2011]. Письменные источники на «тодо бичиг» хранятся в фондах Национальной государственной библиотеки, Института языка и литературы АН Монголии, в библиотеке храма Гандантегчинлин в Улан-Баторе, в фондах краеведческих музеев Кобдоского, Убсунурского аймаков, а также в частных коллекциях [Лувсанбалдан 1975; Гэрэлмаа 2005; Орлова 2012; Музраева 2012; Бичев 2013]. Работа по факсимильному копированию источников и сопровождение их

библиографическими и археографическими данными проводится Общественной организацией «Тод номын гэрэл» (Монголия), которая совместно с Американским центром монголоведения — (The American Center for Mongolian Studies (ACMS)) разместила на сайте 140 рукописных текстов на «ясном письме» [Коллекция 140 рукописных текстов]. Кроме того, значительное количество памятников на «ясном письме» хранится в архивах, монастырях и частных коллекциях на территории СУАР КНР [Бичев 2011; Меньев 2012].

Исследователи отмечают, что уже в XVII в., кроме переводных сочинений, появляются оригинальные произведения различных жанров, литературное оформление получают и тексты устного народного творчества. «...Зая-пандита ограничивался переводами, оригинальных художественных произведений он не создавал. Но Раднабхадра заложил основы биографического жанра, написав интересную биографию своего учителя» [Михайлов 1970: 140; см.: Лунный свет 2003].

Следует особо подчеркнуть, что в Поволжье калмыцкий язык получает самостоятельное развитие в новых исторических условиях, параллельно с общеойратским языком Джунгарии. Именно в Поволжье получает свое дальнейшее развитие калмыцкий литературный язык. К середине XVIII в. на «ясном письме» появляются исторические сочинения ойратов и калмыков: «Дөрвөн ойрадын намтар түүх», сочинения Алдар-Гавж, Габан-Шараба и др. [Михайлов 1970: 141].

Кроме того, старокалмыцкая письменность «ясное письмо» стала языком официальной переписки калмыцких ханов с царским правительством Российского государства и правительствами ряда стран Ближнего Востока, существенно и то, что «этим письменным языком в XVII веке пользовались иногда в переписке с царским правительством хакасы, киргизы, горноалтайцы и тувинцы» [Павлов 1970: 72].

На рубеже XVII–XVIII вв. на калмыцком литературном старописьменном языке написан замечательный труд по иглотерапии, переложены «Ик цааз бичиг» (Великое Степное Уложение), велась обширная официально-деловая переписка между калмыцкими ханами и российской администрацией, написаны Законы Дондук-Даши и другие важные документы государственного зна-

чения, был создан целый ряд произведений оригинальной литературы. В связи с отко-
чевкой в 1771 г. из России в пределы Джун-
гарии большей части калмыков Калмыцкое
ханство прекратило свое существование,
что привело к коренному изменению жизни
оставшейся части калмыков. Несмотря на
то, что большая часть рукописных трудов
на «ясном письме» была увезена в Джунга-
рию в 1771 г., калмыцкий старописьменный
язык продолжил свое развитие, что под-
тверждается появлением оригинальных со-
чинений исторического жанра, например,
«Сказание о Дербен Ойратах» Батур Уба-
ши Тюменя, произведения жанра хождений
и др.

В XIX в. старописьменный калмыц-
кий язык становился предметом изучения
со стороны монголоведов и востоковедов
в высших востоковедных и специальных
учебных заведениях России и Европы.
Отечественными и зарубежными уче-
ными впервые были выявлены и записа-
ны «Жаңһр» («Джангариада»), «Гесер»
 («Гесериада»), «Үлгүрин дала» («Море
притч»), поговорки и сказки, в том числе
«Сиддигү-күр» («Волшебный мертвец») и
другие произведения устного народного
творчества.

В начале XX в. появились оригиналь-
ное произведение жанра сургал (поучений)
«Чикнэ хужр» («Услаждение слуха») Боо-
ван Бадма, описания путешествий в Тибет
Пурдаша Джунгуева, Номто Очировым за-
писаны 10 песен эпоса «Джангар» из репер-
туара Ээлян Овла.

Таким образом, по рассмотрении хро-
нологической характеристики письменно-
го наследия на «ясном письме» в качестве
текстовых источников для подкорпуса
«ранних текстов» в НККЯ будут отобраны
оригинальные произведения авторов XVII–
XIX вв., в первую очередь исторические
сочинения, официальная письменная до-
кументация, а также сочинения, созданные
на основе произведений устного народного
творчества, например, «Сказание о Дер-
бен Ойратах» эмчи Габан Шараба, «Крат-
кая история калмыцких ханов», «Сказание
о Дербен Ойратах» Батур Убаши Тюменя,
письма калмыцких ханов XVIII в. и т.д.

Ценность этих произведений прежде
всего состоит в том, что они через мно-
гие века доносят до нас живой мир людей,
жизнь ойратов и калмыков XVII–XIX вв.

Рукописные исторические сочинения, де-
ловые письма, намтары и другие произве-
дения оригинальных жанров, несмотря на
свою лаконичность, представляют особую
культурную ценность, так как они отража-
ют, хотя и не в полной мере, состояние ой-
рат-калмыцкого языка того периода, несут в
себе информацию о грамматическом строе
калмыцкого языка. Именно этот язык, раз-
виваясь, стал тем, что мы сегодня называем
современным калмыцким языком.

References

- Badmaev A. V.* Zaya-Pandita: (spiski kalmyckoj rukopisi «Biografija Zaya-pandity») [Zaya-Pandita: (Copies of the Kalmyk manuscript «the Biography of Zaya-Pandita»)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968a. 75 p. (In Russ.).
- Badmaev A. V.* Rol' Zaya-pandity v istorii duhovnoj kul'tury kalmyckogo naroda. [The Role of Zaya-Pandita in the history of spiritual culture of the Kalmyk people]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968b. 28 p. (In Russ.).
- Badmaev A. V.* Kalmyckaja dorevoljucionnaja literatura [Kalmyk pre-revolutionary literature]. Elista, Kalm. Book Publ., 1975. 168 p. (In Russ.).
- Badmaev A. V.* Lunnyj svet: Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki: per. s kalm. sost., red., vstup. st., predisl., komment. A. V. Badmaeva [Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments: translated from Kalmyk. Comp., ed., preface, forew., comment. by A. V. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003. 477 p.: il. (In Russ.).
- Badmaeva L. D.* Burjatskij jazyk i korpusnaja lingvistika. Sostojanie i perspektivy razvitija burjatskogo jazyka. Materialy foruma burjatskogo jazyka [Buryat language and corpus linguistics. The state and prospects of development of the Buryat language. Proceedings of the Buryat language]. Ulan-Ude, Ekos Publ., 2009, pp. 83–86. (In Russ.).
- Badmaeva L. D., Badagarov Zh. B.* O reprezentativnostitekstovielementahprogramm-nogo instrumentarija dlja korpusa burjatskogo jazyka. Sovremennye informacionnye tehnologii i pis'mennoe nasledie: ot drevnih tekstov k elektronnym bibliotekam. El' Manuscript-08. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 26–30 avgusta 2008 g.). [About the representativeness of the texts and elements of software tools for the housing of the Buryat language. Modern information technologies and written heritage: from ancient texts to electronic libraries. El' Manuscript-08. Proc.

- of the Intern. Scientific. Conf. (Kazan, 26-30 August, 2008)]. Kazan' State University Publ., 2008, pp. 28–31. (In Russ.).
- Bicheev B. A.* Ojratskie rukopisi iz Zapadnoj Mongolii. Polevye issledovanija Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [Oirat manuscripts from Western Mongolia. Field research of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS]. Sbornik statej i polevyh materialov. Vyp. 1. Ojraty Mongolii: istorija i kul'tura. [The collected articles and field materials. Issue 1. Oirats of Mongolia: history and culture]. Elista, KIGI RAN Publ., 2013, pp. 169–185. (In Russ.).
- Bicheev B. A.* Fond ojratskih rukopisej komiteta po delam nacional'nostej SUAR KNR. Pamjat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma. Mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [The Fund of Oirat manuscripts of the Committee on nationalities of Xinjiang. Proc. of Intern. Scient.-Practical. Conf. – Memory of the world: historical and documentary heritage of Buddhism.]. Moscow, RGGU Publ., 2011, pp. 240–244. (In Russ.).
- Chumatov V. O.* Staropis'mennye pamjatniki KNIIFe. Mongolovednye issledovanija [The Old written manuscripts of the Kalmyk National Research Institute of History and Philology]. Elista, KNIIFe, 1983, pp. 116–131. (In Russ.).
- Gedeveva D. B.* Pis'ma namestnika kalmyckogo khanstva Ubashi (XVIII v.) [Letters of the Deputy of the Kalmyk khanate of Ubashe (XVIII century)]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities, 2004. 194 p. (In Russ.).
- Gerelmaa G.* Hal theolyn chrisangel TOD Shin nomin touch brothel. (Corpus scriptorium mongolorum. Tom XXVII). [Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by the Institute of Language and Literature. Vol. III. by G. Gerelmaa]. Ulaanbaatar, Soyombo Publ., 2005. 270 p. (In Mongolian).
- Heissig W.* Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1954. 220 p.
- Kara D.* Knigi mongol'skih kočevnikov (sem' vekov mongol'skoj pis'mennosti). [Books of the Mongolian nomads (seven centuries of Mongolian system of writing)]. Moscow, Nauka Publ., GRVL, 1972. 227 p. (In Russ.).
- Kozin S. A.* Dzhangariada. Geroicheskaja poema kalmykov. [Dzhangariada. The heroic poem of Kalmyks]. Moscow; Leningrad AN SSSR Publ., 1940. 254 p. (In Russ.).
- Kokshaeva N. O.* Jazykovye osobennosti epistoljarnogo nasledija kalmyckogo khana Donduk-Dashi (seredina XVIII v.) [Language features of the epistolary heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi (mid XVIII century)]. Elista, «Gerel» Publ., 2011. 189 p. (In Russ.).
- Kollekcija 140 rukopisnyh tekstov na «jasnom pis'me», razmeshhennyh Obshhestvennoj organizaciej «Tod nomyn gerel» (Mongolija) sovместno s Amerikanskim centrom mongolovedenija (The American Center for Mongolian Studies (ACMS) [Elektronnyj resurs]. The collection of 140 handwritten texts in «clear script» placed by the Public organization «TOD nomin gerel» (Mongolia) in collaboration with the American center for Mongolian studies (The American Center for Mongolian Studies (ACMS). Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/browse/collection/7> (accessed: 06.05.2015). (In Russ.).
- Kukanova V. V.* Nacional'nyj korpus kalmyckogo jazyka: itogi raboty i perspektivy. [Elektronnyj resurs]. [The national Corpus of the Kalmyk language: results of work and prospects]. Novye issledovanija Tuvy. 2015, no. 1. [the New research of Tuva]. 2015, no. 1. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7760-kukanova.html (accessed: 23.03.2015.). (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch.* Nacional'nyj korpus kalmyckogo jazyka [National Corpus of the Kalmyk language: architecture and the possibility of using]. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities research]. 2012, no. 3, pp. 138–150. (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Muzraeva D. N.* [To the issue of UNICODE graphic system «todo bichig» and creation a database of texts in Old Kalmyk language]. Vestnik Kalmytskogo Universiteta – Bulletin of Kalmyk State University. No. 3. Elista, KalmGU Publ., 2013, pp. 65–75. (In Russ.).
- Luvsanbaldan H.* [Ojradyn Zaja Bandidyn orchuulgyn tuhaj mjedjeje. Hjel zohiol sudlal. 1968. T. VI, fasc]. Svedenija o perevodah Zaja-pandity ojratskogo. Filologicheskie issledovanija [Information about translations of Oirat Zaya-Pandita. Philological studies]. 1968. T. VI, fasc. 6. pp. 88–162. (In Mongolian).
- Lunnyj svet: Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki: per. s kalm. Sost., red., vstup. st., predisl., komment. A. V. Badmaeva [Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments: translated from Kalm. Compil., ed., preface,

- forew., comments. by A. V. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003. 477 p.: il. (In Russ.).
- Luvsanbalдан H.* Tod ысјег, тынйј дурсгалууд. Red. C. Damdinsyrjen. Todo bichig i pamjatniki na jetoj pis'mennosti. Redaktor C. Damdinsyrjen [Todo bichig and the monuments in this writing. Editor TS. Damdinsuren]. Ulan-Bator, Izdatel'stvo akademii nauk Mongolii. 1975. Ulaanbaatar, Shinzhljeh uhaany akademijn hjevljeh yjldvjer [Izdatel'stvo akademii nauk Mongolii]. Acad. of Sciences of Mongolia Publ., 1975. 356 p. (In Mongolian).
- Luvsanbalдан H.* Svedenija o perevodah ojratskogo Zaja-pandity. Filologicheskie issledovanija staropis'mennyh pamjatnikov. otv. red. P. C. Bitkeev [Information about translations of the Oirat Zaya-Pandita. Philological studies of old written monuments. Manag. ed. by P. C. Bitkeev]. Elista, KNIIIFe Publ., 1986, pp. 44–56. (In Russ.).
- Menyaev B. V.* K kharakteristike ojratskih rukopisej i ksilografov, hranjashhihsja v chastnyh kollekcijah Sin'czjana [To the characterization of the Oirat manuscripts and xylographs stored in private collections of Xinjiang]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. 2012, no. 4, pp. 175–179. (In Russ.).
- Mikhailov G. I.* Ojradyn utga zohiolyn tuhaj. Mongolyn uran zohiolyn tojm. II. Red. C. Damdinsyrjen, D. Cjend [About the history of the Oirat literature Review of Mongolian literature. 2. Editor Ts. Damdinsuren, D. Tsand]. Ulaanbaatar, Shinzhljeh uhaany Akademijn hjevljel Publ., 1977, pp. 180–201. (In Mongolian).
- Mikhailov G. I.* «Todo bichig» i nachalo ojratsko-kalmyckoj literatury. 320 let starokalmyckoj pis'mennosti. Materialy nauchnoj sessii [Todo bichig and the beginning of the Oirat Kalmyk literature. Proc. of the Scient. Session]. Elista, Resp. tip. upr. po pečati pri SM KASSR, 1970, pp. 141–144 (In Russ.).
- Muzraeva D. N.* Buddijskie pis'mennye istochniki na tibetskom i ojratskom jazykah v kollekcijakh Kalmykii [Buddhist written sources in Tibetan and in Oirat languages in collections of Kalmykia]. Elista, ZAO «NPP „Dzhangar“» Publ., 2012. 224 p. (In Russ.).
- Muzraeva D. N.* O kollekcii buddijskoj literatury O. M. Dordzhieva (Tjugmjud-gavdži) Buddijskaja tradicija v Kalmykii v veke: pamjati O. M. Dordzhieva (Tjugmjud-gavdži). 1887–1980 [On the collection of the Buddhist literature. O.M. Dordzhieva (Tjugmjud-gavdži). The Buddhist tradition in Kalmykia in the century: to the memory of O.M. Dordzhieva]. Elista, KIGI RAN, 2008, pp. 26–54. (In Russ.).
- Nacional'nyj korpus kalmyckogo jazyka [The National Corpus of the Kalmyk language]. Elektronnyj resurs. [Electronic resource]. Available at: URL: <http://kalmcorpora.ru> (accessed: 06.05.2015). (In Russ.).
- Norbo Sh.* Zaya-Pandita (Materialy k biografii), per. so staropis'mennogo mongol'skogo D. N. Muzraevoj, K. V. Orlovoj, V. P. Sanchirova; nauch. red. V. P. Sachirov; KIGI RAN. [Zaya-Pandita (materials for the biography), TRANS. from Old written Mongolian by D. N. Muzraeva, K. V. Orlova, V. P. Sanchirov; Scientific. edited by V. P. Sacharov; KIGI RAN – Kalmyk Inst-t for Humanities of the RAS]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.).
- Orlova K. V.* «Istorija zahchinskogo buddijskogo monastyrja» (predislovie, perevod, kommentarij, faksimile rukopisi). [«History of the Zakhchin Buddhist monastery» (Preface, translation, notes, facsimiles of the manuscript)]. Moscow, In-t Vostokoved. RAN Publ., 2012. 202 p. (In Russ.).
- Orlova K. V.* Opisanie kollekcii rukopisej i ksilografov, hranjashhihsja v nauchnom arhive Kalmyckogo Instituta gumanitarnyh issledovanij [Description of the collection of manuscripts and xylographs stored in the Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS]. Acta Orientalia. Hungaricae. Budapest. 1996. T. XLIX. Fasc. 1–2. pp. 139–160. (In Russ.).
- Pavlov D. A.* Zaja-pandita — sozdatel' starokalmyckoj pis'mennosti i kalmyckogo literaturnogo jazyka. 320 let starokalmyckoj pis'mennosti. Materialy nauchnoj sessii [Zaya-Pandita — Creator of the Old Kalmyk writing system and Kalmyk literary language. Proc. of the Scientific Session – 'the Old Kalmyk writing system is 320 years']. Elista, Resp. tip. upr. po pečati pri SM KASSR [the Republican Printing office for printing at the KASSR] Publ., 1970, pp. 40–79. (In Russ.).
- Pamjatniki runicheskogo pis'ma Gornogo Altaja. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.altay.uni-frankfurt.de> (accessed: 06.05.2015). (In Russ.).
- Radnabhadra. Lunnyj svet. Istorija rabdžham Zaja-pandity. Faksimile rukopisi. Per. s ojr. G. N. Rumjanceva i A. G. Sazykina. Translit. teksta, predisl., komment., ukaz. i primech.

- A. G. Sazykina. Pamjatniki kul'tury Vostoka. Sankt-Peterburgskaja nauchnaja serija. T. VII. [Moonlight. The history of rabdzham Zaya-Pandita. Facsimile of the manuscript. TRANS. from Oirat by G. N. Rumyantsev and A. G. Sazykina. Translit. text, pref., comm., the decree. and comment. by A. G. Sazykina. The monuments of the East]. St. Petersburg Scientific Series. Vol. VII.]. St. Petersburg, 1999. 176 p. (In Russ).
- Rinchen B.* Ojratskie perevody s kitajskogo. Roschnik Orientalistichini (Ezhegodnik vostokovedenija), XXX, 1. [Oirat translations from Chinese. Roschnik Orientalistichini (Yearbook of Oriental Studies)]. Warsaw, 1966, pp. 59–71. (In Russ).
- Rinchinov O.S.* Korpus burjatskogo jazyka i prikladnye zadachi komp'yuternoj lingvistiki Sostojanie i perspektivy razvitiya burjatskogo jazyka. Materialy foruma burjatskogo jazyka [The Corpus of the Buryat language and the applied tasks of the computer linguistics]. Ulan-Ude, 2009, pp. 88–89. (In Russ).
- Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi: berestjanye gramoty, letopisi, rukopisnaja kniga [Handwritten monuments of Ancient Russia: birch bark documents, chronicles, manuscript book]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://gramoty.ru>. URL: <http://gramoty.ru> (accessed: 06.05.2015). (In Russ).
- Sazykin A. G.* O periodizacii perevodcheskoj dejatel'nosti ojratskogo Zaya-Pandity, Pis'mennye pamjatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XII. Ch. 1 [On periodization of translation activity of Oirat Zaya-Pandita. Written monuments and problems of history of culture of the peoples of the East. XII. Part 1.]. Moscow, 1977, pp. 134–140. (In Russ).
- Sazykin A. G.* Katalog mongol'skih rukopisej i ksilografov Instituta vostokovedenija AN SSSR. T. I. [Catalogue of the Mongolian manuscripts and xylographs of the Institute of Oriental Studies AN SSSR. Vol.1]. Moscow, Nauka Publ, GRVL Publ., 1988. 508 p. (In Russ).
- Sazykin A. G.* Katalog mongol'skih rukopisej i ksilografov Instituta vostokovedenija AN SSSR. T. II. [Catalogue of the Mongolian manuscripts and xylographs of the Institute of Oriental Studies of AN SSSR. Vol.2]. Moscow, Nauka Publ., GRVL Publ., 2001. 415 p. (In Russ).
- Sazykin A. G.* Katalog mongol'skih rukopisej i ksilografov Instituta vostokovedenija AN SSSR. T. III. [Catalogue of the Mongolian manuscripts and xylographs of the Institute of Oriental Studies of AN SSSR. Vol.2]. Moscow, Nauka Publ., GRVL Publ., 2003. 280 p. (In Russ).
- Sirazitdinov Z. A.* Korpusnye proekty laboratorii lingvistiki i informacionnyh tehnologij IJAL UNC RAN. Izvestija Ufimskogo nauchnogo centra RAN [Corpus projects of the Linguistics and Information technologies laboratory of the Research Inst-t of language and literature of the RAS]. 2013, no. 4, pp. 104–111. (In Russ).
- Sirazitdinov Z. A., Ibragimova A. D., Sirazitdinov B. Z.* Informacionnye lingvisticheskie resursy bashkirskogo jazyka — sredstva povysenija jazykovoj kul'tury gorodskoj molodezhi. Gorodskie bashkiry: problemy etnokul'turnogo i social'no demograficheskogo razvitiya: Mat-ly VIII Mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvjashh. Godu kul'tury v Respublike Bashkortostan i Rossijskoj Federacii [Information linguistic resources of the Bashkir language – a means of improving the language of urban youth culture. Urban Bashkirs: problems of ethno-cultural and socio demographic development – Proc. of the VIIIth Interregional. Scientif. and Practical. Conf. devoted to research and development. The year of culture in the Republic of Bashkortostan and the Russian Federation]. Ufa, Russia, 2014, pp. 236–246. (In Russ).
- Sirazitdinov Z. A., Poljanin A. I.* O sostojanii korpusnyh razrabotok bashkirskogo jazyka. Aktual'nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Mat-ly XIII Mezhdunar. konf. [About the condition of Corpus development of the Bashkir language. Proc. of the XIIIth Intern. Conf. –Urgent problems of dialects of the languages of the peoples of Russia]. Ufa, 2013, pp. 232–236. (In Russ).
- Slavjanskoe pis'mennoe nasledie «Manuskript» [Slavonic written heritage «Manuskript»]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://manuscripts.ru> (accessed: 06.05.2015). (In Russ).
- Suseeva D. A.* Pis'mahana Ajuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt sociolingvisticheskogo issledovanija [Letters of Ayuka khan and his contemporaries (1714–1724)]. Elista, APP «Dzhangar» Publ., 2003. 456 p. (il.). (In Russ).
- Trista dvadcat' (320) let starokalmyckoj pis'mennosti. Materialy nauchnoj sessii [Proc. of the Scient. Session – The Old Kalmyk writing system is 320.]. Elista, Rep. tip. upr. po pechati pri SM KASSR [the Republican Printing office for printing at the KASSR] Publ., 1970. 234 p. (In Russ).

- Yakhontova N. S.* Ojratskij slovar' pojeticheskikh vyrazhenij. Faksimile rukopisi, translit., vved., per. s oirat., slov. s komment., prilozh. N. S. Jahontovoj [The Oirat dictionary of poetic expressions. Facsimile manuscripts, Latin., Introduct., translated from the Oirat., words. with the comments., see app. N. S. Blue.]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2010. 615 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov B. J.* Sravnitel'naja grammatika mongol'skogo pis'mennogo jazyka i khalhaskogo narechija [Comparative grammar of the written Mongolian language and the Khalkha dialect]. Leningrad, Leningradsky Vost. Institut imeni A. S. Eņukidze Publ., 1929, pp. 25–26. (In Russ.).

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ОЙРАТСКО-КАЛМЫЦКОЙ ЛЕКСИКИ

To the Issues of Studying Oirat and Kalmyk Lexicon*

Д. Н. Музраева (D. Muzraeva)¹, А. А. Бурыкин (A. Burykin)²

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: deliash@mail.ru.

² доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Ph. D. of Philology, Ph. D. of History, Leading Scientist of the Dictionary Department at the Institute for Linguistic Studies of the RAS). E-mail: albury@rambler.ru.

Предметом статьи является лексическая специфика ойратских диалектов и современного калмыцкого языка в отношении к современному монгольскому языку. В статье рассматриваются специфические ойратские и калмыцкие слова, не имеющие эквивалентов в монгольском языке и его диалектах, ставятся вопросы о причинах их появления.

Ключевые слова: калмыки, ойраты, калмыцкий и ойратский языки, диалектология, лексика.

The article considers the issues of Oirat and Kalmyk lexical specificity in relation to the lexicon of ancient and modern Mongolian languages. While considering phonetic, lexical and derivational dialectisms of the Kalmyk language (Derbet, Torgut, Buzava dialects) referring to the contemporary "Kalmyk-Russian dictionary," the authors came to the conclusion that the differentiated lexicon of these dialects appeared much later, partly, because of the early Russian borrowings. Lexical study of the Oirat dialects of Mongolia revealed a significant number of non-trivial and irregular phonetic correspondences of the Oirat words and the words of other Mongolian languages. It also revealed a number of archaisms preserved both in Oirat dialects and in the Kalmyk language. The specificity of the Oirat and Kalmyk lexicon in relation to that of the other Mongolian languages, presented in the article for the first time, creates the basis for future comparative and historical research in Oirat Studies.

Keywords: Kalmyks, Oirats, Kalmyk and Oirat languages, dialectology, lexicon.

В истории монголоведения и монгольского языкознания подход к монгольским языкам как к языковой общности и отдельной группе языков, которая с очевидностью входит в алтайскую семью языков [Бурыкин 1999; 2002], явно ориентируется на поиски сходств между языками, в то время как значимые и заметные различия между отдельными монгольскими языками и диалектами находятся как бы на втором плане. Работы, в которых рассматривается специфика одного языка, в частности, калмыцкого, на фоне других монгольских языков, сравнительно немногочисленны [Омакаева, Бурыкин 1999; 2010; 2011; Омакаева 2014а; 2014б]. Основное внимание при обсуждении вопро-

са о диалектных различиях и отличиях отдельных языков друг от друга уделяется фонетике [Владимирцов 1929; Тенишев 1976; Рассадин 1980; 1982], в то время как морфология, содержательная сторона грамматики (значения отдельных грамматических форм) и особенно лексическая специфика отдельных диалектов, языков и таких сложных исторических монголызычных глоттоформных общностей, как ойратский языковой континуум и его локальные варианты, остаются пока без должного внимания. Отдельные проблемы диалектного членения калмыцкого языка находили решение в работах калмыцких диалектологов (А. Ш. Кичиков [1962; 1963; 1967; 1997], Н. Н. Убушаев

* Исследование выполнено Музраевой Д. Н. за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

[1969; 1970; 1979; 1999; 2006; 2008; 2011], Д. А. Сусеева [1973]). Особенности ойратских диалектов в плане лексики в ряду диалектов монгольских языков на территории Монголии и отчасти за ее пределами получили освещение в словаре монгольских диалектов, подготовленном Ж. Цолоо [Цолоо 1988]. В «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б. Д. Муниева [1977] вошла лексика калмыцких диалектов, часть которой имеет специальные пометы, указывающие на принадлежность отдельных лексических единиц дербетскому говору, торгутскому говору или говору бузава.

В «Калмыцко-русском словаре» приводится около 70 слов с диалектными пометами, среди которых укажем на такие, как: **арва дербет.** ‘овес’ [КРС: 47а], ср. **суль** ‘овес’; **ахан торгут.** ахан — ‘ставная сеть для ловли красной рыбы’ [КРС: 57а]), ср. **гөлм** ‘сеть’. Из *русс. диал.* **АХАН** [ахан], а, а (ы), м Ставная крупноячеистая сеть для лова красной рыбы [БТСДК: 28]; **эньх торгут.** ‘зажмуривать, закрывать глаза’ [КРС: 68а], ср. **аньх** ‘зажмуривать’; **баав торгут.** ‘мама’, ‘тетя по отцовской линии’ [КРС: 71а]; **баав дербет.** ‘отец’, ‘дядя’ [КРС: 71а] и др.

Большинство диалектных слов и вариантов слов, попавших в поле нашего зрения, приходится на слова, относимые к торгутскому говору, что в общем не удивительно, поскольку калмыцкий литературный язык всегда ориентировался и ориентируется на дербетский говор, что отразилось и в словарях. Однако в материалах названного словаря отмечено определенное количество слов, свойственных, по мнению составителей словаря, только дербетскому говору.

Мы постараемся рассмотреть характер отличий лексики ойратских диалектов от лексики других монгольских языков, которые не были бы связаны с влиянием тюркских языков на ойратские диалекты. При анализе ойратской лексики источником для нас послужил словарь Ж. Цолоо [Цолоо 1988].

В наши задачи, в продолжение работ А. А. Бурыкина [Бурыкин 2009а; 2009б], входит описание лексического материала с нетипичными фонетическими соответствиями в ойратском и монголо-ойратском языковом континууме. Наблюдаемые нерегулярные соответствия представляют довольно большое количество разнообразных групп:

1) **Отпадение начальных гласных:** *ойр.* gulzā ‘горный баран’ ~ *п.-мо.* uyalja, *todo* yulja [Цолоо: 361], *ойр.* kēmsēg, kēmsāk ‘величавый, высокомерный’ ~ *п.-мо.* yekemsüg, *todo* yekemseq, kēmseq [Цолоо: 545]; *ойр.* öwärtān ‘легкомысленный, непостоянный’ ~ *п.-мо.* oyiburγan, *монг.* ойворгон, *todo* bardam [Цолоо: 731].

2) **Появление начального б-;** *ойр.* idzmāk ‘хлопья в жидкости’ ~ *п.-мо.* ijamay, *todo* bižermeg [Цолоо: 479]; *ойр.* balām ‘ярко-красный’ ~ *монг.* улаан [Цолоо: 75].

3) **Отпадение начального в-;** *ойр.* ökägär ‘согнутый, наклонившийся вперед’ ~ *монг.* бөхгөр [Цолоо: 704].

4) **Колебания начальных м- ~ б-:** *ойр.* bitšir, бүтсүр ‘ветка, сук’ ~ *монг.* мөчир [Цолоо: 100, 139]; *ойр.* būr ‘приток’ [Цолоо: 140] ср. *монг.* мөрөн ‘река’; *ойр.* mandži ‘послушник в монастыре’ ~ *монг.* банди [Цолоо: 609]; *ойр.* mondā, bondā ‘поджаренная ячменная мука в виде кома’ [Цолоо: 629]; *ойр.* mokān, batxāng ‘никотин’ ~ *монг.* бохь [Цолоо: 628]; *ойр.* molār ‘горный хрусталь’ ~ *монг.* болор [Цолоо: 628]; *ойр.* mōm ‘петля’ ~ *монг.* боомь [Цолоо: 643]; *ойр.* borzāng ‘солончак’ ~ *монг.* мараа, марз [Цолоо: 111].

5) **Колебания -b- ~ -m- в разных позициях внутри слова;** *ойр.* džirīngēr ‘тонкий, узкий’ ~ *монг.* жирвэгэр [Цолоо: 216–217]; *ойр.* хамār ‘холм, возвышение’ ~ *п.-мо.* qabar, *todo* хамар [Цолоо: 380]; *ойр.* хомхārāxxā ‘побелеть и увянуть на воздухе’ ~ *монг.* хувхайрах [Цолоо: 427]; *ойр.* хowār ~ хowūr ~ хomūr ‘редкий, скудный’ ~ *монг.* ховор, *todo* xobur [Цолоо: 442]; *nabtš*, *namtšī* ‘лист растения’ ~ *п.-мо.* nabčīn [Цолоо: 646]; *ойр.* tsolbōn, tsolwān, tsolbūn, tsolmūn ‘Венера’ ~ *п.-мо.* čolmon, *todo* colbūn [Цолоо: 842].

6) **Колебания -b- ~ -g- внутри слова:** *ойр.* degtēr ‘тетрадь’ ~ *п.-мо.* debter, *todo* deqter [Цолоо: 166]; *ойр.* džiwīr ‘крыло’ ~ *п.-мо.* jīgūr, *монг.* жигүүр, *todo* jīgūr, jiber [Цолоо: 220].

7) **Колебания начальных d- ~ t-:** *ойр.* dātsāxxā ‘уравновешиваться’ ~ *монг.* тэнцэх [Цолоо: 163]; *ойр.* tašār ‘двойной’ ~ *монг.* давхар [Цолоо: 807]; *ойр.* tāwād ‘скакать, быстро ехать’ ~ *монг.* давхиад [Цолоо: 810]; *ойр.* tobdzān, tobtsāk ‘бугор, холмик’ ~ *монг.* довцог [Цолоо: 816]; *ойр.* tangnūr ‘борона’ ~ *п.-мо.* tangnayur, *todo* tangnuūr, *монг.* дагнуур [Цолоо: 805]; возможно, сюда же относится *ойр.* taltšān ‘хромой’ ~ *п.-мо.* doγulang, *монг.* доголон хромой (о животном) [Цолоо: 803].

8) **Колебания начальных d- ~ dz-:** *ойр.* dalwūr ‘жабры’ ~ *п.-мо.* jılmaуai, *монг.* заламгай [Цолоо: 149]; *ойр.* dolīg ‘черт’ ~ *п.-мо.* jolīy, *монг.* золиг [Цолоо: 175]; *ойр.* džāwīlziḥḥā ‘качаться, колебаться’ ~ *монг.* дайвалзах [Цолоо: 203]; *ойр.* dzorḡān, zorḡūn ‘барсу́к’ ~ *п.-мо.* doguуun, *монг.* дорго, *todo* zorḡon [Цолоо: 256], *ср. др.-тюрк.* torsuq.

9) **Колебания -d- ~ -z- в позициях внутри слова:** *ойр.* andāsān, andsān ‘соха’ ~ *монг.* анжис, андис, *todo* anzasun, anžadun [Цолоо: 37–38]; *ойр.* bātsāsāng, bādīsāng ‘молодая кобылица’ ~ *п.-мо.*, *todo* bayidasin, *монг.* байдас [Цолоо: 90]; *ойр.* gadzā ‘вне, снаружи, наружный’ ~ *п.-мо.* ʔadaу-a, *монг.* гадаа, *todo* ʔazā (и аналогично во всех производных) [Цолоо: 340]; *ойр.* xubdās ‘одежда, платье’ ~ *монг.* хувцас(ан) [Цолоо: 456–457] (*др.-тюрк.* keḡgū ‘одежда’ указывает на возможный общеалтайский интердентальный *ḡ в постконсонантной позиции, на которую указывают монгольские факты); *ойр.* guldaуāg ‘тонкий, гибкий’ ~ *п.-мо.* ʔulduуar, ʔuljiуar, *монг.* гулжгар, *todo* ʔulduуur [Цолоо: 360]; примыкает к этим примерам *ойр.* dasmāk ‘привычный, опытный’ ~ *монг.* дадамгай [Цолоо: 155].

10) **Колебания начальных z- ~ c-:** *ойр.* džandāmān ‘драгоценный камень’ ~ *п.-мо.* čindamuni, *монг.* чандмань, *todo* jindamani [Цолоо: 200]; *ср. еще ойр.* džirkērēkxē ‘ныть, ломить’ ~ *монг.* шархирах [Цолоо: 217].

11) **Колебания согласных -z- ~ -c- внутри слова:** *ойр.* tadžār ‘скудный’, *п.-мо.* tajīr, *монг.* тачир [Цолоо: 799].

12) **Колебания начальных z- ~ j- с ожидаемым устранением j- перед i:** *ойр.* džaliwgar ‘плоский’ ~ *п.-мо.* jalbiуar, *монг.* ялбигар [Цолоо: 200]; *ойр.* džandān ‘дымоходная труба’ ~ *п.-мо.* yangdung, *монг.* яндан(г) [Цолоо: 200]; *ойр.* džāldārār ‘плоский’ ~ *монг.* ялбигар [Цолоо: 201] — *ср. жалбигар, ялбигар ‘плоский’* [Цолоо: 202]; *ойр.* džilīw ‘чары, фокус, волшебство’ ~ *монг.* илбэ [Цолоо: 208]; *ойр.* džirtīn ‘алс газар, дайд’ [Цолоо: 218] ~ *ср. монг.* ёртөнц ‘вселенная’; *ойр.* dzūsēm ‘масть, вид’ ~ *п.-мо.* jisūn, *todo* zūsen, zūsūn [Цолоо: 281]; *ойр.* yaśāḥḥā ‘исправлять’ ~ *п.-мо.* jasaqu, *монг.* засах, *todo* yasa- [Цолоо: 505].

13) **Колебания s ~ sh ~ t ~ c:** *ойр.* šandžīḥā ‘висеть, свисать’ ~ *монг.* санжих [Цолоо: 770]; *ойр.* tonšūr, šontūl ‘дятел’ ~ *монг.* тоншуул [Цолоо: 784, 821]; *ойр.* šulāḥḥā ‘разрывать’ ~ *п.-мо.* čuуulqu, *todo* šuulaxu [Цолоо: 794]; *ойр.* šūdündzü, tšūdēndžē ‘спички’ ~

монг. чүдэнз [Цолоо: 795]; *ойр.* tšaltšāk ‘болото, трясина’ ~ *п.-мо.* šalčiу, *todo* calcīq [Цолоо: 849]; *ойр.* tšitšū ‘равный, одинаковый’ ~ *п.-мо.* sačaуu, *монг.* чацуу, *todo* casuu [Цолоо: 864]; *ойр.* taktā, šatā ‘мост’ ~ *монг.* тагт [Цолоо: 802].

14) **Выпадение преконсонантного -s-:** *ойр.* owāḥā ‘лачуга, кибитка, шалаш’ ~ *монг.* овоохой [Цолоо: 698]; *ойр.* ḥākrāḥḥā ‘кричать’ ~ *монг.* хашгарах [Цолоо: 413].

15) **Колебания начальных g- ~ x-:** *ойр.* gūr ‘моль’ ~ *п.-мо.* küyir, *монг.* хүйр ‘моль’, *todo* güüri [Цолоо: 338]; *ойр.* raldzān ‘лысый’ ~ *п.-мо.* qaljan, *монг.* халзан, *todo* ʔalzan [Цолоо: 342]; *ойр.* garāts, harātšā ‘круг верхнего отверстия юрты’ [Цолоо: 344]; *ойр.* gōwīl ‘нарез (в виде желоба)’ ~ *п.-мо.* qobil, ʔobil, *монг.* ховил, *todo* qobil, ʔubil [Цолоо: 359]; *ойр.* xudūrḡḥḥā ‘жадно есть’ ~ *п.-мо.* ʔuduraqu, *монг.* гудрах, *todo* xuduraxu [Цолоо: 458]; *ойр.* kitšīk ‘щенок’ ~ *п.-мо.* gičer, *todo* kičīq [Цолоо: 556].

16) **Появление начальных g- ~ x- перед неприкрытым гласным:** *ойр.* golgā ‘толстая кишка’ ~ *п.-мо.* oluуai, *монг.* олгой, *todo* ʔolʔoi, ʔoloxol [Цолоо: 352] (*эвенк.* и: ‘слепая кишка’, *ороч.* оики, *ульч.* иниктэ ‘кишка прямая’ указывают на изначальное отсутствие анлаутного согласного); *ойр.* xūmīḥḥē ‘быть слишком маленьким’ ~ *монг.* өмийх [Цолоо: 468].

17) **Отпадение начального x-:** *ойр.* ūsūr ‘яловая’ ~ *монг.* хусран, *todo* uусur [Цолоо: 882]; *ойр.* anzārḡā ‘поротый’ ~ *монг.* ханзархай, *todo* anjarḡai [Цолоо: 38]; *ойр.* xumḡar, umḡar ‘узкий, суживающийся’ ~ *монг.* хумигар [Цолоо: 460]; *ойр.* udžūrḡā ‘утолщенная часть стенки рубца’ ~ *п.-мо.* qujirqai, *монг.* хужирхай [Цолоо: 869], *ср. ойр.* šūtšīrḡā, udžūrḡā ‘рубец’ ~ *монг.* хужирхай [Цолоо: 795] с непонятным начальным š- на месте x-; *ойр.* x xutḡā, utḡā, xutḡū, xuttūr ‘ножик’ ~ *п.-мо.* kituу-a, *монг.* хутга, *todo* xutuуa [Цолоо: 466]; *эвен.* хиркән ‘нож’ скорее указывает на заимствование из монгольского языка типа дагурского, нежели на общеалтайское *p-.

18) **Отпадение начального n-:** *ойр.* ibtē ‘сквозь, насквозь’ ~ *монг.* нэвт [Цолоо: 474]; *ойр.* ibtšīkxē ‘просачиваться’ ~ *монг.* нэвчих [Цолоо: 475].

19) **Неустойчивость преконсонантного -n-:** *ойр.* ārkintšī ‘пьяница, алкоголик’ ~ *п.-мо.* arikiči, *монг.* архичин, *todo* arikinči [Цолоо: 63]; *ойр.* dātsāḥḥā ‘уравновешиваться’ ~ *монг.* тэнцэх [Цолоо: 163] — в том числе и —n- на месте -ng.

20) **Колебания согласных -п ~ -м внутри и в конце слова:** *ойр.* *bārīmtāk* ‘одежда знатных лиц’ ~ *п.-мо.* *barīmtaγ* *монг.* *баринтаγ, todo barīmtaγ* [Цолоо: 86]; *ойр.* *ūmtāxxā, ūntāxxā* ‘теребить, выдергивать’ ~ *п.-мо.* *ūgtegekū* [Цолоо: 888]; *ойр.* *umšīxxā* ‘читать’ ~ *монг.* *унших* [Цолоо: 873]; *ойр.* *dzüsēm* ‘масть, вид’ ~ *п.-мо.* *jisün, ойр.* *zūsen, zūsün* [Цолоо: 281]; *ойр.* *xām, монг.* *хайн* ‘ничья’ [Цолоо: 414]; *ойр.* *örüm* сверло, коловорот ~ *todo örün, öröm* [Цолоо: 718]; *ойр.* *balām* ‘ярко-красный’ ~ *монг.* *улаан* [Цолоо: 75].

21) **Преобразование ауслаутного -п:** *ойр.* *arāldžāng* ‘паук’ ~ *монг.* *аалз, todo ālzan, arāljin* [Цолоо: 41].

22) **Переход ауслаутных согласных в -п:** *ойр.* *ermēn* ‘яловая’ ~ *п.-мо.* *ermeg, todo ermeg* [Цолоо: 310]; *ойр.* *xokmān* ‘череп’ ~ *монг.* *хохимой* [Цолоо: 421].

23) **Неустойчивость начального л-;** *ойр.* *yawšāk, lawšāk* ‘терлик, летний халат’ [Цолоо: 508], *ойр.* *ōwūz, lōwūzā* ‘род монгольской меховой шапки’ [Цолоо: 701].

24) **Переход плавных -г-, -л- в носовые:** *ойр.* *montsāk* ‘бубенцы’ ~ *монг.* *молцог* [Цолоо: 628]; *ойр.* *manḡādār* ‘завтра’ ~ *монг.* *маргааш* ‘завтра’ [Цолоо: 610].

25) **Мена плавных -г- ~ -л- внутри и в конце слова:** *ойр.* *holmāg* ‘род кефира’ ~ *монг.* *хоормог* [Цолоо: 426]; *ойр.* *ogḡamtšī* ‘эмир (страдающий родом психического расстройства)’ ~ *монг.* *уулгамч* [Цолоо: 695]; *ойр.* *tsālīr* ‘лом, пешня’ ~ *монг.* *царил* [Цолоо: 838]; *ойр.* *bürkār, бүркāl* ‘конусообразная бочка для гонки вина’ ~ *монг.* *бүрхээр* [Цолоо: 133] *ойр.* *maktār, maktāl* ‘восхваление’ [Цолоо: 607]; ср. еще *ойр.* *kilmā* ‘мелкий снег, падающий при солнечном сиянии’, *п.-мо.* *kilmaγ-a* [Цолоо: 550] и *монг.* *хярмаг* ‘пороша’ (в *т.-ма.* **khima* ‘снег’ имеет место регулярная утрата плавных перед -т-, совершенно не прослеживающаяся по данным самих тунгусо-маньчжурских языков); иногда наблюдаются соответствия плавных другим согласным: *ойр.* *andāḡār* ‘клятва’ ~ *монг.* *андгай* [Цолоо: 37].

26) **Появление неорганических плавных на месте иных согласных — «ротацизм»:** *ойр.* *bertēn* ‘мучной суп’ ~ *монг.* *бантан* [Цолоо: 93]; *ойр.* *arāldžāng* ‘паук’ ~ *монг.* *аалз, todo ālzan, arāljin* [Цолоо: 41].

27) **Выпадение плавных -г-, -л-:** *ойр.* *amḡāldži* ‘кожаная веревка’ ~ *монг.* *аргамж* [Цолоо: 36]; *ойр.* *tsāḡtsāxā, tsartsā* ‘саранча’ ~ *монг.* *царцахай* [Цолоо: 849]; *ойр.* *bid*

‘физическое развитие’ ~ *п.-мо.* *bildir, монг.* *бялдар* ‘физическое развитие, рост’ [Цолоо: 94]; *ойр.* *utū* ‘длинный’ ~ *п.-мо.* *urtu, монг.* *урт, todo urtu, utu* [Цолоо: 880]; *ойр.* *tāwūr* ‘буфет, полка’ ~ *п.-мо.* *talbiγur* [Цолоо: 811].

Материал, рассмотренный в настоящей работе, позволяет сделать следующие выводы:

1) Дифференциация лексического состава монгольских языков, сопровождающаяся выделением ойратских диалектов из некогда единого монголоязычного диалектного континуума, всецело связана с формированием отдельных монгольских языков и обусловлена сложением фонетических, морфологических, словообразовательных и собственно лексических и семантических различий между отдельными этнотерриториальными и территориальными формами монгольских языков, которые в конечном счете закрепляются как межъязыковые различия.

2) Лексический фонд языка ойратов и его территориальных форм является исключительно важным объектом исследования как для исторической лексикологии письменного ойратского языка, так и для калмыцкого языка и его диалектов, диалектов ойратов Монголии и Китая. Этот же материал имеет исключительную ценность для сравнительно-исторического изучения алтайских языков как на уровне общеалтайской и общемонгольской реконструкций, так и в аспекте внутренних контактов алтайских языков и сложения тюрко-монгольских контактных зон, каждая из которых — Прибайкалье, Якутия, Алтай, Средняя Азия, историческая территория расселения волжских калмыков и современная Калмыкия — имеет собственную специфику. Едва ли будет перспективным рассматривать процессы, происходящие в разное время и в разных локусах, как процесс формирования какой-то единой тюрко-монгольской общности, не имеющей пока каких-либо четких хронологических и территориальных границ, в пределах которых могло бы осуществляться ее сложение. Причислять к ней калмыцкий язык нам кажется не слишком обоснованным, сужать ее границы до зоны монголо-тувинских языковых контактов не слишком перспективно. Материал по монгольским заимствованиям в тюркских языках в весьма представительных и насыщенных по материалу исследованиях В. И. Рас-

садина [Рассадин 1980; 2007] показывает разнородный характер заимствований, еще более разнородными при пристальном рассмотрении окажутся и тюркизмы в монгольских языках.

Сокращения

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

КРС — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Цолоо — Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. XVI, 944 х.

References

Burykin A. A. Rol' mongol'skih jazykov dlja altaisticheskikh issledovanij. Istorija razvitiya mongol'skih jazykov [The role of Mongolian languages for Altai studies. History of the development of the Mongolian languages]. Pereizd.: Altaica II [Reprinted: Altaica II]. Ulan-Ude, 1999, pp. 1942. Ulaanbaatar, B.i., 2002, pp. 25–44. (In Russ.).

Burykin A. A. Nereguljarnye foneticheskie sootvetstvija v ojratskih dialektah (problemy interpretacii). Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Edinaja Kalmykija v edinoj Rossii: cherez veka v budushhee». Ch. 2. [Irregular phonetic matches in Oirat dialects (problems of interpretation). Proc. of the Intern. Scientific. Conf. «United Kalmykia in United Russia: through the ages into the future.» Part 2.]. Elista, ZAO «NPP „Dzhangar“» Publ., 2009, pp. 240–244. (In Russ.).

Burykin A. A. Nereguljarnye foneticheskie sootvetstvija v halha-mongol'skih i ojratskih dialektah (problemy interpretacii). Halimag bolon Mongolyn Ojrduudyn hjel ajalguu, sojolyn tyyhjen hjelheje holboony asuudald [Irregular phonetic matches in Khalkha Mongolian and Oirat dialects (problems of interpretation)]. Ulaanbaatar, B.i. Publ., 2009, pp. 97–124. (In Russ.).

Kichikov A. Sh. Ob orenburgskom govore kalmyckogo jazyka. [On the Orenburg dialect of the Kalmyk language]. Zapiski KNIIJaLI. Vyp. 2. [Notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (KNIEL)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1962, pp. 207–212. (In Russ.).

Kichikov A. Sh. Derbetskij govor: fonetiko-morfologicheskoe issledovanie [The Derbet dialect: phonetic and morphological research].

Elista, Kalm. Book Publ., 1963, pp. 207–212. (In Russ.).

Kichikov A. Sh. Differencial'nye priznaki govorov kalmyckogo jazyka: o priznakah klassifikacii govorov. [Differential features of Kalmyk language dialects: classification of dialects]. Uch. zap. KNIIJaLI. Filologija. Vyp. 11. [Scientific Notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (KNIEL). Philology. Vol. 11]. Elista, Kalm. Book Publ., 1967, pp. 22–38. (In Russ.).

Kichikov A. Sh. O govore donskih (Buzava) kalmykov [On the dialect of the Don (Buzava) Kalmyks]. Uchenye zapiski KNIIJaLI. Vyp. 5 [Scientific Notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (KNIEL). Vol. 5]. 1997. pp. 43–51. (In Russ.).

Omakaeva E. U. Voprosy izuchenija leksiki ojratskih govorov Mongolii v svete aktual'nyh problem sovremennoj mongolistiki (na primere torgutского govora). [To the issue of studying the lexis of the Oirat dialects of Mongolia in the light of topical issues of modern Mongolistics (the case study of the Torghut dialect). Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]. 2014, no. 6, pp. 1292. (In Russ.).

Omakaeva E. U. Leksicheskie osobennosti jazyka torgutov Mongolii na fone kalmyckogo jazyka i mongolo-ojratskogo kontinuum (k postanovke problemy) [Lexical features of the language of the Mongolian Torghuts on the background of the Kalmyk language and the Mongol-Oirat continuum (problem definition)]. Mongolovedenie [Mongolian studies]. 2014, no. 7, pp. 18–27. (In Russ.).

Omakaeva E. U., Burykin A. A. Sistema terminov rodstva i svojstva u kalmykov [System of kinship terms and the properties of the Kalmyks] Algebra rodstva: rodstvo, sistemy rodstva, sistemy terminov rodstva: al'manah [Algebra of kinship: kinship, kinship system, the system of kinship terms: almanac]. St.Petersburg, MAE RAS Publ., 1999, Vol. 4, pp. 212–221. (In Russ.).

Omakaeva E. U., Burykin A. A. K probleme formirovanija leksicheskikh osobennostej slovarnogo sostava ojratskih dialektov i specifike dialektnoj leksiki sovremennogo kalmyckogo jazyka [To the issue of lexical peculiarities of the vocabulary of the Oirat dialects and specificity of the dialectal lexis of modern Kalmyk language]. Ojratologija: segodnja i zavtra: Mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Khovd, 18–19 sent. 2010 g.) [Oiratology: today and tomorrow – Proc. of

- Intern. Scientif. Practical. Conf. (Khovd, 18-19 Sept. 2010)]. Khovd, B.i.Publ., 2010, pp. 315–321. (In Russ.).
- Omakaeva E.U., Burykin A. A.* Iz nabljudenij nad processami dialektnoj differenciacii v kalmyckom jazyke i mongolo-ojratskom kontinuumе [From the observations on the processes of dialect differentiation in the Kalmyk language and Mongol-Oirat continuum]. *Dinamika jazykovoj situacii v mongol'skom mire. Mat-ly Mezhdunar. nauch.-metod. seminar* (Ulan-Ude, 21 okt. 2010 g.). [The dynamics of the language situation in the Mongolian world. Proc.of Intern. Scient.and Method. Seminar (Ulan-Ude, 21 Oct. 2010)]. Ulan-Ude, Burjat. Gos. Un-t Publ., 2011, pp. 48–51. (In Russ.).
- Rassadin V. I.* Mongolo-burjatskie zaimstvovaniya v sibirskih tjurkskih jazykah [The Buryat-Mongolian borrowings in Siberian Turkic languages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 116 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I.* Očerki po istoricheskoj fonetike burjatskogo jazyka [Essays on the historical phonetics of the Buryat language]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 200 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I.* Očerki po istorii slozhenija tjurko-mongol'skoj jazykovoj obshhnosti. Ch. I. Tjurkskoe vlijanie na leksiku mongol'skih jazykov [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community. Part I. Turkic influence on the lexis of Mongolian languages]. Elista, KGU Publ., 2007. 165 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A.* K probleme sootnoshenija kalmyckogo jazyka i kalmyckih dialektov [To the issue of the correlation of the Kalmyk language and its dialects] *Sovesshhanie po obshhim voprosam dialektologii, istorii jazyka. Tezisy dokladov i soobshhenij. The workshop on the major issues of dialectology, history of language. Theses of reports and reports.* Moscow, B.i. Publ., 1973, pp. 42–43. (In Russ.).
- Tenishev E. R.* O jazyke kalmykov Issyk-Kulja [On the language of the Issyk-Kul Kalmyks]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics]. 1976, no. 1, pp. 82–87. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Torgutskij dialekt i ego otnoshenie k kalmyckomu literaturnomu jazyku [The Torgut dialect with respect to the Kalmyk Literary language]. *Uch. Zapiski NIJaLI. Ser. filol. № 7* [Scien. Notes of the Research Institute of Language, Literature and History]. Elista, Kalm. Book Publ., 1969, pp. 186–202. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Nekotorye osobennosti caatanskogo podgovora. 320 let starokalmyckoj pis'mennosti [Some features of the Tsaatan subdialect. 320 years of the Old Kalmyk writing system]. Elista, 1970, pp. 167–177. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Fonetika torgutskogo govora kalmyckogo jazyka [Phonetics of the Torgut dialect of the Kalmyk language]. Elista, Kalm. Book Publ., 1979. 195 p. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Starokalmyckaja pis'mennost' i kalmyckaja dialektologija [the Old Kalmyk writing system]. *Aktual'nye problemy altaistiki i mongolovedenija: Mat-ly Mezhdunar. simpoziuma. Ch. 1. Jazyk i literatura / KIGI RAN, KGU* [Actual issues of Altaic studies and Mongolian studies – Proc. of Intern. Symposium. Part 1. Language and literature. Kalm.Inst. for Humanities Research of the Russian Academy of Sciences, Kalm.State Univer.]. Elista, KIGI RAN Publ., 1999, pp. 55–56. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Dialektnaja sistema kalmyckogo jazyka [The Dialect system of the Kalmyk language]. Elista, APP «Dzhangar», 2006. 258 p. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Osobennosti jazyka karakol'skih kalmykov [Language features of the Karakol Kalmyks]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza - Scientific Thought of Caucasus. No 4. Ch. 2.* Rostov-on-Don, SKNC VSh Publ., 2008. pp. 43–47. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Problema slozhenija dialektnoj sistemykalmyckogo jazyka i eefunkcionirovanie [The issue of forming the dialect system of the Kalmyk language]. *Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Abstract of Thesis for the degree of Ph.D. in Philology]. Moscow, 2011. 57 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya.* Sravnitel'naja grammatika mongol'skogo pis'mennogo jazyka i halhaskogo narechija. Vvedenie i fonetika. 2-e izd. [Comparative grammar of the written Mongolian language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics. 2-nd Edit-n]. Moscow, Nauka Publ., GRVL, 1989. 449 p. (In Russ.).

ОПЫТ АНАЛИЗА ДВУХ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ О ЦАРЕВИЧЕ НОРСАНЕ

An Attempt of Analysis of Two Mongolian Manuscripts about Prince Norsan

С. В. Мирзаева (S. Mirzaeva)¹

¹ аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kundgabo@list.ru.

В статье рассматриваются два монгольских рукописных текста о царевице Норсане из хранилищ г. Улан-Батора, дается описание содержания текстов, указываются особенности их орфографии, лексики и синтаксиса. На основе текстологического анализа автор делает вывод о том, что они представляют собой перевод неизвестной тибетской версии «Джатаки о царевице Норсане». Сам же перевод определяется как дословный, поскольку для него характерно следование тибетскому оригиналу и нарушение грамматических норм монгольского языка.

Ключевые слова: джатака, Норсан, письменные версии, переводная литература, монголоведение, тибетология.

The article considers two Mongolian manuscripts under the same heading “Urida bolson üges-ün tuuli / čikin-ü čimeg neretü bodisadu qayan Norsan kiged / ökin tngri Yidbrogma-yin qarılčan ögüleksen-e anu sayin bolumui” (“The story is about what had happened before – a good talk of Norsan, the King Bodhisattva with the name “Decoration of the hearing” and Idprogma, the Heavenly Maiden”) taken from the storage of one of the libraries in Ulaanbaatar. These manuscripts are a translation of the Tibetan “The Jataka tale about the Prince Norsan”. This Jataka is of Indian origin (in the Indian tradition — “Jataka or avadana about the Sudkhan Prince”) and it is well known in the literary traditions of Tibet and Mongolia. In Mongolia, “The Jataka tale about the Prince Norsan” became well-known after its translation by Kangyur (“translated words”, consists of works supposed to have been said by the Buddha himself) but originally it existed in the form of separate manuscripts and was popular in the oral tradition of the Mongols. However, despite its popularity in Mongolian literature, “The Jataka tale about the Prince Norsan” has not been studied yet.

The article gives a brief summary of the text of both manuscripts. After studying the manuscripts and revealing small differences in spelling and lexis, we came to the conclusion that they are the copies of the same translation of a Tibetan version of “The Jataka tale about the Prince Norsan”, still unknown to the contemporaries. Besides, the author analyzed some peculiarities concerning orthography, lexis and syntax of the given texts. Among the peculiarities found within the spelling of the manuscripts there were phonetic transliteration used by the unknown author for the translation of Tibetan proper and geographical names, and the Tibetan glosses which were written between the lines of the text. Some of the described peculiarities, in particular, postpositive attribute in relation to the attributive word, which is not typical for the Mongolian language, as well as the use of the verb *üiledkü* (‘do’) used in an unusual function, the function of an auxiliary verb, more typical for a Tibetan verb *byed pa* of the same meaning, refer this version to the literal translation, which is characterized by a strict adherence to the original Tibetan text. Thus, on the basis of the textual analysis we can conclude that there were different translation techniques used by the Mongols in their translation from Tibetan.

Keywords: Jataka tale, Norsan, written versions, foreign literature in translation, Mongolian studies, Tibetan studies.

«Повесть о царевице Норсане (Манибадре)» — одно из распространенных переводных произведений монгольской повествовательной литературы XVII–XVIII вв. Эта повесть восходит к индийской джатаке¹,

¹ Джатака (санскр. *jātaka*) — повествование о прошлых жизнях Будды Шакьямуни.

или авадане², о царевице Судхане, которая в составе сборников джатак была переведена на тибетский, а затем и на монгольский язы-

² Авадана (санскр. *avadāna*, букв. ‘доблесть, подвиг’) — повесть о благочестивых или греховных деяниях и отражении их на последующих воплощениях совершивших их существ.

ки. Ее сюжет восходит к фабуле известной многим народам волшебной сказки о небесной девице-лебеди и царевиче и повествует о любви царевича Судханы (*санскр.* Sudhana, Manibhadra, *тиб.* Nor-bzang (bzangs), *монг.* Sayin ede-tü, Sayin erdene) к небожительнице-киннари¹ Манохари (*санскр.* Manohari, *тиб.* Yid 'phrog ma, *монг.* Sedkil-i buliyayči). В монгольской литературной традиции эта джатака стала известна как «Повесть о царевиче Манибадре» (*монг.* Manibadara qan köbegün-ü тууји) и была достаточно популярна, о чем можно судить по множеству рукописных текстов, дошедших до наших дней. Кроме того, различными исследователями были записаны ее многочисленные фольклорные варианты [Поппе 1932: 126; Потанин 1883: 523–527; Санжеев 1931: 67; Дамдинсурэн 1976: 468].

Однако, несмотря на то, что «Повесть о царевиче Манибадре» широко представлена в письменной и устной традиции монголов, она практически не подвергалась изучению. Единственная работа, в которой описаны монгольские и тибетские версии этого памятника, — это статья Ц. Дамдинсурэна во втором томе «Обзора монгольской литературы» [Дамдинсурэн 1976: 411–484]. В ней перечислены все известные автору тибетские, монгольские и ойратские версии повести, рассмотрены три монгольских перевода джатаки о царевиче Норсане из сочинения Кармапы Ранджунг Дордже «Сто джатак Будды» (*тиб.* Sangs rgyas kyi skyes rabs brgya ba).

В одной из статей нами был приведен список всех письменных версий «Повести о царевиче Манибадре» на монгольском и ойратском письме, обнаруженных в хранилищах Санкт-Петербурга и Улан-Батора [Мирзаева 2014]. В данной работе мы рассмотрим две монгольские рукописи «Повести о Манибадре». Первая хранится в Монгольской Государственной Библиотеке в составе сборника [МГБ 2]², по условному названию Ц. Дамдинсурэна — «Монгольский сборник повестей о Манибадре» [Дамдинсурэн 1976: 442]. Сборник разделен на

шесть частей (*монг.* бүлүг), данная рукопись представлена во второй части (лл. 1b–6b).

Вторая рукопись была выявлена нами в библиотеке Института языка и литературы Академии наук Монголии [ИЯЛ 3]. Обе рукописи имеют одинаковое название — *Urda bolson üges-ün tuuli / čikin-ü čimeg neretü bodisadu qayan Norsan kiged / ökin tengri Yidbrogma-yin qarilčan ögüleksen-e anu sayin bolumui* [ИЯЛ 3: л. 1a] ('Рассказ о случившемся прежде — благая беседа царя-бодхисаттвы Норсана с именем «Украшение слуха» и небесной девы Идпрогмы'). Текст в обеих рукописях неполный, обрывается на середине повествования. Между этими рукописями есть незначительные различия, касающиеся орфографии и лексики, что позволяет рассматривать их как списки одной версии. Кроме того, во второй рукописи, вероятно, отсутствуют страницы, поскольку после четвертой страницы замечен пропуск в повествовании. Предварительное рассмотрение обоих текстов позволяет считать их списками одного перевода неизвестной нам тибетской версии «Повести о царевиче Манибадре», поскольку в них в той или иной степени представлен сюжет повести.

Повествование начинается с формулы поклонения Манджугоше (*монг.* jögele egešigtü). Рыбак начинает рассказывать о двух царствах — Северной и Южной Нгаденпе³. Северное царство благоденствует, а жители Южного страдают от голода и раздоров. Царь южного царства Шорпа Шонну собирает подданных и спрашивает, знает ли кто-нибудь причину их неблагополучия. Из толпы выходит выживший из ума от старости столетний седовласый старец с синими глазами, опирающийся на посох (*монг.* teden-ü dotorača ötelejü mungqaysan jayun nasu kürügsen čayan toloyai köke nidütei tauyul tuluyusan nigen ebügen [ИЯЛ 3: л. 2b]), и говорит: для того, чтобы Южное царство благоденствовало, царю нужно править в соответствии с Дхармой, а также необходимо призвать в их царство царя нагов Дживанцога, который живет в озере Бадмаджан в Северной Нгаденпе. Царь собирает заклинателей (тарничинов), чтобы узнать, как это сделать, и те говорят ему, что это может сделать лишь царь заклинателей Бурулга Дигджанг. Заклинатели приводят его к царю Южной Нгаденпы, и тот снабжает

¹ Киннары (*санскр.* kim-paras) — полубожественные существа, изображаемые как люди с конскими головами или птицы с головами людей. Принадлежат к свите Куберы и являются небесными певцами и музыкантами.

² Условные обозначения текстов приводятся в соответствии с нашей статьей [Мирзаева 2014].

³ *Lnga ldan pa* — наделенная пятью — перевод санскритского *Pañcāla*.

его всем, что нужно для обряда призывания — железными гвоздями, пятицветной веревкой, целебным и ядовитым зельем и т. д. Необходимо также сделать водоем, похожий на озеро Бадмаджан. Царь собирает все необходимое, приказывает женщинам прясть шелковые веревки, мужчинам — ковать железные ритуальные ножи — пурбу, монахам — читать Ганджур. Царь нагов с помощью дара предвидения узнает, что его хотят увести в Южное царство, превращается в восьмилетнего мальчика и находит на берегу озера царя рыбаков Банлебджана. Он уговаривает его убить заклинателя, иначе Северная Нгаденпа лишится благоденствия. На этом повествование обрывается.

В процессе текстологического анализа данных рукописей мы рассмотрели особенности орфографии, морфологии и синтаксиса, характерные для этих текстов. Из орфографических особенностей рукописей очевидно обязательное использование диакритических точек для обозначения *ṣ* перед *i* (*ṣitun*, *erkeṣiyel*, *maṣi*), написание *ng* вместо *n* (*engde*, *öngdür*, *üngdüsün* вместо *ende*, *öndür*, *ündüsün*). Отметим, что многие тибетские имена и названия даны в монгольской фонетической транслитерации, при этом некоторые из них снабжены тибетскими глоссами, вписанными между строк. Среди них имена персонажей и географические названия: названия Южного и Северного царств — *lhoṣoṅgadenba* (гlossa — *lho phyogs lnga ldan pa*) и *jängṣoṅgadenba* (гlossa — *byang phyogs lnga ldan pa*), имя царя Южного царства — *Ṣorpa ṣongnuṣul* (гlossa — *shor pa gzhon nu tshul*), имя царя нагов — *Jivanṣoṅ* (гlossa — *skye ba sna tshogs*), имена рыбаков — *Banglebjan* (гlossa — *spang sleb 'dzin*) и *Dacanjan* (гlossa — *sgra can 'dzin*) и т. п.

Из лексических особенностей заметно, что в некоторых случаях переводчик перевел на монгольский, а в других оставил тибетские слова, транслитерированные монгольской графикой. Например, в текстах переведены все названия деревьев (*монг.* *balayun-a*, *poqai-yin qoṣiyu*, *qusu*), но названия цветов и растений оставлены в тибетском звучании — *gürgüm* (*тиб.* *gur gum*), *lanmitoṅ*, *banjangarbu* (не идентифицированы). Для рассматриваемых текстов характерно использование вспомогательных глаголов, что демонстрирует стремление переводчика придерживаться дословного перевода. Использование вспомога-

тельных глаголов больше характерно для тибетского языка [Перих 1961: 100], в монгольском же языке подобные сочетания искусственны. Например, в тексте рукописей довольно часто употребляется глагол *üiledkü* ‘делать, творить’ — перевод тибетского *byed pa*, который в монгольском языке не имеет функции вспомогательного глагола [Цендина 2001: 58], — *biṣin üiledsügei* ‘напишу-ка’, *nökürülen üiledümüi* ‘стану помощником’, *ogoṣiyulun üiled* ‘прикажу разместиться’.

Из морфологических особенностей языка текстов можно указать неправильное, с точки зрения классического письменного языка, употребление некоторых формантов, в частности, аффикса винительного падежа *-yi* и аффикса орудного падежа *-bar/-ber*. В соответствии с правилами, эти аффиксы употребляются после основ, заканчивающихся на гласный [Санжеев 1964: 63–64], в этих же текстах данные аффиксы встречаются и после основ, заканчивающихся на согласный (например, *üiles-yi бүтүгегчи* ‘совершающий деяния’, *ṣeṣeg-üd-yi tarigu* ‘сажать цветы’, *erdenis-ber daruqu* ‘подчинить драгоценностями’, *ariki ṣai qoyar-bar dalalaju* ‘поманив водкой и чаем’).

Из особенностей синтаксиса рассмотрим порядок слов в текстах. Основное различие между тибетским и монгольским порядком слов заключается в позиции определения по отношению к определяемому слову в предложении. В тибетском языке определение находится в постпозиции к определяемому [Перих 1961: 112], в монгольском же определение всегда стоит перед определяемым [Орловская 1999: 55]. Переводчик данной версии придерживался дословного перевода, что привело к появлению в тексте не характерного для монгольского предложения порядка слов, например: *bi öberün jiryalangtu oron egüni orkiyad busud-yin jobalang-tai oron nigen-dür odqu kereg bolba* ‘я должен, покинув эту свою счастливую страну, отправиться в какую-то другую бедствующую страну’, *luusun qayan-ni iregülküi-yi medegchi tarniçi tere iregsen bayinam* ‘прибыл тот заклинатель, который знает, как привести [царя нагов]’. В рассматриваемых текстах довольно часто встречаются определения в постпозиции к определяемому: *tarniçi tereber* ‘тот заклинатель’, *jiyasuçi ijayur mayu-tu* ‘[имеющий] плохое происхождение рыбака’, *dalai egüni* ‘этот океан’ и т. д.

Рассмотренные нами явления свидетельствуют о том, что данные тексты представляют собой перевод неизвестной тибетской версии «Повести о царевице Манибадре (Норсане)». Этот перевод отличают некоторые неточности, что выражается в неправильном использовании формантов винительного и орудного падежей. Постпозиция определения и использование вспомогательных глаголов, не характерные для монгольского языка, свидетельствуют о стремлении переводчика к дословному переводу. Подобные исследования представляют интерес для монголоведения, поскольку дают информацию о разных техниках перевода с тибетского на монгольский язык.

Список условных сокращений

Монг. — монгольский; санскр. — санскритский; тиб. — тибетский.

Sources

- IYaL 3 — Urida bolson üges-ün tuuli čikin-ü čimeg neret bodisadu qan Norson kiged ökin tngri Idbrogma-yin qarilčan ögüleksen ni eyimü bolai. Rukopis' na mongol'skom jazyke. Khranitsja v biblioteke Instituta jazyka i literatury AN Mongolii. Bez shifra. Paginacija otsutstvuet, 7 l. (nepolnyj tekst). [The manuscript in Mongolian. Preserved in the library of the Institute of language and literature, Mongolian Academy of Sciences. Without the cipher. Pagination is missing, 7 l. (incomplete text)].
- MGB 2 — Urida bolson üges-ün tuuli čikin-ü čimeg neret bodisadu qan Norson kiged ökin tngri Idbrogma-yin qarilčan ögüleksen ni eyimü bolai. Rukopis' na mongol'skom jazyke, v sostave sbornika, ll. 9a–21a. Hranitsja v Mongol'skoj Gosudarstvennoj Biblioteke. Shifr 895.4, N 749.5. 58x20 sm. 113 p. [The manuscript in Mongolian, in a collection, FF. 9a–21A. Is stored in the Mongolian State Library. Cipher 895.4, N 749.5. H see p. 113].

References

Damdinsuren Ts. Tjengjerijn daginyn ylgjer. Mongolyn uran zohiolyn tojm. Hojordugaar djevtjer

(XVII–XVIII zuuny ye). Skazka o nebesnyh dakinjah. Obzor mongol'skoj literatury. 2 kniga (XVII–XVIII veka) Red. C. Damdinsuren [The tale of the celestial dakinis. Review of Mongolian literature. Book 2. (XVII–XVIII century). Ed. by Ts. Damdinsuren]. Ulaanbaatar, Shinzhljeh uhaany akademijn hjevljel [Izdatel'stvo akademii nauk] Publ., 1976, pp. 411–484. (In Mongolian).

Mirzaeva S.V. O krughe mongol'skih i ojratskih versij «Povesti o careviche Manibadre». Mongolovedenie no. 7. [On the range of Mongol and Oirat version of «the Tale of Tsarevich Manibhadra». Mongolian studies no. 7]. Elista, KIGI RAN Publ., 2014, pp. 89–97. (In Russ.).

Orlovskaja M. N. Jazyk mongol'skih tekstov XIII–XIV vv. [The language of Mongolian texts of the XIII–XIV centuries]. Moscow, In-t Vostokoved. RAN Publ., 2000. 182 p. (In Russ.).

Poppe N. N. Proizvedenija narodnoj slovesnosti Khalkha-mongolov. [Works of folk literature of Khalkha Mongols]. Sobr. N. N. Poppe. [Collec. N. N. Poppe]. Severo-halasskoe narechie. [The North Khalkha dialect]. Leningrad, AN SSSR i Gos. In-t Bur.-Mong. ASSR Publ., 1932. 168 p. (In Russ.).

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii. Vyp. IV. [Essays On North-Western Mongolia. Vol. IV.]. Peterburg, V. Kirshbaum Publishing House, 1883. 540 p. (In Russ.).

Rerikh Yu. N. Tibetskij jazyk. Ser. «Jazyki narodov Azii i Afriki». [The Tibetan language] Ser. «Languages of the peoples of Asia and Africa». Moscow, Vost.lit. Publ., 1961. 156 p. (In Russ.).

Sanzheev G. D. Darhatskij govor i fol'klor [The Darkhat dialect]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1931. 112 p. (In Russ.).

Sanzheev G. D. Staropis'mennyj mongol'skij jazyk [Old Mongolian written language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 91 p. (In Russ.).

Tsendina A. D. Dva mongol'skih perevoda tibetskogo sochinenija «Kniga syna». Mongolica–V: Sb. st. [Two Mongolian translations of the Tibetan writing «the Book of the son». Mongolica–V. Collected articles]. St. Petersburg, Vostokoved. Publ., 2001, pp. 54–74. (In Russ.).

ФРЕЙМТАРИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ КАЛМЫЦКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

(на примере сказок, записанных Г. И. Рамstedтом)*

The Characters in the Frame Story of the Kalmyk Fairy-Tale Tradition (the case study of tales recorded by G.I. Ramstedt)

Б. Б. Горяева (B. Goryaeva)¹, А. Т. Баянова (A. Bayanova)², А. О. Бутаева (A. Butaeva)³,
В. В. Куканова (V. Kukanova)⁴

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: baira79@yandex.ru.

² заведующий Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Head of the Scientific Library named after P. Alekseeva of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

³ студентка Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (Student of the Institute of the Kalmyk Philology and Orient Studies at Kalmyk State University). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

⁴ кандидат филологических наук, заведующий отделом теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Head of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Статья посвящена анализу фреймтария персонажей калмыцкой сказочной традиции в свете компьютерных технологий. На примере фольклорных материалов, записанных Г. И. Рамstedтом, рассмотрены номинации и наименования персонажей волшебных сказок в разрезе частоты появления героев. В данной работе представлен опыт анализа результатов первого этапа построения фреймтария персонажей сказочного текста.

Ключевые слова: фольклор, сказка, калмыцкий этнос, персонаж, номинации, аппеллятив, фреймтарий, Г. И. Рамstedт.

The article deals with the analysis of the characters in the frame story of the Kalmyk fairy tale in terms of computer technologies. On the basis of the folklore material recorded by G.I. Ramstedt, the authors consider nominations and characters' names from the point of view of the frequency of their occurrence in fairy tales. As a result of the authors's attempted analysis to construct the first stage of the frame story of the folklore text characters, one can establish cultural significance not only of this or that character but of the Mongolian folklore tradition as a whole.

Thus, the most frequent character that appears in almost every story (in 14 out of 15 texts), is 'a man (kyn)', then 'a boy' (kovuyn) and 'an old woman' (emgn), with the frequency of occurrence 13 out of 15 tales. Then follow such characters as: 'a girl' (kuyykn — 12), 'a horse' (morn — 11), 'khan' (11), 'an old man' (ovgn — 10). Whereas the frequency of occurrence of other characters is not so high.

Keywords: folklore, fairy tale, Kalmyk ethnos, character, nominations, appellative, frame story, G.I. Ramstedt.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамstedта)».

Калмыцкий фольклор издавна привлекал внимание иностранных ученых, путешественников и миссионеров. Традиция перевода калмыцких сказок на другие языки, например, на немецкий, сложилась довольно давно. Первые образцы калмыцкого фольклора в переводе на немецкий язык появились еще в XVIII в. Сам факт появления переводов сказок в данный исторический период не является случайным, и этому есть вполне объективное объяснение.

Восемнадцатое столетие является временем активного изучения духовной и материальной культуры калмыков. Широкомасштабная экспедиционная деятельность Российской академии наук, развернутая во второй половине XVIII в., позволила проводить не только геологические, географические, исторические исследования, но и изучать быт, язык, нравы и обычаи народов национальных окраин России. В составе этих экспедиций были этнические немцы — П.-С. Паллас, И. Г. Георги, И. Г. Гмелин, С. Г. Гмелин, И. П. Фальк и др., труды которых легли в основу создания калмыковедения как науки.

Калмыцкий фольклор исследован и другими представителями этого народа — немцами-гернгутерами, обосновавшимися в Сарепте. В 1776–1785 гг. миссионером Христианом Фридрихом Грегором были осуществлены запись и перевод калмыцкой сказки на немецкий язык [Taube 1997–1998]. Несомненный интерес в фундаментальном труде немецкого ученого Б. Бергманна «*Nomadische Streifereien unter den Kalmücken*» [Bergmann 1804: 247–351] представляет публикация 13 сказок из калмыцкой версии рассказов «Волшебного мертвеца» на немецком языке. Позднее некоторые из этих сказок были напечатаны пастором Иоганном Андреасом Христианом Лером в «Книге сказок для детства и юности» [Lohr 1818; 1820], переизданной в 1977 г. Калмыцкие сказки привлекали внимание и Б. Юльга, издавшего сборник «Волшебный мертвец» в переводе на немецкий язык («*Die Märchen des Siddhi Kur*») [Julg 1866].

В начале XX в. традиция переводов калмыцких сказок на немецкий язык была продолжена и финским ученым Г. Й. Рамстедтом. В 1903 г. на стипендию Императорского Гельсингфорского университета

он отправился в лингвистическую экспедицию к волжским калмыкам. В течение двух месяцев он находился в Малодербетовском улусе при хуруле у Бааза-бакши Менкеджуева и совершал поездки по калмыцким кочевьям. В помощь к ученому был представлен Босхомджи-гелюнг, у которого он записал «восемь длинных сказок» [Отчет ... 1904: 11]. В услужении у него находился также «пятнадцатилетний мальчик Бальдер» [Отчет ... 1904: 12], ставший одним из информантов. Как писал в отчетах сам Г. Й. Рамстедт, «...поездка моя к калмыкам, как мне кажется, оказалась довольно удачною. Помимо различных записей, я произвел систематические наблюдения над фонетикой языка калмыков в его современном произношении, чего до сих пор совершенно не было сделано. Этих сведений нельзя почерпнуть из письменных памятников калмыцкого языка» [Отчет ... 1904: 13].

Во время путешествия в калмыцкие степи исследователь собрал обширный фольклорный материал: 22 сказки, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен. Кроме того, он «записал 20 фонограмм калмыцких мелодий, а также сделал множество фотографических снимков из жизни калмыков» [Отчет ... 1904: 13].

Калмыцкие сказки были изданы в двух частях. Первая часть, состоящая из 154 страниц и содержащая 18 сказок, была издана в 1909 г. [Kalmückische ... 1909]. Вторую часть (с. 155–237) ученый планировал издать на следующий год, но она увидела свет только в 1919 г. и содержала сказки под номерами 19–22 [Kalmückische ... 1919]. Обе части издания калмыцких сказок вышли без предисловия. Г. Й. Рамстедт собирался издать серию книг, посвященных калмыцкому фольклору: сказки, пословицы, поговорки, песни и эпические сказания. Он намеревался собрать дополнительный материал по калмыцкому фольклору в последующих своих экспедициях к волжским калмыкам, однако этого не удалось сделать: фольклорные записи увидели свет в разрозненных изданиях (журнальном и книжном вариантах).

Именно калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта и послужили материалом нашего исследования в свете компьютерных технологий сквозь призму теории

фреймов. Понятие *фрейм* заимствовано из сферы изучения искусственного интеллекта и может быть применимо к фольклорному тексту, поскольку фольклорный текст создается в рамках определенной традиции, которая ограничивает сюжеты и персонажи.

Материалом для исследования послужили тексты 15 волшебных сказок (№№ 4, 5, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 19, 20, 22; 16, 18, 21), причем три последние сказки можно отнести к богатырским¹. Ранее была предпринята попытка выявления фреймтария персонажей на материале бытовых сказок в записи Г. Й. Рамстедта [Баянова и др. 2015], что позволило обозначить определенные тенденции в системе персонажей. Цель данного исследования заключается в выявлении фреймтария персонажей волшебных сказок, а также в сравнении полученных данных с результатами изучения бытовых сказок.

Сказки, зафиксированные Г.Й. Рамстедтом, были набраны одним из авторов статьи (А. О. Бутаевой) в фонетической транскрипции, затем автоматически сегментированы на предложения, которые были соотнесены с переводом на немецкий язык (3 192 параллельных блока). Тексты были набраны в соответствии с концепцией, принятой разработчиками фольклорного подкорпуса в Национальном корпусе калмыцкого языка² [Куканова, Манджиева, Горяева 2013]. Впоследствии они были переложены Б. Б. Горяевой на современную калмыцкую орфографию, согласно литературным нормам, но с сохранением диалектной лексики. Для анализа фрейма персонажей были привлечены тексты на современном калмыцком языке.

Ниже приведена таблица (№ 1), в которой показана система персонажей исследуемых сказок и их внутритекстовые синонимы, причем в качестве исходного наименования указывается первое упоминание героя в тексте. Под *персонажем* мы понимаем любое действующее лицо, субъект действия вообще, представлен ли он непосредственно, или о нем рассказывается [Литературный энциклопедический словарь 1987: 276]. При этом мы не ограничиваем круг персонажей, трактуя термин в широком смысле, только людьми и животными и включаем в него и мифические существа (небожителей, обитателей нижнего мира), к которым мы относим и божеств (*Нохан Дэрк*, *Цаһан Дэрк*, *Көгшн авһ* = *Цаһан буурл өвгн*³), и канонизированных религиозных лиц (*лам Зуңква*, *Дала-лам*). В предпринятом исследовании мы не классифицируем персонажи в зависимости от их функции в сказке (например, герой, даритель, антагонист, помощник и др.).

Внутритекстовые синонимы отмечаются через знак «=», тем самым указывая на анафорические связи слов внутри одного текста. Под цифрами (1) ...; (2) ... помещаются разные персонажи. Например, в сказке № 11 встречаются две героини *күүкн* ('девушка'), являющиеся двумя отдельными персонажами. В таблице мы старались дифференцировать персонажей в зависимости от типа дискурса. Наименование персонажа в нарративе не отмечается нами никаким образом, если же номинация выполняет функцию обращения, то мы маркируем его знаком «*». Если наименование используется и как апеллатив, и как номинация в нарративе, то оно обозначается знаком «#».

¹ В калмыцкой фольклористике (М. Э. Джимгиров, Г. И. Михайлов, А. В. Бадмаев) богатырские сказки выделяются из общего сказочного жанра. Сюжетно-стилевые традиции калмыцких сказок о богатырях рассмотрены в ряде статей и монографии В.Т. Сарангова [2015].

² В рамках Национального корпуса калмыцкого языка (kalmscorpota.ru).

³ Написание лексических единиц приводится в соответствии с записью Г.Й. Рамстедта в современной графике.

Таблица № 1. *Фреймтарий персонажей волшебных сказок, записанных Г. Й Рамстедтом*

4 [Йистр]	(1) арат: арат (2) залу: нег сээхн залу (3) көвүн: йисн көвүн = дүүнрмүд* = ах-дү долан = ах-дү йисн: эмтин ах = ах; дү Йистр = аңһуч = дү = Йистр = Йистр аңһуч = эмтин баһнь Йистр (4) күн: 1) нег өвс шимжэх күн = кишг уга күн = кишгтэ күн; 2) хойр дала балһдг күн = му заята күн = сэн заята күн (5) күүкн: 1) нээмн йир сээхн күүкд; 2) нег хаана сээхн күүкн = хаана күүкн (6) моһа: нег шар толһата моһа (7) мөрн: 1) нег мөрн; 2) үксн мөрн (8) өвгн: өвгн эмгн хойр = өвгн = эцк (9) хан: хан (10) эмгн: өвгн эмгн хойр = эмгн = эк
5 [Хойр белгтэ хаана күүкн]	(1) гөрэсн: зерлг гөрэсн (2) күн: ах-дү хойр күн = ах-дү хойр = хоюрн: ах, дү = көөрк дүм* = көвүн (3) күүкн: хаана күүкн = баавһа = ахин баавһа (4) үкр: долан үкр (5) хан: хан (6) яман: яман
10 [Алгар өндглдг богшрһа]	(1) богшрһа: бор богшрһа (2) көвүн: хойр көвүн = саак хойр көвүн: тер көвүн, ах, дү (3) күн: 1) хаана киилг-шалвр уһажасн күүкд күн; 2) хаанд заргдсн нег һурвн күн = һурвулн (4) өвгн: өвгн = хаанд заргддг күн (5) хан: хан (6) эмгн: эмгн = хаанд заргддг күн
11 [Бөөргин Бөкн Цаһан]	(1) ах: 1) хойр ах (хойр көлтэ залус); 2) хойр ах (сохр күүнэ = нүдтэ залу); 3) һурвн ах = һурвулн = хойр ахнь = хоюрн (2) ах-дү: 1) Харада Мергн; 2) Шарада Мергн; 3) Улада Мергн; ах-дү һурвуль (о братьях): хойр ах, дундк, ик ах, дү (3) баавһа: 1) баавһа = эгч*; 2) нег баавһа = эгч*; 3) нег баавһа = эгч*; 4) баавһа; 5) һурвн баавһа; 6) баавһа, дүүһин баавһа (4) богшада: бор богшада (5) гелң: гелң (6) гүн: гүн = эк (7) залу: хойр залу (8) көвүн: ах-дү һурвн көвүн = ах-дү һурвн = һурвулн = хойр дү = ах-дү хоюрн = хойр ах: ик ах, дунд ах, отхн дү = көвүн = шулм* = Бөөргин Бөкн Цаһан = хальддг күн (9) күн: 1) нег күн; 2) нег һар уга күн, хойр һарта залу (10) күүкн: 1) Теңгрин күүкн, Нарна күүкн, Сарин күүкн; 2) нег хаана күүкн; 3) күүкн (11) мөрн: мөрн (12) ноха: хаср ноха = шовун ноха хойр (13) темән: темән (14) унһн: унһн (15) үкр: үкр (16) хөн: хөн (17) шовун: хала шоңхр шовун = шовун ноха хойр (18) эк: эк (19) эмгн: эмгн

12 [Бөк]	(1) баавһа: баавһа (2) деермч: деермч (3) көвүн: һурвн көвүн = ах дү һурвн көвүн = һурвн көвүн: ик көвүн = көвүн[#] = ах көвүн, дундк дү = көвүн[#], баһ дү = дү = көвүн[#] (4) күн: 1) ут хар күн = уулын барс мини*, оһтрһудк һард мини*, усн дотр бээдг тул мини*; 2) нег оһтр улан мөртә күн = залу (5) мөрн: оһтр улан мөрнь (6) өвгн: өвгн[#] (7) тул: тул (8) үкр: һучн дүнгә үкр (9) цар: оһтр улан цар (10) эзн: эзн (11) эк: һурвн көвүнә эк (12) эмгн: эмгн = му эмгн (13) ээж: ээж[#] = һурвн көвүнә эк = эмгн
13 [Һахан толһа белгч]	(1) ахлач: церг толһалж йовсн ахлач (2) дааһн: шарһ дааһн (3) залу: 1) нег залу = залу[#]; 2) нег залу; 3) негл залу (4) көвүн: көвүн (5) күн: 1) эр күн; 2) олн күн; 3) нег күн = залу; 4) Хату Жөөлн хойр күн (6) күүкн: хаана күүкн (7) маңһс: хөрн тавн толһата хотхр хар маңһс (8) меклә: шар меклә (9) мөрн: 1) нег мөр унсн; 2) нег мөр көтлсн; 3) ик шарһ баһ шарһ хойр мөрн; 4) тана ирсн мөрн (10) нойн: нойдуд, сээдүд (11) ноха: 1) шар ноха; 2) шар ноха (12) һаха: һахан толһа (13) өвгн: 1) эмгн өвгн хойр: өвгн[#] = нүцкн кевтсн өвгн = көгшн зүлгдг* = кишго күн = ачд ач кесн, туст тус кесн өвгн = көгшн дуско* (14) туһл: борлг туһл (15) туула: 1) нег туула; 2) малзн туула (16) үкр: үкр (17) хан: нег хан (18) хатн: хаана хатн (19) цар: 1) зун цар; 2) көк цар (20) церг: церг (21) шулм: 1) шулм = зес шилвтә, зеерн хоңшарта, хуувха ялдң, хойр көкән ээм деернь хайсн эмгн; 2) шулм = хар маңһс (22) эмгн: эмгн өвгн хойр: эмгн[#]
14 [Чикн чинән көвүн]	(1) залу: хойр залу (2) көвүн: чикн чинән көвүн = көвүн (3) күн: тавн күн (4) күүкн: хойр күүкн (5) ноха: шар ноха (6) өвгн: эмгн өвгн хойр = эк-эцк хойр: өвгн[#] (7) темән: нег темән[#] (8) үкр: 1) оһтр улан үкр; 2) үкр (9) хадмуд: хадмуд (10) хөн: хөн (11) чон: 1) чон; 2) белгч чон (12) эмгн: эмгн өвгн хойр = эк-эцк хойр: эмгн[#] = ээж* (13) яман: тавн яман

15 [Байн өвгнэ көвүн]	(1) алг: аавин хурдн алг (2) гүн: гүн (3) кичг: нег хар кичг (4) көвүн: 1) байн өвгнэ көвүн = көвүн = ик баатр = ухата залу = күүкн* = залу = саак көвүн = эзн байн көвүн; 2) нег хө мөстэ көвүн; 3) нег көвүн = ах нойн баав*; 4) нег хаана көвүн; 5) хальмг көвүд (5) күн: 1) нег нээмн күн = залус* = саак йисн күн; 2) нег күн = саак күн; 3) нег күн; 4) нег күн; 5) нег мөртэ күн (6) күргн: күргн (7) күүкн: 1) нег күүкн = гү саажасн күүкн = дү күүкн = саак күүкн = баавһа = хуучн баавһа; 2) нег күүкн; 3) хаана күүкн = баавһа (8) лам: лам Зуңкв (9) манж: манж[#] = иньг = кишго күн = эркм сөөвң = дү (10) маңһд: байн маңһд (11) мис: нег мис (12) моһа: һалзн моһа (13) мөрн: 1) нег сэн мөрн; 2) хойр шарһ мөрн: ик шарһ, бичкн шарһ хойр; 3) тавн зун мөрн (14) нойн: нег ик нойн (15) орс: нег арвн орс = орсмуд (16) өвгн: 1) байн өвгн = өвгн[#] = эцк = аав[#]; 2) өвгн; 3) долан өвгн (17) хан: 1) хан; 2) китдин хан (18) хөн: хөн (19) шеркс: шеркс (20) эзн: эзн (21) эк-эцк: эк-эцк хойр: аав (22) эмгн: 1) байн өвгнэ эмгн = көгшн ээж* = эмгн = ээж; 2) эмгн; 3) долан эмгн = долалуһинь (23) ялч: адуһан хэрүлсн ялчнр = залус*
16 [Марс хар баатр]	(1) аав: аав (2) баавһа: баавһа (3) баатр: Марс Хар баатр = нойн баатр* = ах = ах, нойн баав минь* = нойн Хар = элч (4) дү: Гинд Цаһан дү = бор богшурһа = бор нуһсн = туула = кукн* (5) залу: залус (6) көвүн: Теңгрин көвүн Төгэ Бүс = саак = залу = ах нойн баав* (7) күлг: оһтр шар-цоохр = шулм = шар-цоохр күлг (8) күн: 1) негл ик күн; 2) һурвн күн; 3) хойр күн (9) күүкн: 1) дөрвн-тавн йовһн күүкн; 2) күүкн = баавһа (10) мөрн: 1) эрднь хоңһр мөрн; 2) йисн хар һалзн мөр (11) өвгн: өвгн (12) улс: улс (13) харцх: бор эргн харцх (14) хун: шар толһата хун (15) цурх: цурх (16) шовун: шовун (17) шург: альвн шар шург (18) эгч: Хала Хооһш эгч (19) эмгн: эмгн[#] = ээж минь* = ээж* (20) ээж: ээж

17 [Көк арсн]	(1) ажрh: ик кер ажрh (2) ах-дү: ахнр-дүүнр (3) бух: ик улан һалзн бух (4) Зуңква (5) дү: эгч дү хойр (6) залу: 1) тавн зун залуд; 2) залус; 3) залус* (7) көвүн: көвүн = отхн дү көвүн = нег сээхн чигн көвүн = хаана көвүн (8) күн: 1) нег күн; 2) нег хойр күн; 3) тавн зун минчһр шар-шар күн; 4) нег хө хэрүлсн күн; 5) нег ик үкр хэрүлсн кесг күн; 6) дөрвн күн: һадр бәрсн күн, ус бәрсн күн, цә бәрсн күн, тоһш бәрсн күн (9) күүкн: 1) хаана күүкн = дү күүкн = баавһа = бер; 2) хойр сээхн күүкн; 3) эгч күүкн (10) лам: лам (11) манж: нег манж (12) мөрн: тавн зун мөрн (13) өвгн: 1) угатя эмгн өвгн хойр: өвгн = аав = өвгн мини* = саак өвгн = хээрм өвгн*; 2) өвгн (14) темән: 1) хаана темән; 2) нег ик темән; 3) тавн зун май темән; 4) ик цаһан буур (15) хан: хан[#] = хан хатн хойр (16) хатн: хан хатн хойр: хатн (17) хун: һурвн шар толһата хун (18) хуц: нег ик шар толһата хуц (19) Цаһан буурл өвгн: цал буурл сахлта цаһан буурл өвгн (20) цар: нег улан цар (21) шовун: шовун (22) эгч: 1) эгч дү хойр; 2) хойр эгч (23) эк-эцк: эк-эцк = эцк эк хойрнь (24) эмгн: эмгн[#] = өвгнә эмгн
18 [Эркн Йилдр]	(1) аав: аав[#] = эцк = өвгн[#] (2) ах-дү: ах-дү һурвн маңһс: ик ах, дундк, отхн (3) баатр: Бәрүл хар баатр (4) бөк: бөк (5) буур: хойр соядан нежәһэд зун кү өлгсн ик хар буур = лаш хар буур = темәнә ботхн (6) бух: көдәһин көк бух = үкрин туһл (7) гүн: гүн = эк (8) залу: залу (9) кичг: кичг (10) көвүн: 1) Алдр Сулдр хаана көвүн = күүкн мини* = ах нойн баав* = дү көвүн; 2) һунн наста эркн Йилдр көвүн; 3) Төгә бүс көвүн; 4) төмр өлгәтә көвүн (11) күүкн: 1) дөрвн-тавн йовһн күүкн; 2) күүкн = баавһа; 3) дү күүкн (12) мөрн: 1) мөрн; 2) далн хар һалзн мөрн (13) өвгн: өвгн (14) темән: темән (15) унһн: унһн (16) хан: хан (17) хун: шар толһата хун (18) элч: Эрлг номин хаана элч (19) эмгн: 1) эмгн; 2) эмгн (20) ээж: ээж = эк = эмгн

19 [Бүрн Төгс]	(1) ажрh: ажрh (2) бер: бер (3) бөк: бөк (4) буур: буур (5) бух: бух (6) Бүс: Теңгрин Төгэ Бүс (7) гүн: 1) гүн = эх; 2) алгч гүн = арнэл сээхн күлг (8) көвүн: көвүн = кукн* = залу = эзн = цөстэ шулм (9) күн: 1) байн күн = Намжл Бумбл өвгн[#] = өвгн[#] = эцк = аав*; 2) ик күн = му заята күн = сэн заята күн = бөк = уул өргөч; 3) ик күн = му заята күн = сэн заята күн = балһач; 4) ик күн = му заята күн = сэн заята күн = һазр чичәч; 5) ик күн = му заята күн = сэн заята күн = хулхач; 6) ик күн = му заята күн = сэн заята күн = чиннәч; 7) кесг күн; 8) арвн күн; 9) ут хар күн; 10) Шар күрмн[#] (10) күүкн: нег хаана күүкн = күүкн = эгч (11) лам: 1) лам; 2) ик лам (12) темән: темән (13) унһн: унһн = мөрн = күлг = саак мөрн (14) үкр: үкр (15) хан: хан Бүрн Төгс = хан = саак хаанахн = хамгин эзн (16) хатн: долан миңһн наста Додин Герл = хатн = эмгн = ээж (17) хөн: хөн (18) хуц: хуц (19) шовун: һурвн хун шовун (20) эмгн: эмгн = ягц эмгн[#] = шулм эмгн
20 [Мөсн Аавин Мөңкин Харин Чилдң]	(1) баатр: Бөрү Хар баатр = элч = ах нойн баав* = ах (2) бурхн: Бурхн багш (3) бурхн: Нүдвэр үзгч гегән бурхн (4) Дала-лам: Дала-лам (5) Зуңква: Зуңква (6) көвүн: 1) Мөсн Аавин Мөңкин Харин Чилдң = көвүн = уйн наста баһ көвүн = Мөсн аавин көвүн = кукн*; 2) арвн баатрин дү көвүн (7) күн: 1) һурваһад күн = арвн ах = арвн баатр; 2) арвн хойр тамин күн; 3) нег күн = му заята күн = өвгн; 4) му заята күн = байн күүнә бер; 5) му заята күн = байн күн; 6) угатя күн (8) мөрн: Долда хар = мөрн (9) үкр: 1) һунжн үкр; 2) дөнжн үкр; 3) нег үкр; 4) нег үкр; 5) улагч үкр (10) эк-эцк: эк-эцк хойр = ээж-аав: эк = ээж (11) эмгн: 1) эмгн; 2) һууль һуудг эмгн (12) Эрлг номин хан: Эрлг номин хан = ик күн
21 [Нэльхн цаһан ээжин Нәәхл баатр]	(1) авһ: долан хар саната авһ (2) арагнь: арагнь (3) ах-дү: ах дү һурвн мус (4) баавһа: хойр муусин шулм баавһа (5) дааһн: эр бор дааһн (6) залу: 1) залу; 2) нег залу, залус = хээмрмүд мини* (7) көвүн: 1) көвүн = элмр = кукн* = ах, нойн баав* = Нэльхн цаһан ээжин һунн наста Нәәхл = залу = хан күүнә элч = шулм көвүн; 2) көвүн күн: 1) һурвн күн = улс; 2) далн күн; 3) арвн күн = саак улс (8) күүкн: хурмстын теңгрин һурвн күүкн (9) моһа: моһа (10) мөрн: 1) мөрн; 2) һурвн мөрн; 3) хар мөрн (11) мус: 1) мус; 2) хөрн тавн толһата хотхр хар мус (12) һуужмүл: һуужмүл (13) өлгчн: нәәмн көктә нәрхн хар өлгчн (14) туһл: тавн зун туһл

21 [Нэльхн цаһан ээжин Нээхл баатр]	(15) туула: туула (16) урчуд: дөрвдин дөчн хойр урчуд (17) хан: Зэгр богд хан = хан* (18) хатн: хатн (19) хулһн: 1) эр хулһн; 2) эм хулһн (20) цегг: долан түмн цегг (21) шовун: шовун = эк (22) элч: 1) элч; 2) хойр элч (23) эмгн: Нэльхн цаһан ээж[#] = ээж[#] = эмгн[#]
22 [Аю Чикт]	(1) баавһа: Аю Чиктин баавһа (2) гелц: хойр сөөвц гелц (3) көвүн: 1) көвүн күүкн хойр: Аю Чикт = көвүн дү = залу күн = бичкн юм = кукн* = Аю Чикт минь*; 2) Ухани Чимг көвүн (4) күн: 1) нег күн; 2) хаанд хат хээсн күн; 3) хойр күн; 4) һурвн күн (5) күүкн: 1) Цаһан Дэркин гегәнэ күүкн; 2) күүкн көвүн хойр: Авха цецг = күүкн эгч = күүкн = күүкн кү = Авха цецг минь* = Аю Чиктин эгч; 3) туһл хэрүлдг күүкн = үкрч күүкн; 4) Чимг күүкн (6) лам: наһцх лам (7) мөрн: кер мөрн (8) ноха: 1) барһд ноха; 2) хойр ноха (9) темән: темән (10) түшмл: Айһн түшмл[#] = сөөвц = Айһн түшмл минь* (11) үкрч: үкрч = күүкнэ эцк = хаана үкрч = эцк үкрч = өвгн (12) хан: Үмкэ төрлт хан = хан = аав* = аавм* = эцк (13) хатн: Ноһан Дэркин гегән = хаана хатн = ээж[#] (14) Цаһан буурл өвгн: Цаһан буурл өвгн = өвгн[#] = көгшн авһ[#] (15) шулм: 1) тавн зун шулм: нег шулм = тавн зун шулмин күчн тогтсн шулм күүкн = арагнь = хатн = хаана хатн = баавһа күн; 2) дөрвн зун йирн йисн шулм; 3) Гамб Гүнзг (16) эк: эк = эмгн (17) эмгн: 1) асрж бээдг эмгн = көгшн ээж*; 2) эмгн

Как видно из таблицы № 1, круг персонажей достаточно широк и состоит из 85 наименований, в которые входят самые различные герои. Исходя из номинации (именования) героев можно сделать следующие выводы.

1. Четко выделяется группа номинаций персонажей в зависимости от кровного родства (*эцк* 'отец', *эк* 'мать', *ах-дү* 'братья', *эгч* 'сестра', *баавһа* 'жена'), причем в рассматриваемых волшебных сказках в отличие от бытовых представлена более разветвленная система терминов родства:

Волшебные сказки

эк-эцк 'родители', *аав*, *эцк* 'отец', *ээж*, *эк* 'мать', *авһ* 'дядя', *ах* 'старший брат', *ах-дү* 'братья', *дү* 'младший брат', *эгч* 'сестра', *баавһа* 'жена', *бер* 'невестка', *күргн* 'зять', *көвүн* 'сын', *күүкн* 'дочь'

Бытовые сказки

ах 'старший брат', *ах-дү* 'братья', *дү* 'младший брат', *баавһа* 'жена'

2. Система наименований персонажей в зависимости от этнической принадлежности и в бытовых, и в волшебных сказках представлена почти одинаково. Однако отметим, что частотность появления персонажа, имеющего наименование по этнической принадлежности, в сказочных текстах разного жанра представлена

неравномерно. Так, в бытовых текстах персонаж по номинации *орс* представлен почти в половине сказочных текстов, а в волшебных сказках использование такого наименования единично. Однако нужно отметить, что в волшебных сказках широко встречаются наименования других этносов.

Волшебные сказки <i>китдин</i> ‘китайский’, <i>маңһд</i> ‘татарин’, <i>орс</i> ‘русский’, <i>хальмг</i> ‘калмык’, <i>шеркс</i> ‘черкес’	Бытовые сказки <i>орс</i> ‘русский’
3. Наименования персонажей в зависимости от профессии, рода деятельности представлены общими номинациями: отсутствует конкретность. Их количество	примерно одинаково по сравнению с бытовыми сказками, хотя число текстов и их объем различен.
Волшебные сказки <i>ахлач</i> ‘глава’, <i>деермч</i> ‘разбойник’, <i>урчуд</i> ‘умельцы, мастера’, <i>укрч</i> ‘пастух коров’, <i>элч</i> ‘посол’	Бытовые сказки <i>мод урлжасн кун</i> ‘человек-мастер по дереву’, <i>төмр урлжасн кун</i> ‘человек-мастер по железу’, <i>цар хулдсн кун</i> ‘продающий вола человек’, <i>хулхач</i> ‘вор’
4. В волшебных и бытовых сказках используются пейоративные наименования персонажей с идентичным набором (<i>элмр</i>, <i>шулм</i>).	как волшебных, так и бытовых сказок.
5. Наименования персонажей в зависимости от их пола и возраста (<i>өвгн</i>, <i>эмгн</i>, <i>залу</i>, <i>күүкн</i>, <i>көвүн</i>) встречаются в текстах	6. В отличие от бытовых сказок в текстах волшебных сказок представлена более разветвленная и многокомпонентная система названий животных, в некоторых случаях указываются различия в их поле и возрасте:
Волшебные сказки <i>ажрһ</i> ‘жеребец’, <i>мөрн</i> ‘лошадь; конь’, <i>күлг</i> ‘боевой конь’, <i>алг</i> ‘пегий [конь]’, <i>гүн</i> ‘кобыла’, <i>дааһн</i> ‘двухгодовалый жеребенок’, <i>буур</i> ‘верблюдо-производитель’, <i>темән</i> ‘верблюдо’, <i>бух</i> ‘бык-производитель’, <i>цар</i> ‘вол’, <i>укр</i> ‘корова’, <i>туһл</i> ‘теленко’, <i>хөн</i> ‘овца’, <i>хуц</i> ‘баран-производитель’, <i>яман</i> ‘коза’, <i>һаха</i> ‘свинья’, <i>мис</i> ‘кошка’, <i>ноха</i> ‘собака’, <i>шург</i> ‘гончая’, <i>кичг</i> ‘щенок’, <i>өлгчн</i> ‘самка’, <i>арат</i> ‘лиса’, <i>туула</i> ‘заяц’, <i>хулһн</i> ‘мышь’, <i>чон</i> ‘волк’, <i>моһа</i> ‘змея’, <i>меклә</i> ‘лягушка’, <i>тул</i> ‘таймень’, <i>цурх</i> ‘щука’, <i>шовун</i> ‘птица’, <i>һуужмүл</i> ‘цыпленок’, <i>богшада</i> ‘птенец воробья’, <i>богшрһа</i> ‘воробей’, <i>шоңхр</i> ‘кречет’, <i>харцх</i> ‘ястреб’, <i>хун</i> ‘лебедь’	Бытовые сказки <i>мөрн</i> ‘лошадь; конь’, <i>гүн</i> ‘кобыла’ <i>цар</i> ‘вол’ <i>хөн</i> ‘овца’, <i>шодң</i> ‘порода овцы’ <i>ноха</i> ‘собака’, <i>кичг</i> ‘щенок’ <i>чон</i> ‘волк’ <i>шаазһа</i> ‘сорока’
7. В текстах волшебных сказок более широко по сравнению с бытовыми сказками обозначаются наименования персонажей по социальной принадлежности. В эту же группу мы относим и номинации персон	нажей в зависимости от религиозного сана, поскольку в калмыцком обществе это была четко оформленная категория лиц со своими привилегиями и обязанностями.
Волшебные сказки <i>гегән</i> ‘геген’, <i>гелң</i> ‘гелнг’, <i>лам</i> ‘лама’, <i>манж</i> ‘монах-послушник’, <i>нойн</i> ‘нойон’, <i>түшмл</i> ‘сановник’, <i>хан</i> ‘хан’, <i>хатн</i> ‘княгиня’, <i>эзн</i> ‘хозяин’, <i>ялч</i> ‘батрак’	Бытовые сказки <i>гелң</i> ‘гелнг’, <i>хан</i> ‘хан’, <i>эзн</i> ‘хозяин’
8. Наименования волшебных существ появляются только в рассматриваемых в данном исследовании (т. е. волшебных)	сказках: наличие этой группы персонажей обусловлено законами жанра.

Волшебные сказки

арагнь 'небесная дева', *манһс* 'демонический персонаж, чудовище', *мус* 'оборотень, чудовище', *шулм* 'черт, бес'

Бытовые сказки

—

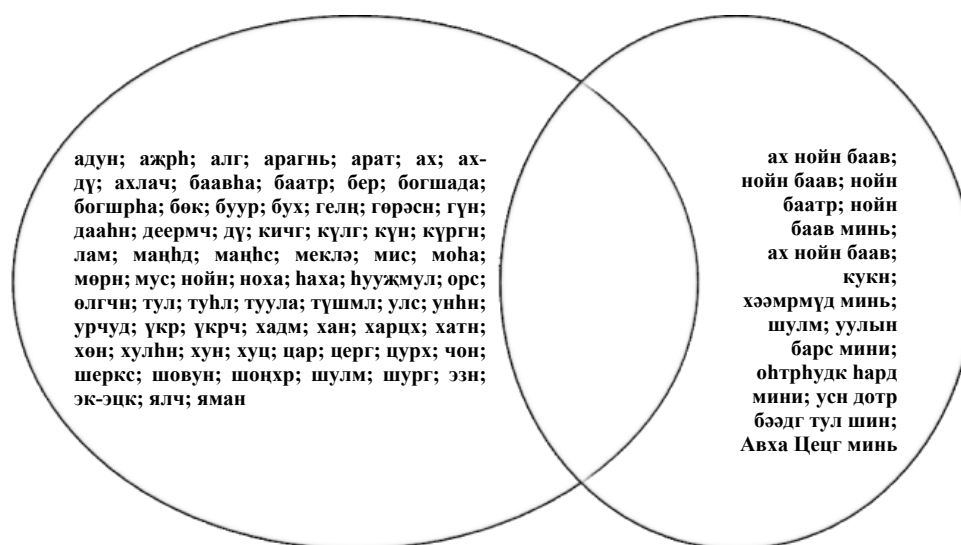
9. В исследуемых текстах можно выделить такие номинации, как *нутг* 'кочевье; владение' *улс* 'народ', *цег* 'войско', которые свидетельствуют об определенном уровне исторического развития этноса — о наличии «государственности».

10. В волшебных сказках упоминаются божества буддийского пантеона (*Ноһан Дэрк*, *Цаһан Дэрк*, *Көгшн авһ* = *Цаһан буурл өвгн*), а также канонизированные религиозные деятели (*лам Зуңква*, *Дала-лам*). Вероятно, этот факт можно объяснить тем, что информантами Г. Й. Рамстедта являлись представители духовенства (Босхомджи-гелюнг, послушник Бальдер).

Номинации и именованья сказочных

персонажей вызывают значительный интерес как языковой элемент и как коммуникативный элемент. Согласно выдвигаемой нами гипотезе, употребление различных номинаций зависит от типа дискурса, реализуемого в тексте сказки. Например, дискурс обращений персонажей друг к другу строго регламентирован определенными правилами, именование персонажей в тексте, т. е. в нарративном дискурсе, обладает большей свободой, при этом, как представляется, не допускает множества пересечений в наименованиях героев. Ниже приведена диаграмма Венна, на которой продемонстрировано два поля: нарративное (1) и аппеллятивное (2).

Рис. 1. Номинации и наименования в зависимости от употребления

Анализ материала исследования показывает, что существуют номинации, которые используются в сказке только как обращения: *Авха Цеңг*, *баав*, *нойн баатр*, *кукн*, *шулм* (в значении ругательства) и т. д. Можно отметить, что в качестве номинации в нарративе и диалоге как аппеллятив выступает также определенный ряд слов: это собственные имена (*Аю Чикт*, *Шар күрмн* и др.), некоторые термины родства (*авһ*, *дү*, *эгч*, *ээжс*), слова, обозначающие людей по полу и возрасту (*көвүн*, *күүкн*, *эмгн*, *өвгн*, *залу*), слова, связанные с обозначением социального статуса или рода

занятий (*манжс*, *түшмл*, *элч*, *хан*). Единственным животным, к которому обращаются в рассматриваемых сказках, является верблюд ('темән'). Все остальные номинации и наименования в сказочных текстах выступают в нарративном дискурсе (см. диаграмму).

Далее приводится частота появления того или иного персонажа в сказке, причем даны и те, которые появляются только в одной сказке (см. табл. № 2). На наш взгляд, это позволяет очертить границы появления того или иного персонажа в сказочных текстах в записи Г. Й. Рамстедта.

Таблица № 2. Частота появления персонажей в волшебных сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

№	Персонаж	Всего	№	Персонаж	Всего
	кун 'человек'	14		элч 'посол'	2
	көвүн 'мальчик'	13		яман 'коза'	2
	эмгн 'старуха'	13		ажрһ 'жеребец'	2
	куукн 'девочка; девушка'	12		авһ 'дядя'	1
	мөрн 'лошадь; конь'	11		алг 'пегий'	1
	хан 'хан, царь'	10		арагнь 'небожительница-рагни'	1
	өвгн 'старик'	10		арат 'лиса'	1
	залу 'мужчина'	8		ах 'старший брат'	1
	укр 'корова'	7		ахлач 'староста'	1
	темән 'верблюд'	6		бер 'невестка'	1
	баавһа 'жена'	5		богшада 'птенец воробья'	1
	хатн 'царица, княгиня'	5		богшрһа 'воробей'	1
	ах-дү 'братья'	4		гөрәсн 'дикие животные'	1
	гүн 'кобылица'	4		деермч 'грабитель, разбойник'	1
	ноха 'собака'	4		кулг 'боевой конь'	1
	хөн 'овца'	4		күргн 'зять, жених'	1
	шовун 'птица'	4		маңһд 'татарин'	1
	ээж 'бабушка'	4		маңһс 'мангас, сказочное чудовище'	1
	баатр 'богатырь'	3		меклә 'лягушка'	1
	моһа 'змея'	3		мис 'кошка'	1
	унһн 'жеребенок'	3		һаха 'свинья'	1
	хун 'лебедь'	3		һуужмүл 'неоперившийся птенец'	1
	цар 'вол'	3		орс 'русский'	1
	эк 'мать'	3		өлгчн 'самка'	1
	эк-эцк 'родители'	3		тул 'таймень'	1
	лам 'буддийский монах'	3		тушмл 'сановник'	1
	Зуңква	3		улс 'народ'	1
	бух 'бык-производитель'	3		үкрч 'пастух'	1
	аав 'дедушка'	2		урчуд 'умельцы, мастера'	1
	бөк 'борец'	2		хадм 'родня по мужу'	1
	буур 'верблюд-производитель'	2		харцх 'ястреб'	1
	гелң 'гелюнг, буддийский монах'	2		хулһн 'мышь'	1
	дааһн 'двухгодовалый жеребенок'	2		цурх 'щука'	1
	дү 'младший брат'	2		шеркс 'черкес'	1
	кичг 'щенок'	2		шоңхр 'кречет; сокол'	1
	манжс 'послушник'	2		шург 'гончая'	1
	мус 'оборотень, чудовище'	2		ялч 'батрак'	1
	нойн 'нойон'	2		бурхн 'бурхан'	1
	туһл 'теленок'	2		Дала-лам 'Далай-лама'	1
	туула 'заяц'	2		Нүдвәр үзгч гегән бурхн 'букв. – бурхан всевидящее око; Арьябала (санскр. Авалокитешвара)'	1
	хуң 'баран-производитель'	2		Цаһан буурл өвгн 'Белый старец'	1
	церг 'войско'	2		Эрлг номин хан 'Эрлик Номин хан'	1
	чон 'волк'	2			
	шулм 'черт, бес'	2			
	эгч 'старшая сестра'	2			
	эзн 'хозяин, владелец'	2			

В таблице показано, что наиболее частотным персонажем, который появляется почти в каждой сказке (в 14 из 15 текстов), является человек (*күн*), затем следуют мальчик и старуха (*көвүн* и *эмгн* в 13 текстах из 15). Далее следуют девушка (*күүкн* — 12), конь (*мөрн* — 11), хан (11), старик (*өвгн* — 10). Остальные типы персонажей фигурируют в сказках, однако частота их появления не высока.

В данной работе представлен анализ результатов первого этапа построения фрейм-тария персонажей фольклорного текста. В дальнейшем в ходе реализации проекта предполагается создать своего рода базу данных сказок, записанных Г. И. Рамstedтом, которая позволит исследовать сказочные сюжеты на уровне реализации персонажей — как главного героя, так и второстепенных — при этом можно будет дать их поло-возрастную и социальную характеристику, устойчивый набор ролей, постоянные эпитеты, а также сказочные сценарии, использование художественно-изобразительных средств, характерных для сказочного дискурса в целом. Таким образом, на основе проведенного анализа при условии расширения материала исследования возможно установить культурную ценность того или иного персонажа в калмыцкой и, шире, монгольской фольклорной традиции.

References

- Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B., Kukanova V. V. Frejmtarij personazhej kalmyckoj skazochnoj tradicii (na primere bytovyh skazok, zapisannyh G. I. Ramstedtom). [Frame story of characters of Kalmyk fabulous tradition (on the example of household tales, recorded by G. I. Ramstedt)]. Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 100-letiju B. H. Todaevoj (g. Elista, 23–26 aprelja 2015 g.). V 2-h ch. Ch. 2. [Proc. of Intern. Scientific. Conf. devoted to the 100th anniversary of B. H. Todaeva (Elista, 23–26 April 2015). In 2 parts. Part 2. – Mongolian studies at the beginning of the XXI century: current state and prospects of development]. Elista, KIGI RAN Publ., 2015, pp. 42–50. (In Russ.).
- Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Riga, 1804. Vol. I. 351 p. (In German).
- Julg B. Die Märchen des Siddi Kur. Kalmückische Text mit deutscher Übersetzung und einem kalmückisch-deutschen Wörterbuch. Leipzig, 1866. (In German).
- Kukanova V. V., Mandzhieva B. B., Goryaeva B. B. Ocifrovka fol'klornyh proizvedenij: vyzovy i reshenija [Digitization of folklore works: challenges and solutions] Izvestija Vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region [Proc. of Higher educational institutions. The North Caucasus region]. 2013, no. 6, pp. 123–129. (In Russ.).
- Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'. pod obshh. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva [Literary encyclopedic dictionary]. Ed. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaeva. Moscow, Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 1987. 752 p. (In Russ.).
- Lohr J. A. C. Das Buch der Märchen für Kindheit und Jugend. Erstes Bund. Leipzig: Gerhard Fleischer & Jung, 1818. 419 s.; Zweites Bund. Leipzig: Gerhard Fleischer & Jung, 1820. 471 p. (In German).
- Lohr J. A. C. Viola und Holzherz. Das Buch der Märchen. Berlin: Buchverlag «Der Morgen», 1977. (In German).
- Otchet d-ra G. J. Ramstedta za 1903 god. [The report of Dr. G.J. Ramstedt for 1903. Izvestija Russkogo komiteta dlja izuchenija Srednej i Vostochnoj Azii [Proceedings of the Russian Committee for the study of Central and Eastern Asia]. 1904, no. 2, pp. 11–14. (In Russ.).
- Sarangov V. T. Pojetika i stil' kalmyckoj bogatyrskoj skazki [Poetics and style of the Kalmyk heroic tale]. Elista, KalmGU Publ., 2015. 108 p. (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 p. (In German).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919, pp. 155–237. (In German).
- Kalmückische Sprichwörter und Rätsel. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Journal de la Societe Finno-Ougrienne 58:2. Helsinki, 1956. 38 p. (In German).

-
- Taube E. Eine frühe kalmückische und ihre
Märchenaufzeichnung mongolischen und altaisuwinischen
Parallelen. Ural-Altaische Jahrbücher.
1997–1998, pp. 181–201. (In German).

**ГРАММАТИКА ПОРЯДКОВ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ
ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере словоформы существительного)**

**Grammar of Order of the Inflectional Affixes of the Nominal Parts of Speech
in the Kalmyk Language (the case study of noun wordform)**

В. В. Куканова (V. Kukanova)¹

¹ кандидат филологических наук, заведующий отделом теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Head of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

В статье описывается грамматика порядков словоизменительных аффиксов именных частей речи в калмыцком языке на примере существительных. Значимость проведения исследования обусловлена необходимостью классификационного и систематического дескриптивного анализа сочетательных свойств морфемных единиц (в данном случае — основы и аффиксов, аффиксов и аффиксов) в целях синтеза лексических единиц (в широком понимании — словоформ) калмыцкого языка. В ходе анализа материала Национального корпуса калмыцкого языка выявлено 33 словоизменительных модели аффиксов именных частей речи калмыцкого языка.

Ключевые слова: калмыцкий язык, словоизменительные аффиксы, именные части речи, грамматика порядков, автоматический анализ, модели словоизменения.

The article describes the grammar of order of inflectional affixes of nominal parts of speech in the Kalmyk language on the example of the noun word forms. Under the model of inflectional affixes we understand an abstract scheme under which a real inflectional chain with respect to the laws of morpho-phonological compatibility and semantic rules is formed. The research is based on the data of the National Corpus of the Kalmyk language (kalmcorp.ru), the volume of which is nearly 9 million tokens which allows to obtain objective information on modeling inflectional chain. The importance of the research lies in the necessity of the classification and the systematic descriptive analysis of associative properties of morphemic units (in this case — stems and affixes, affixes and affixes) in the synthesis of lexical units (in the broadest sense of the word forms) of the Kalmyk language. During the analysis of the material of the National Corpus of the Kalmyk language we identified 33 models of inflectional affixes within the nominal parts of speech of the Kalmyk language. A number of these models is dialectal in nature, as, for example, the plural form is based on two plural affixes: Base + Pl + Pl; Base + Pl + Pl + Case; Base + Pl + Pl + Per; Base + Pl + Pl + Pos; Base + Pl + Pl + Case + Pos; Base + Pl + Pl + Refl. The list of models includes both well-known and frequent schemes, as well as those which haven't been described in the scientific literature (for instance, a model Base + (Inter) + Pl + Equ; Base + (Inter) + Pl + Gen | Ass + Case; Base + (Inter) + Pl + Gen | Ass + Case + Pos; etc.).

Keywords: Kalmyk language, inflectional affixes, nominal parts of speech, grammar orders, automatic analysis, models of inflection.

1. Введение

Вопросы грамматики порядков в агглютинативных языках поднимались в середине прошлого столетия известным ученым-дескриптивистом Г. Глисоном, знаменитая работа которого была опубликована в 1955 г. на английском языке и в 1959 г. в переводе на русский язык. «Языку прису-

фиксированный порядок морфем в определенных конструкциях и то же время известная степень свободы. В этом находит выражение системный характер структуры языка, составляющий подлинную сущность речи» [Глисон 1959: 99–100]. Затем долгое время проблемы морфемного строя в аспекте грамматики порядков не рассма-

тривались, так как формализм в лингвистике сменился другим направлением и перестал быть востребован обществом. Однако в последние десятилетия формализованное описание грамматики, в частности, системы словоизменения, получило вторую жизнь и связано это с появлением компьютерной лингвистики, для развития которой необходимо описание правил словоизменения для разработки анализаторов — парсеров.

Значимость проведения подобного рода исследования обусловлена необходимостью классификационного и систематического дескриптивного анализа сочетательных свойств морфемных единиц (в данном случае — основы и аффиксов, аффиксов и аффиксов) в целях синтеза лексических единиц (в широком понимании — словоформ) калмыцкого языка. Анализ словообразовательных и словоизменительных моделей порождения калмыцкого слова позволяет эксплицировать внутренние законы устройства языка, его ограничения и запреты. Выявление и описание этих моделей необходимо для дальнейшего изучения структурной организации калмыцкого языка, так как языковые единицы всегда сочетаются, они не «работают» изолированно (так же, как слово «работает» только в контексте). Множество морфемных единиц в агглютинативном языке организовано определенным образом, и именно это «спасает» систему от хаоса. Этот порядок и является предметом нашего исследования. В данной работе предлагается описание словоизменительных моделей только именных частей речи. Под моделью словоизменительных аффиксов мы понимаем абстрактную схему, согласно которой строится реальная словоизменительная цепочка с учетом законов морфонологической сочетаемости и семантики.

Во внимание здесь не берутся словообразовательные структуры, поскольку количество словоизменительных схем многочисленно, а объем данной работы ограничен. Материалом послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка¹ (kalmscorp.ru), при этом описываются только те модели, которые реально существуют и функционируют в калмыцкой речи и ряд из которых носит частотный характер.

Автор статьи выражает благодарность информантам Е. В. Бембееву и Н. М. Мулаевой за консультации по некоторым вопросам.

¹ Объем корпуса на 07.05.2015 составляет 8 797 114 токенов, из них 8 691 671 слово. Всего оцифрован 7 281 текст (739 017 предложений).

2. Дискуссии

Калмыцкий язык, как известно, по своей структуре принадлежит к числу агглютинативных. Напомним признаки подобного типа языков:

1) присоединение в строгом порядке к основе словоизменительных аффиксов, причем каждый из них занимает свою позицию и имеет одно грамматическое значение;

2) четкость границ между морфами в речи, отсутствие значимых чередований;

3) развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации;

4) наличие сингармонизма [Журинская 1990; Гузев, Бурыкин 2007].

Отметим, что калмыцкий язык не является агглютинативным в чистом виде, как и монгольский. Как справедливо замечает Т. А. Бертагаев, «на самом деле, строй монгольских языков значительно сложнее, чем думает большинство лингвистов. В этих языках, помимо агглютинации, имеется и фузия, и символизация, и внутренняя флексия (не только в личных местоимениях), и аналитизм, и вариантность основы, и неоднозначность многих аффиксов» [Бертагаев 1969: 5–6].

Действительно, элементы словоизменительной системы в калмыцком языке не могут меняться местами, быть взаимозаменяемыми. Существует определенная система их присоединения к основе, которую можно описать в виде моделей. При развитой системе словоизменительных аффиксов и четкой фонетической обусловленности использования алломорфов² очевидно отсутствие единого типа словоизменения. В языке отчетливо противопоставляется именное и глагольное словоизменение: существуют глагольные и именные аффиксы, хотя существуют аффиксы и частицы, которые могут присоединяться и к тем, и к другим. В рамках именных частей речи размывается грань между словоизменением разных частей: прилагательные, числительные, некоторые местоимения склоняются как существительные.

² В некоторых диалектах и этот признак агглютинативных языков нивелируется, например: при литературной норме в живой речи функционируют такие формы, в которых финаль слова на –а, произносится как /ə/. Так, *мана* — /манəə/, *таава* — /тавəə/ [Кичиков 1963: 5, 11, 23; Убушаев 2006: 18].

К этой же мысли пришли разработчики алгоритма автоматической обработки хакасских текстов: «В процессе работы над алгоритмом морфологической разметки становится очевидна зыбкость границ между словоизменительными классами не только в пределах имени, но также между именем, глаголом и т. н. „неизменяемым“» [Шеймович 2012: 297].

Многие словоизменительные аффиксы, которые всегда считались именными, т. е. могли присоединяться только к именным частям речи, могут примыкать и к глаголам и, более того, к неизменяемым частям речи. Причастия, как известно, обладают потенциальной способностью к присоединению падежных аффиксов и частиц. Это общеизвестный факт. Что касается деепричастий, то определенные виды деепричастий — условное и предельное — могут присоединять к себе аффиксы падежа и лично-притяжательных частиц. Возьмем, к примеру, словоизменительную модель *Conv.Cond + 3Pos* = (хла (хла) + нь). В текстах Национального корпуса калмыцкого языка встречаются и такие формы, как *Conv.Cond + Acc1* = (хла (хла) + з). После пополнения Национального корпуса калмыцкого языка фольклорными источниками выяснилось, что такие формы не получают разбора вследствие того, что словоизменительная цепочка отсутствует в базе данных. В данном случае речь идет об оформлении субъекта действия, названного основой глагола [Пюрбеев 2010: 164]. Г. Ц. Пюрбеев отмечает, что «в современном калмыцком языке проявляется тенденция к постепенной номинативизации оборотов, т. е. в них происходит процесс забвения, невосприятия нулевых форм косвенных падежей субъекта и замены их именительным падежом» [Пюрбеев 2010: 167]. Не случайно, что примеры с таким оформлением субъекта встречаются, как правило, в фольклорных произведениях, которые содержат элементы разговорного стиля.

Частицы принадлежат к неизменяемым частям речи, тем не менее могут присоединять к себе другие частицы, например, отрицательные частицы *биш*, *эс* могут принимать на себя вопросительную частицу *-ий* (*биший¹*, *эсий²*), лично-предикативные ча-

стицы (*бишв³*) подтвердительную частицу *-л* (*бишл⁴*) или комплексы из «вопросительная частица + лично-предикативная единица» (*бишийч⁵*, *эсийч⁶*) и «подтвердительная частица + подтвердительная частица» (*бишлмн⁷*). Как можно заметить, не найдено примеров, когда частица *эс* присоединяла бы к себе лично-предикативные частицы напрямую, однако обнаружены иллюстрации, когда они присоединялись только в комплексе, следуя за вопросительной частицей (*-ий*).

Интересно, что к предпозиционной отрицательной частице *эс* может присоединяться и стяженная форма от *уга*. По сути, происходит сочетание двух отрицательных частиц, при этом образуется новая лексическая единица *эсго* ‘значительно, гораздо; не просто’, являясь знаменательной (наречием) и служебной (частицей) частью речи⁸.

³ (3) — *Зерг Гиллер чамаг цокснд би бурута бишв*. [Балакаев А. Залу зөрг]

⁴ (4) *Күмнд бээдг үгмүдин хоршаврт бидн цугтан эзнлн, болв поэтнр, шүлгчнр, мел хоньтг уга цевр чинртэ поэтнр, мадн дунд тиим олн бишл*. [Каляев А. Кел нээрүлн]

⁵ (5) — *Кен билэч? — харинь тэвл уга, эргүлж хэлэхэд: — э, нам Хоңһр бишийч?* [Нармаев М. Түүк]

⁶ (6) *Тегэд, күүкн эсийч? — болад Эрнцн алһтв*. [Тачиев А. Бар жил]

⁷ *Би сурһульта бишлмн*. [Инджиев Л. Большевикүд]

⁸ Данное слово как наречие сочетается с прилагательным (см. примеры 7, 9), причастием (см. пример 10) и глаголом (см. пример 8), выражая значение интенсивности, а как частица сочетается с существительным (см. пример 11). Частота появления данной единицы в корпусе составляет всего 15 словоупотреблений.

(7) *Хаджс овалсн, нүкнд булжс искэсн малымдн тежгэл урдк жшлмүдт орхнь эсго баһ*. [Тачиев А. Бар жил]

(8) *Халдан өмнкарн болхла эсго номһрв, атакт бослджахн уга*. [Хонинов М. Чи медхмч, Смоленск һазр]

(9) *Манла эдл хө-хурһ хэрүлдг улст эн төрчн эсго оңдан*. [Нармаев М. Түүк]

(10) *Дэкэд шинжлэд хэлэхнь өрэ эсго оңдарсн бээдл һарад бээнэ*. [Тачиев А. Манц һол]

(11) — *Одак бууһин дун, эсго дун биш, — гижж Богла багш сүрдв*. [Бадмаев А. Зултрһн — теегин ноһан]

¹ (1) *Тер һашута зовлң, хорта зөвүр биший?* [Балакаев А. Алтн бумб]

² (2) *Тиим эсий, Николай Иванович? — гижж ахлач сурв*. [Бадмаев А. Алтн шорад даргддго]

3. История вопроса

В истории изучения калмыцкого языка существует описание порядка присоединения аффиксов [Грамматика калмыцкого языка 1983: 57; Сай 2009: 635, 667–669], однако исследователи не конкретизиру-

ют информацию по словоизменительным моделям, приводя лишь общую схему и не расширяя описанную модель другими аффиксами, т. е. в данном случае учитываются только словоизменительные морфемы и некоторые частицы.

[Грамматика калмыцкого языка 1983: 57]	[Сай 2009: 635, 667–669]
Именные слова: корень + словообразующий аффикс (основа) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + притяжательная (возвратная, лично-притяжательная) частицы	Структура именной словоформы: показатель числа + показатель падежа + показатель посессивности
Глагольные слова: а) корень (глагол) + аффиксы залога + наклонения + отрицательная частица + вопросительная частица + предикативная (сказуемая) частица; б) корень (имя) + глаголообразующий аффикс + аффиксы залога + наклонения + отрицательная частица + вопросительная частица	Структура глагольной словоформы: корень + показатели деривации глагольных основ (каузатива, пассива, реципрока, социатива) + аспектуальные показатели (комплетив, прогрессив) + показатель глагольной множественности + показатели финитности/нефинитности (суффиксы причастий, деепричастий, косвенных наклонений или времени) + показатели отрицания + согласовательные показатели + частицы

Как видно, и в академической работе, изданной в 1983 г., и в недавнем грамматическом очерке С. С. Сая дана общая структура именной и глагольной словоформы, однако в первом труде акцент сделан и на структуру лексической единицы, и на словоформы. Другими словами, объект описания у исследователей разный — слово и словоформа, соответственно. Не ясно, в каком порядке присоединяются частицы к именной, а также к глагольной словоформам. В работах не описаны ограничения в сочетаниях разных аффиксов.

В диссертационном исследовании Е. Ц. Манджеевой выделены именные (на примере существительных) модели по количеству присоединенных к корню аффиксов: двухморфемные, трехморфемные, четырехморфемные и т. д. [Манджеева 2010], при этом в качестве элемента, который присоединяется к корню, рассматриваются словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Автор скрупулезно анализирует разные структурные типы слов и словоизменительные блоки имени существительного. Однако Е. Ц. Манджеева не рассматривает морфемные блоки в аспекте грамматики порядков: автора интересовала морфемная структура существительных, основной це-

лью работы стало выделение их словоизменительных типов.

Что касается глагольных моделей в калмыцком языке и, шире, в группе монгольских языков, то они практически не анализировались. Имеются работы, которые описывают аффиксы, их значение и функцию [Глагол и отглагольные формы ... 1979; Орловская 1980; Харчевникова 1995; и др.], однако исследования порядка присоединения словоизменительных аффиксов к основе отсутствуют.

4. Аффиксы и частицы

К именным частям мы относим имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение. В калмыцком языке к изменяемым частям речи традиционно относят числительное, местоимение и существительное. Числительные и местоимения имеют такую же систему словоизменения, что и существительное, за исключением ряда местоимений, которые имеют супплетивные основы. Прилагательные обладают потенциальной способностью к словоизменению, которая проявляется в случае их перехода в разряд существительных, т. е. субстантивации. К существительным могут присоединяться следующие аффиксы и частицы:

№	Тип аффикса	Аффиксы	Условное обозначение
	аффикс множественного числа	-д, -нр, -муд, -мүд, -с, -уд, -үд, -нуд, -нүд, -чуд, -чүд	Pl
	аффикс словообразования (двойное склонение)	Gen (генитив/ родительный падеж)	-а, -ә, -я, -ин, -гин, -ын, -хин, -н
		Ass (ассоциатив/ совместный падеж)	-та, -тә
	падежный аффикс	Nom (номинатив/ именительный падеж)	-III
		Gen (генитив/ родительный падеж)	-а, -ә, -я, -ин, -гин, -ын, -хин, -н
		Dat (дательный/ дательный-местный падеж)	-д, -т
		Acc (аккузатив/ винительный падеж)	-иг, -гиг, -ыг, -г, -III
		Instr (инструменталис/ орудный падеж)	-ар, -әр, -яр, -һар, -һәр, -гар, -гәр
		Com (комитатив/ соединительный падеж)	-ла, -лә
		Ass (ассоциатив/ совместный падеж)	-та, -тә
		Abl (аблатив/ исходный падеж)	-ас, -әс, -һас, -һәс, -гас, -гәс
		Dir (директив/ направительный падеж)	-ур, -үр, -юр, -һур, -һүр, -гур, -гүр
		Term (терминатив/ предельный падеж) ¹	-ца, -цә
		Voc (вокатив / звательный падеж)	-а, -ә
	аффикс сказуемости (=лично-предикативные частицы)	1-е лицо ед. ч.	-в
		1-е лицо мн. ч.	-видн, -вдн
		2-е лицо ед. ч.	-ч
		2-е лицо мн. ч.	-т
	аффикс принадлежности (=посессивности)	1-е лицо ед. ч.	-м
		1-е лицо мн. ч.	-мдн
		2-е лицо ед. ч.	-чнь, чн
		2-е лицо мн. ч.	-тн
		3-е лицо	-нь
	аффикс возвратности (=возвратная (рефлексивная) частица)	-ан, -ән, -ян, -н, -рн, -һан, -һән	Refl
	аффикс вопросительности (вопросительная частица)	-й, -ий	Q
	аффикс усиления/ выделения (частица усиления/выделения)	-чн, -л	Emp
	аффикс подтверждения (=подтвердительная частица)	-мн, -лм ²	Conf
	аффикс уподобления (экватив)	-иң	Equ

¹ Предельный и звательный падежи, как правило, не выделяются в системе склонений, поскольку существуют семантические ограничения в их образовании и в речи они используются крайне редко [Грамматика калмыцкого языка 1983: 102].

² Аффикс -лм является результатом сочетаний двух частиц — усилительно-выделительной и подтвердительной и усечения -н.

5. Порядок аффиксов

Ниже приведен список моделей, функционирующих в калмыцком языке, на материале Национального корпуса калмыцкого языка. Мы привели иллюстрации из текста на каждую схему вне зависимости от ее «известности», которая доказывает ее реальное функционирование в калмыцкой речи. Для

структурирования схемы используются следующие условные знаки:

- 1) Base — основа;
- 2) () — факультативность;
- 3) | — альтернатива;
- 4) + — присоединение.

№	Схема	Расшифровка	Пример
1.	Base + (Inter) + Equ	основа + (интерфикс) + аффикс уподобительности	чон + ии ¹ , аң + э + ии ²
2.	Base + Per	основа + аффикс сказуемости	баги + ө ³ , аң + э + ө ⁴
3.	Base + (Inter) + Q	основа + (интерфикс) + вопросительная частица	күүкн + ий ⁵ , золвң + э + ий ⁶
4.	Base + Emp + Conf	основа + усилительно-выделительная частица + подтвердительная частица	улс-л-мн ⁷
5.	Base + Emp	основа + усилительно-выделительная частица	аав + чн ⁸
6.	Base + Pos	основа + аффикс посессивности	аав + м ⁹
7.	Base + (Inter) + Case	основа + (интерфикс) + аффикс падежа	күүкн + э ¹⁰ , аң + э + ии ¹¹
8.	Base + (Inter) + Gen Ass + (Inter) + Case	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + (интерфикс) + аффикс падежа	адһм + та + һ + ар ¹² , цаг + ин + лэ ¹³
9.	Base + (Inter) + Gen Ass + Case + Pos	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + аффикс падежа + аффикс посессивности	залу + та + һ + и + м ¹⁴

¹ Хөөнд орсн **чониң**, / Хортн түргэр ноолдв, / Эвтэ һавиун чавчад, / Улчудын цус асхв. [Нармаев М. Алтн һасн].

² Зәрмдән Булһ орхларн / Зөрлцэд Андраг үзхләрн, / Аңһучас зулсн **аңгиң** / Алд холаһар йовжэсв ... [Сусеев А. Иньг минь, бичэ март!].

³ — Би тана көвүнэ **багив**. [Шуграева В. Түрүн хоңх].

⁴ Би — ярһн гидг **аңгв**: / Бүтү хад кеджэ йовдув, / Зовлң-түрү угаһар / Зунар өндр уулд бээдүв... [Эльдышев Э. «Белг бэрлһнэ дегтр» гидг зокъялын тускар].

Көк Чон терүг / Кесгтән өврэд мөрднэ, / Эжго аглһд харһад, / Эвлүн дууһар келнэ: / — Эвтэ, арһта **аңгв**, / Эврэн ода үзхч. [Шуграева В. Зан теегт яһад эс бээдв].

⁵ Шиндэ му **күүкний**? [Джимбиев А. Шиндэ].

⁶ Цагин аюлар, аль тэвсн хөвэр ирсн **зовлңгий** эн? [Бадмаев А. Арнзлын гүүдл].

⁷ Кезәнэс нааран хамдан ни-негн бээжэ өсцхэсн **улслмн**. [Инджиев Л. Харалта өдрмүд].

⁸ — **Аавчн** ик нертэ күн билэ, — болжэ баав. [Балакаев А. Бамбуш].

⁹ **Ээжм**, **аавм** энд. [Бадма-Халгаев И. Бичкн селән].

¹⁰ Тер **күүкнэ** адта бээдл үзэд, Таян зүркн атхлдад одв. [Балакаев А. Залу зөрг].

¹¹ Шар торһн һадрта, кермн аңгин арсн үчтэ, талдан берк **аңгин** арсар кегдсн төгрг махлата, ах-баги цаһан мөңгэр кегдсн бэрдгэ улан зандн тайган түшжэ ониржэ сууна. [Амур-Санан А. Арнзл (пер. Инджиев Л.)].

¹² Карл **адһмтаһар** ормасн өсржэ босад, һарад зулхар седв. [Балакаев А. Залу зөрг].

¹³ Кезэңк мана **цагинлэ** эдлцүлжэ болиго. [Тачиев А. Туурмж].

¹⁴ — Ал, алдг арһ бээхлэ, **залутаһим** хамднь ал! [Сян-Белгин Х. Догшин аюл].

10.	Base + (Inter) + Gen Ass + Refl	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + аффикс падежа + возвратная частица	<i>сар + та + д + ан¹, наадк + ин + лэ + h + эн²</i>
11.	Base + (Inter) + Case + Pos	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + аффикс посессивности	<i>залу + h + им³, заң + э + ас + нь⁴</i>
12.	Base + (Inter) + Case + (Inter) + Refl	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + (интерфикс) + возвратная частица	<i>баажса + та + h + ан⁵, арслң + э + д + ан⁶</i>
13.	Base + (Inter) + Case + Q	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + вопросительная частица	<i>цуг + та + h + ин + ий⁷, зовлң + та + й⁸</i>
14.	Base + (Inter) + Case + Emp	основа + (интерфикс) + аффикс падежа + усилительно-выделительная частица	<i>ахлач + ла + чн⁹, хаза + h + ас + чн¹⁰</i>
15.	Base + (Inter) + Pl	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа	<i>булң + э + уд¹¹, авh + нр¹²</i>
16.	Base + Pl + Pl	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа	<i>көгиш + д + үд¹³</i>
17.	Base + Pl + Pl + Case	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа + аффикс падежа	<i>көгиш + д + үд + ин¹⁴</i>
18.	Base + Pl + Pl + Refl	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа + возвратная частица	<i>көгиш + д + үд + эн¹⁵</i>

¹ Түүнэ хөөт эжил харсн көвүн хурвн *сартадан* сэдхэн хээв. [Балакаев А. Алтн бумб]

² Иигэд суужаһад, негнәннь тоха *наадкинлэһэн* харһхла, хоюрн нег-негнүрн ширтлджэһэд, инэчкэд, сурһулян цааранднь дасна. [Балакаев А. Алтн бумб]

³ Зуг *залуһим* нанд үзүлтн. [Балакаев А. Алтн бумб]

⁴ Тер *зангаснь* энүг ямарн кевэр хаһцулдг арһ бээдв? — гих тоолвр нанд орв. [Дорджиев Б. Эзн]

⁵ Бидн *баажсатаһан* терзэр хэлэһэд йовхвдн. [Докрунов Б. Барла]

⁶ Би көвүнд бас арвн долан мөңг өгвв, тигэд йовсндан чигн, харһсн *арслңдан* чигн һундсн угав. [Пушкин А. Станц хэлэдг күн (пер. Ильджиринов Э.)]

⁷ Нуһсмудан басий ... *цугтаһиний*? — гижэ Нюрк бас соньмсэж сурв. [Гайдар А. Дөрвдгч блиндаж (пер. Белгиев С.)]

⁸ — Сурһаль *зовлңтай*? [Инджиев Л. Большевикүд]

⁹ Тер «харңһу сөөд хань болиго, хар буданд хэть болиго» рабкоопин *ахлачлачн* би иигэж көдлэж чадигов. [Тачиев А. Бар жил]

¹⁰ — *Һазаһасчн* хэлэхлэ — хальмг күүнэ зүстэч, дотркичн шинэжлхлэ — мал-адусна бэрцтэч, — болэж Хануш уурлв. [Балакаев А. Зерлг нохас]

¹¹ Зертэ-зевтэ улс үзчкэд, неминр ухан уга, нег *булңгуд* баглрад, һаран өргэд, чичрэд бээнэ. [Бадмаев А. Бамб цецг]

¹² Өргәннь сахл / Өвцүнднь күрсн, / Өвцүнәннь сахл / Өвдгтнь күрсн, / Цал буурл сахлта / Зун цаһан *авһнр* харһна. [Сказка. Бурхн зеерд мөртэ бодь замбан тууль]

¹³ Такое образование множественного числа путем соединения двух плюральных аффиксов характерно для торгутского говора калмыцкого языка. См. подробно [Убушаев 2006: 110].

Өвгдүд-көгшдүд мана теегт зун арвн долан зүсн өвсн урһдмн гиж келдг. [Тачиев А. Бар жил]

¹⁴ *Көгшдүдин* зәрмиснь ода цегин бийднь Араха сар деер архлата бээнэ гижэ санцхана. [Эрендженнов К. Арахан туск келвр]

¹⁵ Өдртнь нар тосч, / Сөөднь сар тосч, / Күргн-куукн ниһһэр / *Көгшдүдән* тевчэд бээцхәнэ. [Шуграева В. Ахнр-дүүнр]

19.	Base + Pl + Pl + Pos	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа + аффикс посессивности	эз + ∂ + $\gamma\partial$ + нь ¹
20.	Base + Pl + Pl + Case + Pos	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа + аффикс падежа + возвратная частица	герг + ∂ + $\gamma\partial$ + ар + н ²
21.	Base + Pl + Pl + Per	основа + аффикс множественного числа + аффикс множественного числа + аффикс сказуемости	γp + ∂ + $\gamma\partial$ + видн ³
22.	Base + (Inter) + Pl + Per	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс сказуемости	$\gamma\gamma p$ + $m\gamma\partial$ + вдн ⁴
23.	Base + (Inter) + Pl + Pos	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс посессивности	күүк + ∂ + нь ⁵ , бульчн + ε + $\gamma\partial$ + нь ⁶
24.	Base + (Inter) + Pl + Conf	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + подтверждающая частица	баһ + чуд + лм ⁷
25.	Base + (Inter) + Pl + Emp	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + усилительно-выделительная частица	көвү + ∂ + чн ⁸ , гелн + ε + $\gamma\partial$ + чн ⁹
26.	Base + (Inter) + Pl + Equ	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс уподобительности	мөр + ∂ + шн ¹⁰
27.	Base + (Inter) + Pl + Q	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + вопросительная частица	сурһульч + нр + ий ¹¹
28.	Base + (Inter) + Pl + Case	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа	күүк + ∂ + ин ¹² , царн + ε + $\gamma\partial$ + ар ¹³
29.	Base + (Inter) + Pl + Case + Pos	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + аффикс посессивности	баатр + муд + ын + нь ¹ , зээсн + ε + $\gamma\partial$ + ин + нь ²

¹ Эздүднь колхозин малд йовх, зэрмнь өвс хадлһнд йовна. [Джимбиев А. Таслгч эргц]

² Хөөг гергдүдэрн, шолас ирсн күүкдэрн хэрүлхмн. [Тачиев А. Бар жил]

³ ... Нег школын, нег классин, / Нег нутга үрдүдвидн ... [Буджалов Е. Ёрвулн цаажин камерт]

⁴ — Бичэ, Булһн, юмнас э, бидн чини үүрмүдвдн, чамаг эврәннь зерглэнд авхар седжэжэвдн. [Балакаев А. Алтн бумб]

⁵ Тер күүкднь Бадм Очр хойр болжана. [Джимбиев А. Таслгч эргц]

⁶ Көвүнэ көл һазрт күүрч йовх угань медгдхи, негл чиигтэ арс делгчксн мет, көлнь хальтн гисн болна, судцнь чингднэ, **бульчгуднь** холинэ. [Балакаев А. Буурл теэгт]

⁷ Тер тускан эдн бийснь йилһжэ чадх арһта **баһчудлм**... [Джимбиев А. Таслгч эргц]

⁸ Терүнэс сээхн **көвүдчн** нанд дурта билэ. [Бадмаев А. Арнзлын гүүдл]

⁹ Теднчн, **гелцгүдчн**, яахан эс меджэ чаджасмн. [Балакаев А. Алтн бумб]

¹⁰ Урдана **мөрдиц** көөлдэд / Уульңар машид гүүлднэ. [Хонинов М. Махлаһан авад...]

¹¹ Бий ... аль **сурһульчнрий**?.. [Балакаев А. Алтн бумб]

¹² Эн наадн деер, зэрм баһчуд мэч булалдхас икнхнь нег-негләһән теврлднэ, **күүкдин** чеежэс бэрцхэнэ, шахлднэ. [Балакаев А. Алтн бумб]

¹³ Совхозин парторгин ям даажэх Басанд герт суудг цол уга, хол бээсн хөөнэ хошимудар болн мал хэрүлдг **царңгудар** ямаран чигн кергэр йовх болжс һарна. [Бадмаев А. Арнзлын гүүдл]

30.	Base + (Inter) + Pl + Gen Ass + Case + Pos	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + аффикс падежа + аффикс посессивности	<i>бодң + ɛ + уд + та + h + и + нь³</i>
31.	Base + (Inter) + Pl + Gen Ass + Case	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа аффикс падежа	<i>күүк + ɔ + ин + лэ⁴</i>
32.	Base + (Inter) + Pl + Case + (Inter) + Refl	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + (интерфикс) + возвратная частица	<i>альчур + муд + ар + н⁵, бодң + ɛ + уд + ла + рн⁶</i>
33.	Base + (Inter) + Pl + Case + Q	основа + (интерфикс) + аффикс множественного числа + аффикс падежа + вопросительная частица	<i>хазг + уд + ас + ий⁷</i>

6. Ограничения в сочетаемости слово-изменяемых аффиксов

Грамматика порядков у именных частей речи в калмыцком языке, на наш взгляд, менее сложная по сравнению с глагольной. Присоединение аффиксов к именной основе зависит от их значения и строго регламентировано семантическими правилами. Например, к отглагольным существительным не могут присоединяться аффиксы возвратных, лично-притяжательных, уподобительных частиц: *умилһм* 'мое чтение', *умилһнь* 'его чтение', *умилһниң* 'как чтение'. Однако этот вопрос требует отдельного исследования и в данной статье не рассматривается.

7. Выводы

Таким образом, нами выявлено 33 модели грамматики порядков для имени существительного на основе корпусного подхода, однако этот список не носит окончательного характера. Модели порядков можно использовать в синтезе словоформы калмыцкого языка.

References

- Bertagaev T. A.* Morfologičeskaja struktura slova v mongol'skikh jazykah [Morphological structure of the word in Mongolian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 184 p. (In Russ.).
- Glagol i otglagol'nye formy sovremennogo kalmyckogo jazyka* [Verbs and verbal forms of the contemporary Kalmyk language]. Elista, Kalm. Book Publ., 1979. 203 p. (In Russ.).
- Grammatika kalmyckogo jazyka: fonetika i morfologija* [Grammar of the Kalmyk language]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.).
- Guzev V. G., Burykin A. A.* Obshhie stroevye osobennosti aggljutivnyh jazykov. [Common structure features of agglutinative languages]. Acta linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. T. 3. Ch. 1. [Acta linguistica Petropolitana. Works of ILI RAN. Vol. 3. Ch. 1.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 109–117. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh.* Derbetskij govor (fonetiko-morfologičeskoe issledovanie) [The

¹ *Ода эврәннь Хальмг АССР-ин туск келвр эклхэсн урд, Михаил Иванович Калининэ келсн үг темдглхэр седлэв: «Эврәннь этническ болн туужд орсн баатрмудыннь үзмэжиг чөдрэн хайсн келн-эмтн ямаран бахмэжта кевэр сергэх...»* [Дорджиев Б. Теегин республик]

² — *Теднэ хар уха медсн угатьнр нойдудыннь, зэсцгүдиннь һазриг эврэн булажс авлдв, шүүгүлд көдлдг хальмгуднь жалвинь икдүлхиг некэд буцлһ татв.* [Балакаев А. Буурл теегт]

³ *Бодңудтаһинь яһвч? — гив.* [Эпос. Хальмг баатрльг дуулвр]

⁴ *Сарин сувсрсн гегэнд Зандан чирэ, нилх күүкдинлэ эдл, бальчхр болжс үзгднэ.* [Балакаев А. Алтн бумб]

⁵ *Кермс деерк хашид зогсхасн улс альчурмударн дайлад бээцхэв.* [Амур-Санан А. Муудран көвүн (пер. Инджиев Л.)]

⁶ *Эңгин наадк бодңудларн Эдлэр авцад ирдгв.* [Эпос. Жаһрч Баснга Мукөвүнэ келсн бөлгүд]

⁷ — *Салдс, чамд немшиэс иигтлчн тусв, аль хазгудасий? — гижс шар сахлта фронтовик соньмсв.* [Балакаев А. Буурл теегт]

- Derbet dialect (phonetic and morphological research]. Elista, Kalmgosizdat Publ., 1963. 88 p. (In Russ.).
- Kharchevnikova R. P.* Sistema glagol'nyh naklonenij v sovremennom kalmyckom jazyke [The system of verbal moods in modern Kalmyk language]. Elista, KalmGU Publ., 1995. 95 p. (In Russ.).
- Mandzheeva E. C.* Morfemnye modeli slov v sovremennom kalmyckom jazyke: na materiale imen sushhestvitel'nyh [Morphemic word models in modern Kalmyk language: case study of nouns]. dis. ... candid. filol. nauk [Thesis for the degree of Ph.D. in Philology]. Elista, 2010. 132 p. (In Russ.).
- Orlovskaja M. N.* Funkcii soedinitel'nogo deeprichastija v klassicheskom mongol'skom jazyke [Functions of connective adverbial participles in classical Mongolian language] Voprosy grammaticheskoy sistemy mongol'skih jazykov [Questions of grammatical system of the Mongolian languages]. Elista, Kalm. Book Publ., 1980, pp. 3–19. (In Russ.).
- Pyurbeev G. C.* Grammatika kalmyckogo jazyka. Sintaksis. 2-e izd., pererab. [Grammar of Kalmyk language. Syntax. 2-nd ed-n. revised]. Elista, KIGI RAN Publ., 2010. 299 p. (In Russ.).
- Sai S.S.* Grammaticheskij ocherk kalmyckogo jazyka. Issledovaniya po grammatike kalmyckogo jazyka. Red. S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobol'skaja (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2009. T. V, ch. 2). St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 622–709. (In Russ.).
- Shejmovich A. V.* K morfologicheskoy razmetke korpusa hakasskogo jazyka. Informacionnye tehnologii i pis'mennoe nasledie [To the morphological marking of the corpus of the Khakas language. Information technologies and written heritage]. El'Manuscript-2012: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Petrozavodsk, 3–8 sentjabrja 2012 g.) [Proc. of the IVth Inter. Scien. Conf. – El Manuscript-2012]. (Petrozavodsk, September 3-8, 2012). Petrozavodsk, Izhevsk, 2012, pp. 294–301. (In Russ.).
- Ubushaev N. N.* Dialektnaja sistema kalmyckogo jazyka. Elista: NPP «Dzhangar», 2006. 256 p. (In Russ.).
- Zhurinskaja M. A.* Tipologicheskaja klassifikacija jazykov. L'invisticheskij enciklopedicheskij slovar'. gl. red. V. N. Jarceva. [Typological classification of languages. Linguistic encyclopedic dictionary. Chief editor V. N. Jarceva]. Moscow, Sov. Encikl. Publ., 1990, pp. 511–512. (In Russ.).

УДК 398.22
ББК 83.3 (2 Рос=Калм)

**СПЕЦИФИЧЕСКОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ОБРАЗЕ ГЕРОЯ
КАЛМЫЦКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКИ И ЭПОСА «ДЖАНГАР»**

**Specific and Universal in the Image of the Hero
of the Kalmyk Heroic Tale and Epos «Dzhangar»**

Ц. Б. Селеева (Ts. Seleeva)¹

¹научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tsagana007@mail.ru.

В статье рассматривается семантика образа героя и его функций в калмыцкой богатырской сказке и эпосе «Джангар». Специфическое и универсальное выявляется путем реконструкции процесса трансформации богатырской сказки в героический эпос. Автор приходит к выводу, что универсальное в образе героя связано с синкретической природой и взаимопроницаемостью жанров богатырской сказки и эпоса. Специфические качества обусловлены социально-историческими факторами патриархально-родового и феодального строя, оказавшими влияние на формирование образа героя сказки и эпоса.

Ключевые слова: богатырская сказка, героический эпос «Джангар», герой, концепция героического, героический миф, культурный герой, инициация.

The article deals with the semantics of the hero's image and his functions in a Kalmyk heroic tale and the epos *Dzhangar*. The author reveals specific and universal features of the hero's image by reconstructing the transformation process of the heroic tale into the heroic epos. The author comes to the conclusion that the universal in the image of the hero is associated with the syncretic nature and interpenetration of genres of both the heroic tale and the epos. The most important source of the formation of both the heroic epos and the heroic tale is a myth through which one can trace the transformation of the heroic tale into the heroic epos which is caused by the development of peoples themselves, their transition from the patriarchal and tribal system to the feudal society. The myth had influenced the formation of the heroic tales and heroic epos primarily through the image of a cultural hero. In this connection, the author makes an assumption that this image served as source material contributed to the creation of fabulous and epic heroes' models. Specific features of the image are caused by socio-historical factors of the patriarchal-patrimonial and feudal systems that influenced the creation of the image of the hero both in the tale and the epos.

Keywords: heroic tale, the heroic epos "Dzhangar", the hero, the concept of the heroic, heroic myth, the culture hero, initiation.

Богатырская сказка, представляющая собой предшествующую эпосу архаическую формацию, характеризуется отсутствием государственной перспективы и историзма, присущих классическому героическому эпосу. Герой богатырской сказки являет собой образ представителя семьи и рода, подвиги которого связаны с родовыми

и семейными распрями, кровной мстью, добыванием невесты, угоном табунов соседнего племени и, т. п.

Героический эпос в отличие от народной сказки оперирует историческими, национальными и государственными масштабами. Его «история тесно связана с процессом формирования народностей и древней-

ших государств» [Мелетинский 2004: 423]. «Созданный в период племенных распрей, переселения народов, основания государств и последующей борьбы народов за свою независимость против чужеземных завоевателей, героический эпос видит героя в образе идеального богатыря, наделенного мужеством, доблестью, физической силой, защитника своих родичей, народа и родины, который в единоборстве побеждает чудовищного врага или один уничтожает несметные полчища иноплеменных захватчиков» [Жирмунский 2004: 125]. Так, богатырь калмыцкого героического эпоса «Джангар», воплощающий народный идеал героизма в период постоянных войн, выступает как защитник своего народа, его свободы и независимости в героической борьбе против его исторических врагов.

Главным действующим лицом произведений героического и сказочного эпоса является воин-богатырь, наделенный сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, неукротимой энергией и свободолубием, в монументально-идеализированной форме олицетворяющий норму поведения человека героического, воинского века и генетически восходящий к типам героев архаических мифов. Герои архаических мифов — это предки, которые являются в то же время демиургами и культурными героями. Если в мифах эсхатологических, календарных главным архетипом является формирование мира, его гибель и обновление в борьбе между хаосом и космосом, то в мифах героических речь идет о формировании героя, символизирующего родовые или племенные силы и совершающего свои подвиги на космическом фоне. Обычно такой герой наделяется «непомерной силой и сверхчеловеческими возможностями, однако он лишен бессмертия, компенсирующегося в героическом мире подвигами и славой (бессмертием) среди потомков» [Мифы народов... 2000: I, 294]. Таким образом, самопроявление энергии и личной воли эпического богатыря взаимосвязано с интересами коллектива, и в этом синтезе осуществляется эпическая идеализация богатыря. Совершаемые богатырем действия в основном соответствуют эпическим целям, имеющим в той или иной мере коллективистский характер.

Древнейшее ядро образа Джангара — ниспосланный небом культурный герой, очищающий землю от чудовищ, родив-

шийся в мифические «начальные времена». Эпические события в «Джангаре» приурочиваются к «началу раннего времени, когда распространялась вера бесчисленных будд-бурханов» [Джангар 1978: II, 368], т. е. мифологическое начальное время совпадает с историческим временем распространения и утверждением буддизма в ойратском мире. По всей вероятности, «архаические представления о первотворении были трансформированы в представления о начале историко-эпической эпохи, относимой к распространению буддизма в XVII веке» [Кичиков 1997: 20]. Специфика временного фона эпических событий в «Джангаре» позволяет определить его как «не мифологическое «неопределенное» или «изначальное» время архаического эпоса, а условно-историческое время, наделенное внешними признаками историчности, несмотря на вневременность самого сюжета» [Неклюдов 1973: 153].

Согласно эпосу, Джангар — сирота («в поколении одинокий»), но при этом имеющий славных предков. Как правило, «связь с прославленным, известным своими подвигами родом дополняет характеристику и определяет в известной мере достоинства героя. Он способен и готов к совершению подвигов не только в силу своих личных качеств, но и как представитель своего рода. Героические качества в значительной степени оказываются не индивидуальными, а родовыми» [Мельникова 1987: 86]. Всего годовалым от роду Джангар ведет борьбу с различными чудовищами (мангусами), а в семилетнем возрасте женится на красавице Шавдал, дочери властителя юго-восточного края, и становится государем идеальной страны Бумбы. Джангар воспринимается как правитель «центра» (это соответствует генеалогическим мифам о правителях), противопоставленный правителям окраин, борьба с которыми, по существу, адекватна цивилизаторской деятельности культурного героя. Иногда Джангар правитель — властитель одной из четырех стран света, который совмещает в себе черты культурного героя (в его демоноборческой ипостаси) и вселенского государя. Власть его признают сорок ханов (фольклорно-мифологическое выражение всеобщности), и в своих руках Джангар сосредоточил четыре вида правления — государственное, религиозное, мирское, военное. Возможно, при формировании представлений о Джангаре были привнесены

также переосмысленные идеи буддийской мифологии о царе-чакравартине, не противоречащие, впрочем, собственно эпическим идеалам. Однако в первую очередь, Джангар — ««вселенский» монарх, имеющий дружину эпических воинов, в ряды которой более мелкие удельные владыки вступают добровольно, утрачивая свою самостоятельность, или же принудительно, потерпев поражение в войне» [Неклюдов 1984: 103]. Калмыцкий героический эпос «Джангар» повествует о богатырях, оставивших свои владения, многочисленных подданных и последовавших за Джангаром, зная, что ему суждено стать правителем и «владеть всем, что под солнцем», и впоследствии ставших главными богатырями Бумбайской державы [Селева 2012: 144]. В одной из глав калмыцкой версии «Джангара» цикла сказителя Ээлян Овла речь идет о потерпевшем поражение противнике Зан-тайджи хане, который преподносит Джангару священно-белый хадак и произносит клятвенное заверение в том, что жизненную силу свою он преподносит великому Джангару и шести тысячам двенадцати богатырям, а жизнь свою отдает в распоряжение Алому Хонгору Благородному [Джангар 1978: II, 71–91].

В образе идеального правителя воплощаются также представления о социальном порядке и благополучии, выраженные в одном из его главных качеств — «мудрости, которая понимается не как чисто интеллектуальное качество, а как практическое следование существующим этическим нормам, неукоснительное выполнение того, что должно» [Мельникова 1987: 92]. Процветание эпического социума зависит от личных качеств правителя и его харизмы, обладающей охранительной и регулирующей функцией — функцией сохранения жизни самого суверена и благоденствия державы под его рукой. В эпосе «Джангар» это наглядно выражено в ряде примеров: «Прекрасные, как львы, богатыри-вепри, вкушая обильную арзу, под покровительством славного Джангара в блаженстве и покое пребывали» [Джангар 1978: I, 392]; «В стране Джангара вера бурханов, словно солнце, воссияла, мирное правление стало крепким, как скала, счастливей, чем прежде, стали они — было вдоволь прозрачной арзы из молока необъезженных кобылиц, в счастье и в радости пребывали богатыри» [Джангар 1978: II, 24]; «С той поры владения славного Джангара в мире и покое пребывают, вера в их

Бумбайской стране, словно солнце, сияет, мирское правление стало крепким, как скала, под покровительством хана Джангара в счастье и блаженстве все пребывают» [Джангар 1978: I, 440].

Таким образом, благополучие героического общества полностью зависит от соблюдения освященных многовековой практикой норм поведения, подходящих правителю, с одной стороны, и его воинам — с другой. Долг по отношению друг к другу — это те узы, которые связывают героическое общество воедино, это основа его благополучия и жизнеспособности. «Все достоинства героя направлены к одной цели, героической по своей сути, — защите племени от нападений врага — таково его предназначение, и, лишь выполняя его, он становится героем. Представление о героическом реализуется в первую очередь в действии, в подвиге, причем подвиге общественно значимом, совершенном ради блага племени» [Мельникова 1987: 86]. Для совершения подвигов герой нуждается в сверхъестественной силе, которая лишь отчасти присуща ему от рождения, обусловлена его божественным или полубожественным происхождением. Так, в «Песне о победе богатырей Джангара, Савара и Хонгора, над семью богатырями желто-мангусова хана Замбала» о Джангаре говорится, что «в лопатках исполнен он силы тридцати трех тэнгриев Хормусты, а в поясе — силы пятнадцати духов-хранителей панча-ракча... Сила и слона, и льва вместе в каждом суставе десяти белых пальцев <...> На лбу у него изображение будды Майдари. На маковке опочил будда Очир-сатва. Лама Адиша блюдет и хранит его руки и ноги, его чистую прекрасную грудь <...>» [Цит по: Козин 1940: 145–146]. По мнению А. Ш. Кичикова, смешение представлений о силе богатыря и его небесных покровителей-будд восходит к архаическим представлениям о покровителях парциальных душ [Кичиков 1997: 27].

Герой нуждается в помощи божеств или духов-покровителей (в дальнейшем эта потребность героя ниспадает в героическом эпосе, но возрастает в сказке, где чудесные помощники часто действуют за героя), которая «большой частью приобретается посредством определенного искуса и испытаний типа посвятительных испытаний, т. е. инициации, практикуемой в архаических обществах» [Мифы народов 2000: I, 297].

По всей вероятности, ранние ритуаль-

ные инициации предпринимались героем намеренно, для обретения сверхъестественных, магических способностей, которые он добывал посредством мучительных испытаний, в ином мире или в верхнем мире после контактов с могучими духами. Инициация может быть представлена как временная смерть и последующее воскресение, а также — в более рациональной форме — как победа, одержанная над чудовищем. Позже инициации сводятся к предварительным испытаниям героя в процессе его социального воспитания — так называемым возрастным посвященческим обрядам, совершаемым при переходе юношей в разряд взрослых мужчин.

Отражением обрядов инициации в богатырской сказке и эпосе является уход или изгнание героя из своего социума, временная изоляция и странствия в иных странах, в верхнем или в нижнем мире, где и происходят контакты с духами, приобретение духов-помощников, борьба с некоторыми демоническими противниками, встреча и женитьба на суженой. Так, сюжет II главы Малодербетовского цикла посвящен поездке Джангара в верхний мир для сражения с хтоническим чудовищем.

Джангар убивает сорокачетырехголового муса, который превращается в небесное чудовище Кюрюл Эрдени, и тот, приняв облик орла, уносит Джангара на небо и подвергает его там страшным пыткам. Героя выручает дочь Солнца, младшая жена Кюрюл Эрдени, которую некогда Джангар вызволил из утробы сорокачетырехголового муса. Усыпив чудовище, она освобождает пленника. Джангар уничтожает Кюрюл Эрдени, найдя и истребив его «внешнюю душу», хранившуюся в виде птенчика в брюхе марала. Затем, спустившись с неба с помощью птицы Гаруды, он долго странствует по земле, по верхнему и нижнему мирам, а возвратившись, находит свою ханшу Шавдал уже состарившейся [Джангар 1978: I, 91–138]. В III главе того же цикла повествуется о том, как Джангар внезапно уезжает из своей страны на чужбину, оставив ханшу Шавдал, богатырей и Бумбу для главной цели — обретения наследника Шовшура [Джангар 1978: I, 139–216].

«В процессе трансформации мифа в сказку происходит деритуализация и десакрализация, ослабление веры в подлинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, постепенная потеря конкрет-

но этнографического содержания сказочной фантазии, замена мифических героев обычными людьми и мифического времени — неопределенным сказочным временем, перенос внимания с коллективных судеб на судьбу и отношений космических — на отношения социальные. Отсюда — появление новых сюжетов и некоторых структурных преобразований» [Мелетинский 2000: 49].

Следует отметить, что свадебные мотивы занимают в классической богатырской сказке значительное место. Иногда они заслоняют и заменяют мотивы инициации. Инициация исторически предшествовала свадьбе, по всей вероятности, многие свадебные ритуалы являются рудиментами и результатом трансформации инициационных обрядов. «Брачная поездка героя в тюркских и монгольских богатырских сказках нередко сохраняет архаические, сказочно-фантастические черты. Сказочная красавица, «суженая» героя — небесная дева, живущая на краю света; на пути к ней герой пересекает непроходимые горы, леса и водные рубежи, сражается со сказочными чудовищами; испытанием его доблести являются трудные и опасные поручения, которые будущий тесть возлагает на соискателей руки его дочери» [Жирмунский 1974: 269]. «Семья в богатырской сказке частично символизирует первобытный род, архаическую общину, а частично — упадок рода, который должен быть заменен семьей. Параллельно с демифологизацией имеет место другой важный феномен: на первый план выходит герой обездоленный, униженный, преследуемый представитель рода, семьи, как, например, сиротка» [Мелетинский 2000: 51]. Иногда отсутствие наследства у младшего сына компенсируется в сказке духами-хранителями, умершими родителями или другими чудесными существами.

Таким образом, важнейшим источником формирования как героического эпоса, так и сказки является героический миф, на основе которого может быть прослежен процесс трансформации богатырской сказки в героический эпос по мере эволюции народа от патриархально-родового к феодальному строю. Миф оказал влияние на формирование богатырской сказки и героического эпоса прежде всего через образ культурного героя. Именно этот образ послужил, видимо, исходным материалом, из которого впоследствии были «вылеплены» модели сказочных и эпических героев.

Специфическое и универсальное в семантике образа героя и его функций в калмыцкой богатырской сказке и эпосе «Джангар» выявляется путем реконструкции процесса трансформации богатырской сказки в героический эпос. Универсальные черты в образе героя связаны с синкретической природой и взаимопроницаемостью жанров богатырской сказки и эпоса. Специфические же его качества обусловлены социально-историческими факторами патриархально-родового и феодального строя, оказавшими влияние на формирование образа героя богатырской сказки и героического эпоса.

References

- Dzhangar. Kalmyckij geroicheskiy epos (teksty 25 pesen). [Kalmyk heroic epic (texts 25 songs)]. V 2-h tt. sost. A. Sh. Kichikov [In 2 vols. Ed. by A. S. Kichikov. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 441 p. (In Kalmyk).
- Dzhangar. Kalmyckij geroicheskiy epos (teksty 25 pesen). [Kalmyk heroic epic (texts 25 songs)]. V 2-h tt. / sost. A. Sh. Kichikov. T. 2. [In 2 vols. Ed. by A. S. Kichikov. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 415 p. (In Kalmyk).
- Kichikov A. S. Geroicheskiy epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamjatnika. Izd. 3-e, reprintnoe [The heroic epic «Jangar». Comparative and typological study of the monument. Ed. 3rd, reprint.]. Moscow, Vost.lit. Publ., 1997. 319 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. Dzhangariada. Geroicheskaja pojema kalmykov. Vvedenie v izuchenie pamjatnika i perevod torgutskoj ego versii. [Dzhangariada. The heroic poem of Kalmyks. Introduction to the study of the monument and translation of its torghut version]. Moscow; Leningrad, 1940. (In Russ.).
- Meletinskij E. M. Proishozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki. 2-e izd., ispr. [The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments. 2-e Edition. Rev.]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2004. 462 p. (In Russ.).
- Meletinskij E. M. Ot mifa k literature. Kurs lekcij «Teorija mifa i istoricheskaja pojetika» [From myth to literature. The course of lectures «the Theory of myth and historical poetics»]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 170 p. (In Russ.).
- Mel'nikova E. A. Mech i lira. Anglosaksonskoe obshhestvo v istorii i epose [The sword and lyre. The Anglo-Saxon society in the history and the epic]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 203 p. (In Russ.).
- Mify narodov mira. Enciklopedija: v 2-h tt. gl. red. S. A. Tokarev. T. 1. [Myths of the world. Encyclopedia: in 2 vols. Chief editor S. A. Tokarev. Vol. 1]. Moscow, NI «Bol'sh. Ros. Encikl.» Publ., 2000. A–K. 672 p., il. (In Russ.).
- Neklyudov S. Y. Zametki ob epicheskoj vremennoj sisteme. Trudy po znakovym sistemam [Notes about the epic time-system. Proceedings of semiotic systems]. Tartu. 1973, no. 6, pp. 151–165. (In Russ.).
- Neklyudov S. Y. Geroicheskiy epos mongol'skih narodov (ustnye i literaturnye tradicii) [Heroic epic of Mongolian peoples (oral and literary traditions)]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1984. 310 p. (In Russ.).
- Seleeva C. B. Simvolika vlasti v kalmyckom geroicheskom epose «Dzhangar» [Symbolism of power in Kalmyk heroic epic «Jangar»]. Uchastie kalmykov v ukreplenii rossijskoj gosudarstvennosti. Mat-ly region. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 1150-letiju rossijskoj gosudar. i Godu rossijskoj istorii (g. Elista, 29 nojabrja 2012 g.) [Proc. of the Region. Scient. Practical. Conf. devoted to the 1150th anniversary of the Russian state and the Year of Russian history (Elista, November 29, 2012) – Participation of Kalmyks in strengthening Russian statehood]. Elista, KIGI RAN Publ., 2012, pp. 143–146. (In Russ.).
- Zhirmunskij V. M. Tjurkskiy geroicheskiy epos. Izbrannye trudy [Turkic heroic epic. Selected works]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 728 p. (In Russ.).
- Zhirmunskij V. M. Literaturnye otnoshenija Vostoka i Zapada i razvitie eposa. Fol'klor Zapada i Vostoka: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki [Literary relations of East and West and the development of epos. Folklore of West and East: a comparative and historical essays]. Moscow, OGI Publ., 2004. 464 p. (In Russ.).

**ШИНЖЭНЭ ӨӨРДНИН БОЛН ХАЛЬМГУДЫН БАЙР-НЭЭРИН
ТУСК ДОМГУДЫН ДҮНЦҮЛЛЭНЭ ШИНЖЛЭЛТ
(К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЛЕГЕНД,
СВЯЗАННЫХ С ПРАЗДНИКАМИ ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯНА И КАЛМЫКОВ)
To the Issue of the Comparative Study of the Legends Connected with the Holidays
of the Oirats of Xinjiang and Kalmyks**

Осорин Утнасун (U. Osorin)¹

¹младший научный сотрудник отдела фольклористики и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

Нол утх санан. Цахан сарин тускар үүдэгдсн домг болн домг үлгүрмүд монһл туурһтн бээсн һазр болһнд нег хол төртэ болвчн, олн хувлврмүд бээдг. Хальмгт болн Шинжэнд юнғад «Цахан сар» гиж нерлсн тускар зэрм домгудт эдл бишэр келгднэ. Иим йилһн һарад тернь өвэрцэрн онц болв. «Цахан сар» гисн домгудт нурһлж маһһсла ноолда келәд, түүг дииләд диилвр олсндан, түүгән темдглж байр үүдәсн утх-учр нурһлгч төр болж һарна. Болв Цахан сар кех болсн хол күцлнь, жилин дөрвн цагт, идхтә уухта, өвсн уста, аюлта үвл чигн уга, өнчн-өвү чигн, үкл-үргән чигн уга, цуһарн бээхтә жирһлтә, маһна тиньгр, төр төвшүн бээхин тускар домгин хол учр утхин нег әңгнь болсн болхла, түүнлә залһлдата заң-үүл илрнә. Эннь әмтнә үүдәсн байр, седклинь аш болсн.

Түлкүр үг: Домг, Цахан сар, заң-заңшал, дүнцүллһн, өвэрц, Окн Тенгр, Ноган Дәрк, Сам Сәкүсн, байр, Шинжән, Хальмг.

There is a significant number of texts containing such calendar festivals as Tsagaan Sar, Urs Sar, Zul, Myadr, Ova and others in Kalmyk folk tradition. Several texts of the Kalmyk Legend of Okon Tengri, a celestial maiden who saved people from mythical creatures – Manguses as well as the legend about the Zul festival were preserved there. The comparative study of the Oirat legends that are popular among the Oirats from Xinjiang and the Kalmyks from Russia showed that these legends have both common motifs and distinctive elements. The theme of such religious holidays as Tsagaan Sar, Zul and Myadr reveals the beauty of the Buddhist world which fills up souls of people with joy and warmth. According to the Buddhist canons there are anguish and happiness that follow together, they are inseparable fellows of a man. There is also a popular belief that the origin of the Victory Day comes from the legend about Okon Tenger, who won the battle against evil Mangus and brought happiness and victory to people who afterwards called this day – the Day of Victory. Nowadays it is commonly known to all Mongol-speaking peoples as Tsagaan Sar, a holiday that celebrates the end of winter and arrival of spring. The legends about this holiday are prevalent in the areas inhabited by the Oirats. Along with the legends on Tsagaan Sar, there are some other legends devoted to such Oirat holidays as Zul, Myadr and Ova. Though these legends have much in common, they differ by their locality of traditions. For instance, Mongol-speaking peoples have different ways of celebrating Zul, regarding time and ritual observance. The legends associated with the celebration of Zul can be heard from older-generation representatives as well as from the clergy of Kalmyk Khuruls. At the same time, it should be noted that the legend of the «Urs Sar» holiday is not known in Xinjiang. Thus, the legends are a unique folklore stratum of Mongolian peoples.

Keywords: legend, Tsagaan Sar, traditions, comparison, feature, Okon Tengri, Nogan Dyark, Sam Syakyusn, holiday, Xinjiang, Kalmykia.

Өөрднр ик эрт үйэс авн өдгэ цаг болтл жилд нег дэкж «Цаһан сар» гидг байр кедг болна. Энүнлэ эдл «Зул», «Мээдр», «Ован тэклһн», «Һазр усна тэклһн», «Үр сар» мет заң-заңшал, шажн шүтлглэ залһлдата онц чинртэ байрин керг-үүлдврмүд кедг бээсмн. Тернь удандан байрин керг-үүлдврмүдлэ салшго залһлдата болж, оln эмтнэ дунд күцэгддг ниитин сэн дураp үүлддг керг-үүл болсмн.

Цагин эргцд «Зул», «Мээдр» мет онц чинртэ керг-үүлдврмүд заң-үүл болж үй ульрад делгрснлэ хамдан терүнэ тускар домг, домг үлгүр болн амн үгин туужд келгдж, өдгэ цаг күртл хадһлгдж ирснь лавта. Зул өргх, Мээдр эргх, тэклһ тэkdг, цаһа бэрх, Үр сарин байр кех керг-үүл урднь заң-заңшал болн шажн шүтлгиг шүтж бээхин негн зүүлин үзл седклин керг үүл бээсн болхла, амн урн үгин дунд терүнэ туск домгуд «Цаһан сарин туск домг», «Зулын туск домг», «Мээдрин домг» үүдэгдсмн. Өдгэ цагт, өөрднр бээсн һазрт «Цаһан сарин байр», «Зулын байр», «Ован байр», «Үр сарин байр» гиж байр-нэр жил болһн өргнэр кегднэ. Тернь келн-улсин заң-заңшал болн шажн шүтлглэ залһлдата болсн деерэн, оln эмтнэ седклд онц чинртэ байр болж үлдсниг темдглх зөвтэвидн.

Байр-нээрин дунд Цаһан сарин байр ик чинртэ байр. Цаһаг бүкл сардан темдглдг болна. Тиигхлэ, Цаһан сарин байриг юнгад «Цаһан сар» гиж нерэдгдсмн гидг сурвр уханд орна. Ода деерэн энүнэ тускар номтирин ухан-тоолвр эдл биш.

Моңһл туурһтн эрт үйд цаһан сарин байриг үвлин чилгчд, хаврин эклцд биш, зуг намрин цагт темдглдгиг Х. Сампил-Дагдав келсмн.

Баазрин Дорж болхла, «Урднь Цаһан сариг болхла, хальмг литэр нээмн сарин хөрн нээмнэс йисдгч сарин нег күртл кедг, эн цагт цаһан идэн элвг бээдг болснас Цаһан сар гиж нерэдж бээж. Хөөннь Хүвлэ Цецн хан Китдиг эзлснэ хөөн, Китдин заңшалд таарулад, жилин экнд сольчкв», — гиж Т. Намжл келсмн [Намжл 2004: 245]. Моңһлчуд эртнэ жилин экн цаһан саринь намрт биш, бас хаврт кедг бээсиг номт Буйн-Кишг темдглсмн. «Жилин экн Цаһан сар гиж келдг учрнь болхла, хун тотемин цаһан өңгэс үүсв», гиж ухан-тоолврарн хувалцсмн бээдг [Буйн-Кишг 1985: № 1].

Көк Нуурин хошудын номт Сарн-Герлин келсэр, «Моңһл туурһтна күн ардын седклнь цаһан, идэн унднь цаһан, хөн сүргнь

цаһан, цаһан идэнэ дееж цаһан, ишкэ гернь чигн цаһан болсн учрас үвл давулад, хавриг тосхдан жилин экнэ сариг Цаһан сар гиж нерэдсмн» гиж дегтртэн бичсмн [Сарн-Герл 2011: 490].

Шинжэнэ Эрин Хэврһ нутгин медэтэ улс цаһа бэрхлэрн, «Үвлэс у менд һарвт! Цаһан ноһан сэн болж бээний» гиж мендллцдг йосн йовдл бээдг. Цаһа бэрсн цагт келдг эн үгэс үзхнь, үвлин киитнэс менд һарад, хавр болад, өвсн ноһан урһаж көкрэд, цаһан идэн элвг болтха гисн иткл нээлврэс хавр эклхлэ, «Цаһан сар» байр үүдэгдв» гиж зэрм көгшд келнэ. «Цаһан» гиж нерэддг болсна бас нег учр-шилтэн болхла, моңһл туурһтн цаһан болн көк өңгиг эркнд үзж, шүтж бээснлэ залһлдата болх маһд гиж бас үзжэнэ. Моңһл туурһтн эн хойр өңгиг шүтж бээснэ тускар моңһлын эртнэ дурсхл бичгүдт темдглгдсмн. Моңһлын эрт цагин дурсхл бичгүдт сэн-сээхн юмна эклциг «цаһан» өнгэр келдгнь моңһл туурһтна үзл-седклин нег илдкмж болснь үзүлгдсмн гиж темдглэтэ. Моңһл туурһтн көк теңгриг шүтдг болсн учр деерэс, көк өңгиг эркнд үздг бээсн деерэн бас цаһан өңгиг эркнд үздгнь медгднэ. Цаһан өңгиг болхла, эрүн-цевр, өлзэ-дембрл, байр- жирһлин өлзэтэ темдг гиж үздг келн-улсин үзл-седклэс терүг күндлх, тэхх, йорлх утх-санан зүүдг болсмн. Эн шүтэн болн седклиг дахад, цаһан өнгэр «деед чинр» илдкдгнь өөрд улсин йирин эмдрлд болн заң-заңшалд онц чинртэ темдг болсмн. Үлгүрлхд, күүнэ өдр дундын жирһлд харһдг йовдлмуд шинжлэд, сэн саната күүг «цаһан саната күн» гиж келнэ. «Хаалһдан сэн йов!» гисиг бас «цаһан хаалһта болтн!» гиж келнэ. Жилин эклц сариг «цаһан сар», үзгин эклциг «цаһан толһа» гиж нерэднэ. Жилин эзн-аавиг «Делкэн Цаһан аав» гиж келнэ. Күүкд күн үр һарһв гисиг «цаһан төр болв» гиж келнэ. Эн мет келгддг учр-йовдлд цугинь «цаһан» гидг үг авдг бээснь мел өөрд күүнэ үзл-седклинь илдкмж гиж таньжана.

Жилин эклц Цаһан сарин байр болхла, байр-нээрин керг-үүлдврин дунд хамгин ик чинртэ гисн байр гиж тоолгдна. Тер төлэд Цаһана байриг бүкл сардан кедг учрас «цаһан сар» гиж энүг күндлн нерэддмн гиж цээлһжэнэ. Цаһан сарин байр йисн зүүлин утх-чинр зүүнэ. Эн ик чинртэ байрин тускар моңһлын номт Һаң-Тогтх иигж темдглсмн: «Хальмг литэр шин жилин байр, теңгр-сәкүснд мөргдг мөргүлин байр, ульрлин сээхн хаврин байр, малчнрин байр,

насна байр, хээр-энрлин байр, төрл-садна залхдан бат оршхин байр, нэр-наадна байр, байр-байсхлңгин байр, зясл чимг номин байр гиж нег үгэр темдгдгдженэ [Сарн-герл 2011: 490].

Хальмгт олн-эмтн Цаһан сарин байриг «хаврин байр» гиж тосна. Тернь хальмг литэр лу сарин негн. Цаһан сарин байран давулсн хөөн, теңгр дуларад, зурмд ичэнэсн һарад, хавр ирснэ темдг медүлдмн гиж келдг. Цаһан сарин туск домг хальмгудт бас бээнэ. Цаһан сарин туск цээлһвр болн шинжллт кесн үүдэврмүд бас цөн биш. 1876 жилд хальмг улсин Цаһан сарин туск И. В. Бентковский бичсн бээдг [Бентковский 1876: 23–34]. Хальмгин номар шинжлһнэ седкүл болн газетмудт барлгдсн үүдүврмүдэс үзхн, Н. Бадмаев, П. Э. Алексеева, Э. П. Бакаева, Бардан Э., Е. Болдуринова, Т. Г. Борджанова, О. Горайнов, В. Дарбакова, Жалын А., Н. Донгуслова, М. Доржиев, А. Митилов, Овшин Н., С. З. Ользеева, Э. У. Омакаева, Окна Б. Б., Д. Шевелева, Цеднэ Раиса болн нань чигн улс Цаһан сарин тускар статьяс бичсн темдгтэ. Окн-Теңгр (Һалын Окн Теңгр) шинжэнэһн келдг Сам Сәкүсн бурхн болхла, күчтэ маңһсиг хораж, цуг эмтиг үклэс харсж авад, эгл улст байр-жирһл учрасн учр деерэс, «ик байр» гиж темдглх болсмн. Окн Теңгр ик килнц һарһж, маңһсиг алх төлэд, Окн Теңгриг цаг зуур Бурхна тооһас һарһсмн гиж Баһ Дөрвд селэнэ Овшин Нэдвд келсн «Хальмг үнн» газетд барлгдла [Овшин Нэдвд 2002: 4]. Окн Теңгр маңһсиг хораж, диилвр бәрсн өдрн «тушу хар өдр» харһсн учрас, цаһан хаалһ дурлж, «менд һарвт» гиж мендлдг болсмн гиж бичэтэ. Деер заагдсн тушу хар өдриг Шинжэнд «цаһана һучна өдр» эс гиж «бүтүнэ асхн» гиж нерэднэ. «Цаһана үүсл» гисн Шинжэнэ домгт «һучна сөөг бурхн залрад ирсн нуувч сө болһад, өр цээһэд, шинэн негн болхла, ик байр кеһэд, Дәри Сама Бурхиг ил цаһан болһад, цаһана байр кеһ» – гиж тодрхаһар бичгдсмн [Цаһана үүсл 1981: 107]. Энүнэс үзхн, цаһан гидг үгд олн чинр утх бээдг болвчн, «Цаһан сарин байр» гисн эн үгд цаһан өңгиг зааж бээхмн уга, «тушу хар» эс гиж «нуувч» бээснэс ил цаһан болһх утх-чинр зүүжэхн чик гиж таньж болна.

Бүтүнэ асхн зулан өргэд, сән хотан кеһэд, Окн Теңгр бурхндан деежинь өргэд, өр цээтл унтлго, байр-нәр кедг йовдл-заңшал болж тогтсмн. Зәрм көгшдин келсәр, бүтүнэ асхн йовад, халха кедмн гиж

шог болһн келдг. Бүтүнэ асхн халха кехлә, барчдас һардг туск домг Шинжэнэ өөрднр дунд бээдг.

Хальмгин «Цаһан сар» гидг домгт иигж бичгдженэ: Товч аһулһнь, Ноһан Дәркин гегән олн әмтән харсхин төлэд, маңһст зөрц бәргдэд, хатнь болна. Жил болад, көвүн һарна. Ноһан Дәрк маңһсин әмнь һурвн һуужмл бээхиг медэд, түүг алад, толһаг һанзһлад, көвүһән теврэд, цаһан-бор мөрән унад, орн-нутган темцэд һардг болна. Зууран йовж йовад, Байн дала гидг далад ирэд, көвүһән далан эрг деер үлдәкәд, йовж йовтлнь, Окн Теңгр тосад ирнэ. Окн Теңгр «Тер маңһсин көвүһитн хорахм» гихэд, Ноһан Дәркиг дахулад, хәрү хәрэд, далан көвэд үлдсн көвүнд ирхлән, көвүн босад, Окн Теңгрлә ноолдг болна. Ноолда-ноолда бәәтл, көвүн Окн Теңгриг диилн алдад ирхлән, Ноһан Дәрк: «Көвүнэ хойр далын хоорнднь нүкн бәәдмн, тернь көвүнэ әмнь болдмн, түүгинь суг таттн!» гиж Окн Теңгрт келнэ. Окн Теңгр тер нүкәрн хурһан орулад, көвүнэ улан хоолын таслад, алдг болна. Тегэд Ноһан Дәрк Окн Теңгртәһән дәәһән дәәләд, дәәсән дарад, эврәннь орн-нутгарн өрүн өрлә, альһни эрән үзгдх кемлә, сарин нег шинлә гертән орж ирэд, орн-нутгиннь улсла цугталань һар авад мендлн. Ноһан Дәркин гегән Окн Теңгр хойрин ирсн өдр сарин му, жилин му, өдрин му өдр бәәсн санж. Тегэд тер сариг «Цаһан сар» гиж олн әмтн нерәдэд, тер өдрәс авн хальмг улс Цаһан сарин нег шин өдр байр кеж цаһалдг, хальмг әмтн эн өдр харһхларн, «Менд, менд һарвта?» гиж нег-негндән һаран өгч, келдг болсмн гиж медәт Муукан Саһа келж өгсиг Саңһан Леонид цааснд буулһж бичсмн.

Шинжэнэ өөрднр болхла, хуучн тооһар тоолад, үвлин йисн әклснәс авн, тавн йиснлә Цаһан сарин байр болна гиж келнэ. Тернь хаврин экн сар болсн цагиг заажахн мөн. «Тавн йисн болхла, тавгта махн хәәлнә» гиж Шинжэнэ өөрднрин дунд келгднэ. «Тавн йиснэ хөөн тарвһн ичәнәсн һарна» гиж бас келдг. Үвлин йисн гидгнь үвлин әклцәс авн хаврин әклцд күрдг цаг. Йисн гидгнь хальмг литэр үкр сарин 22 өдр әклнэ. Тернь 81 хонг давулна. Йисн хонг нег девсн болна (нег йисн, хойр йисн, һурвн йисн...йисн йисн гиж келнэ), 1-гч болн 2-гч йиснд киитн болхш. Хамгин киитн цаг болхла 3-гч йисн. Йисдгч йисн чилхлә, аһуудан дуларна. Үвлин йиснэ (девсгин) хөөн бас нег йисн хонг немж тоолдг. Энүг хулхан йисн гиж келдг. Хулхан йиснэ хөөн

йосндан цасн хээлэд, хавр эклдг. Тиигхлэ, тавн йиснлэ хаврин түрүн сар болдмн гиж терүнд заагджана.

Цаһан сарин байр үүдснэ тускар Сарн-Герл багш темдглсмн: «Бөк Саман баатр маңһсиг диилэд, хэрж ирэд, һар бэрлцн мендлцх гинэ. Зуг маңһсин көвүг алсн цуста һаран уһаж амжсн уга учрас, ханцан атхн, барун һариннь цусан далдлад, һууран өгч мендлсмн гинэ. Тер учрас диилвр олад, Цаһан сарин байр темдглхлэрн, барун һаран өгэд мендлцх болсмн», – гижэнэ. Иим кевэр ханцта барун һаран өгэд мендлцх йосн Шинжэнд өдгэ чигн домгт келгдсн кевэр бээһэтэ юмн.

Цаһан сар болсн үйд, һаран ханцн дотран далдлад мендлцх йосн-йовдл Цаһан сарин байрин заң-үүлин нег үзгдл болсинь күн болһн меддг. Юңгад һаран ханцн дотран далдлад, мендлцх болсна тускар Сарн-Герл багш темдглснэс нань бас Хальмгт болн Шинжэнд бээх өөрднрин домг үлгүрмүдт келгднэ. Һол төрнь нег эдл болвчн, олн хувлвр бээдг учрас, зэрм домгт йилһэн һарад, тернь өвэрцэрн онц болсмн. Болв домгудын нурһлгч төрнь Окн Теңгр эгл улсин төвшүн жирһлин төлэ маңһсла ноолдад, аштнь диилвр олад, терүгэн темдглж, олн эмтн байр үүдэсн утх-учр нурһлгч ормд йовна.

Цаһан сарин байрла залһлдата домг болн домг-үлгүрин кед-кедү хувлвр Шинжэнд барлгдла. Байн Һолын Хошуд, Хежн, Бостнур мет район болһна домгуднь тустустан эврэ өвэрцгәһэр бичгдж. Үлгүрлхд, Хошуд района О. Монча болн Д. Иремэ иигж келсмн: «Цаһан сарин нег шинэ тускар» гидг домгиг А. Бадмара болн М. Саңһжара бичж авад, Байн Һолд барт һарһж [О. Монча 1992: 164]. Сээхн зүстэ бурхн Сама Дәри эврэ сән дулар маңһсин нутгт күрэд, маңһсла ниилэд сууна. Учрнь: үүл-таман үзжэсн олн эмтән аврад, маңһсин угүндсиг таслх бийдән даалһврта болна.

Деер заагдсн домгудт зэрм үүл-йовдл йилһвртэ, Һол дүрин нерн эдл биш болвчн, нурһлж Бурхн Багшин даалһврар маңһсла бэрлдж диилвр олад, олн эмтән маңһсин зовлңгас аврсн керг-үүл бичгдсн Һол төрмүдтэ.

Байн-Мөңк темдглсэр, «Цаһана үүсл» гисн домг бас эврэ өвэрцтэ [Байн-Мөңк 1991: 69]. Тер домгин сюжети Көк нуурин номт Сарн-Герл шинжлсн Цаһан сарин үүслин тускар домгла дүңцүлхлэ, бас чигн маңһсиг дарсн үүл-керг бичгдсн бээдг. Болв Һол дүрнь Бөк Саман баатр биш, Сам Сәкүсн

Балдн Лам гиж бичгджэнэ. Дүрин туск Окн Теңгр, Ноһан Дәрк, Хам сәкүсн (Шинжэнэ хошуд нутгт «Хам сәкүсн» гижэнэ), сам Сәкүсн Балдн Лам, Бөк Саман баатр, Лхамо, Сама Дәри бурхн гиж олн зүүлэр бичгджэнэ.

Домгт келгдсэр, Сам Сәкүсн Балдн Лам болхла, шажна төрнь бүтэсн тавн догшн бурхна дотрк негнь гиж келгджэнэ. Хальмгт Окн Теңгриг «күн эмтнэ эмнэ сәкүл» гиж күндлн шүтән болһдг.

Балдн Ламин дүр болхла, толһадан тавн сид шигдэсн махлата. Барун һартан сидтэ ханжал бэрэтэ. Хоңһр лууснь моһаһар гүрсн ногт, хазарта болн худрһта. Гөлминь күүнэ арсар кесн бээдг. Эн луус, нүд чирмхин хоорнд, һурвн миңһн дууна һазрт күрч чаддг, түргн гүүдг гинэ. Тер учрас, күн зовлңд учрсн цагт «Окн Теңгрин зүркнэ төрн» умшхла, аюл зовлңгас гетлнэ, – гиж номт Т. Намжлын бичсн «Өөрдин заң-үүл болн амн зокъялын хәрцэ холвана судлл» гисн дегтрт заагдсн бээдг [Т. Намжл 2004: 261].

Домгас үзхлэ, Сам Сәкүсн дээсэн дарад, нутгтан хәрэд ирсн цагт, асхн бүрүл бээсн болжана. Төрнь ода келгддг бүтүнэ асхн, эс гиж тушу хар өдр. Домгудт кен-кенлэ, кезэ мендлцсн тускар хойр зүүлэр келгджэнэ. Негнь: хәр һазрт йовад, маңһсла дээлдэд, бүрүллэ ирсн цагла, Сам Сәкүсиг Бурхн Багш тосад, «Менд ирвт, цаһан хаалһар йовад, цаһан хаалһар ирвт?» гиж мендлцх болсн гинэ. Дарукнь: Окн Теңгр диилвр олад ирсн цагла, эгл улс тосад, мендлцх болв гиж бичгджэнэ.

Маңһсиг дарсн ик байр Цаһана байрин уг экн үүдэлт болад, күн болһн һаран далдлад, ханцан өгч, мендлцдг заң-үүл чигн тер үйэс эк авсмн гидг. Тегэд теңгр-сәкүснд мөргдг мөргүлин байрин утхнь Сам Сәкүснэ дүриг медүлжэснэ темдг гиж сангдна.

Шинжэнэ Цаһан сарин туск домгудын зэрм хувлврнь болхла хальмгин Цаһан сарин домгла үндсн талар нег утх-чинр зүүнэ. Шинжэнэ «Цаһана үүсл» гисн хувлврт Бурхн Багш, Сам Сәкүсн Балдн Лам болн маңһсин дүр үзүлгджэнэ. «Цаһана үүслин туск домгт» Бурхн Багш, Лхамо, маңһсин дүр үзүлгднэ [Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл 2010: 124].

«Цаһана үүслин туск домгт» Бурхн Багш, Балдн Лхамо, маңһсин хан болн маңһсин хатн. Эн домг Шинжэнд һурв дэжж барт һарсмн. Т. Намжлин белдсн «Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл» гидг ботьд орв. Дарань «Дундд улсин ардын амн үлгүрин Шинжэнэ эмкдклин Хежин шэнэ ардын

амн үлгүрин хувэр эвкмл» гидг дегтрт бас барлгдсмн [Ц. Дорж 1992: 41–43].

Хальмгин домгт Цаһан сарин нег шинд өрүн эрт босад, Окн Теңгртән саң тэвж, мөргэд, дарань мендллицдг заң-үүл келгдсн бээдг. Терүг «Цаһан сарин нег шинд өрлө юн учр деерэс мөргдг болсмб?» гисн Шинжәнэ өөрднрин домгла дүнцүлхлэ, невчк онданар келгдженэ. «Цаһан сарин нег шинд юуна учр деер өрлэ мөргдг болсмб?» гидг домг Шинжәнд бас хурвад барлгдсмн.

Негдврэр, Ч. Лора олин әмтнәс темдглж авад, «Хан теңгр» цуврл бичгт барлсмн [Лора 1988: 39–41]. Хойрдвар, Шинжәнэ Байн холын Хошуд нутгин ардын амн зокъялыг нээрүлн белдх комиссин улс белдсн «Дундд улсин ардын амн үлгүрин Шинжәнэ эмкдклин Хошуд шәнэ ардын амн үлгүрин хувэр эвкмл» дегтрин 164-гч халхд барлгдсмн (1992. 596 х). Нурвдвар, «Дундд улсин Шинжәнэ моңһл ардын амн үлгүрин эмкдкл» гисн дегтрин 108-гч халхд һарсмн [Намжл 2006: 108].

Домгин товч аһулһ: элжгн чиктэ хан күн әмтиг генүләд бээдг болна. Хан аңһучлж йовад, уулын аһуд түрэд зүдж йовсн эк көвүн хойриг үзэд, авч одад, зарц болһад, даждг болна. Цаһан сар өөрдж ирсн цагла, экнь босад, уулын аһудан хәрнэ. Көвүн ардаснь хәрэд, аһуд орхла, экнь сәәхн хувцар кеерчксн бээдг. Тегэд бичсн олин цаас авад, көвүндән келсн болдг: «Хаана төр сольгдв, хаана бәәшнд хәр. Өр цәәхин өмн, хаана бәәшңгин ик үүднә хажуд күлэж бә. Өрүн эрт нарн һарх үзгәс улан хү салыкн ирэд, хаана бәәшңгиг дэврүлн киискх. Тер үйд тер олин бичиг салыкнд киискж оркад, дарунь хаана бәәшнд һәрәдж орад, хаана толһаг чавчж хай!», – гиж эк келж өгнә. Экин келсн йосар, көвүн хаана бәәшңгин ик үүднд зогсж бәәгл, нарн һарх үзгәс теңгрт тулм улан хү салыкн ирэд, хаана бәәшңгиг унһана. Көвүн олин бичгән салыкнд киискж оркад, бәәшнд орад, хаана толһаг чавчад, диилвр олна. Тегэд өнчн көвүн хан болад, төр гүрнән экрәд, түмн ардан төгс жирһүлсн домгта. Тер үйәс экләд, Цаһан сарин нег шинд буйн иктә улан хү салыкиг дурсххин төлә жил болһн Цаһан сарин нег шинд өрлэ босад, деер мөргх болж гиж тәәлврлжәнә. Эн угатя эгл күүкд күүнд «теңгрт тулм улан хү салыкн» ирүлсн тиим ик чидлиг өгснь бас Окн Теңгрин евәл гиж келх кергтә. Тернь иләр биш, зуг далд бәәдләр домгт үзүлгдженә. Угатя гергн болхла, эгл улсин дүр. Улан хү салыкн – Окн Теңгрин дүр. Тегэд улан хү салыкн болн угатя гергн ниилснә күчн аһу ик. Цаһан

сарин нег шин болхла, өрлэ босад, улан хү салыкиг санад, деер мөргх болсн заңшал үнндән Окн Теңгртән мөргжәснә илрл гиж келж болжана.

Цаһан сарин байрин туск домгин аһулһд күн әмтнд төвшүн жирһл олх гисн Бурхн шажна үзл-седклиг, эгл улсин иткл-сүзгин үзл седклиг, зовлң-жирһлән хамдан хувалцх зөв йосна үзл-седклиг багтажана гиж келж болжана.

References

- Bentkovsky I. V.* Kalmyckij kalendar' objasnenie kalmyckih prazdnikov. Sbornik statisticheskikh svedenij o Stavropol'skoj gubernii. [Kalmyk calendar explanation of Kalmyk holidays. The Collection of statistical data of the Stavropol governorate]. Stavropol, 1876. Issue 7, pp. 23–34. (Separate supplement). (In Russ.).
- Bujn-Kishg [Моңһлchудын Cahan sarin tuskar. Өвр моңһлын ик surhulin jerdm шинжлһнә sedkyl]. O mongol'skom prazdnike «Belyj mesjac». Nauchnyj zhurnal Universiteta Vnutrennej Mongolii [On the Mongolian holiday 'White month'. Scientific journal of the university of the Inner Mongolia]. 1985. No. 1. (In Mongolian).
- Dordzh C.* [Cahana үүсл. Dундд улсин ардын амн үлгүрин Шинжәнә jemkdklin Heжн shәнә ардын амн үлгүрин һүвәр jevkml. Heжн shәнә ардын амн зок#jalyn jemkdklig нээрүлн kinh komis beldv. Dotodyyn material]. Proishozhdenie (prazdnika) Cagan sar. Fol'klor uyezda Hjezhin v sbornike narodnyh skazok mongolov SUAR KNR. Podgotovleno komissiej po fol'kloru uyezda Hjezhin [the Origin of the (holiday) Tsagan Sar. Folklore of the Hagin uyezd (district) in the collection of folk tales of the Mongols of Xinjiang. Prepared by the folklore Commission of the Hagin uyezd (district)]. 1992. 386 p. (In Mongolian).
- [Dундд улсин Шинжәнә моңһл ардын амн үлгүрин jemkdkl. T. Намжл beldv]. Sbornik fol'klora mongolov SUAR KNR. Podgotovil T. Намжл [The collection of folklore of the Mongols of the Inner Mongolia. Comp. by T. Namdzhil]. Urumqi, China, Шинжәнә ардын kevlлин hora [People's Publishing house of Xinjiang], 2006. 866 p. (In Mongolian).
- Namdzhil T.* [Өөрдн заң-үүл болн амн зокjalyn һәрцә holvana sudll]. Issledovanie svjazi mezhdv ustnym narodnyh tvorcestvom i obyčajami (mentalitetom) oјratov [The study on the relationship between oral folk arts and customs (mentality) of the Oirats]. Urumqi, China, Шинжәнә ардын kevlлин hora [People's

- Publishing house of Xinjiang], 2004. 346 p. (In Mongolian).
- Namdzhil T.* [Өөрд мөнхлүн зан-үүлин сойл» – shytlg bishrlin bot']. Kul'tura ojrat-mongolov — verovanija i pover'ja [Culture of the Oirat-Mongols – beliefs and superstitions]. Urumqi, China, Shinžənə ardyn kevlilin hora [People's Publishing house of Xinjiang]. 2010. 457 p. (In Mongolian).
- Ovshin Nədv.* [Okn Təngrin tusk domg. Khal'mg үнн. 2002.] Tuula sarin 30. № 30. 4 h.]. Legenda ob Okon Tengri. Khal'mg үнн (newspaper). [The legend of Okn Tengri]. 2002. January 30. No. 30. 4 p. (In Kalmyk).
- Sarn-Gerl.* [Мөнхл угшатна заншал сойлүн үндс]. Osnovy kul'tury i obyčayev mongol'skih narodov [The basics of the culture and customs of the Mongolian peoples]. Beijing, Yndstnə kevlilin hora Publ., 2011. 544 p. (In Mongolian).
- [Tsahana үүсл. S. Kenzə temdglv. Han тєнгр]. Proishozhdenie Cagan sara. Sobral S. Kenzə. Zhurnal «Han тєнгр» [The origin of Tsagan Sar. Compiled by S. Kenzya. 'Khan tengr' journal]. Urumqi, China, Shinžənə ardyn kevlilin hora [People's Publishing house of Xinjiang]. 1981, no. 4. 107 p. (In Mongolian).
- [Tsahan sarin shinən negnə tuskar. O. Moncha, D. Iremə keləd A. Badmara, M. Saңhжara temdglv. Dundd ulsin ardyn amn үлгєrin Shinžənə jemkdklin Hoshud shənə ardyn amn үлгєrin hьvər jevkml. Shinžənə amn zokjalyn jemkdklig nəəryln kinh komis beldv] O nachale prazdnika Cagan sar. Sobrali A.Badmara i M. Sanzhara so slov O. Moncha i D. Iremə. Fol'klor uezda Hoshud v sbornike narodnyh skazok mongolov SUAR KNR. Podgotovleno komissiej po sboru fol'kloru [About the beginning of the holiday Tsagaan Sar. Collected by A. Bagmara and M. Sanjar according to O. Moncha and D. Irem. Folklore of the Hoshud district in the collection of folk tales of the Mongols of Xinjiang. Compil.by the Commission on the collection of folklore]. Bayingol, 1992. 596 p. (In Kalmyk).
- [Tsahana үүсл (neg). Bajn-Mөңк temdglv. Han тєнгр]. Proishozhdenie Caga sara (odin). Sobral Bajn-Mөңк. Zhurnal «Han тєнгр» [The origin of Tsagan Sar. Compiled by Bain -Menk].. 1991, no. 4, 69 p. (In Mongolian).
- [Yun uchr deerəs Cahan sarin negnd өrlə deer mөrgdg bolsmb. Han тєнгр. Ch. Lora beldv]. Po kakoj prichine v pervyj den' Cagan sara moljatsja rano utrom. Zhurnal «Han тєнгр». Podgotovil Ch. Lora [For what reason on the first day of Tsagaan Sar people pray early in the morning. «Khan tengr» jornal. Comp. by Ch.Laura.]. Urumqi, China, Shinžənə ardyn kevlilin hora [People's Publishing house of Xinjiang]. 1988. no. 4. (In Mongolian).

О КОЛЛЕКЦИИ ОЙРАТСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ИЗ ФОНДА КОБДОСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОНГОЛИЯ)*

On the Collection of the Oirat Sources from the Fund of Khovd State University of Mongolia

К. В. Орлова (K. Orlova)¹, Б. Даваадорж (B. Davaadorj)²

¹кандидат филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. (Ph.D. Of Philology, PhD of History, Leading Scientist of the Institute of Oriental Studies of the RAS. E-mail: orlovnk@mail.ru.

²кандидат филологических наук, преподаватель кафедры монгольского языка и литературы Кобдоского (Ховдского) государственного университета (Ph. D. of Philology, Lecturer of the Chair of the Mongolian Language and Literature at Khovd State University). E-mail: davaadorj_bb@yahoo.com.

Статья основана на полевых материалах, собранных в Кобдоском (монг. *Ховд*) аймаке Монголии. Составлены сведения о письменных источниках, которые хранятся в Кобдоском государственном университете, сделаны электронные копии образцов письменного наследия западных монголов.

Ключевые слова: ойраты, Западная Монголия, Кобдоский аймак, Кобдоский государственный университет, письменные источники, рукописи, ксилографы.

The study of the written heritage of Mongolian peoples has a long tradition. The largest collections of manuscripts and xylographs in Russia are concentrated in St. Petersburg, Ulan-Ude, and some of them are in Elista and Kyzyl. In Mongolia the richest manuscript collections are held at the State Public Library and the Institute of Language and Literature of Mongolia in Ulan Bator. Recently researchers from different institutions: the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, the Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences, Center for the Study of Oirat History and Culture «Tod nomyn gerel», Mongolian State Pedagogical University, and others have been actively involved in the field research within the complex ethnological, linguistic, historical, ethnographic, folklore and other expeditions.

The article is based on field research which was conducted during the scientific expedition held in Khovd (in Russian — Khovdosky) aimag of Mongolia. Materials on the written heritage of the Western Mongols were gathered by scientists of Khovd State University and stored electronically. The collection of manuscripts consists primarily of the Oirat sources. The manuscripts were translated by an outstanding Oirat educator, politician, and founder of the Oirat writing «Clear Script» (1648), Zaya Pandita Namkhai Gyamtso (1599–1662).

Thus, the manuscripts are mainly presented by religious, ritual, ethical and edifying writings also related to household activities of Khovd aimag. Further the research will be connected with the description of the written heritage of the Western Mongols.

Keywords: Oirats, Western Mongolia, Khovd aimag, Khovd State University, written sources, manuscripts, xylographs.

Письменное наследие монгольских народов неизменно вызывает интерес специалистов. Благодаря подвижническому труду востоковедов коллекции письменных источников рассредоточены по многим странам мира. Самые большие хранилища располагаются в Монголии (Национальная

библиотека, Институт языка и литературы АН Монголии, частные коллекции) и России (Санкт-Петербург, Калмыкия, Бурятия, Тыва и др.).

Практически все русские монголоведы выезжали в Монголию для изучения языка, фольклора и сбора письменных источ-

* Исследование выполнено Орловой К. В. за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-02898.

ников. В 1828–1830 гг. О. М. Ковалевский привез из поездки в Бурятию и Монголию 2433 книги, в том числе 8 рукописей. Будучи преподавателем Казанского Императорского университета, он целенаправленно отбирал в библиотеку источники: одни рукописи — в качестве учебного материала для изучения монгольского языка, другие — как наиболее характерные буддийские сочинения, «способные ...познакомить... с духом буддийской веры» [Ермакова 1998: 14]. О. М. Ковалевский, как никто другой, отчетливо представлял, что понимание буддизма, погружение в него и уяснение основных постулатов невозможно без освоения богатейшей буддийской письменной культуры, которое «должно осуществляться на основе достаточно простых по содержанию назидательных сочинений, дающих общее представление о буддийском мировоззрении» [Ермакова 1998: 14]. В изданную в 1836 г. монгольскую хрестоматию О. М. Ковалевский включил отрывки из отобранных в ходе экспедиции сочинений [Ковалевский 1836: 329].

Около 400 рукописей поступили от А. М. Позднеева после его неоднократных путешествий по Монголии, наибольшее их количество поступило, вероятно, в 1892–1893 гг. [Пучковский 1954: 98]. Эта коллекция разнообразна как по составу, так и по содержанию: в нее вошли канонические, исторические и фольклорные сочинения, буддийская культовая и обрядовая литература, административно-хозяйственные документы и др.

Другой известный монголовед, А. В. Бурдуков, собрал коллекцию рукописей и ксилографов из баитского монастыря (к сожалению, не установлено, из какого именно) для Академии наук [Бурдукова 1960: 9].

Самую крупную коллекцию собрал за время экспедиций в Северо-Западную Монголию (1908, 1911, 1915–1918, 1925 гг.) Б. Я. Владимирцов. Наряду с этнографическими и лингвистическими изысканиями он целенаправленно занимался поиском письменных источников. За этот период в коллекцию Азиатского музея поступило пять его коллекций [Сазыкин 1986: 269–280]. Самые значительные привезены им в 1908 г. (IV коллекция, 23 рукописи и ксилографы) и в 1911 г. (I коллекция, 36 рукописей), причем источники на ойратском языке составляют большую часть [Сазыкин 1986: 269–280].

Обозревая эти собрания, можно увидеть как широко известные канонические сочинения, редчайшие печатные издания, так и этико-назидательную литературу.

За время работы в Кобдоском аймаке (монг. Ховдаймаг) благодаря помощи монгольских коллег — Б. Даваадорж и А. Батсуурь — нам удалось поработать на кафедре монгольского языка Кобдоского государственного университета (монг. Ховд Их сургууль).

Кобдоский университет учрежден в 1979 г. по распоряжению Совета министров МНР вначале как Кобдоский государственный педагогический институт. В 1993 г. институт вошел в состав Монгольского государственного университета в качестве его филиала, в 2004 г. решением Министерства образования, культуры и науки получил самостоятельный статус — Кобдоского государственного университета. В 2008 г. состоялась структурная реорганизация университета в составе трех институтов.

Коллекция письменных источников хранится на кафедре монгольского языка и литературы Социально-гуманитарного института, она сравнительно небольшая и начала формироваться только в 1990-е годы. Каталога нет, рукописи частично описаны, часть фонда оцифрована. Хранителями фонда являются преподаватели кафедры монгольского языка и литературы, кандидаты филологических наук Б. Даваадорж и А. Батсуурь, кропотливо собиравшие их по сомонам Кобдоского (Дүргэн, Манхан, Үенч, Баян-Өлгий, Булган и др.) и Убсунурского (Өлгий, Өмнөговь, Наранбулаг, Тэс, Түргэн и др.) аймаков. По сведениям преподавателей университета, часть рукописей была подарена местным населением сомонов, другую купили, ту часть, которую не смогли купить, — отсканировали. Эта работа не прекращается, исследователи продолжают свою собирательскую деятельность.

На сегодняшний день в фонде хранятся около 130 рукописей на ойратском языке, на старописьменном монгольском — 40, на тибетском — свыше 800 рукописей и ксилографов [Батсуурь 2008: 22].

В данное описание вошли 38 рукописей, описанных авторами статьи и хранящихся на кафедре монгольского языка и литературы университета. Анализ состава рукописей и ксилографов выявил, что наличествуют: молитва «Итэгэл», широко представлен-

ная в отечественных и зарубежных коллекциях, так называемые послания ('zarlig', 'lungden') святых, молитва о рождении в стране Шамбала, магталы (гимны) в честь святого Майтрейи, Миларайбы, астрологические сочинения. Представлены в фонде кафедры и канонические сочинения: «Дорджиджодва» («Алмазная сутра»), причем в переводе с тибетского языка известного ойратского просветителя и переводчика Зая-пандиты Намкайджамцо (1599–1662). Необходимо отметить, что это сочинение «занимает особое место в ряду других почитаемых буддийских текстов у калмыков» [Музраева 2012: 31].

Ойратские рукописи:

1. Itegel kemēkū sudur orošiba: 8 л., 22×9 см, 16 стк., чернила черные, перо. Штемпель «Фабрики Платунова № 8».
2. Boqdoiyin zarliq orošibu: 6 л., 23×9 см, 17 стк., чернила черные, перо.
3. Šambalayin ogon du töröküin nom orošibu: бумага серая, 6 л., 22×8,5 см, 15 стк., чернила черные, перо.
4. Xutuqtu mayidariyin irōliyin xān orošibu: бумага серая, 5 л., 21,2×8,5 см, 19 стк., чернила черные, перо.
5. Xongšing boddhisadv: mila burxan ni zarliq orošiba: неполная рукопись, 3 л., 21,5×8,5 см, 16 стк., чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
6. Oirad mongyolčuudiyin irōl üiledkü yosun orošibu: ксерокс, 10 л., 16 стк. В конце текста рукописи приписка: «Увс аймгийн Зуунговь сумын харьяат шарнууд өвгийн Сундуй (67 он, эр) гуайн гар бичмэлийн хуулбарлав. 2000.08.25».
7. Aḡiun sang orošibui: 20 л., 22×8 см, 19 стк., чернила черные, перо.
8. Dēdū nomiyin öüsgel itegel orošibui: 4 л., 22,2×8 см, 15 стк., чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
9. Xān altatu tenggeriyin sang orošibui: ксерокс, 5 л., 21×9 см, 14 стк. Sayin buyan örgöjin delgerekü boltuḡai: sarva ma ga la: (последние строки рукописи).
10. Altan dalalya ang šubuu dörbön mörin yučin xoyor sang kemēkū sudur orošibui: ксерокс, 4 л., 21×8,5 см, 21 стк.
11. Yabudaliyin möriyin sang orošibu: ксерокс, 4 л., 21×8 см, 21 стк.
12. Tabun yumiḡin xurānyui orošibu: 3 л., 21×8,5 (16×6) см, 14 стк., чернила черные, перо. Л. 1b: санскритское и тибетское название сочинения в ойратской транскрипции. Л. 1b: töbödiyin kelen dü xutuqtu biligiḡin činadu kürüqsen tabun yumiḡin xurānyui yin züreken kemēkü:.
13. Seter ubišidiyin sang: 3 л., 21,2×8,3 см, 21 стк., чернила черные, перо. Л. 1b: büren gešiq delgereküin tulada orinide naran ginamay aioyoutan cerin bimba duraduq-sandu: nasun urdudaxu setereyin ubidis ouni dgeslong guuši mongyolčilen orčiulbai:.
14. Zurxayin nom: обычная тетрадь (одна) в форме бодхи, суулд хуулж бичсэн хуулбар.
15. обложка: хутагтганзагын[торока] сан оршвой, бурэн, дундад үеийн бичмэл. (Как считает Б. Даваадорж, рукопись написана, возможно, после 1650 г.). Титульный лист: xutuqtu altan ḡanzaḡan sang orošibai: 5 л., 22×8,5 см, 21 стк., чернила черные, перо.
16. (хутагт цагаан дарь эхийн магтаал оршвой, бурэн, эртний бичмэл, 3 х.) Титульный лист: xutuqtu sayān dāre ekeyin maqtāl orošibui: 3 л., 20×8,5 (7×6) см, 15 стк., чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо. Л. 3a: ene tarni ödör büri ungšixula:.
17. (зурхайн ном, дутуу, дундад үеийн бичмэл, х. 1–45). Титул: zurxayinnom: 45 л., неполная, 22×8,5 см, прошита как тетрадь слева, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
18. (богд жавзундамбамбын лундэн оршвой, дундад үеийн бичмэл, 6 х., дутуу, - 3 х.). Титул: boqdo jibzang dambayin lungduyin orošibu: 6 л., неполная, 21,5×8, 20 стк., чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
19. (онгон ганзагын тахилын сан хэмээх их хөлгөний судар оршвой, бурэн, сүүлийн үеийн хуулбар, 4 х.). Титул: onḡon ḡanzaḡayin takiliyin sang kemēkü yeke kölgöni sudur orošibu: 4 л., тетрадные листы в форме бодхи, 20×8,2 см, 19 стк., чернила черные, перо.
20. (үнэгнийн сан оршвой, бурэн, дундад үеийн бичмэл, канон, 11 х.). Титул: ünügeni sang orošibu: 11 л., ксерокс, 21×8 см, 19 стк.
21. (хутагт таван эхийн судар оршвой, бурэн, дундад үеийн бичмэл, 3 х.). Xutuq tu tabun ekeyin sudur orošibu: 3 л., 22×8,5 см, 17 стк., чернила черные, перо. Л. 3a: xutuqtu niyuca tarni daxan bariqči yeke ekeyin züreken tarni dousbai:.

22. (дорждовын ач тус оршвой, дундад үеийн бичмэл, дутуу). *Doroji zodbuyin ači tusa orošibui*: 13 л., неполная, 29 стк., 34×10 (28×8) см, л. 3, 9 — отсутствуют, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
23. (үсэн дэвсгэрт хаан оршвой, эртний бичмэл, канон, 15 х.). *Usun debiskertü xān orošibui*: 15 л., ксерокс, 22 стк., 30×11 (26×7) см.
24. (ганзагын сан оршвой, бүрэн, сүүлийн үеийн бичмэл, канон, 4 х.). *γanzaγai yin sang orošibui*: 4 л., ксерокс, 21×9 см, 19 стк. Ксерокс плохого качества, поэтому многие слова и фразы прорисованы ручкой.
25. (цагаан дарь эхийн тууж оршвой, дутуу, эртний бичмэл, х. 1–17, 20). *Caγān dāre ekeyin tuuji orošibui*: 20 л., л. 2–3, 18, 19 — отсутствуют, 20 стк., 25,5×10 см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо. Л. 20b: *caγān dāre ekeyin tuujiyin nigen bülüg dousba*:
26. (үнэгнийн сан оршвой, бүрэн, эртний үеийн бичмэл, канон, 5 х.). *ūnegeni sang orošibu*: 5 л., ксерокс, 30×9 см, 29 стк., печать музея (неясная).
27. (хорин нэгэн мөргөл оршвой, бүрэн, дундад үеийн бичмэл, 5 х.). *horin nigen mörgüül orošibui*: 5 л., 21 стк., 22×9 (19×6,5) см, чернила черные, перо.
28. (хутагт Майдарын ёрөөл оршвой, дундад үеийн бичмэл, 4 х.). *Xutuqtu mayidariyin iṛöl orošibui*: 4 л., бумага серая, 17 стк., 21,5×9 (18×6) см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
29. (баян шарав замбалын сан оршвой, бүрэн, дундад үеийн бичмэл, 5 х.). *Bayan šarab zambaliyin sang orošibu*: 5 л., бумага синяя, 24 стк., 22×8 см, л. 1b — красные вставки, чернила черные, перо.
30. (алтан хайрцаг нээх судар оршвой, дундад үеийн бичмэл, 12 х.). На титульном листе кириллицей — Алтан хайрцаг нээх судар оршвой. 12 л., 16 стк., 22,5×9 см, штемпель «Фабрики Платунова № 8». Л. 1b: *üküqsen kümün āru γaryuxu üjekü bičiqenebui*:
31. (алтан хуяг оршвой, бүрэн, дундад үеийн бичмэл, 3 х.). *Altan хуяг orošibu*: 3 л., бумага серая, 21,5×8 (9×6) см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
32. (гэтэлгэгч хамгийг айлдагчийн буман зарлиг, бүрэн, эртний бичмэл, 21 х.). *Getülgeqči xamugi ailaduqčiyin gbum zarliq tarxou ēce bütüqsen muxuriyin dalai du oroxui onγyoco sal kemēküi šastir orošibui*: 21 л., бумага коричневая, 29 стк., 39×11 см, чернила черные, перо.
33. (сонсоод тонилгогч зуурдын судар оршвой / Сүнс тонилгогч зуурдын судар / бүрэн, эртний үеийн бичмэл, 13 х.). *Sonosöd toniloqči zuurduyin sudur orošibui*: *om mani padme xum*: 13 л., бумага многослойная, 28 стк., 45×14 (34,5×11) см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
34. (гэсэр мэргэн хаан арван хоёр толгойт мангасыг дарсан тууж, дутуу, эртний бичмэл, 15 х.). *Geseriin tuuji orošibui* (на титуле — название карандашом): 15 л., местами оборвана, бумага серая, 32 стк., 34×10 см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо. Л. 1b: *arslan boqdo geser xān arban хoyor toloyoyitu mangγu=šiyin oron du ödö: bolöd*:
35. (хутагт билгийн чинад хүрсэн таслагч очир хэмээх их хөлгөний судар оршвой, дутуу, эртний бичмэл, х. 1–23, 26.). *Xutuqtu biligiin činadu kürüqsen tasulqči očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošibui*: 26 л., неполная, 33 стк., 47×11 см, л. 1b — санскритское и тибетское название сочинения в ойратской транскрипции, там же изображения божеств по обеим сторонам листа, л. 2a — печати по обеим сторонам листа, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо.
36. (үхэгсэдийн ёрөөл оршвой; бүрэн, эртний үеийн бичмэл, 9 х.). Титульный лист не разобрать, л. 2a — разорван, рукопись плохой сохранности, бумага многослойная, 9 л., 33 стк., 46×13 см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо, л. 8, 9 — края разорваны. Л. 9a: *ene unaliyin namanči=lāγayigi xaril ügei süzüqtü gjodba terigüüten oloni daradu-qsan xamugiin itegel šakya dgeslong oqtor γuyin dalai rab gbyam za ya orčiulu* (обрыв рукописи): *mongoliyin kelen dü öün ēr ölzöyin cuq badaraji zambu=tibiin čimeqboltuyai*: : :
37. (хутагт билгийн чинад хүрсэн таслагч очир хэмээх их хөлгөний судар оршвой; бүрэн, эртний үеийн бичмэл, 21 х.). *Xutuqtu biligiin činadu kürüqsen tasulqči*

- očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošibui:: 21 л., бумага серая, 33 стк., 45×11 см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо, л. 1b — санскритское и тибетское название сочинения в ойратской транскрипции. Л. 21a: öüni ariun süzüqtü dare eke terigüülen oloni durduqsan du ene metü *rab gbyam za ya pandida orčiuluqsan* buyanyēr<...>ene tasuluqči očiriyin sudur urida rab gbyam pa xutuqtuyin gegēn kürbüülüqsen ēce zabsar tu bičiji terigüüteni erkēr üleqsen tasuraqsan endüüreq=sen bügüdeyigi: šarayin šajini ögligüyin ezen dgāldan čering vangpu tanai zarliyār sganas pa dgeslong bcangpo rgyam čo: tos bsam ling dges=long graši rgyal mcan dgeslong: ying dong var rgyas: dgeslong: lid grob rgyam čo: tayilbur gi gēd maši ariun yeke bičgüüd tü tulyan suuji ariudxād: tömör takā jildü *mongyol yēr kebtü daruulbai:: : :*
38. (хутугту билигийн чинад хүрсэн таслагч очир хэмээх их хөлгөний судар оршвой, бүрэн, 21х.). Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasulqči očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošibui:: 21 л., 30 стк., 35×10,5 см, чернила черные, отдельные вставки — красные чернила, перо, л. 1b — санскритское и тибетское название сочинения в ойратской транскрипции. Л. 20b: xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasulqči očir kemēkü yeke kölgöni sudur dousbai:: (Л. 21a): öüni ariun süzüq tü ene metü *rab gbyam za ya pandida orčiuluqsan* buyan yēr: ene oron ēce terigüülen xamuq er=toncodu erdeni šajin ariun todor=hoi delgered: yeke boluqsan amitan ötör burхан bolxu boltuyai:: : :
39. (сонсоод тонилогч зуурдын судар оршвой, бүрэн, дундад үеийн бичмэл, 13 х.). Sonosöd toniluqči zurduuyin sudur orošibui:: 13 л., бумага серая, 29 стк., 35,5x11 (30x9) см, чернила черные, перо.
- in “Clear” script and written culture]. Jasnoe pis’mo 360. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Proc. of the Intern. Scient. Confer. – Clear script 360]. Khovd, Khovd ikh surguul’ [Khovd State University] Publ., Niyigem humuulengiyin ukhaani surguul’ [Humaniterian Institute] Publ., 2008, pp. 21–30. (In Mongolian).
- Burdukova T. A. A. V. Burdukov (biographia). Burdukov A.V. V staroiinovoi Mongolii [A.V. Burdukov (biography). A.V. Burdukov in the old and new Mongolia]. Mosvow, Vost. lit. Publ., 1960, pp. 8–21. (In Russ.).*
- Ermakova T. V. Buddiyiskii mir glazami rossiyskikh issledovatelei XIX – pervoitreti XX veka (Rossiya i sopredel’niye strain).[the Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the XIX – early XX century (Russia and neighbouring countries)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 344 p. (In Russ.).*
- Kovalevskiy O. M. Mongol’skaya khrestomatiya. T. I. [The Mongolian reader. Vol.1]. Kazan, Kazan Univer. Publ., 1836. 608 p. (In Russ.).*
- Muzraeva D. N. Buddiyiskie pis’mennye istochniki na tibetskom i oyiratskom jazykah v kollekciyah Kalmykii. [Tekst]. D. N. Muzraeva [Buddhist Written Sources in Tibetan and Oirat languages in the collections of Kalmykia. Text by D.N. Muzraeva]. Elista, Dzhangar Publ., 2012. 224 p. (In Russ.).*
- Puchkovskiy L.S. Sobraniye mongol’skih rukopisei i xylographs Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. Ucheniye zapiski Instituta vostokovedeniya. T. IX. [The collection of Mongolian manuscripts and xylographs of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. Proc. of the Institute of Oriental studies. Vol. IX]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1954, pp. 90–127. (In Russ.).*
- Sazykin A.G. Mongol’skie rukopisi i xylograps, postupibshie v Aziatskiy muzei ot B.Ya. Vladimirtsova. MONGOLICA. Pamyati akademika B. Ya. Vladimirtsova. 1884–1931 [Mongolian manuscripts and xylographs received in the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences from B. Y. Vladimirtsov. MONGOLICA. The memory of academician B. Y. Vladimirtsov. 1884–1931]. Moscow, GRVL Publ., 1986, pp. 265–297. (In Russ.).*

References

Batsuuri A. Tod usgiyin sudryn tarhan ba bichig usgiyin soyol.Todysjeg — 360. Olon ulsyn shinzhilgejenij бага hurlyn iltgjelijn jemhtgjel. Rasprostranenie sutr na «jasnom pis’mе» i pis’mennoj kul’tury [Distribution of books

ПОСЛАНИЕ А. С. ПУШКИНА «КАЛМЫЧКЕ» КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

A. Pushkin's Address 'To a Kalmyk Maiden' as a Historical-Literary Problem

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье выявляются принципиальные аспекты и определяются основные параметры послания «Калмычке» как целостной историко-литературной проблемы: связи этого стихотворения с художественными системами поэзии, прозы и литературно-эстетической критики, его включение в сферу устного рассказа и отражение в семейном эпистолярии А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, калмычка, послание, художественная система, лирический цикл, «путевые записки», «Путешествие в Арзрум...», литературная критика, контекст, устный рассказ, семейный эпистолярный.

Since its publication and especially after the release of “Journey to Erzurum...”, A. Pushkin's address “To a Kalmyk Maiden” has belonged to several most essential spheres of Pushkin's literary system, appearing in most complex correlation with both his poetry (being a part of set of poems “Travel poems (1829)”) and prose (integrated into travel notes and entering into a dialogue with the text of “Travel...”). The poem is included into the system of Pushkin's literary esthetic critics formed by the 1820s in context of the poetry of reality thanks to mentioning the passion of ladies to «Cinq-Mars» by Alfred Victor de Vigny and slight appreciation of Shakespeare. The poem “To a Kalmyk Maiden” has something in touch with the art of Pushkin's oral story telling as well as reminds an epistolary novel. Thus the address “To a Kalmyk Maiden” presents a complex historical-literary problem stating the aim of the article to depict its most important aspects.

Keywords: Pushkin, Kalmyk maiden, address, artistic system, set of poems, “travel notes”, “Journey to Erzurum...”, literary criticism, context, oral storytelling, domestic epistolary novel.

Стихотворение «Калмычке» записано в дорожной, Первой Арзрумской тетради (современный шифр – ПД 841), заполнявшейся в обоих направлениях: стихи — с конца, памятные записи — с ее начала. Черновик набросан в Георгиевске, согласно проставленной дате — 15 мая (1829 г.), на л. 128 об., беловик записан неделей позже — 22 мая, уже во Владикавказе, «на л. 127 об., на одном развороте с л. 128» [Левкович 1988: 122]. В помете перед беловиком «22 мая» 1822 Кап-Кой» (III, 728¹) «русское название Владикавказ заменено старинным Кап-Кой» [Левкович 1988: 121], вероятно, для обозначения «местного колорита». Поводом к созданию стихотворения стала, как широко известно, дорожная встреча по-

эта с семейством калмыков (незадолго до 15 мая²), параллельно описанная в эпизоде «путевых записок»³.

Если учесть, что после 22 мая и вплоть до 16 июля (дата записи стихотворения в «античном духе» «Критон, роскошный гражданин», связанного с посещением арзрумской бани [Фомичев 2001: 114–118]) не было записано ни одного заверщенного поэтического текста, то надо признать, что «Калмычке» оказывается произведением, созданным накануне той даты в жизни поэта, которую он ожидал с тревогой и даже суеверным страхом: «Ужель мне скоро тридцать лет»? (VI, 136). 26 мая, пройдя пешком от Пасанаури до Душета, усталый и голодный, Пушкин полночь нашел приют

у душевного городничего (VIII, 454–455) — так он встретил свое тридцатилетие. Возможно, в память об этой, внутренне важной для него, дате и в знак благодарности грузинской дворянской творческой интеллигенции, восторженно чествовавшей поэта летом 1829 г. в Тифлисе, он пообещал редактору газеты «Тифлиссие Ведомости» П. С. Санковскому прислать для публикации стихотворение «Калмычке», в начале 1833 г. написал ему письмо с объяснением задержки «стихов для альманаха» (XV, 39–40, пер. 316), еще не зная о том, что его тифлисского знакомого уже нет в живых [Летопись 1999: III, 110⁴; Абрамович 1994: 24]. Эта публикация не состоялась. Стихотворение «Калмычке» было впервые опубликовано в «Литературной газете» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига в 1830 г. (№ 38 от 5 июля).

Наряду с другими пушкинскими произведениями стихотворение «Калмычке» было одним из первых, с которым Европа познакомилась во французском переводе. Князь Элим (Елим) Петрович Мещерский (1808–1844), атташе русского посольства во Франции (1833–1840), корреспондент Министерства народного просвещения, сотрудник русских журналов и альманахов, поэт (писал по-французски), переводчик, замечательный представитель русской литературы и культуры во Франции, 26 июля 1830 г. произнес в «Атенее Марсельском» речь «О литературе русской» (впоследствии изложена О. М. Сомовым в «Литературной газете» — № 7 от 14 февраля 1831 г.). В этой речи Пушкин назван «гением необыкновенным». Прямые связи и встречи обоих поэтов устанавливаются со второй половины 1836 г. и почти до последних дней жизни Пушкина. «Умерший молодым, князь Элим оставил несколько блестящих образцов пушкинской лирики во французских переводах; при этом (...) показал возможность пересоздать французскими средствами произведения разных стилистических регистров, — отмечал глубочайший знаток истории и культуры поэтического перевода [Эткинд 1999: 547], заключая: — Можно сказать, его переводы из Пушкина более всего похожи на переводы самого Пушкина из Парни или Вольтера» [Эткинд 1999: 550].

Переведенное Э. П. Мещерским стихотворение «Калмычке» было напечатано в Париже в 1838 г. Выразителен комментарий исследователя к приведенному им фрагменту этого перевода: «Элим Мещерский по-пушкински смел, даже бесшабашен, он

весел, ценит озорство, выше всего ставит общее настроение, излучаемое стихотворением» [Эткинд 1999: 550]. Нам же представляется, что здесь роль переводчика вызывает интерес и в аспекте психологии творчества — он как будто «подсмотрел» процесс создания оригинала: так, упомянутое в переводе имя французского поэта Ламартина словно перенесено в текст Э. Мещерского из черновых пластов пушкинского стихотворения [см.: Кичикова 2015: 113–114].

Связанные с поездкой на Кавказ и в Закавказье стихотворения 1829–1830 гг. Пушкин печатает по отдельности в «Литературной газете» и альманахе «Северные Цветы» (1830–1831). Исподволь складывается лирический цикл, в котором подыскивается место и стихам о калмычке: в сборнике 1832 г. «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» — под № XVIII. Собраный же «в одно целое почти в полном составе», в редакции 1832 г. цикл выглядел так: «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии», «Из Гафиза», «Дон», «Олегов щит», «Дорожные жалобы», «Калмычке» [Измайлов 1975: 221–222].

В конце 1836 г. Пушкин подготовил план издания своих поэтических произведений, основанного на новом принципе, — не хронологическом, но жанровом и жанрово-тематическом. Сгруппировав тексты в писарских копиях, на обложке каждого раздела он собственноручно написал его название. Из ряда лирических произведений, посвященных поездке на Кавказ и в Закавказье, отбираются «стихи, в которых реально-природные картины <...> претворены в образы душевно-поэтические, в реалии внутренней жизни» [Сурат, Бочаров 2002: 94]. Таким образом, этот раздел сборника «приобрел законченность», а его название, состав и «строгий порядок» [Измайлов 1975: 223] были утверждены последней авторской волей⁵:

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ (1829)

Дорожные жалобы.

Калмычке.

«На холмах Грузии лежит ночная
мгла...».

Монастырь на Казбеке.

Обвал.

Кавказ.

Из Гафиза.

Делибаш.

Дон.

В окончательном составе эта группа стихотворений обладает уже новыми свойствами, становясь лирическим циклом⁶: «с зачином и финалом (отъезд — возвращение) и кавказским центром» [Фомичев 2012: 172]. В трехчастной девятичленной композиции цикла стихи о калмычке заняли место в середине первой триады. «Внешне совпадающий с ориенталистской тематикой пушкинский цикл уже в самом начале «пресекает» возможность следования традиционным романтическим мотивам (странничества и романтической любви), внося в него новое настроение» [Дарвин 2001: 98]. По сравнению с его местом в сборнике 1832 г. последняя локализация стихотворения «Калмычке», таким образом, не только определила его связи со всем циклом, но и обусловила взаимосвязи циклообразующего характера (см.: [Измайлов 1958, 1975; Благой 1967; Фомичев 2001а; Дарвин 2001; Сим Жиын 2003; Фомичев 2012] и др.).

Факторы циклообразования в «Стихах, написанных во время путешествия (1829)» сложны и многозначны, может быть, именно поэтому они стали рассматриваться сравнительно недавно. Отношения же лирики цикла с дневниковой, а затем и очерковой прозой, порожденной поездкой на Кавказ [см.: Тынянов 1968], нередко представлялись простыми и очевидными: «Оказывается, что стихотворения и проза, написанные под одними и теми же впечатлениями, по-разному передают их; впрочем, это не означает, что эти произведения не связаны друг с другом, наоборот, они, несомненно, перекликаются» [Сим Жиын 2003: 76]. Возможно, поэтому связи «кавказской» поэзии и прозы изучались значительно активнее, в том числе и современными зарубежными исследователями [Гринлиф 1999; Сим Жиын 2003: 76]. Однако «сопряжение прозаического текста со стихотворным» [Левкович 1988: 121] не сводится лишь к «перекличке» поэтической версии с документально изложенным эпизодом в «путевых записках» или в переработанной его редакции из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года».

Так, в текст «путевых записок» после рассказа о посещении калмыцкой кибитки и встрече со «степной Цирцеей» вставлена фраза: «Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет» (VIII, 1029; вариант 18). Сравнив «палеографические данные» вставки, черновика и беловика, ис-

следователь заключает: «В запись от 15 мая необходимо включить стихотворение «Калмычке» — его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным» [Левкович 1988: 121, 133]. Место «послания» обозначено тройным тире после вводящей его в дневник фразы.

«Молодая калмычка, собой очень не дурная», вовсе не была польщена вниманием проезжего путешественника: «Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. <...> моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —» (VIII, 1028–1029).

Включение поэтической версии в дневниковую запись эпизода преобразует оба текста, создавая между ними отношения не только взаимодополняющие, но и диалогические. «Трудно сомневаться, что среди возвращенных таким образом друг к другу строчек вскроются глубина и единство, еще, может быть, не замеченные» [Палиевский 1978: 39⁸]. Взаимодействие соседствующих текстов придает обоим новые смысловые оттенки: ироническое замечание путешественника о «калмыцкой любезности» тут же скорректировано стилистическим регистром обращения поэта:

Прощай, любезная калмычка!

(III, 159), —

которое по интонации и ритму вызывает в памяти знаменитую формулу другого, высокого прощального приветствия:

Прощай, свободная стихия!

(К морю. 1824. — II, 295), —

обозначившего для Пушкина и расставание с романтическим этапом своей жизни и творчества. Так формируется ассоциация: «дикая краса» — «свободная стихия».

В 1835 г., перерабатывая путевые записки 1829 г. в «Путешествие в Арзрум...», Пушкин отказался от включения в его текст послания «Калмычке». «Думается, это связано с «маскировкой» автора: автор-наблюдатель предпочитает в тексте «Путешествия» не раскрывать себя как поэта-профессионала», — полагает исследовательница из Южной Кореи [Сим Жиын 2003: 76]. Разумеется, о «маскировке поэта-профессионала» здесь и речи не идет: тридцатилетний Пушкин уже давно неотделим от своей славы первого поэта России, упоминая о себе в этом смысле совершенно

просто: «Здесь нашел я измаранный список *Кавказского пленника* и признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» (VIII, 451; 23 мая 1829 г., у коменданта крепости Ларс, на пути из Владикавказа по Дарьяльскому ущелью). А на возвратном пути от Арзрума, во Владикавказе, «первым приветствием в любезном отечестве» стала для него статья в каком-то русском журнале — «разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи» (VIII, 483). «Путешествие в Арзрум...» — это произведение документальной прозы, написанное **поэтом**, здесь текст насыщен поэтическими цитатами из разных эпох и на разных языках. К случаю же авторской «маскировки» можно отнести лишь включенный в текст «Путешествия...» замечательный пример постижения Пушкиным иного культурного и духовного опыта, его «протеизма» и «всемирной отзывчивости» — стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...», представленное как «начало сатирической поэмы», приписанной вымышленному «янычару Амин-Оглу» (VIII, 478–479; см.: [Кошелев 2000]).

Как известно, стихи, посвященные безымянной юной калмычке («Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — десять и восемь» (VIII, 1028)), все-таки упомянуты в «Путешествии в Арзрум...» (эпизод осмотра только что завоеванной крепости Карс), причем в весьма любопытном контексте. Перед отъездом из Карса 13 июня Пушкин послал сопровождавшего его в экскурсии по крепости молодого армянина Артемия за лошадьми. «Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах, и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию, и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (VIII, 465).

Рассказанная история построена по классическому принципу *qui pro quo* (одно вместо другого), с незапамятных времен составлявшему основу сюжета о подмене и самозванстве. Самозванство — тема, особенно значимая в отечественной истории, а для Пушкина — предмет неослабевающего внимания с середины 1820-х гг. «Само-

званцы в творчестве Пушкина начинают составлять отчетливо подобранный и отлично сгруппированный ансамбль» [Турбин 1968: 89]⁹. В этом «ансамбле» ведет свою скромную «партию» и случай в Карсе — маленький комический эпизод на любимую автором тему самозванства, где место персонажа занял «первый попавшийся листок». Лирическое послание выдано за всесильную в Российской империи (включившей в себя и завоеванный Карс) «бумагу», а листок со стихотворением самозванно исполняет роль предписания для смены почтовых лошадей¹⁰ — его эстетическое значение подменено функцией «государственного документа».

Микросюжет о стихах, выданных за дорожную, вероятно, относится к той области пушкинского творчества, о которой нам известно лишь немногое, — к его мастерству устного рассказа, сжатой в пружину устной новеллы, или анекдота, который он очень ценил как жанр. Позволим себе предположить, что Пушкин рассказывал свою историю в кругу близких ему людей (сосланных декабристов, опальных офицеров, родственников сибирских каторжан), в военном лагере, кочевавшем от Карса к Арзруму, — именно в качестве дорожного анекдота о всесии «бумаги» и находчивости путешественника. Иначе трудно объяснить помету «Крс» (явно «Карс») под первой публикацией послания «Калмычке» в «Литературной газете» — вместо помет «Владикавказ» или «Кап-Кой» по месту его создания. Однако помета «Крс» / «Карс» и должна была вызвать в памяти пушкинского окружения в Закавказье именно этот дорожный анекдот. На наш взгляд, помета в «Литературной газете» восходит еще и к скупой записи в Арзрумской тетради.

Добравшись до театра военных действий, Пушкин почти не имел досуга для продолжения «путевых записок». Встречи, события и жестокость войны обрушились на поэта лавиной. Он оставляет в тетради скупые записи для памяти. В частности, эпизод осмотра Карса, не записанный в дневнике, но рассказанный в дружеском кругу, и был обозначен в строке тезисного плана для продолжения записок: «Дорога до Карса. Гумры. Арарат. Граница. Гергеры. Карс» (VIII, 1046). По одному лишь тезису «Карс» эпизод мог быть воспроизведен феноменальной памятью Пушкина — уже в тексте «Путешествия в Арзрум...»,

в ранней редакции предисловия к которому автор обмолвился, что «сии записки» он находит «занимательными только для немногих» (VIII, 1024). На это замечание обратила внимание, пожалуй, лишь Я. Л. Левкович: «Это признание свидетельствует, что читатели или лица, которых поэт собирался знакомить со своим дневником, предполагались изначально, но число их было ограничено. “Немногие”, т. е. малое число лиц, которые знакомы и с другими произведениями Пушкина “не для печати”» [Левкович 1988: 131]. К числу «немногих» в данном случае относится дружеское окружение Пушкина «во время похода 1829 года», а к «другим произведениям» его — тексты в устной форме передачи. Послание «Калмычке», в анекдотическом контексте микросюжета о самозванстве, оказывается, таким образом, связано и с малоизвестной сферой творческого поведения Пушкина — его мастерством устного рассказа. Произведения изустно передаваемого сюжета высоко ценились в пушкинском кругу, а сам поэт записывал анекдотические рассказы и собирал их в папку «Table-talk» («Застольные разговоры»; 1831–1836 гг.).

Послание «Калмычке», после публикации в 1830 г., и эпизод посещения калмыцкой кибитки, еще до публикации «Путешествия в Арзрум...» в 1836 г., безусловно, воспринимались как единый сюжет о вспыхнувшем увлечении степной «гордой красавицей» уже в совсем узком — семейном кругу Пушкина, вызывая шутивную ревность его жены. Об этом, очевидно, постоянном поводе для шуток в его семье свидетельствует, например, полное юмора (и ассоциаций со своими произведениями) уверение поэта в письме к Наталье Николаевне с дороги на Урал — по следам пугачевского восстания: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, не смотря на любопытство, очень простибельное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример» (19 сентября 1833 г. Из Оренбурга. — XV, 82)¹¹. Так «озорство» и «общее настроение, излучаемое стихотворением» [Эткинд 1999: 550] «Калмычке», приподнимают завесу над семейной жизнью Пушкина и отражаются в одном из самых сокровенных разделов его

автобиографической прозы — в семейном эпистолярии.

«Послание» дочери народа, к которому Пушкин питал давнюю, постоянную и столь явную симпатию [Кичикова 2009], по-своему уникально в его творческом наследии. С момента его публикации, и особенно после выхода в свет «Путешествия в Арзрум...», это послание пребывает одновременно в нескольких, причем основных, сферах пушкинского творчества, представляя в многообразных и сложных связях с художественными системами его поэзии (в составе цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)») и прозы (включаясь в текст «путевых записок» и вступая в диалогические отношения с текстом «Путешествия...»); благодаря упоминаниям о литературных увлечениях светских читательниц Сен-Маром (героем одноименного исторического романа А. де Виньи) и «слегка ценимом» ими Шекспире оно входит в систему пушкинской литературно-эстетической критики, сформировавшейся к концу 1820-х гг. в русле концепции «поэзии действительности»; выявляются его связи с пушкинским мастерством устного рассказа; наконец, это стихотворение бросает ответ и на семейный эпистолярный поэт. «Это стихотворение вписывается в контекст целого этапа творчества Пушкина, как всегда, сводящего воедино многие нити предшествующего периода и заключая в себе зерна будущих созданий. Мотивы стихотворения «Калмычке» возникнут в более широком ракурсе в прозе и поэзии Пушкина 30-х годов» [Никитина 1999: 209]. Таким образом, послание «Калмычке» представляет собою целую разветвленную историко-литературную проблему, выявлению принципиальных аспектов и определению основных параметров которой и была посвящена настоящая работа.

Пушкин явно дорожил своим посланием «Калмычке». Дорожил свободой его интонаций — намешливо-нежных, эпиграмматически острых, философски ироничных. Дорожил созданными в нем контрастами и противоречивой фактурой поэтического высказывания. «Только внутренне противоречивый текст воспринимался как адекватный действительности» [Лотман 1995: 410]. Как, несомненно, дорожил поэт воспоминанием о самой встрече с калмычкой, вызвавшей к жизни его «послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет».

Примечания

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

² По мнению исследователя, предположительное место этой встречи — «у станции Кагальницкая, у современной станицы Кагальницкая Зерноградского района Ростовской области» [Борисенко 1981: 59].

³ Как называл их автор и в 1829, и в 1835 гг. (VIII, 1027). Этому комплексу записей дневникового, конспективного и тезисного характера исследователь дает определение «кавказский дневник» [Левкович 1983: 15; Левкович 1988: 5].

⁴ Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, далее специально не оговариваются.

⁵ Сведения о плане издания 1836 г. достоверно приводим по: [Измайлов 1975: 264–269; Фомичев 2012: 171–172], поскольку в автографический фонд «Рукою Пушкина» («второе, существенно переработанное и дополненное с учетом новейших достижений пушкиноведения издание» — XVII, 4) данные записи не были включены, но был включен совсем другой, очень краткий пушкинский план издания, возможно, набросанный в том же 1836 г. (XVII, 203–204). Пушкинский замысел 1836 г. был осуществлен лишь в последние годы — в издании сборника, включающего и цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» [Пушкин 2012; комментарий: Фомичев 2012].

⁶ Получившим в исследованиях системные определения: «Кавказский цикл» [Измайлов 1975: 219] и Кавказский «лирический дневник» [Григорьева 1981], — ср. единичные рабочие названия: «стихотворный дневник» [Благой 1967: 347], «цикл-путешествие» [Дарвин 2001: 94], «путевые стихи» [Фомичев 2012: 172] и др.

⁷ Работа Моника Гринлиф вызывает ряд вопросов из-за прискорбных неточностей или элементарного непонимания пушкинских текстов. Так, с излишними уточнениями она пишет о «далеком, нерусском, *по преимуществу мужском* театре военных действий», а «калмыцкая кибитка» в топографии американской исследовательницы почему-то оказывается «*на вершине*

горы» (курсив наш. — Б.К.) [Гринлиф 1999: 276, 277].

⁸ Этот замечательный замысел был изложен в свое время в статье «Пушкин как человеческая задача русской литературы»: «Хорошо бы, например, издать Пушкина так, чтобы полнее восстановилась его личность. Нисколько не посягая на другие издания, наоборот, расширяя их веером, отчего бы не добавить к ним еще одно: тип хронологический. Где было бы собрано не по жанрам, а по времени (по месяцам и, если нужно, по дням вместе) все, что Пушкин задумывал и, живя, писал. <...> Лучше будет виден рост человека, откуда, зачем и куда он шел, vystупят узлы, перекрестки мысли; яснее, вероятно, станут и спорные проблемы <...>» [Палиевский 1978: 38, 39]. Данный проект реализуется с 2000 г. в издании «Собрание сочинений Пушкина, размещенных в хронологическом порядке» (М., ИМЛИ РАН, «Наследие»).

⁹ Часть переполненной пушкинской коллекции самозванцев уходит в другие руки и в другие литературные ряды. Хрестоматийный пример: сюжет комедии «Ревизор», действительно подаренный Пушкиным, и сюжет поэмы «Мертвые души», как уверял Гоголь, тоже подаренный ему поэтом [Войтоловская 1871: 14–20; Смирнова-Чикина 1974: 6–8].

¹⁰ Этот эпизод дважды истолкован в статье М. Гринлиф характерным для автора образом: «<...> стихотворение «К калмычке», возможно, является данью идее Стерна о том, что страсть преодолевает культурные барьеры. Но самому адресату стихотворения никогда не суждено его прочесть. Пушкин подчеркивает некоммуникативный статус этого текста, а значит и принципиальную невозможность диалога, выдавая его за свой паспорт в Карсе»; «Наиболее впечатляющим выражением резкого противопоставления безмолвного Востока и красноречивого Запада в «Путешествии в Арзрум» является судьба собственных поэтических произведений Пушкина. Набросок стихотворения «К калмычке», в котором поэт пытается преодолеть культурную пропасть, разделяющую его и «степную Цирцею», оказывается настолько неразборчивым и неудобочитаемым для офицера на очередной заставе, что он использует его вместо письменного предписания, разрешающего свободный проезд» [Гринлиф 1999: 274, 290].

¹¹ Создатель научной биографии Пушкина делает очень важный обобщающий вывод: «Язык пушкинских писем к жене был явлением совершенно новым: он подразумевал реализм не только в творчестве, но и в лепке собственной жизни, стремление к простоте и правде как законам ежедневного жизнеустройства» [Лотман 1982: 203].

Источники

- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. II. (1, 2) Стихотворения. 1817–1825. М.: 1997. 1205 с.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. VI. Евгений Онегин. М.: 1994. 697 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. XV. Переписка. 1832–1834. М.: 1996. 391 с.
- Т. XVII. Рукою Пушкина. Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. Изд. 2-е, переработанное. М.: 1997. 738 с.
- Пушкин А. С. Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Изд-во «Вита Нова», 2012. 224 с. (Новая Библиотека поэта. Малая серия).

Литература

- Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. М.: Слово/Slovo, 1994. 618 с.
- Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967. 724 с.
- Борисенко И. В. О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 49–61.
- Войтоловская Э. Л. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л.: Просвещение, 1971. 270 с.
- Григорьева А. Д. Кавказский «лирический дневник» // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. С. 49–120.
- Гринлиф М. «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей. СПб.: Академический проект, 1999. С. 275–297.
- Дарвин М. Н. «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. С. 85–128.
- Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–48.
- Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х – 30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 213–269.

- Кичикова Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50.
- Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.
- Кошелев В. А. «Арзрум нагорный...» // Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. Очерки. СПб.: Академический проект, 2000. С. 269–296.
- Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.
- Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука. 1983. С. 5–26.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4-х т. Т III: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 623 с.
- Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1982. 255 с.
- Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство СПб, 1995. С. 91–462.
- Никитина Е. П. Стихотворение Пушкина «Калмычке» // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 205–215.
- Палиевский П. В. Пушкин как человеческая задача русской литературы // Палиевский П. В. Литература и теория. Изд. 2-е, доп. М.: Современник, 1978. С. 34–40.
- Сим Жиын. Образ пути и его значение в творчестве Пушкина: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»; «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Русская литература, 2003. № 2. С. 66–80.
- Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1974. 319 с.
- Сураг И. З., Бочаров С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 220 с.
- Турбин В. Н. Характеры самозванцев в творчестве А. С. Пушкина // Научные доклады высшей школы. (Серия «Филологические науки»). 1968. № 6. С. 85–95.
- Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 192–208.

- Фомичев С. А.* К истолкованию пушкинского наброска «Критон, роскошный гражданин...» // Русская литература, 2001. № 4. С. 114–118.
- Фомичев С. А.* Лирические циклы // Фомичев С. А. Служенье муз. О лирике Пушкина. Сборник статей. СПб.: Академический проект, 2001 а. С. 75–105.
- Фомичев С. А.* Лирические циклы Пушкина; Комментарий: «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Пушкин А. С. Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во «Вита Нова», 2012. С. 5–16; 171–180 (Новая Библиотека поэта. Малая серия).
- Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.

УДК 342.734

ББК. 67.4

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВНЕ
СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на примере Республики Калмыкия)**

**Legal Aspects of the Regulation in the Field of Social and Labor Relations at the Level
of a Subject of the Russian Federation
(the case study of the Republic of Kalmykia)**

Е. А. Гунаев (E. Gunayev)¹

¹кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Jurisprudence, Senior Scientist of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: gunayev@yandex.ru.

Статья посвящена правовым аспектам регулирования в области социально-трудовых отношений: проблеме разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Отмечается значение основного закона (конституции) субъекта РФ в качестве источника трудового права, проанализирована компетенция субъектов РФ, проблемы развития регионального законодательства в указанной области.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, субъект Российской Федерации, Республика Калмыкия, разграничение полномочий, законодательство.

Purpose: The social and economic stability and development of any region in many respects depend on the effective realization of social policy in the field of social and labor relations. In this regard, the special importance is gained by legal aspects of regulation in the field of social and labor relations at the level of the territorial subject of the Russian Federation. The legislation of the Republic of Kalmykia is given as an example.

Methods: The research is based on the following scientific methods: historical, system analysis, comparative and legal.

Results: The issue of the division of powers between the Federation and its subjects in the field of social and labor relations has been analyzed, the importance of the basic law (Constitution) of a territorial subject of the Russian Federation as a source of labor law has been underlined, the competence of the subjects of the Russian Federation has been identified, issues of regional legislation in this area have been examined.

Discussion: Legal regulation of social and labor relations in subjects of the Russian Federation applies only to a number of certain issues within the framework of federal legislation. These are, first of all, those issues which are not under the jurisdiction of federal authorities and haven't been regulated by them. It appears that the powers of the subjects of the Russian Federation are more focused on the regulation of the so-called other issues directly connected with the labor relations, but again only on certain issues mentioned above. In this regard, the division of powers in the field of social and labour relations between levels of public authorities (federal, regional and local government) requires further improvement.

Keywords: social and labor relations, subject of the Russian Federation, the Republic of Kalmykia, division of powers, legislation.

Важнейшей составляющей социальной политики Российской Федерации является разграничение полномочий между уровнями публичной власти. Основная часть полномочий органов государственной власти и местного самоуправления субъектов РФ касается социально-экономической сферы, ядром которой выступает область социально-трудовых отношений. Именно от эффективной реализации социальной политики в области социально-трудовых отношений во многом зависит общая социально-экономическая стабильность и развитие конкретного региона. В этой связи особую значимость приобретают правовые аспекты регулирования в области социально-трудовых отношений на уровне субъекта РФ. В качестве примера приводится законодательство Республики Калмыкия.

Прежде всего отметим, что в трудовом законодательстве различают собственно «трудовые отношения» и «иные непосредственно связанные с ними отношения» (по организации труда и управлению трудом; трудоустройству у работодателя; подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников непосредственно у данного работодателя; социальному партнерству, ведению коллективных переговоров, заключению коллективных договоров и соглашений; участию работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства; материальной ответственности работодателей и работников в сфере труда; государственному контролю (надзору), профсоюзному контролю за соблюдением трудового законодательства; разрешению трудовых споров; обязательному социальному страхованию в случаях, предусмотренных федеральными законами) [Трудовой кодекс 2001].

Вопросы разграничения полномочий органов государственной власти федерального уровня и субъектов РФ урегулированы следующим образом:

– органы государственной власти субъектов РФ принимают законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, по вопросам, не отнесенным к ведению федеральных органов государственной власти и не урегулированным федеральным законодательством.

При этом более высокий уровень трудовых прав и гарантий работникам по сравнению с установленным федеральным

законодательством, приводящий к увеличению бюджетных расходов или уменьшению бюджетных доходов, обеспечивается за счет бюджета соответствующего субъекта РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ).

Коллизии разрешаются следующими способами:

– в случае принятия федерального нормативного правового акта по указанным вопросам нормативный правовой акт субъекта РФ приводится в соответствие с федеральным;

– в случаях, если закон или иной нормативный правовой акт субъекта РФ, содержащий нормы трудового права, противоречит Трудовому Кодексу (далее ТК РФ) или иным федеральным законам либо снижает уровень трудовых прав и гарантий работникам, установленный федеральными законами, применяется федеральное законодательство (ст. 5 ТК РФ) [Трудовой кодекс 2001].

Как отмечает М. А. Бочарникова, трудовое законодательство, которое толкуется в современной редакции в узком смысле и включает только законодательные акты, объединяет как законы федерального уровня (ТК РФ, иные федеральные законы), так и законы субъектов Федерации. Однако существенным недостатком новой редакции ст. 5 ТК РФ следует признать отсутствие указания на то, что источниками трудового права субъектов Федерации являются конституции (уставы) субъектов Федерации [Бочарникова 2008: 21].

Следует согласиться с М. А. Бочарниковой в том, что конституции республик и уставы иных субъектов Федерации являются неотъемлемой частью системы источников трудового права, поскольку играют важнейшую роль в правовом регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, складывающихся в конкретном регионе, устанавливая основополагающие начала такого регулирования, предусматривают особенности субъекта Федерации (социально-экономические, национальные, этнические, исторические, географические, климатические и иные), которые отражаются в региональном законодательстве, содержащем нормы трудового права. Конституции и уставы субъектов Федерации, закрепляя региональную систему органов

государственной власти и основы их взаимодействия, фактически определяют саму систему источников трудового права субъектов Федерации. Конституции и уставы субъектов Федерации, устанавливая исходные положения правового регулирования в области социально-трудовых отношений, не только повторяют положения Конституции РФ, касающиеся прав и свобод граждан в сфере труда, но развивают и дополняют их [Бочарникова 2008: 22].

Согласно М. А. Бочарниковой, конституции и уставы отдельных субъектов Федерации предусматривают право на труд, хотя Конституция РФ провозглашает свободу труда, не используя термин «право на труд». В региональных конституциях и уставах право на труд понимается как право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, что полностью соответствует нормам Конституции РФ. В то же время, отмечает М. А. Бочарникова, «необходимо заметить, что в конституциях и уставах субъектов Федерации право на труд не рассматривается и не может рассматриваться как гарантированное государством право на получение работы по выбору. Такое толкование права на труд не закреплено и в Конституции РФ» [Бочарникова 2008: 24; подробнее см.: Анишина, Попонов 2007].

Законы субъектов Федерации призваны урегулировать наиболее важные общественные отношения, складывающиеся в сфере труда соответствующих регионов. М. А. Бочарникова отмечает, что «в настоящее время четкий перечень трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, которые должны быть урегулированы именно на уровне закона, отсутствует как в федеральном, так и в региональном трудовом законодательстве. В итоге система законов субъектов Федерации, содержащих нормы трудового права, формируется несколько стихийно и определяется кругом общественных отношений в сфере труда, которые являются наиболее значимыми для конкретного региона либо относительно которых в федеральном законодательстве имеется конкретное указание о необходимости правового урегулирования законами субъекта Федерации. Как правило, законы субъектов Федерации посвящены вопросам оплаты труда работников конкретного региона, социального

партнерства, охраны труда, занятости населения, государственной гражданской и муниципальной службы, социальной защиты отдельных категорий работников и некоторым иным. Кроме того, практически во всех субъектах Федерации существуют законы, регламентирующие порядок деятельности региональных комиссий по регулированию социально-трудовых отношений» [Бочарникова 2008: 24–25].

Согласно Л. А. Чикановой и А. Ф. Нуртдиновой, правотворческая компетенция субъектов РФ по вопросам регулирования трудовых отношений представляется следующим образом:

1) правовое регулирование отношений по социальному партнерству, складывающихся на региональном уровне (трехсторонние комиссии, региональные соглашения и т. п.);

2) установление более высокого по сравнению с федеральным уровня трудовых прав в узком смысле слова, т. е. прав, касающихся условий труда;

3) принятие законов и иных нормативных правовых актов по вопросам, не урегулированным федеральным законодательством и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, т. е. опережающее регулирование [Чиканова, Нуртдинова 2010: 11].

М. С. Сагандыков полагает, что повышение уровня трудовых прав и свобод человека и гражданина является полномочием субъектов РФ, но должно осуществляться в отношении общего субъекта, т. е. всех лиц, работающих на территории субъекта РФ. Предоставление дополнительных гарантий отдельным категориям работников может осуществляться только в силу специального указания в законе [Сагандыков 2014: 96].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 03.02.2015) к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится в том числе решение вопросов:

1) финансового обеспечения деятельности органов государственной власти и государственных учреждений субъекта РФ, в том числе вопросов оплаты труда работников указанных органов и учреждений;

2) участия в урегулировании коллективных трудовых споров, осуществлении мероприятий в области охраны труда, предусмотренных трудовым законодательством;

3) осуществления уведомительной регистрации региональных соглашений, территориальных соглашений и коллективных договоров;

4) осуществления региональных и межмуниципальных программ и мероприятий по работе с детьми и молодежью;

5) организации профессионального образования и дополнительного профессионального образования лиц, замещающих государственные должности субъекта РФ, государственных гражданских служащих и работников государственных учреждений субъекта РФ;

6) участия в обеспечении профессионального образования и дополнительного профессионального образования лиц, замещающих выборные муниципальные должности, муниципальных служащих и работников муниципальных учреждений;

7) осуществления полномочий в области содействия занятости населения, предусмотренных Законом РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» и др. [Федеральный закон 1999].

Что касается последнего полномочия, то оно вновь отнесено федеральным законодательством к уровню субъектов РФ по предметам совместного ведения. Хотя в середине 2000-х гг. оно было исключено и осуществление государственной политики в области политики содействия занятости населения, в том числе мер активной политики занятости, было сосредоточено на федеральном уровне, что привело к свертыванию законодательного регулирования на уровне субъектов РФ и приостановлению действия региональных программ содействия занятости населения [Подробнее: Сергина 2006: 29–30].

Е. Е. Орлова отмечает, что понятие «содействие занятости» (или даже соответствующая политика) значительно шире понятия «обеспечение занятости» и включает в себя его как один из компонентов. Содействие

занятости — это предусмотренные законодательством меры, которые способствуют не только получению работы по трудовому договору (в том числе и временной), но и организации общественных работ, получению необходимой профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации, профориентационных услуг, информационных услуг о положении на рынке труда, вакансиях, а также меры материальной поддержки на время поиска работы [Орлова 2013: 209–210].

Как отмечает Т. Я. Хабриева, в развитии социального законодательства отчетливо проявляется и тенденция к юридикализации — постоянному расширению сферы его воздействия. В этой связи одной из насущных проблем развития социального законодательства выступает его систематизация, включая кодификацию. В настоящее время кодификация социального законодательства сохранена на федеральном уровне только в сфере трудового права. В других компонентах социального законодательства она не проводилась, имела ограниченный характер. В то же время есть примеры кодификации социального законодательства на уровне субъектов Федерации. Как полагает Т. Я. Хабриева, «безусловно, кодифицированные акты могут усилить системный характер регионального правотворчества. Но в отсутствие необходимого нормативного материала такая задача остается практически неразрешимой». По мнению Т. Я. Хабриевой, «кодификация — это все-таки прерогатива федерального законодателя» [Хабриева 2014: 7–10].

Еще одним из аспектов проблем развития социального законодательства, касающихся в том числе субъектов РФ, считается проблема «вычленения» из недр трудового законодательства правовых норм, касающихся труда государственных и муниципальных служащих. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «об искусственности такого деления свидетельствует, например, практически полное совпадение норм Трудового кодекса и законодательных актов, регулирующих трудовые отношения в публичной службе» [Хабриева 2014: 7].

Э. С. Бондарева, А. Ю. Ершова, С. Ю. Фильчакова в сравнительном исследовании законодательства субъектов РФ в сфере труда различают следующие группы правового регулирования:

– институтов социального партнерства в субъектах РФ;

– оплаты труда отдельных категорий работников (государственных гражданских и муниципальных служащих субъектов РФ, работников государственных учреждений и др.) [Бондарева и др. 2010a];

– охраны труда;

– внутриведомственного государственного контроля в субъектах РФ;

– квотирования рабочих мест для отдельных категорий граждан [Бондарева и др. 2010b].

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия в статье 21 среди прочих прав человека провозглашает право на труд [Степное Уложение]. Однако, как уже отмечалось выше, данная норма понимается в контексте положений Конституции РФ о свободе труда. Правовое регулирование в области социально-трудовых отношений представлено отдельными законами и нормативно-правовыми актами по социальному партнерству [Закон 2004], охране труда [Закон 2011a; Постановление 2003], оплате труда государственных учреждений республики [Закон 2011b], содействию занятости населения [Постановление 2013]. На наш взгляд, сюда можно отнести и акты о правовом статусе и социальной поддержке ветеранов труда республики [Закон 2004b; 2012a].

В заключение приходим к следующему выводу. Правовое регулирование в области социально-трудовых отношений в субъектах РФ носит фрагментарный характер и существует только по отдельным вопросам, очерченным федеральным законодательством. Это прежде всего вопросы, не отнесенные к ведению федеральных органов власти, а также не урегулированные федеральным законодательством. Представляется, что полномочия субъектов РФ в большей мере ориентированы на регулирование т. н. иных, непосредственно связанных с трудовыми отношениями, но опять же по отдельным вопросам, указанным выше. В этой связи полагаем, что разграничение полномочий в области социально-трудовых отношений между уровнями публичной власти (федеральным, региональным и местного самоуправления) требует своего дальнейшего совершенствования.

Sources

Federal'nyj zakon «Ob obshhih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subjektov Rossijskoj Federacii» ot 06.10.1999 No. 184-FZ (red. ot 03.02.2015). Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus». Elektronnyj resurs. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015). [Federal law «On General principles of organization of legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation» dated 06.10.1999 No. 184-FZ (as amended on 03.02.2015). Reference legal system «Consultant Plus». [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015)] (In Russ.).

Konstitucija Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 (red. ot 21.07.2014 № 11-FKZ). Sbornik zakonodatel'stva RF. 04.08.2014. No. 31. St. 4398. Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus» Elektronnyj resurs. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015). [The Constitution of the Russian Federation from 12.12.1993 (edited on 21.07.2014 No. 11-FKZ). Collected legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. No. 31. PT. 4398. Reference legal system «Consultant Plus» [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015)]. (In Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykija «O gosudarstvennoj programme “Sodejstvie zanjatosti naselenija i uluchshenie uslovij, ohrany truda v Respublike Kalmykija na 2013 - 2017 gody”» ot 10.06.2013 No. 286 (red. ot 24.02.2015). Khal'mg unn. 31.07.2013. No. 128. [The decree of the Government of the Republic of Kalmykia «On the state program «The promotion of employment and improvement of conditions and labour protection in the Republic of Kalmykia in 2013 - 2017 years» from 10.06.2013 No. 286 (edited on 24.02.2015) Khal'mg unn (newspaper). 31.07.2013. No. 128]. (In Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykija «Ob utverzhdenii Polozhenija o gosudarstvennom upravlenii ohranoj truda v Respublike Kalmykija» ot 23.09.2003 № 243 (red. ot 14.03.2008). Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus» Elektronnyj resurs. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015). [The decree of the Government of the Republic of Kalmykia «On approval of the regulations on state management

- of labour protection in the Republic of Kalmykia» on 23.09.2003 № 243 (as amended on 14.03.2008). legal-reference system «Consultant Plus». [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015)]. (In Russ.).
- Stepnoe Ulozhenie (Konstitucija) Respubliki Kalmykija ot 5 aprelja 1994 g. (v red. Zakona Respubliki Kalmykija ot 29 ijunja 2012 g. № 358 IV 3). Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus» Elektronnyj resurs. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015). [Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia dated April 5, 1994 (as amended by the Law of the Republic of Kalmykia of June 29, 2012 No. 358 IV 3). Reference legal system «Consultant Plus» [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015).]. (In Russ.).
- Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 31.12.2014). Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus». Elektronnyj resurs. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015). [The labour code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 31.12.2014). Reference legal system «Consultant Plus». [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 10.02.2015).]. (In Russ.).
- Zakon Respubliki Kalmykija «O vedomstvennom kontrole za sobljudeniem trudovogo zakonodatel'stva v Respublike Kalmykija» ot 02.06.2011 № 266-IV-Z (red. ot 18.11.2014). Khal'mg unn. 04.06.2011. No. 93. (a). [The law of the Republic of Kalmykia «On the departmental control over observance of labour legislation in the Republic of Kalmykia» from 02.06.2011. No. 266-IV-W (edited on 18.11.2014). Khalmg unn (newspaper). 04.06.2011. No. 93. (a)]. (In Russ.).
- Zakon Respubliki Kalmykija «O veteranah truda Respubliki Kalmykija» ot 20.09.2012. No.370-IV-Z (red. ot 18.11.2014). Khal'mg unn (specvypusk). 22.09.2012. No. 172. (a). [The law of the Republic of Kalmykia «On veterans of labor of the Republic of Kalmykia» from 20.09.2012 No. 370-IV-W (edited on 18.11.2014). Khalmg unn (newspaper). (special issue). 22.09.2012. No. 172. (a).]. (In Russ.).
- Zakon Respubliki Kalmykija «O respublikanskoj trehstoronnej Komissii po regulirovaniju social'no-trudovyh otnoshenij» ot 16.02.2004 № 10-III-Z (red. ot 03.11.2011). Khalmg unn. 20.02.2004. No. 42-43. [The law of the Republic of Kalmykia «On the Republican tripartite Commission on regulation of social and labour relations» from 16.02.2004 No. 10-III-W (edited on 03.11.2011). Khalmg unn (newspaper). 20.02.2004. No. 42-43.]. (In Russ.).
- Zakon Respubliki Kalmykija «O social'noj podderzhke veteranov truda i truzhenikov tyla» ot 26.11.2004 № 165-III-Z (red. ot 11.07.2014). Khalmg unn. 09.12.2004. № 254-255. (b). [The law of the Republic of Kalmykia «On social support of veterans of work and war workers» from 26.11.2004 No. 165-III-W (edited on 11.07.2014). Khalmg unn (newspaper). 09.12.2004. No. 254-255. (b).]. (In Russ.).
- Zakon Respubliki Kalmykija «Ob oplate truda rabotnikov gosudarstvennyh uchrezhdenij Respubliki Kalmykija, finansiruemyh za schet sredstv respublikanskogo bjudzhet» ot 02.06.2011. No. 265-IV-Z. Khalmg unn. 04.06.2011. No. 93. (b). [The law of the Republic of Kalmykia «On remuneration of employees of state institutions of the Republic of Kalmykia, financed from the Republican budget» dated 02.06.2011 No. 265-IV-W. Khalmg unn (newspaper). 04.06.2011. No. 93. (b).]. (In Russ.).

References

- Anishina V. I., Poponov Ju. G. Svoboda truda ili pravo na trud? [Freedom to work or the right to work?]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. 2007, no. 4, pp. 86–96. (In Russ.).
- Bondareva E. S., Ershov A., Milchakova U. S. Pravovoe regulirovanie otdel'nyh obshhestvennyh otnoshenij v sfere truda v subjektah Rossijskoj Federacii. V 2 ch. Ch. 1. [Legal regulation of certain social relations in the sphere of labour in the subjects of the Russian Federation. In 2 parts. Part 1]. Irkutsk, Institute of legislation and legal inform. named after M. M. Speransky. Publ. 2010. 71 p. (a). (In Russ.).
- Bondareva E. S., Ershov A., Milchakova U. S. Pravovoe regulirovanie otdel'nyh obshhestvennyh otnoshenij v sfere truda v subjektah Rossijskoj Federacii. V 2 ch. Ch. 2. [Legal regulation of certain social relations in the sphere of labour in the subjects of the Russian Federation. In 2 parts. Part 2]. Irkutsk: Institute of legislation and legal inform. named after M. M. Speransky Publ., 2010. 67 p. (b). (In Russ.).
- Bocharnikova M. A. Mesto i rol' zakonodatel'stva subjektov Rossijskoj Federacii o trude v sisteme istochnikov trudovogo prava [The place and role of the legislation of subjects of the Russian

- Federation on labour in the system of sources of labour law]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian law]. 2008, no. 9, pp. 21-27. (In Russ.).
- Chikanova L. A., Nurtidinova A. F.* Osnovnye napravlenija razvitija rossijskogo trudovogo zakonodatel'stva [Main directions of development of Russian labour law] Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. 2010, no. 5, pp. 5-19. (In Russ.).
- Khabrieva T. Ja.* Osnovnye vektory i problemy razvitija social'nogo zakonodatel'stva [The basic directions and problems of development of social legislation]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. 2014, no. 8, pp. 5-15. (In Russ.).
- Orlova E. E.* O sootnoshenii ponjatij «sodejstvie zanjatosti» i «obespechenie zanjatosti» naselenija [On the relationship between the concepts of «promotion of employment» and «employment» population]. Publichnoe pravo i chastnoe pravo. [Public law and private law]. 2013, no. III, pp. 206-212. (In Russ.).
- Sagandykov M. S.* Nekotorye problemy razgranichenija polnomochij mezhdru Rossijskoj Federaciej i ee subjektami v sfere trudovyh otnoshenij [Some problems of the separation of powers between the Russian Federation and its subjects in the field of labour relations]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Pravo». [Bulletin of the South Ural state University. Ser. «Right.»], 2014, Vol. 14, no. 1, pp. 94-98. (In Russ.).
- Seregina L. B.* Tendencii razgranichenija polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti v oblasti sodejstvija zanjatosti naselenija [Trends in the distribution of powers of public authorities in the field of the assistance of the population employment] Zhurnal rossijskogo prava. [Journal of Russian law]. 2006, no. 6, pp. 28-37. (In Russ.).

УДК 331.5(470+571)

ББК 65.240(2Рос)

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Russian Labour Market: Problems and Perspectives

Е. В. Тумачева (E. Timacheva)¹

¹кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики финансов Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Ph. D. of Economics, Associate Professor of the Chair of Economy and Finances of the Volgograd branch at the Russian Academy of National Economy and Public Service under the auspices of the President of the Russian Federation). E-mail: borisova_e@mail.ru.

В статье анализируется ситуация на рынке труда в России в целом и в региональном срезе, определяются факторы, влияющие на состояние, перспективы развития национального рынка труда и на результаты прогнозирования. Анализируются общеэкономические показатели, региональные особенности демографической структуры, особенности миграционных процессов, геополитическая ситуация, влияющие на спрос и предложение на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, миграционные процессы, занятость, трудовые ресурсы, уровень безработицы, трудоспособное население.

One of the main concerns is difficulty of assessing labour market situation and determining perspectives of its development in quickly changing environment. In scientific literature there is no comprehensive analysis of the Russian labour market facing economic and “geopolitical crisis» because of non-typical situation. As a result of expanding world economic relations, large-scale globalization stable international economic and industrial links are destroyed by means of artificial sanctions aimed at isolating a significant subject of world economic relations.

In such conditions comprehensive analysis of labour market becomes more and more actual. It can be carried out with the help of different economic and scientific methods including factor analysis and PEST-analysis. Analyzing factors dynamics for a definite time period enables us to reveal key features of the analyzed market, explain tendencies of its development and to develop a forecast for the future period. At that it is important to highlight those factors the influence of which will be dominating for this particular labour market. Efficiency of labour market control depends to the larger extent on the chosen measures. PEST-analysis is considered to be the most reasonable for this purpose. For researching the labour market the following factors are considered to be actual: demographic; political and geopolitical; economic; social and cultural tendencies; technological innovations.

Because of structural changes in market economy there is a necessity of proportional development of production factors including labour force. Modern labour market is characterized by high labour force turnover. Among young employees there is a stable tendency to change jobs with acquiring professional experience. Regional labour markets are subject to migration processes that in its turn can affect the balance of supply and demand of labour force. Structural unemployment is exacerbating as a result of production modernization in regions that lack qualified labour force, and is worsening being affected by risks of closing or cutting some manufactures. Inter-firm or inter-industry transfers of labour force will be increasing as a result of restructuring of economic environment. High school graduates cannot realize their career potential and find job according to their specialty. Geo-political state of Russia is likely to worsen world position of the country than to strengthen it, that in its turn negatively influence the labour market. In the light of Russia's implementing retaliatory import sanctions there will be a necessity to expand domestic production that can stimulate additional job creating in the country and provide part of working population with jobs.

Keywords: labour market, unemployment, migration processes, employment, labour resources, rate of unemployment, able-bodied population.

Рынок труда в РФ — это ключевой макроэкономический показатель народного хозяйства; в микроэкономическом разрезе он представляет собой баланс между спросом и предложением на трудовые ресурсы. Российский рынок труда оценивается его субъектами по разным критериям: работодателем — по наличию, доступности и цене трудовых ресурсов, отвечающих производственным потребностям по уровню образования и профессиональным навыкам; работником или соискателем — по наличию вакансий по специальности, удовлетворяющих его запросам относительно заработной платы и перспектив карьерного роста; государство оценивает состояние рынка труда в России по уровню безработицы и занятости населения и пытается влиять на него посредством законотворчества, федеральных и региональных программ содействия трудоустройству [Особенности российского 2011].

Труд является функцией рабочей силы и важнейшей категорией рыночной экономики. Трудовые отношения являются основополагающими в экономической системе любой страны, что обусловлено огромной ролью труда в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Рынок труда — это система социально-экономических отношений, в рамках которой происходит формирование, распределение и использование рабочей силы в условиях ее товарности. В качестве компенсации за трудовые усилия работающие получают заработную плату.

Одной из основных проблем является сложность оценки ситуации на рынке труда и определения перспектив его развития в быстро меняющихся условиях.

Формирование рынка труда в России обусловлено как сложившейся в стране экономической ситуацией (экономический кризис, резкое падение уровня жизни, изменение структуры производства, расслоение общества по уровню дохода и т. д.), так и внешними условиями (глобализацией, внешнеполитическим кризисом, геополитической напряженностью).

В научной литературе отсутствует всесторонний анализ рынка труда РФ в условиях экономического и геополитического кризиса, так как сама ситуация в мировой экономике и политике является нестандартной. С расширением мирохозяйственных связей и широкомасштабной глобализацией

устоявшиеся внешние хозяйственно-производственные связи разрушаются путем применения искусственно насаждаемых санкций в целях изоляции значимого субъекта мирохозяйственных отношений.

Анализ рынка труда можно проводить с использованием различных экономических и общенаучных методов анализа и прогнозирования, в том числе с помощью факторного анализа и PEST-анализа.

Анализ динамики факторов за определенный промежуток времени позволяет установить основные закономерности, присутствующие анализируемому рынку, обосновать тенденции его развития и разработать прогноз на будущий период. При этом важно выделить именно те факторы, влияние которых будет доминирующим для данного рынка труда. От мер воздействия на последние в решающей степени зависит эффективность управления рынком труда.

В этой связи наиболее целесообразным для анализа рынка труда представляется применение PEST-анализа. Несмотря на то, что он изначально предназначен для анализа бизнес-единицы, представляется возможным его использование для анализа и оценки рынка труда — как одной из экономических подсистем. Для реализации цели оценки и прогнозирования на рынке труда данный вид анализа является эффективным, всесторонним и всеобъемлющим, так как он дает четкое понимание принадлежности конкретного фактора тому или иному процессу или изменению в экономической системе.

Для исследования рынка труда актуальными являются:

— демографические факторы (динамика численности трудоспособного населения и динамика структуры трудоспособного населения по возрасту, возрастная структура трудоспособного населения, динамика структуры трудоспособного населения по уровню образования, миграция рабочей силы);

— факторы высвобождения занятых в отраслях народного хозяйства по регионам (техническая оснащенность производства и внедрение новых технологий, сокращение объемов производства, остановка / ликвидация предприятий и учреждений, структурная перестройка производства, текучесть кадров, изменения в условиях труда и уровне оплаты, интенсификация труда, изменение в организации производства с исполь-

зованием вторичной занятости и совместительства, сокращение объемов инвестиций);

- политические и геополитические факторы (текущее законодательство и будущие изменения в законодательстве страны, европейское/международное законодательство, регулирующие органы и нормы, правительственная политика и ее изменение; выборы на всех уровнях власти, финансирование, гранты и инициативы, группы лоббирования/давления рынка, международные группы давления, экологические проблемы, прочее влияние государства в отрасли; внешнеэкономические, производственно-хозяйственные связи);

- экономические факторы (внешне-экономическая ориентированность страны, стадия экономического цикла, экономическая ситуация и тенденции, динамика ставки рефинансирования и изменения в банковском секторе, уровень инфляции, общий инвестиционный климат, заграничные экономические системы и тенденции, общие проблемы налогообложения, рынок и торговые циклы, платежеспособный спрос, потребности конечного пользователя продукции и услуг, курс национальной валюты по отношению к курсам мировых валют, импорто-экспортоориентированность страны, структура доходов и расходов);

- социокультурные тенденции (изменения законодательства, затрагивающие социальные факторы, базовые ценности, тенденции образа жизни, модели поведения покупателей, мода и образцы для подражания, главные события и факторы влияния, потребительские предпочтения, представления СМИ, этнические / религиозные факторы, реклама и связи с общественностью);

- технологические инновации (развитие конкурентных технологий, финансирование исследований, связанные / зависящие технологии, замещающие технологии/решения, зрелость технологий, изменение и адаптация новых технологий, производственная емкость, информация и коммуникации, влияние интернета, потребители, покупающие технологии, законодательство по технологиям, потенциал инноваций, доступ к технологиям, лицензирование, патенты, проблемы интеллектуальной собственности) [PEST-анализ: 1].

Новая экономическая реальность требует новых подходов в функционировании учреждений высшего профессионального образования, чьи институты являются не-

устойчивыми и подлежат трансформации и модификации в направлении соответствия требованиям рынка труда. Эти изменения в системе образования происходят как на федеральном, так и на региональном уровне [Гоник, Гущина 2008; Гущина, Тимачева 2008: 20–25].

При некотором избытке специалистов с высшим образованием в регионе проявится нехватка кадров со средним и начальным профессиональным образованием и высокой квалификацией, которая будет частично нивелироваться за счет перераспределения планов приема и выпуска обучающихся в образовательных учреждениях разных уровней.

Международная трудовая миграция смягчает как общую, так и структурную недостаточность трудовых ресурсов. Приток мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Украины в значительной мере покрыл потребность российского рынка труда в кадрах рабочих специальностей. Представители высококвалифицированной рабочей силы, прибывшие в Россию из стран СНГ, нередко готовы приступить к любой, даже неквалифицированной работе, чтобы обеспечить себя средствами существования на новом месте.

В связи со структурными изменениями в рыночной экономике возникает потребность пропорционального развития факторов производства, в том числе рабочей силы, возникают новые предпосылки мобильности, связанные с приобретением за сравнительно короткое время знаний, необходимых для работы на новом рабочем месте [Гущина, Тимачева 2008: 29–34].

Структура занятых в экономике изменится за счет перераспределения трудовых ресурсов в сторону сокращения удельного веса занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесоводстве (до 8,8 % в 2016 г.), обрабатывающих производствах (до 14 %), образовании (до 8,1 %). Возрастет удельный вес занятых в оптовой и розничной торговле (до 18,6 %), строительстве (до 8,6 %), операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг (до 8,7 %), предоставлении социальных и персональных услуг (до 4 %). На 0,2 % увеличится удельный вес занятых в гостиничном и ресторанном бизнесе, здравоохранении и предоставлении социальных услуг, транспорте и связи [Минтрудом России 2013].

В регионах, где функционируют оборонные предприятия и осуществляются инфраструктурные проекты, будет наблюдаться определенная стабильность с занятостью населения.

Современный рынок труда характеризуется большой текучестью кадров. Среди молодых трудовых ресурсов наблюдаются устойчивая тенденция к смене рабочих мест по мере приобретения профессионального опыта в течение одного-трех (а иногда и пяти лет) с дальнейшим прицелом на продвижение по карьерной лестнице или просто смена рабочего места ради увеличения собственных доходов.

Подолгу остаются на одном рабочем месте только те, чей трудовой стаж составляет 15 или более лет. При этом женщинам менее свойственно регулярно менять работу, чем мужчинам [Рынок труда 2014].

В ближайшем будущем представители самых ненужных профессий окажутся юристы, банковские служащие, кадровики, маркетологи. Уже сейчас на одно место по этим специальностям претендуют от шести до восьми человек. С другой стороны, останутся востребованные профессии. Рост числа свободных вакансий до 50 % ожидают весной в аграрном секторе (благодаря эмбарго на западные продукты), не останутся без работы менеджеры по продажам (в условиях кризиса самое сложное — продать), фармацевты (лекарства всегда нужны), интернет-специалисты (без Интернета не жизнь). Но самый нужный работник в России — это высококлассный рабочий. Сейчас на одно рабочее место претендует всего 0,6 человека [Требуются высококлассные 2014].

Геополитическое положение России также скорее осложняет внешнеполитические позиции страны, чем укрепляет их, вместе с тем отрицательно влияя на рынок труда. Россия не обладает серьезной защитой от сознательных, скоординированных враждебных действий основных субъектов мировой экономики. Торговое эмбарго со стороны остального мира, массовый арест счетов российских юридических лиц, отказ от предоставления приемлемых условий погашения внешних займов и т. п. имели бы катастрофические экономические последствия. Примером является применение санкций против России в связи с ситуацией на Украине.

Более того, российскую экономику невозможно надежно защитить и от стихийных неблагоприятных тенденций на мировых рынках. В настоящий момент вызывает опасение скоординированная экономическая агрессия основных мировых держав и международных экономических организаций против России, которая проявляется в виде санкций и частичной экономической изоляции страны.

Для преодоления угроз экономической безопасности России необходимы следующие меры:

а) укрепление единого экономического пространства, на котором действовали бы нормальное налоговое, таможенное и иное хозяйственное законодательство, а также работающая система банков, страховых, финансовых и торговых компаний общенационального масштаба;

б) обеспечение бесперебойного функционирования федеральной транспортной и топливно-энергетической инфраструктуры;

в) подготовка квалифицированных кадров и обеспечение их производственным и технологическим оборудованием, способным гарантировать безопасное функционирование, консервацию, вывод из эксплуатации и ликвидацию особо опасных объектов в промышленности и Вооруженных силах, а также не допустить катастрофических последствий аварий на них [Экономическая безопасность: 9–29].

С сохранением геополитических рисков связано и понижение базового варианта прогноза Минэкономразвития по росту ВВП в 2015 г. с 2 % до 1 % [Минэкономразвития объяснило 2014].

Такое изменение прогноза обусловлено, во-первых, тем, что в сценарных условиях предполагалось, что геополитическая напряженность снизится и наступит достаточно существенная деэскалация конфликта уже в этом году. Были надежды на то, что уже со следующего года возобновятся существенные инвестиции, прежде всего частного сектора. Но уже сейчас заметно, что ужесточились условия займов на внешних рынках, были введены дополнительные санкции, которые не прогнозировались [Минэкономразвития объяснило 2014].

С учетом крайне сложной геополитической ситуации возникает необходимость в расширении госрасходов, прежде всего в стратегически важное импортозамещение,

[D0%B8:%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B0_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8](#)
(accessed: 16.02.2015). (In Russ.).

Trebujutsja vysokoklassnye rabochie.

Magnitogorskij metall. Gorodskaja gazeta [Wanted high qualified workers. Magnitogorskiy metal. City Newspaper]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://magmetall.ru/news/36810.htm> (accessed: 16.02.2015). (In Russ.).

УДК 338.439.027.4
ББК 65.32

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Some Issues of Food Security and Sustainable Development of Rural Areas

А. Б. Ярлыканов (A. Yarlykanov)¹, А. В. Бембетов (A. Bembetov)²

¹ доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора РАНХиГС при Президенте РФ (Ph. D. of Economy, Professor of the Department of Economics and Finance of Public Sector at the Russian Academy of National Economy and Public Service under the Auspice of President of the Russian Federation). E-mail: yarlykanov.abrar@yandex.ru.

² аспирант кафедры экономики и финансов общественного сектора РАНХиГС при Президенте РФ (Post-graduate Student of the 3rd year of the Department of Economics and Finance of the Public Sector of the RANE PS). E-mail: bembetov@gmail.com.

В условиях сокращения объемов собственного сельскохозяйственного производства как никогда остро встают вопросы продовольственной безопасности России, повышения эффективности аграрного сектора отечественной экономики. По сути, это не только сохранение данной отрасли как образа жизни многомиллионного сельского населения, но и основа обеспечения экономической безопасности государства в целом. В статье предлагаются меры по устойчивому развитию аграрного производства в России.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, устойчивое развитие, аграрная политика, агробизнес, агропромышленный комплекс, национальный суверенитет, Всемирная торговая организация.

The article considers some issues related to increasing the efficiency of agricultural production of the country as well as some measures for its sustainable development. For this purpose, the authors analyzed resources available in the country, assessed the level of food insecurity, and marked the threshold values. Besides, they provided a critical evaluation of certain actions and attempts undertaken by the state to work out and implement measures for the development of the agro-food complex, which, for a variety of reasons, have not given the desired results. In this regard, they stress the importance of adopting the food security act, underline the need for considerable investment into agricultural sector, make a suggestion to work out the program for the development of rural areas. In order to avoid a large scale social disruption, food deficiency and, eventually, loss of national sovereignty the country can face with, the authors propose to take timely measures for immediate settlement of urgent problems concerning the process of investment into the agro-industrial complex.

Keywords: food security, sustainable development, agricultural policy, agribusiness, agro-industrial complex, national sovereignty, World Trade Organization.

Привлечение инвестиций в аграрный сектор экономики является первостепенной задачей для устойчивого развития аграрно-промышленного производства, укрепления его материально-технической базы и насыщения продовольственного рынка продуктами отечественного производства. Для России, как и для всех стран мира, обеспечение продовольственной безопасности является важнейшим направлением государственной политики и фактором устойчивого развития.

Продовольственная безопасность России в силу ее геополитического, экономи-

ческого положения, наличия значительных земельных и трудовых ресурсов будет обеспечена тогда, когда доля импорта основных видов продуктов питания в объеме потребления населением может составлять, по расчетам экономистов, не более 10 % (некоторые принимают этот предел в 20–25 %). Современное состояние аграрного производства, когда импорт превышает 40 %, а по отдельным видам и более, следует считать вообще недопустимым. Такой высокий уровень потребления за счет импорта не отмечался за всю историю нашей страны.

В России с началом возврата к капиталистической формации (начало 1990-х гг.) вопросы обеспечения продовольствием на базе развития отечественного продовольственного комплекса серьезно не решались, несмотря даже на резкое снижение уровня потребления продуктов питания, что сказывалось на здоровье нации и ухудшении демографической ситуации. Попытки разработать и реализовать ряд нормативных правовых актов по развитию АПК в целом и сельского хозяйства, в частности, в силу их низкого уровня и отсутствия надлежащего контроля оставались безрезультатными.

Возьмем, к примеру, Указ Президента Российской Федерации «Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996–2000 годы» (№ 933 от 18.06.1996 г.) [Указ Президента 1996]. В итоге его реализации производство сельскохозяйственной продукции в 2000 г. по сравнению с 1995 г. сократилось на 29 %. Потребление продуктов питания на душу населения снизилось на 22 %, в том числе мяса — с 55 до 45 кг, молока и молочных продуктов — с 253 до 216 кг. Пищевой рацион среднестатистического жителя России даже через 10 лет состоял в основном из хлебных продуктов (35,4 %) и картофеля (8,6 %), а доля мяса, молока и молочных продуктов составляла в нем 25,1 %. Хлебные продукты и картофель являлись продуктами, потребление которых в России находилось на более высоком уровне, чем в странах ЕС. У нас дефицит душевого потребления составляет: по мясу и мясопродуктам — 25 %, молочной продукции — 20 %, рыбе и рыбопродуктам — 45 %, растительному маслу — 56 %, овощам — 52 %, фруктам и ягодам 75 %.

По данным Росстата, за эти годы внутренний рынок страны заполнили зарубежные фирмы, поставляющие продукты питания. Крупные наши города на 70–75 % снабжаются за счет импорта (Москва и С.-Петербург — до 80 %), а отечественный продуктовый комплекс полностью заместить его пока не в силах. Преимущественно это такие продукты, как мясо, молоко и большинство видов овощей, исключение составляют водка и мясо птицы. Как правило, в крупных городах мясокомбинаты сейчас приспособлены к работе только на замороженном импортном сырье, а овощные базы — с фасованными товарами.

Сегодня государство стало предпринимать меры по замещению продовольственного рынка отечественными продуктами. Однако необходимо отметить, что в силу многих факторов — природных, экономических и других — замещение импорта собственными товарами не приведет к скорому снижению цен на продукты питания. У нас производство мяса и молока обходится дороже, чем в других странах. Но обеспечение продовольственной безопасности и независимости страны дорогого стоит. Если не предпринимать кардинальных мер по инвестированию продовольственного комплекса (читай — АПК), страна может столкнуться с масштабными социальными потрясениями — дефицитом продовольствия и, в конечном счете, утратой национального суверенитета. Благо, что сегодня в связи с экономическими санкциями Запада против России мы все-таки начали пересматривать свое отношение к развитию отечественного сельского хозяйства.

Негативное влияние на продовольственную безопасность оказывает и имущественное расслоение общества, которое в России достигло критического уровня. При наличии 5–10 % очень богатых жителей значительная часть населения имеет доходы ниже прожиточного минимума. В мировой экономике признано, что если соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченных и 10 % наименее обеспеченных групп населения превышает 1:10, то общество находится в зоне нестабильности. В странах ЕС это соотношение составляет 1:6, а в бывшем СССР оно было 1:4,5. В России, по официальной статистике, это соотношение составляет 1:18, т. е. в три раза выше, чем в государствах ЕС. Страна занимает 2-е место в мире после США по числу миллиардеров и 72-е место по уровню жизни.

Продовольственная безопасность — одна из главных составляющих в обеспечении и экономической безопасности. Она связана с сохранением национального суверенитета и целостности государства. Поэтому для России и ее регионов разработка и реализация научно обоснованной стратегической программы в этом направлении представляется весьма необходимой и принципиально важной. За последние два десятилетия общественность России и практические работники последовательно ставили вопрос о целесообразности принятия Закона о продовольственной безопас-

ности. Однако в 2010 г. была принята лишь Доктрина продовольственной безопасности РФ [Указ Президента 2010], которая в силу своего предназначения не содержит четких представлений о путях достижения поставленных целей по многим направлениям продовольственной безопасности, развития сельских территорий и сельскохозяйственного производства. Хотя именно эти факторы являются главным звеном в достижении указанных целей.

В Доктрине в качестве показателей, имеющих пороговое значение, приводятся цифры обеспечения населения страны продуктами питания собственного производства. Согласно документу, в ближайшем будущем мы должны производить: зерна — не менее 95 % ныне потребляемого количества; сахара — 80 %; растительного масла — 80 %; мяса и мясопродуктов — 85 %; молока и молочной продукции — 90 %; рыбной продукции — 80 %; картофеля — 95 %. И здесь уместно будет задать вопрос: а каковы же пути достижения продовольственной независимости?

Любая государственная программа развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности должна предусматривать прежде всего устойчивое развитие как сельских территорий, так и регионов. Это не только основа для продовольственного обеспечения народа, но и миллионы рабочих мест, а значит — и налоги в бюджет. К тому же эти сельские территории — и образ жизни значительной части нашего населения, среда его обитания. На сельских просторах России людям живется нелегко, с каждым годом их становится все меньше. Сегодня число сельских жителей составляет чуть меньше 40 млн, т. е. в 153125 сельских населенных пунктах (по данным переписи 2010 г.) проживает каждый третий житель страны. В США, например, доля сельских жителей составляет около 16 %, а в ЕС — 23 % населения. 30 % наших сельских жителей, или около 12 млн, заняты непосредственно в сельскохозяйственном производстве. А это — 10 % населения страны (каждый десятый!).

По данным Росстата, из всех отраслей производства самая низкая средняя зарплата — в сельском хозяйстве: чуть более 10 тыс. руб. Около 60 % селян имеют среднедушевые денежные доходы, а располагаемые ресурсы еще ниже прожиточного минимума — 35 %. Более трети сельских поселений не имеют прямой связи с дорогами

общего пользования. Почти половина сельхозпредприятий убыточна. Низким остается уровень здравоохранения и образования. Растет депопуляция сельского населения от алкоголизма и ранней смерти. По данным Минсельхоза РФ, за пятилетие число занятых в сельском хозяйстве сокращается примерно на 1 млн человек.

Государство обязано поддерживать село, как бы дорого это ни обходилось ему. Реализуемые в настоящее время государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции вполне соответствуют мировой практике. Аграрная сфера, будучи сложной социально-экономической системой, должна являться клиентом государственного комплексного протекционизма, как и в большинстве развитых стран. Однако авторы наших госпрограмм прежде всего стремятся стимулировать производство. Так, из предусмотренного Государственной программой на 2013–2020 гг. бюджетного финансирования на развитие сельского хозяйства и приоритетных его отраслей направляется около 85 % всех средств, а на устойчивое развитие сельских территорий — лишь 15 % [Постановление Правительства 2012]. Отсутствие комплексного подхода в программе господдержки не гарантирует стабильного развития ни сельского хозяйства, ни сельских территорий. Какие бы меры ни принимались самими регионами — субъектами Российской Федерации — в плане устойчивого развития своих территорий, в том числе аграрных производств, им не обойтись без продуманной и целенаправленной инвестиционной политики федерального центра. В этой связи на первый план выдвигаются задачи стабилизации и восстановления материально-технического и производственного потенциала агропромышленного комплекса как ключевой составляющей развития экономики регионов, преодоления его технического и технологического отставания. Приоритетными становятся задачи создания благоприятного инвестиционного климата.

В последнее время отдельные политики и чиновники не очень эффективную аграрную политику пытаются оправдать внешними факторами, связанными со вступлением России в ВТО. Попытаемся подвергнуть сомнению эту уже устоявшуюся позицию. В странах с развитой рыночной экономикой аграрный сектор не оставлен без государственной поддержки. Известно, что

большинство стран, оказывающих такую помощь, являются давними членами Всемирной торговой организации. Так, США на поддержку своих фермеров ежегодно тратят 18 млрд долларов, страны ЕС — 58 млрд евро, а мы — 140 млрд рублей (2,3 млрд долларов по сложившемуся курсу рубля), или чуть больше 1 % расходной части федерального бюджета. Если учитывать, что валовая продукция сельского хозяйства при дотации 143 млрд руб. составила, к примеру, в 2011 г. 3,45 трлн руб., то уровень нашей господдержки сельскохозяйственной отрасли достиг 4,1 %. В США и в странах ЕС в 2010 г. доля этих средств, соответственно, составила 7,8 % и 24,1 % совокупной выручки фермеров [Иноземцев 2012: 3]. Как видим, приведенные цифры с российскими реалиями совершенно не соизмеримы.

Во-вторых, согласно условиям вступления России в ВТО, вплоть до 2017 г. разрешенный объем господдержки аграрных товаропроизводителей составляет 9,2 млрд долларов, или около 290 млрд рублей в год (по докризисному курсу). Сумма эта в два раза превышает текущее финансирование. Однако на деле пока ничего не меняется. Все остается так, как есть. Государству необходимо определиться, что важнее — выживание сельских территорий как одна из составляющих успешного развития сельского хозяйства, социального благополучия и спокойствия нации или идеологические цели в виде защиты устоев рынка. Инвестиционные источники для динамичного развития аграрной экономики у нас имеются, и при соответствующем государственном подходе можно успешно ими воспользоваться. Вот лишь некоторые из них.

Сегодня отсутствует реальное государственное регулирование цен на продукцию агропромышленного комплекса, или агробизнеса. На состояние экономики села особенно негативное воздействие оказывают так называемые «ножницы цен» на сельскохозяйственную, промышленную продукцию и услуги. Заготовители покупают молоко у крестьян, к примеру, по 7–8 руб. за литр, а в магазинах продают по 30–40 руб. У непосредственного производителя остается пятая часть от цены магазина, тогда как у западного фермера — до 70 %. Чтобы купить тонну солянки, нужно продать 7–8 тонн зерна, хотя в советское время она была дешевле стоимости зерновых. Кстати, в США одна тонна дизельного топлива обходится фермерам в два раза дешевле, чем у

нас. За минеральные удобрения нужно выложить 20 тыс. рублей за тонну, хотя на Западе их продают гораздо дешевле. Комбайн «Дон» стоит 5 млн рублей, огромных денег стоят также сельхозорудия — бороны, культиваторы, плуги и др.

Установление равновесной цены с учетом спроса и предложения вкупе с государственным регулированием должно способствовать рациональному распределению ресурсов между отраслями производства АПК. В большинстве стран государство финансирует закупки готовой продукции по ценам, превышающим рыночные, или выплачивает своего рода бонусы в момент реализации сельхозпроизводителем той или иной партии товара. Таким образом, существует гарантированная система закупок сельхозпродукции. Товаропроизводитель не страдает от диктата перекупщиков и неожиданных перепадов цен. В странах с развитой экономикой на такой вид господдержки приходится до 70 % общего объема сельскохозяйственных дотаций. Это ли не свидетельство того, что такие факторы способствуют развитию аграрного бизнеса — основы обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития.

References

- Postanovlenie Pravitelstva RF ot 14.07.2012, № 717 «O Gosudarstvennoy programme razvitiya selskogo hozyaystva i regulirovaniya ryinkov selskohozyaystvennoy produktsii, syirya i prodovolstviya na 2013–2020 godyi». [On the State program of agricultural development and regulation of agricultural products, raw materials and food for 2013–2020]. Konsultant Plyus. www.consultant.ru. (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «Federalnaya tselevaya programma stabilizatsii i razvitiya agropromyshlennogo proizvodstva v Rossiyskoy Federatsii na 1996–2000 godyi» [The federal target program of stabilization and development of agricultural production in the Russian Federation for 1996–2000] ot 18.06.1996 № 933. SZ RF from June 24]. 1996., № 26, p. 3061. (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta RF «Ob utverzhdenii Doktrinyi prodovolstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [On approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation] from 30.01.2010, № 120. SZ RF. 2010. № 5. 502p. (In Russ.).
- Vladislav Inozemtsev. Pora valit [It's time to throw]. Moskovskiy komsomolets (newspaper). 2012. November 27. p. 3. (In Russ.).

УДК 314.6

ББК 60.56

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

The Marital Behavior of the Population in the Republic of Kalmykia: the Main Social Trends at the Beginning of the XXI Century

Б. Б. Нусхаева (B. Nuskhaeva)¹

¹кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Sociology, Researcher of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: nbairab@yandex.ru.

В последние десятилетия в семейно-брачном поведении россиян произошли наиболее заметные изменения. Изучение брачного поведения населения Республики Калмыкия показывает увеличение возраста вступления в брак, распространение сожительства, сокращение числа ранних браков и рост разводов. Анализ статистических данных свидетельствует о наличии основных тенденций, характерных для России в целом. Опрос молодежи, проведенный в Калмыкии, показывает различное отношение к разводам, рождению детей вне брака, сексуальным отношениям подростков и межэтническим бракам.

Ключевые слова: брачное поведение, брак, развод, состояние в браке, семья, сожительство.

In recent years, the marital, sexual and reproductive behavior of Russians have undergone profound social changes. The major features of these changes are the rise of the average marriage age, the spread of cohabitation, the increase in the divorce rate, as well as high non-marital birth rate. Not surprisingly, Kalmykia as a subject of the Russian Federation is no exception here and has seen a number of changes in marital behavior. In this regard, on the basis of the statistical data analysis the author highlighted the main social trends in marital behavior of the population in Kalmykia.

The first decade of the XXI century was marked by the increase in the number of marriages but in recent years the number of marriages has slightly declined. One of the modern trends popular nowadays is the increase in the age of marriage. According to the calculations made by the Civil Registrar's Office of the Republic of Kalmykia, the average marriage age in 2013 was 29, 67 years for men and 27, 52 years for women. At the same time there is a growing number of international marriages and decreasing number of marriages between persons who have not attained their majority. Among the negative trends one can find the increase of divorce rates in the republic. As it is seen from the data of the Civil Registrar's Office of the Republic of Kalmykia, the majority of divorces occur in families who have lived 3–10 years, and women more often become initiators of the separation than men. Another trend is the growth of unregistered marriages. As a result of the statistical data analysis, the author concludes that the main social trends in marital behavior of the population of Kalmykia are, in general, peculiar to those of Russian ones.

The conducted in 2007 survey of young people shows a different attitude towards divorce, the birth of children out of wedlock, and sexual relationships of adolescents. A vast majority of respondents strongly disapproved of sexual relationships of adolescents, whereas their attitude towards children born out of wedlock as well as the divorce still remains ambiguous.

Keywords: marital behavior, marriage, divorce, marriage status, family, concubinage.

Современная семья представлена разнообразными моделями. Кроме традиционной семьи, представленной биологическими родителями и детьми, все большее распространение получают семьи с одним родителем (образованные в результате развода и рождения ребенка вне брака), повторные браки, а также «пробные браки», или сожителства. По мнению С. И. Голода, изменение произошло в соотношении трех видов человеческого поведения (брачного, сексуального и прокреативного), которое выражается в области совпадения брака, сексуальности и прокреации [Голод 1998: 118]. Наиболее сильные изменения семейно-брачного поведения населения России происходят в конце XX – начале XXI вв. Как отмечает И. С. Кон, «в последних трех поколениях они настолько ускорились, что социологи заговорили о настоящей «семейной революции»» [Кон 2010]. Такая ситуация привлекает внимание ученых и политиков к проблемам семьи и брака.

Среди основных тенденций семейно-брачного поведения в России можно назвать: увеличение возраста вступления в брак, распространение незарегистрированных браков, рост разводов, высокий уровень рождения ребенка вне зарегистрированного брака. Эти изменения характерны и для Республики Калмыкия. В данной статье на основе статистических данных будут проанализированы основные тенденции

брачного поведения населения региона, основанные на данных официальных сайтов Управления ЗАГС Республики Калмыкия, Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия в статистических ежегодниках. Использованы также результаты исследования представлений молодежи Республики Калмыкия о семье и браке, проведенного автором в 2007 г.

Прежде всего обратимся к показателям браков в Калмыкии. Согласно статистическим данным, в 2013 г. на 1000 населения приходится 7,1 браков. В 1996 г. коэффициент брачности зарегистрирован на уровне 5,2 промилле, а в 2001 г. – 6,7 промилле. Как видно на рис. 1 «Коэффициенты брачности в Российской Федерации и Республике Калмыкия», уровень браков в Калмыкии в последние годы выше, чем в конце 1990-х гг. и в первое десятилетие XXI века, наблюдается рост браков с некоторым снижением в последние годы. Согласно выводам Д. А. Шарманджиева о состоянии брачности и разводимости в Республике Калмыкия, «с самого начала XXI в., по мере вступления в активный бракоспособный возраст родившихся в 1980-е гг., вследствие наметившихся позитивных сдвигов в социально-экономическом развитии страны и адаптации молодежи к новым условиям жизни отмечается некоторый рост числа заключаемых браков» [Шарманджиев 2014: 176].

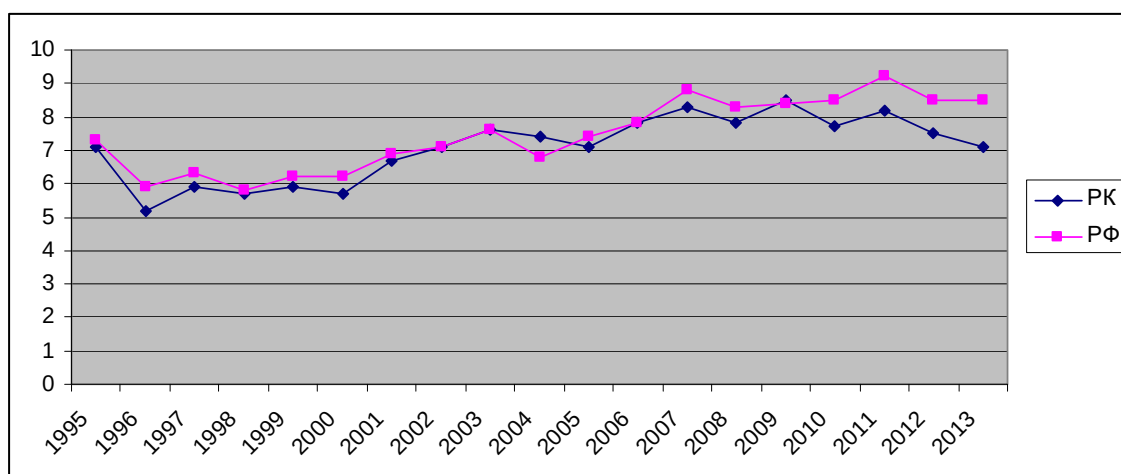

Рис. 1. Коэффициенты брачности в Российской Федерации и Республике Калмыкия (промилле)

Сравнение общероссийских и республиканских показателей демонстрирует, что коэффициенты брачности до 2009 г. мало отличались. Так, например, в 1995 г. они составляли 7,3 промилле в Республике Калмыкия и 7,1 промилле по России в целом, в 2001 г. — по 7,1 промилле, а в 2009 г. — 8,5 и 8,4 промилле, соответственно. А в 2010, 2011, 2012, 2013 гг. коэффициенты брачности в Республике Калмыкия стали ниже общероссийских показателей: 7,7 ‰, 8,2 ‰, 7,5 ‰ и 7,1 ‰ против 8,5 ‰, 9,2 ‰, 8,5 ‰ и 8,5 ‰, соответственно.

Анализируя данные по возрасту вступления в брак, можно выделить активные возрастные группы. По данным Федеральной службы государственной статистики в Республике Калмыкия, в 2010 г. около половины мужчин республики заключают брак в возрасте 25–34 г. На долю этой возрастной группы приходится 47,89 % браков (по России — 46,48 %). У женщин наиболее активным брачным возрастом в Калмыкии можно считать 18–24 г. На эту возрастную группу приходится 53,99 % браков (по России их доля составляет 37,14 %).

Сравнение данных по 1990 и 2010 гг. показывает, что в Республике Калмыкия наблюдается увеличение удельного веса браков мужчин в возрасте 25–34 г. на 17,36 % (в 1990 г. их доля составляла 30,53 % от общего числа мужчин, вступивших в брак). И, соответственно, уменьшился удельный вес браков мужчин в возрасте 18–24 г. — на 16,92 %, их доля в 1990 г. была равна 52,26. Итак, если в 1990 г. наиболее активным брачным возрастом был возраст 18–24 года, то в 2010 г. мужчины чаще заключают брак в возрасте 25–34 года. Это связано с рядом причин: удлинением сроков социализации подрастающего поколения, распространением сожительства и др.

В России брачный возраст считается с 18 лет, однако имеют место случаи более ранней регистрации брака. Управление ЗАГС по Республике Калмыкия ведет статистику актов регистрации браков у несовершеннолетних. Так, в 2011 г. зарегистрирован 41 акт в отношении лиц, не достигших брачного возраста (16–18 лет), что составляет 1,8 % от общего числа браков. Стоит отметить, что число и удельный вес таких браков сокращается. В 2012 г. зарегистрировано 34 акта (1,6 %), в 2013 — 27 актов (1,4 %), в 2014 г. — 14 актов (0,8 %). Таким образом, можно говорить о благоприятной тенден-

ции сокращения числа ранних браков в регионе [Информация об итогах 2010, 2011, 2012, 2013].

По данным Управления ЗАГС Республики Калмыкия, самому молодому жениху в 2012 г. исполнилось 17 лет, самому пожилому — 87 лет, а невестам — 16 и 75 лет, соответственно. В 2013 г. возраст самых молодых женихов и невест сохраняется, а вот самому пожилому жениху — 91 год. В 2014 г. заключила брак пара, разница в возрасте которой составила 38 лет (жениху 82 года, невесте — 44) [Управление ЗАГС 2014].

Расчеты Управления ЗАГС по Республике Калмыкия показывают, что в 2011 г. средний возраст вступления в брак у мужчин составлял 29 лет, у женщин — 26 лет. В 2013 г. средний возраст вступления в брак несколько выше и составлял 29,67 лет у мужчин, 27,52 лет — у женщин [Информация об итогах 2012]. Анализируя данные Всероссийской переписи населения 2010 г. о состоянии в браке молодежи Калмыкии, можно обратить внимание, что всего 13,1 % мужчин и 25,4 % женщин в возрасте 16–24 г. состоят в браке [Всероссийская перепись 2010]. Таким образом, одной из главных тенденций последних лет можно считать увеличение возраста вступления в брак.

Следующей тенденцией можно назвать рост числа браков с иностранным гражданином. В 2010 г. зарегистрировано 15 браков, один из супругов в котором — иностранный гражданин, в 2011 г. — 27 браков с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, а в 2013 г. уже 21 жених и 13 невест являются гражданами других государств. Наиболее часто граждане России заключают браки с гражданами СНГ. Из представителей дальнего зарубежья подобный брак заключили граждане Германии, Греции, Китая, Саудовской Аравии, Монголии, Израиля, Великобритании, ФРГ, Нидерландов, Ливана, Афганистана и др. [Управление ЗАГС 2014].

Рассматривая статистические данные по разводам в Республике Калмыкия, можно отметить, что самый низкий уровень разводов приходится на конец 1990-х гг.: 2,9 % в 1996 г. и 2,6 % в 1999 г. Самый высокий показатель зафиксирован в 2013 г. и составил 4,5 промилле. Следовательно, можно констатировать рост разводов в Калмыкии [Калмыкия в цифрах 2004: 19; Демографическая ситуация].

Сравнение республиканских и общероссийских показателей свидетельствует о двух периодах в статистике разводов: до 2010 г. республиканские показатели ниже, чем по России в целом, а в последние годы коэффициенты разводимости мало отличаются. Так, например, в 1995 г. в Калмыкии этот коэффициент составил 3,4 ‰ против 4,5 ‰ по России. В 2001 г. 4,1 ‰ и 5,3 ‰,

соответственно, а в 2010 г. 3,7 ‰ по сравнению с 4,5 ‰. В последние годы (2011–2013) эти коэффициенты близки по значению: в Республике Калмыкия они равны 4,4 ‰, 4,1 ‰, 4,5 ‰, а в Российской Федерации — 4,5 ‰, 4,7 ‰, 4,5 ‰. Таким образом, можно отметить неблагоприятную тенденцию роста разводов в Калмыкии.

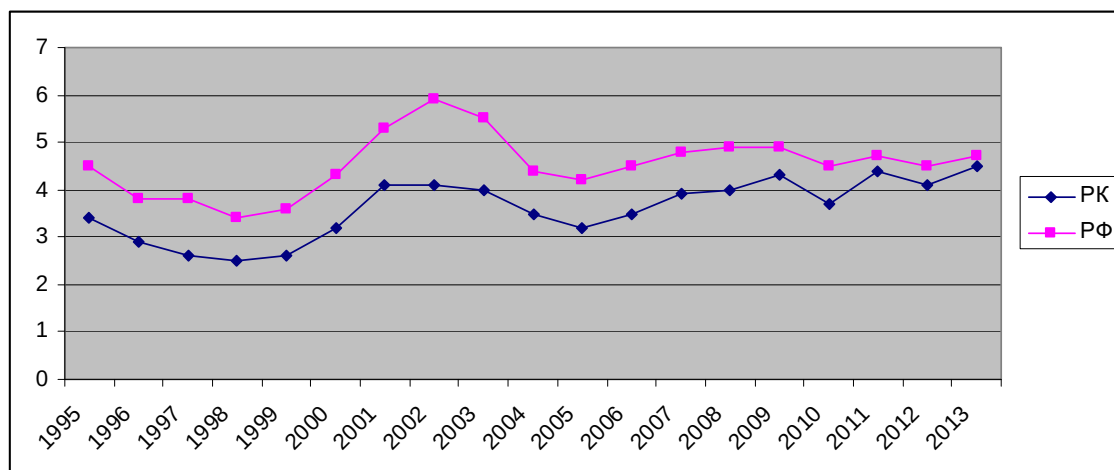

Рис. 2. Коэффициенты разводимости Российской Федерации в Республике Калмыкия (промилле)

Анализ статистических данных Управления ЗАГС о продолжительности брака при его расторжении за последние годы показывает, что наибольшая доля разводов приходится на семьи, прожившие от 3 до 10 лет. Их удельный вес в структуре разводов составляет от 35,03 % до 43,24 % (в 2010 г. и 2013 г., соответственно). Далее следуют разводы проживших в браке более 10 лет (табл. 1). В 2010 г. на долю этих разводов приходилось 31,63 %, а в 2013 г. — 36 %. Развод супругов, проживших в браке от 1 до 3 лет, несколько мень-

ше, причем их доля снижается с 29,75 % до 19,64 % (2010 г. и 2013 г.). Вместе с тем отмечены браки, распавшиеся уже на первом году семейной жизни. Число таких браков незначительно — от 13 (2013 г.) до 46–47 (2012), что составляет от 1 до 3,99 % в структуре разводов. Более печальная статистика выявляет наличие браков, зарегистрированных и расторгнутых в один и тот же год. Например, 7 пар молодоженов, создав семью в 2012 г., в том же году расторгли брак [Информация об итогах 2012].

Таблица 1. Структура разводов по продолжительности брака в Республике Калмыкия

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего разводов	1059	1269	1179	1286
Менее 1 года	нет данных	3,62 %	3,99 %	1 %
От 1 до 3 лет	29,75 %	26,40 %	26,97 %	19,64 %
От 3 до 10 лет	35,03 %	37,43 %	34,01 %	43,24 %
Более 10 лет	31,63 %	32,55 %	35,03 %	36 %

По данным Управления ЗАГС, чаще всего инициаторами разводов выступают женщины. В 2012 г. среди заявителей на расторжение брака — 47 % женщин и 13 % мужчин [Информация об итогах 2012]

Другим современным явлением семейно-брачных отношений, имеющим все большее распространение, являются незарегистрированные браки. Как отмечают специалисты, «регистрация отношений постепенно утрачивает символическое значение начала совместной жизни молодых людей» [Захаров, Митрофанова]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., 9,6 % опрошенных мужчин и 9,6 % женщин указали, что состоят в незарегистрированном браке. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., таковых немного больше: у 11,2 % мужчин и 11,1 % женщин брак не зарегистрирован. Среди молодежи в возрасте 16–34 г. удельный вес таких браков несколько выше: 12,5 % мужчин и 13,0 % женщин состоят в незарегистрированном браке [Всероссийская перепись 2010]. Следовательно, можно констатировать некоторое распространение незарегистрированных браков в Калмыкии.

Отношение молодежи к таким явлениям, как развод, сожительство, рождение ребенка вне брака, сексуальные отношения подростков, было предметом исследования, проведенного автором в 2007 г. в Отделениях ЗАГС Республики Калмыкия и учебных заведениях г. Элисты (N = 297). При ответах на вопрос: «Как вы относитесь к явлениям современной жизни?» — предлагалось выразить отношение по пятибалльной шкале: от полной недопустимости к допустимости. Около половины опрошенных считают недопустимыми сексуальные отношения подростков (45,5 %). Более трети респондентов не допускают рождение ребенка вне брака (36,7 %) и развод (38 %). К совместной жизни вне зарегистрированного брака относятся скорее как к норме, так как всего 19,2 % считают этот брак недопустимым, а допускают 33,3 % респондентов. Однозначного приятия так называемого гражданского брака не выявлено. Разброс по заданной шкале показывает, что 20,9 % респондентов выражают амбивалентное отношение к совместной жизни вне зарегистрированного брака. Такая же ситуация сложилась по вопросу «отношение к разводам»: 14,8 % опрошенных считают развод допустимым, 23,2 % молодежи выразили двойственное

отношение к нему [Нусхаева 2011: 145]. Таким образом, указанные явления современной жизни вызывают разное отношение у молодежи. Если сексуальные отношения подростков скорее не одобряются респондентами, то отношение к таким явлениям, как рождение детей вне брака и развод, определяется неоднозначно.

Исследования также свидетельствуют, что «скорое рождение ребенка» является одним из распространенных мотивов создания семьи. Например, в 2007 г. в анкетном опросе на базе ЗАГСов Республики Калмыкия молодыми были указаны следующие решающие обстоятельства вступления в брак: стремление проявить заботу и любовь к близкому человеку (71,2 %); желание иметь детей (68,8 %); потребность в близких взаимоотношениях, психологической поддержке и защите (52,9 %); скорое рождение ребенка (45,3 %); желание почувствовать самостоятельность (41,2 %) [Нусхаева 2012: 104]. Можно сделать вывод, что личностные взаимоотношения и скорое рождение ребенка являются основными мотивами вступления в брак.

В ряде статей Л.В. Намруевой проанализированы результаты социологических исследований, проведенных в 2005, 2008 и 2013 гг. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН [Намруева 2010, 2013]. Полученные данные позволяют рассмотреть отношение населения республики к межэтническим (смешанным) бракам. Большинство респондентов (от 58,6 % в 2005 г. до 65,8 % в 2013 г.) положительно относится к смешанным бракам. У опрошенных (в диапазоне от 39 % до 43 %) преобладает мнение, что национальность в браке не имеет значения, главное — личные качества человека. От 23 % до 29 % опрошенных сами не хотят вступать в смешанный брак, но возражать против такого союза своих родственников не будут. Небольшая часть (9 %), категорически отвергает межэтнический брак. Л. В. Намруева отмечает: несмотря на то, что в общественном сознании сформирована толерантность к межэтническим бракам, внутреннее желание самосохраниться в этнических границах способствует невосприятию межэтнических браков [Намруева 2014: 128].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии следующих тенденций

брачного поведения населения Республики Калмыкия: рост браков в первое десятилетие XXI в. с некоторым снижением в последние годы; увеличение возраста вступления в брак мужчин и женщин; сокращение числа браков среди лиц, не достигших совершеннолетия; рост числа браков с иностранными гражданами; рост разводов в республике; рост незарегистрированных браков. Изучение брачного поведения населения Республики Калмыкия позволяет сделать вывод о вариативности моделей брачного поведения. В выборе брачного партнера, оформлении и прекращении отношений наблюдаются тенденции, все более распространяющиеся в России.

References

- Demograficheskaja situacija v Respublike Kalmykija [Demographic situation in the Republic of Kalmykia]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/resources.htm (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Golod S. I. Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. St.Petersburg, TOO TK «Petropolis» Publ., 1998. 272p. (In Russ.).
- Informacija ob itogah dejatel'nosti Upravlenija ZAGS Respubliki Kalmykija za 2010 g. [Information about results of activity of the registry office of the Republic of Kalmykia for 2010]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://uzags.kalmregion.ru/index.php/dejatelnost/2011-04-27-08-18-18.html> (In Russ.).
- Informacija ob itogah dejatel'nosti Upravlenija ZAGS Respubliki Kalmykija za 2011 g. [Information about results of activity of the registry office of the Republic of Kalmykia for 2011]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://uzags.kalmregion.ru/index.php/dejatelnost/2011-04-27-08-18-18.html> (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Informacija ob itogah dejatel'nosti Upravlenija ZAGS Respubliki Kalmykija za 2012 g. [Information about results of activity of the registry office of the Republic of Kalmykia for 2012]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://uzags.kalmregion.ru/index.php/dejatelnost/2011-04-27-08-18-18.html> (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Informacija ob itogah dejatel'nosti Upravlenija ZAGS Respubliki Kalmykija za 2013 g. [Information about results of activity of the registry office of the Republic of Kalmykia for 2013]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: URL: <http://uzags.kalmregion.ru/index.php/dejatelnost/2011-04-27-08-18-18.html> (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Kalmykija v cifrah. 2004. Stat.sb. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Kalmykija [Kalmykia in numbers. 2004. Stat. collect. Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Kalmykia]. Elista, APP «Dzhangar» Publ., 2004. 316 p. (In Russ.).
- Kon I.S. Tri v odnom: seksual'naja, gendernaja i semejnaja revoljucija. Demoskop – Weekly. № 447-448 (ot 13-31 dekabnja). 2011. [Three in one: sexual, gender and family revolution. Demoscope Weekly. No. 447-448 (13-31 December)]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php> (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Namrueva L. V. Akkul'turacionnye strategii v polijetnicheskom regione (na materiale oprosov). Rossija i Kavkaz: istorija i sovremennost'. Mezhdunar. nauch. konf-cija. [Acculturation strategies in a multi-ethnic region (case study of the polls). Intern. Scientific. Conf. – Russia and the Caucasus: History and Modernity]. Mahachkala, Nauka DNC Publ., 2010, 800 p., pp. 274-280. (In Russ.).
- Namrueva L. V. Otnoshenie k mezhetnicheskimi brakam v sovremennoj Kalmykii. [The attitude towards interethnic marriages in contemporary Kalmykia. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2013, no. 2, pp. 168-176. (In Russ.).
- Namrueva L. V. Smeshannye braki kak indikator mezhetnicheskimi otnoshenij (analiz sociologicheskimi issledovanij v Respublike Kalmykija) [Intermarriage as an indicator of inter-ethnic relations (analysis of sociological researches in the Republic of Kalmykia). Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2014, no. 3, pp. 125-130. (In Russ.).
- Nushaeva B.B. Otnoshenie molodezhi k sem'e i braku (na primere Respubliki Kalmykija). Sistemnyj krizis na Severnom Kavkaze i gosudarstvennaja strategija razvitija makroregiona. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Otv. red. akad. G.G. Matishov. [The attitude of the youth towards family and marriage (on the example of the Republic of Kalmykia). Proc. of All-Russian Scient. Conf. – System crisis in the North Caucasus and the state strategy of development of the macroregion. Edited by

- Acad. G. Matishov]. Rostov-on-Don, JuNC RAN Publ., 2011, pp.143-146. (In Russ.).
- Nushaeva B. B.* Predstavlenie molodezhi o sem'e i brake. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [The idea of young people about family and marriage]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS]. 2012, no. 1, pp. 100-105. (In Russ.).
- Sharmandzhiev D. A.* O sostojanii brachnosti i razvodimosti v Respublike Kalmykija v nachale 2000-h gg. [About the state of marriage and divorce rates in the Republic of Kalmykia in the early 2000s. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2014, no.1, pp. 174 – 178. (In Russ.).
- Upravlenie ZAGS Respubliki Kalmykija predlagaet interesnye fakty za 2014 g. [Civil registry office of the Republic of Kalmykia offers interesting facts for 2014]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: <http://uzags.kalmregion.ru/index.php/dejatelnost/2011-04-27-08-18-18.html> (accessed: 02.04.2015.). (In Russ.).
- Vserossijskaja perepis' naselenija. 2010 [All-Russian population census. 2010]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 04.04.2015.). (In Russ.).
- Zaharov S., Mitrofanova E.* Rossijskaja molodezh' v brachno-semejnom inter'ere Demoskop – Weekly. № 619-620 (ot 17-30 nojabrja). 2014. [Russian youth in marriage and family interior of Demoscope – Weekly]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/tema02.php> (accessed: 04.04.2015.). (In Russ.).

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Statistical Indicators of Income Differentiation of Population in the Republic of Kalmykia at the Present Stage

Б. В. Иджаева (B. Idzhaeva)¹, Н. В. Бадмаева (N. Badmaeva)²

¹ младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ibaira@list.ru.

² младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: nbadmaeva@rambler.ru.

В статье рассматриваются основные индикаторы уровня жизни населения Калмыкии. На основе статистических показателей величины прожиточного минимума, среднедушевых денежных доходов, среднемесячной заработной платы и структуры использования денежных доходов проводится анализ динамики изменения уровня жизни и дифференциации доходов населения республики.

Ключевые слова: индикаторы уровня жизни, социальная дифференциация, регион, среднедушевой денежный доход, среднемесячная заработная плата, структура использования денежных доходов, потребительская корзина, прожиточный минимум.

The article examines the main indicators of the standard of living of Kalmykia. On the basis of statistical indicators of the size of subsistence minimum, the average income per capita, the average monthly wage and the structure of money income the author has analyzed the dynamics of changes in the standard of living and income differentiation of the population.

It is noted that since 2005 the size of subsistence minimum in Kalmykia has increased by nearly 59% and accounted 7750 rubles in the fourth quarter of 2014. In 2010, 48.5% of the population had an income of less than 6,000 rubles per month. Compared to 2010, in 2013 the proportion of people whose income was less than 6,000 rubles per month decreased by 10% and amounted 28.3%.

The statistics show that the average wage of the region in the given period amounted 24,920 rubles. The population of the republic basically spends the money on goods and services (consumer spending). The analysis showed that the level of unequal access to income and other resources still remains high, as shown by the indicators of income inequality.

Keywords: indicators of living standards, social differentiation, region, per capita income, average monthly salary, the structure of using monetary income, consumer basket, the cost of living.

Уровень и характер социального расслоения населения, экономического неравенства и бедности в регионе — важные характеристики его состояния, отражающие престиж и статус территории и демонстрирующие спектр возможностей, которыми располагают жители для обеспечения качества своей жизни. Уровень социального расслоения и бедности оказывает существенное влияние на социальное самочувствие и со-

циокультурную дифференциацию/интеграцию населения региона.

Важнейшим критерием уровня жизни является проблема неравенства благосостояния, которое характеризуется показателями дифференциации материальной обеспеченности населения (неравенство доходов).

Дифференциация есть результат комплексного взаимодействия экономических, демографических, социальных и географи-

ческих факторов [Черкашнев, Дорожкина, Федорова 2014: 155]. Дифференцирующая функция социального расслоения очевидна, но подлежит обсуждению проблема социальной значимости уровня дифференциации — стимулирует ли он развитие социальной конкуренции и динамику развития экономики, или при определенном значении он консервирует экономическое неравенство и бедность в регионе, порождает социальную эксклюзию.

Интегрирующая функция социальной стратификации может выражаться в оценке большинством населения существующей системы социального расслоения как справедливой, в тех возможностях, которыми жители располагают для достижения более высоких ступеней общественного статуса и престижа, для восходящей социальной мобильности различных групп населения — гендерных, возрастных, поселенческих, профессиональных и т.д. Таким образом, интегрирующая функция социальной стратификации проявляется как в мнениях, ценностных ориентациях, так и в реальных социальных практиках групп населения [Беляева 2006: 53].

Одной из основных проблем современного развития России является резкая социально-имущественная дифференциация населения страны по доходам, приводящая к социально-экономическому неравенству и расслоению семей по уровню жизни.

Цель статьи — на основе статистических показателей рассмотреть основные индикаторы уровня жизни населения, динамику их изменения в последние годы.

Многие исследователи отмечают, что при использовании статистических данных возможности дифференцированного рассмотрения проблемы социального расслоения весьма ограничены. Однако, при всех известных недостатках, статистическая информация обладает такими достоинствами, как сплошной охват территории и единообразие методологии и методики получения данных. Доводом в пользу статистических данных может служить также практика международных сравнений по целому ряду показателей социально-экономической дифференциации и бедности, осуществляемая на основе национальных обследований домашних хозяйств [Беляева 2006: 53].

Одним из основных показателей социального расслоения изучаемого общества является показатель прожиточного минимума.

Прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, которая определяется федеральным законом и включает минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, которые необходимы для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Включает он также обязательные платежи и сборы, уплачиваемые населением. При его определении принимаются во внимание изменения величины ВВП и государственного бюджета, индекс потребительских цен и рост среднедушевых доходов.

Величина прожиточного минимума зависит от натурального набора потребительской корзины и от его стоимостной оценки. Натуральный набор продуктов питания, стоимостная оценка которого является основой определения величины прожиточного минимума, учитывает диетологические ограничения и обеспечивает минимально необходимое количество калорий.

Показатель прожиточного минимума рассчитывается для трех социально-демографических групп: трудоспособного населения, пенсионеров и детей как в целом для страны, так и по субъектам РФ. Сама потребительская корзина для трех этих групп населения должна определяться с учетом роста потребностей и возможностей их удовлетворения не реже одного раза каждые четыре года. Она должна устанавливаться федеральным законом, в подготовке которого участвуют члены трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений: представители государства, бизнеса и профсоюзы. Определяется она для страны в целом и законами субъектов РФ — для каждого региона с учетом его особенностей.

Данный показатель выступает весьма существенным параметром при оценке различных сторон качества жизни населения. Так, он является определяющим при расчете основных индикаторов абсолютной и относительной бедности, а также служит одним из важнейших оснований социальной стратификации населения России. Зная распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов и индексы потребительских цен, можно определить численность населения региона с доходами ниже официально принятой величины прожиточного минимума.

С 2005 г. величина прожиточного минимума в Калмыкии выросла почти на 59 % и составила в IV квартале 2014 г. 7750 руб. [Величина ... Калмыкии]. Для сравнения — величина прожиточного минимума в Республике Дагестан в IV квартале 2014 г. в расчете на душу населения составила 7453 руб. [Величина ... Дагестан], в Волгоградской области — 7901 руб. [Величина прожиточного...], в Ростовской области — 7967 руб. [Величина ... Ростовской], в Астраханской области — 7056 руб. [Величина ... Астраханской], в Ставропольском крае — 7154 руб. [Величина ... Ставропольском]. В целом по России прожиточный минимум в IV квартале 2014 г. составил 8234 руб. [Величина прожиточного...].

В последнее время анализ динамики основных показателей расходов, доходов и потребления населения России является одной из самых обсуждаемых тем среди российских экспертов, политиков, журналистов и участников социальных и профессиональных сетей.

Денежные доходы населения, которыми оперирует российская статистика, включают: выплаченную заработную плату наемных работников (начисленную заработную плату, скорректированную на изменения просроченной задолженности), доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, социальные выплаты (пенсии, пособия, страховые возмещения и прочие выплаты в денежной форме), доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и другие доходы.

Среднедушевые денежные доходы населения, за вычетом обязательных платежей и сборов, выступают как располагаемые денежные доходы. Скорректированные на индекс потребительских цен, они формируют показатель реальных доходов населения и позволяют определить его динамику.

Рассмотрим показатели распределения населения по размеру среднедушевого денежного дохода [Распределение населения...].

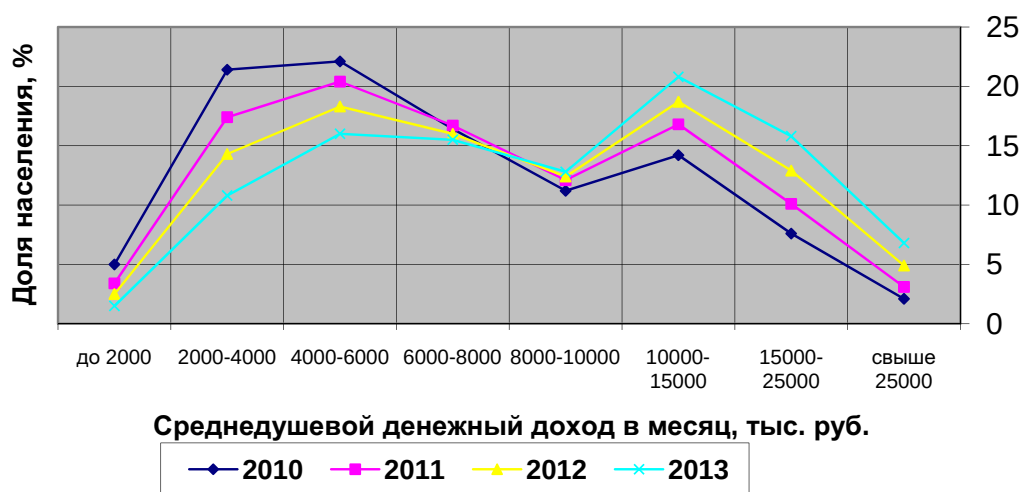
Таблица 1. Распределение населения России по размеру среднедушевого денежного дохода (2010–2013 гг.)

Годы	2010	2011	2012	2013
Все население	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами, рублей в месяц				
до 2000,0	5,0	3,4	2,5	1,5
2000,1–4000,0	21,4	17,4	14,3	10,8
4000,1–6000,0	22,1	20,4	18,3	16
6000,1–8000,0	16,4	16,7	16	15,5
8000,1–10000,0	11,2	12,1	12,4	12,8
10000,1–15000,0	14,2	16,8	18,7	20,8
15000,1–25000,0	7,6	10,1	12,9	15,8
свыше 25000,0	2,1	3,1	4,9	6,8

Данные статистики показывают, что в 2010 г. у 48,5 % населения доход составлял менее 6000 руб. в месяц. По сравнению с 2010 г. в 2013 г. доля людей с доходом ме-

нее 6000 руб. в месяц снизилась на 10 % и составила 28,3 %. Доля людей, чей доход в 2013 г. составил 25000 руб. и более в месяц, выросла на 4,7 % по сравнению с 2010 г.

Диаграмма 1. *Распределение населения России по среднему денежному доходу (2010 – 2013 гг.)*

Главным источником денежных доходов российского населения была и остается заработная плата наемных работников. Однако следует отметить, что в числе изменений последних лет увеличилась доля социальных трансфертов в структуре доходов

населения в связи с ростом пенсий и пособий.

Рассмотрим показатели среднемесячной заработной платы работников по видам экономической деятельности, представленные в таблице 2.

Таблица 2. *Среднемесячная заработная плата работников Калмыкии за январь – декабрь 2014 г.* [Среднемесячная заработная...].

	Отчетный месяц
Всего	24920,9
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	11799,8
Рыболовство, рыбоводство	4103,2
Добыча полезных ископаемых	43625,2
Обрабатывающие производства	14421,2
Производство и распределение электроэнергии	24959,2
Строительство	25796,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий, предметов личного пользования	11732,6
Гостиницы и рестораны	11022
Транспорт и связь	30186,6
Финансовая деятельность	43290,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	20416,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	48560,3
Образование	17642,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	19275
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	14164,3

Как видим, средний размер заработной платы в регионе составлял в рассматриваемый период 24920 руб. Самые крупные суммы за свой труд, согласно Калмыкиятат, получают работники государственного управления и обеспечения военной безопасности — их зарплата в 1,9 раз выше средней по региону и составляет почти 49 тыс. руб. в месяц. Немного отстают работники в сфере добычи полезных ископаемых и финансовой сферы — их зарплата в 1,7 раз выше средней по региону и составляет почти 44 тыс. руб. в месяц. Остальные категории ра-

ботников получают значительно меньше. Так, средняя зарплата работника образования, по официальным данным, находится на уровне 17,6 тыс. руб., а медиков — 19,2 тысяч рублей. Хуже всего дела обстоят в сельском хозяйстве и рыболовстве — здесь среднемесячная зарплата едва превышает 11,5 тыс. руб.

Одними из главных показателей денежных доходов населения являются показатели структуры их использования. Рассмотрим структуру использования денежных доходов населения Республики Калмыкия.

Таблица 3. Структура использования денежных доходов населения в 2014 г. и I квартале 2015 г., в % [Структура использования...].

	Покупку товаров и оплату услуг	Покупку товаров	Оплату услуг	Оплату обязательных платежей и взносов	Сбережения	из них во вкладах и ценных бумагах	покупку валюты
I квартал	65,8	51,9	13,1	18,7	0,5	-7,4	2,7
II квартал	54,3	43,2	10,4	16	8,1	3,8	1,3
III квартал	55,4	44,6	9,8	16,9	3,8	0,5	1,9
IV квартал	48,3	38	9,2	15,9	12,6	-1,1	1,9
2015 г.	55	43,7	10,4	16,7	7	-0,7	1,9
I квартал	63,7	50,5	11,9	14	15,6	2,8	0,5

Таблица 4. Некоторые характеристики структуры расходов на конечное потребление в регионе с их обеспеченностью и долей сельского населения, 2013 г. [Овчарова, Бирюкова, Тер-Акопов, Варданян 2014: 41].

	Доля трат в структуре расходов на конечное потребление на:					Стоимость поступлений из личного подсобного хозяйства в %	Доля сельского населения %
	Питание (денежные расходы)	ЖКУ и топливо	Транспорт	Связь	Отдых, культуру, питание вне дома		
Республика Калмыкия	35	10,9	12	3,5	6,3	2	55,3

Из таблиц видно, что население расходует деньги в основном на покупку товаров и оплату услуг (потребительские расходы). Эта статья в общем объеме денежных доходов варьировалась от 55 % до 90 %. Показатели структуры потребительских расходов являются одними из важнейших показателей потребительского поведения населения. К наиболее значимому показателю в структуре потребительских расходов относятся расходы на покупку продуктов питания. Как экономический показатель он

характеризует закономерность: чем меньше денежных средств тратят семьи на питание, тем выше их уровень благосостояния. Для развитых стран он составляет порядка 15 %. В Калмыкии доля расходов на питание в структуре потребительских расходов (по данным обследования бюджетов домашних хозяйств) в 2013 г. составила 35 %, что показывает значительную отсталость нашего региона и всей страны в целом от уровня экономики развитых стран. Таким образом, анализ динамики доходов и расходов насе-

ления республики обозначил вектор модели потребления: сначала — выживание; потом — расходы на товары длительного пользования и развлечения; затем — инвестиции в сбережения или в развитие.

Проведенный анализ показал сохранение высокого уровня неравенства в доступе к доходам и другим ресурсам, на что указывают показатели доходного неравенства. Основным сдерживающим неравенство фактором являются социальные трансферты. Следует также отметить, что в обществе не удастся запустить такой важный инструмент снижения дифференциации, как развитие предпринимательской активности.

References

- Belyaeva L. A.* Social'naja stratifikacija i bednost' v regionah Rossii (k sostavleniju sociokul'turnyh portretov regionov) [Social stratification and poverty in the regions of Russia (to the compilation of socio-cultural portraits of regions)]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies]. 2006, no. 9, pp. 52–63. (In Russ.).
- Cherkashnev R. Ju., Dorozhkina N. I., Fedorova A. Ju.* Pokazateli, harakterizujushhie strukturu denezhnyh dohodov i rashodov naselenija v Tambovskoj oblasti. Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy [The indicators characterizing the structure of money incomes and expenditures of the population in the Tambov region. Socio-economic phenomena and processes]. 2014, no. 2, pp. 153–157. (In Russ.).
- Ovcharova L. N., Birjukova S. S., Ter-Akopov S. A., Vardanjan E. G.* Chto izmenilos' v dohodah, rashodah i potreblenii rossijskogo naselenija? [What has changed in the income, expenditure and consumption of the Russian population?]. Moscow, NIU VShE Publ., 2014. 42 p. (In Russ.).
- Raspredelenie naselenija po razmeru srednedushhevogo denezhnogo dohoda (2010–2013 gg.) [Distribution of population by the size of the average per capita money income (2010–2013)]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://statrk.gks.ru/> (accessed: 12.04.2015). (In Russ.).
- Srednemesjachnaja zarabotnaja plata rabotnikov za janvar' – dekabr' 2014 g. [The average monthly salary in January – December 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://statrk.gks.ru/> (accessed: 12.04.2015). (In Russ.).
- Struktura ispol'zovanija denezhnyh dohodov naselenija v 2014 g. i I kvartale 2015 g. [The structure of monetary income of the population in 2014 and the first quarter of 2015]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://statrk.gks.ru/> (accessed: 12.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma naselenija Respubliki Kalmykija za IV kvartal 2014 g. [The minimum subsistence level of the population of the Republic of Kalmykia for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://statrk.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma v Respublike Dagestan za IV kvartal 2014 goda [The minimum subsistence level of the population of the Republic of Dagestan for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://dagstat.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma v Rostovskoj oblasti za IV kvartal 2014 goda [The minimum subsistence level of the population in the Rostov region for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://rostov.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma v Astrahanskom krae za IV kvartal 2014 goda [The minimum subsistence level of the population in the Astrakhan region for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://astrastat.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma v Stavropol'skom krae za IV kvartal 2014 goda [The minimum subsistence level of the population in the Stavropol region for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://stavstat.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma v Stavropol'skom krae za IV kvartal 2014 goda [The minimum subsistence level of the population in the Stavropol region for the fourth quarter of 2014]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://dagstat.gks.ru/> (accessed: 10.04.2015). (In Russ.).
- Velichina prozhitochnogo minimuma po osnovnym social'no-demograficheskim gruppam naselenija [The minimum subsistence level on the major social and demographic groups of the population]. *Elektronnyj resurs* [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.gks.ru/> (accessed: 10.03.2015). (In Russ.).

УДК 631.452

ББК 4.40.3

ПОЧВЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКАЗНИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

The Soil of the Federal Reserves of the Republic of Kalmykia in the New Classification

Л. Н. Ташнинова (L. Tashninova)¹

¹кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Biology, Senior Scientist of the Department of Socio-political and Ecological Researches at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: annatashninova@mail.ru.

В статье рассматриваются диагностика и морфология почв в новой классификации применительно к территориям природных заказников Калмыкии. Полученные данные необходимы для мониторинга природных экосистем.

Ключевые слова: заказник, аридные почвы, биоразнообразие, мониторинг почв.

One of the main criteria for assessing the environmental well-being of landscapes is the degree of preservation of a useful gene pool in natural soils, controlling the necessary diversity of ecosystems.

In order to preserve biodiversity and restore the natural balance it is necessary to expand and improve the network of specially protected natural territories (SPNT). A soil-ecological monitoring is of major importance in the system of measures for the protection and restoration of soils and ecosystems. Natural soils of such Federal reserves such as «Sarpinskiy», «Harbin» and «Mekletinsky» were taken into account when creating a new classification of Russia's soils.

Among the principles underlying the creation of a new classification of Russian soils and determining its theoretical essence, is the so called genetic principle, involving the division of soils, in connection with the assessment of their genetic profile which allows to consider in a unified classification structure all natural and anthropogenically transformed soils.

One of the main problems in nature management and in ecology is the preservation of biodiversity, which is closely linked with the conservation of soil diversity. Therefore, to create ecological balance in the system of protected areas, soil objects should be taken into consideration. Thus, the author concludes that the search and selection of soils standards primordially in the existing network of protected areas are necessary to solve the problem. Reference soils from the point of view of global monitoring may be the only virgin soil, with minimal human impact.

Keywords: reserve, arid soils, biodiversity, monitoring of soils.

Почва — важнейший компонент окружающей среды, обеспечивающий не только существование жизни, но и устойчивое развитие и благополучие общества. К экологическим функциям почвы (как среды обитания живых организмов) относятся функции, связанные с регулированием влагообмена, газо- и теплообмена в биосфере и поддержанием биоразнообразия. Поэтому наруше-

ние экосистемных и биосферных функций почвенного покрова является самым грозным последствием вторжения человека в окружающую среду. Структура почвенного покрова Калмыкии формируется при тесном взаимодействии биоклиматического и геоморфолого-литологического факторов. Многообразие их проявления — причина полигенетичности структуры почвенного

покрова региона, разнообразия, сложности и комплексности [Ташнинова 2000: 36].

При возрастающем влиянии антропогенного воздействия на природные экосистемы в Калмыкии с начала 1960-х гг. началось формирование системы особо охраняемых территорий. Появились первые охраняемые территории — республиканские заказники «Ханата» (1963 г.) и «Степной» (1967 г.). В середине 1980-х гг. были созданы три заказника всероссийского значения — «Сарпинский», «Харбинский» и «Меклетинский», располагающиеся на территории Юстинского, Яшкульского и Черноземельского районов. Первоначально они создавались для охраны сайгака и находились в ведении Главохоты. После вступления в силу действующего закона «Об особо охраняемых природных территориях» (ООПТ) им был придан статус государственных природных (биологических) заказников федерального значения, предназначенных для сохранения и восстановления редких и исчезающих видов, ценных в хозяйственном, научном и культурном отношении [Убушаев, Габунщина 2012: 9].

Одним из основных критериев оценки экологического благополучия ландшафтов считается степень сохранности полезного генофонда естественных почв, контролирующего необходимое разнообразие биогеоценозов. В целях сохранения биоразнообразия и восстановления природного равновесия необходима работа по расширению и совершенствованию сети ООПТ. Важной стороной существования заповедных территорий среди антропогенного ландшафта является влияние их на состояние трансграничных экосистем [Ташнинова 2000: 45].

Меклетинский заказник (102,5 тыс. га) расположен на территории Черноземельского района, в западной части Прикаспийской низменности. Рельеф представляет собой слабоволнистую равнину, осложненную мезо- и микропонижениями, занятую солеными озерами, из которых наиболее крупным является оз. Колтан-Нур. В северной и северо-восточной части заказника расположены значительные массивы развееваемых песков. Растительный покров представлен полынно-дерновиннозлаковыми степями с преобладанием ксерофитных дерновинных злаков и полукустарничковыми сообществами. Территория заказника является местом отела сайгаков (*Saiga tatarica*) и местом гнездования редких ви-

дов птиц (журавля красавки (*Anthropoides vigor*), степного орла (*Aquila rapax*), авдотки (*Burhinus oedicephalus*), курганника (*Buteo rufinus*)). Через территорию заказника проходят пути пролета дрофы (*Otis tarda*) и стрепета (*Tetrax tetrax*) [Убушаев, Габунщина 2012: 8]. В летний период отмечаются такие редкие виды птиц, как черный гриф (*Aegypius monachus*), белоголовый сип (*Gyps fulvus*), беркут (*Aquila chrysaetos*), кочующие за стадами сайгаков [Красная книга 2013, Т. I: 132–134].

Сарпинский заказник (195,9 тыс. га), расположен на территории Кетченеровского, Юстинского и Яшкульского районов, на слабоволнистой равнине Сарпинско-Даванского понижения. Рельеф осложнен блюдцеобразными западинами, мезо- и микропонижениями. Немногочисленные озера понижений питаются снеговой и дождевой водой, летом пересыхают. Зональная растительность представлена белополынными пустынями, в понижениях широко распространены чернополынные и камфоросмоло-чернополынные пустыни. Территория заказника важна для сохранения популяции сайгака, здесь также проходят пути пролета таких редких птиц, как дрофа (*Otis tarda*), стрепет (*Tetrax tetrax*), степной орел (*Aquila rapax*), курганник (*Buteo rufinus*) и др. [Убушаев, Габунщина 2012: 9; Красная книга 2013, Т. I: 129–142].

Харбинский заказник (163,9 тыс. га) располагается на границе Юстинского и Яшкульского районов, на плоском увале Волго-Сарпинского водораздела, вытянутом параллельно современному руслу Волги. Увал, возвышающийся над уровнем Сарпинской низменности на 1–1,5 м, сложен породами более легкого грансостава, чем окружающие участки низменности. Приподнятое положение и легкие почвы обуславливают более сильное проявление ветровой эрозии, ведущей к образованию незакрепленных песков, барханов и котловин выдувания. Гидрографическая сеть отсутствует. Основной растительный фон — опустыненные степи с доминированием многолетних ксерофитно-дерновинных злаков, а также полупустынные сообщества полукустарничков. В заказнике обеспечивается охрана степных сообществ и отдельных видов растений (василек Талиева (*Centaurea taliewii* Kleop.), тюльпан Геснера (*Tulipa gesneriana* L.), ковыль Залесского (*Stipa zalesskii* Wilensky.), ковыль краси-

вейший (*Stipa pulcherrima* C. Koch.) и др). [Убушаев, Габунщина: 10; Красная книга 2014, Т. II: 60–74]. В весенне-летний период территория заказника является местом обитания сайгака, гнездования журавля красавки (*Anthropoides vigor*), степного орла (*Aquila rapax*), курганника (*Buteo rufinus*), могильника (*Aquila heliaca*) и др. [Убушаев, Габунщина: 10; Красная книга 2013, Т. I: 129–141].

Важнейшее место в системе мероприятий по охране и восстановлению почв и экосистем отводится почвенно-экологическому мониторингу. Природные экосистемы заповедных территорий влияют на состояние трансграничных экосистем. Этот факт подтверждает наш тезис о том, что одной из действенных мер по борьбе с опустыниванием в аридных регионах является совершенствование сети особо охраняемых природных территорий. Пути совершенствования – создание крупномасштабных почвенных карт заповедных территорий, поиск новых объектов, экологический мониторинг, основной задачей которого является мониторинг биоразнообразия, естественных процессов и изменений в природных экосистемах [Ташнинова 2000: 32].

Авторами и составителями новой классификации и диагностики почв России являются академик РАСХН, профессор Л. Л. Шишов, зав. лабораторией географии и классификации почв, доктор сельскохозяйственных наук В. Д. Тонконогов, главный научный сотрудник, доктор географических наук И. И. Лебедева (Почвенный институт им. В. В. Докучаева), профессор, доктор биологических наук М. И. Герасимова (МГУ).

В новой классификации почв России рассматриваются принципы и структура этой системы, определения генетических горизонтов и генетических признаков. Приводится подробная диагностика таксонов до подтипового уровня включительно и количественные параметры выделения нижних таксономических единиц. В общем виде представлены некоторые антропогенно-преобразованные почвы, систематика и диагностика которых требует специальных исследований. В виде специального раздела включена систематика непочвенных техногенных поверхностных образований. Среди принципов, положенных в основу создания новой классификации почв России и определяющих ее теоретическую сущность,

главным является принцип генетичности, предполагающий разделение почв в связи с оценкой их генетического профиля как совокупности (системы) горизонтов, отражающих в своих свойствах процессы, их сформировавшие [Шишов и др. 2004: 9].

Почвенный покров территории Республики Калмыкия, согласно мировой классификации, относится к формации нейтральных и щелочных почв суббореального теплоумеренного климата и к фации континентального климата. Территория Калмыкии входит в состав Прикаспийской провинции светло-каштановых и бурых почв, солонцовых комплексов, песчаных массивов и пятен солончаков [Лобова, Хабаров 1983: 85].

На территории федеральных заказников республики основной фон почвенного покрова представлен бурыми пустынно-степными (полупустынными) почвами в комплексе с солонцами полупустынными, солончаками соровыми и луговыми. Новая классификация почв России, следуя принципу иерархичности, представляет собой последовательную соподчиненную систему таксономических категорий (стволов, отделов, типов, подтипов, видов), разделяющих почвы на различных уровнях по генетическим особенностям.

Ствол: Постлитогенные почвы — объединяет почвы, в которых процесс почвообразования идет на сформировавшейся почвообразующей породе, плотной или рыхлой, кристаллической, метаморфической или осадочной; аккумуляция свежего материала практически отсутствует либо незначительна. Преобладающую часть почв — объектов классификации — относят к постлитогенным.

Отдел: Аккумулятивно-карбонатные малогумусные почвы

Для почв этого отдела характерна сильная окарбоначенность профиля, сочетающаяся с проявлением своеобразного метаморфизма, приводящего к ясно выраженному оструктуриванию и ожелезнению. Верхний горизонт отличается светлой окраской и низким содержанием гумуса. Реакция почв щелочная или слабощелочная, поглощающий комплекс насыщен основаниями. В нижней части профиля обычны гипс и легкорастворимые соли. На территории России аккумулятивно-карбонатные малогумусные почвы распространены в сухой степи и полупустыне.

Тип: Бурые (бурые аридные) почвы AKL-BMK-BCA-Cca

Профиль бурых почв включает ксерогумусный горизонт, состоящий из поверхностной пористой корочки мощностью 2–4 см и подкоркового подгоризонта мощностью 12–15 см, светло-серого или светло-бурого цвета, со слоегато-чешуйчатой структурой. Ниже залегает ксерометаморфический горизонт — бурый или темно-бурый, уплотненный, крупно-комковатый, существенно отличающийся по гранулометрическому составу от вышележащего (КД 1,4–1,5). Ксерометаморфический горизонт переходит в более светлый глыбисто-ореховатый аккумулятивно-карбонатный горизонт с «белоглазкой» разного размера, вплоть до крупных расплывчатых пятен. На глубине 60–100 см обычно локализуется солевой горизонт. В целом почвы отличаются слабой цветовой, но ясной структурной и текстурной дифференциацией профиля и низким содержанием гумуса (около 1–1,5 %) гуматно-фульватного состава. Реакция почв слабощелочная в верхней части профиля и щелочная в нижней. Емкость поглощения 15–20 мг-экв при содержании Na^+ 2–3 % и Mg^{2+} 20–25 % от емкости поглощения. В «Классификации и диагностике почв СССР» бурым почвам в основном соответствует тип бурых полупустынных почв, а также некоторая часть светло-каштановых почв [Шишов и др. 2004: 158–160].

Основные подтипы выделяются по наличию признаков солонцеватости, засоления, гидрометаморфизации, а также по признакам механических нарушений верхней части почвенного профиля.

Подтипы (характерные для заказников):

- 1) Типичные AKL-BMK-BCA-Cca (заказник «Сарпинский»)
- 2) Солонцеватые AKL-BMKsn-BCA-Cca — имеют признаки солонцеватости в ксерометаморфическом горизонте. Почвы имеют щелочную реакцию, в поглощающем комплексе присутствуют 7–13 % Na^+ и 25–50 % Mg^{2+} от суммы поглощенных оснований (заказник «Харбинский»).
- 3) Гидрометаморфизованные AKL-BMK-BCAq-Cca — диагностируются по присутствию грязно-серых, стальных или оливковых пятен в нижней части профиля. Характеризуются повышенным содержанием гумуса (до 1,5–3 %) и более глубоким залеганием карбонатов, гипса

и легкорастворимых солей. Формируются в понижениях рельефа при дополнительном поверхностном увлажнении (заказник «Меклетинский»). В «Классификации и диагностике почв СССР» им соответствует тип лугово-бурых полупустынных почв [Шишов и др. 2004: 159].

Отдел: Щелочно-глинисто-дифференцированные почвы

Почвы отдела характеризуются резкой элювиально-иллювиальной дифференциацией профиля по илу при щелочной, а в верхней части профиля — при нейтральной реакции среды. Отдел объединяет почвы, в профиле которых обязательно присутствует солонцовый горизонт — столбчато-призматический со сплошными блестящими глинистыми и гумусово-глинистыми кутанами иллювиирования, с комплексом специфических водно-физических свойств. Над солонцовым горизонтом выделяется резко выраженный по цвету и структуре осветленный элювиальный («надсолонцовый») горизонт. Независимо от мощности горизонт EL является диагностическим для почв данного отдела.

Тип: солонцы светлые AJ-EL-BSN-BMK-BCA-Cca

Имеют светлогумусовый горизонт с рыхлой комковато-чешуйчато-листовой структурой, с содержанием гумуса менее 3 %. Ниже обособляется маломощный белесый тонкослоеватый или пластинчатый элювиальный горизонт. Солонцовый горизонт самый темный в профиле, коричнево-бурый, плотный, со столбчато-призматической многопорядковой структурой. Ксерометаморфический «подсолонцовый» горизонт отличается более тусклой окраской, мелкопризматической структурой. Горизонт содержит карбонаты, количество которых меньше, чем в ниже залегающем аккумулятивно-карбонатном горизонте. Аккумулятивно-карбонатный горизонт менее плотный, призматический, с карбонатными новообразованиями в виде «белоглазки» Глубина залегания гипсовых новообразований и легкорастворимых солей значительно варьирует. Надсолонцовый горизонт имеет нейтральную реакцию, солонцовый и подсолонцовый горизонты — слабощелочную и щелочную. Содержание обменного натрия в солонцовом горизонте может варьировать от нескольких до 40 % от суммы обменных оснований. Состав гумуса гуматно-фульватный.

Формируются в сухостепной и полупустынной зонах в нижних частях водораздельных склонов, в долинах рек на засоленных породах. Образуют комплексы с бурыми и каштановыми почвами, в том числе и гидрометаморфизованными.

В «Классификации и диагностике почв СССР» им в основном соответствуют подтипы солонцов каштановых и полупустынных.

Основные подтипы выделяются по наличию признаков гидрометаморфизма, механического нарушения системы надсолонцовых горизонтов [Шишов и др. 2004: 162–165].

1. Типичные AJ-EL-BSN-BMK-BCA-Сса (заказник «Сарпинский»).
2. Гидрометаморфизованные AJ-EL-BSN-BMK-BCAq-Сса,q. Отличаются грязно-серыми тонами окраски, более темным цветом кутан по сравнению с типичными солонцами, интенсивным развитием засоления в горизонтах ниже солонцового. Формируются на слабо дренированных равнинах и в понижениях рельефа при залегании минерализованных грунтовых вод на глубине 3–6 м. В «Классификации и диагностике почв СССР» им в основном соответствуют подтипы солонцов лугово-каштановых и лугово-полупустынных в типе солонцов полугидроморфных (заказник «Меклетинский»).

Отдел: Галоморфные почвы

К отделу относятся почвы, главным диагностическим признаком которых является поверхностный солончаковый (солевой) горизонт. Он характеризуется наличием в верхних 20 см легкорастворимых (токсичных) солей в количестве не менее 1 %, что исключает развитие большинства растений, кроме галофитов. Морфологически засоление проявляется в наличии поверхностной солевой корки и/или солевых выцветов. Их особенности определяются количеством солей и типом засоления. Состав солей определяет морфологический облик солевой корки: в сульфатных солончаках солевая корка пухлая, в содовых — плотная. Солевая корка и выцветы солей обычно наблюдаются при сухом состоянии почв. Солончаки формируются в условиях, когда поступление солей в поверхностный горизонт почвы не компенсируется их выносом. Накопление солей реализуется при выпотном

или периодически выпотном водном режиме в условиях аридного или полуаридного климата при неглубоком залегании грунтовых вод разной минерализации. Соответственно, формирование солончакового горизонта, как правило, сопровождается в той или иной степени выраженным оглеением нижней части профиля. Кроме того, образованию солончаков способствует близкое к поверхности залегание засоленных пород, а также поступление солей на поверхность почвы за счет эоловых процессов. Солончаки чаще всего формируются в аридных и полуаридных условиях любых термических поясов, а также в приморских районах менее засушливых территорий. Наиболее характерны для степной и пустынных зон [Шишов и др. 2004: 168–170].

Тип: Солончаки S-Cs,q

Диагностируется по наличию солончакового горизонта, слабо прокрашенного гумусом (содержание гумуса не более 1–2 %), сменяющегося засоленной почвообразующей породой. Почвенный профиль в целом монотонный. На поверхности почвы присутствует солевая корка. Солончаковый горизонт может иметь разное сложение, но обязательно содержит новообразования легкорастворимых солей, количество которых составляет 5–15 %. Максимум солей обычно наблюдается у поверхности, с глубиной их количество убывает. В случае соленосных пород максимум солей может проследиваться в нижней части профиля. Характерна щелочная или нейтральная реакция среды и насыщенный основаниями поглощающий комплекс. Карбонаты присутствуют по всему профилю без выраженного максимума. Возможна дифференциация профиля по литологическим слоям, содержанию гипса и распределению солей. Обычно наблюдаются признаки оглеения. Поверхность почвы практически лишена растительности или покрыта редкими солеустойчивыми растениями. В «Классификации и диагностике почв СССР» рассматриваемому типу соответствует тип солончаков автоморфных и типичный подтип солончаков гидроморфных.

Основные подтипы выделяют по признакам оглеения, присутствию такырной корки, особенностям дифференциации профиля.

1. Типичные S-Cs,q. Диагностируются по наличию поверхностного слабо гуму-

сированного солончакового горизонта. В целом почвы морфологически слабо дифференцированы на горизонты и имеют оливково-палевую окраску, особенно в нижней части профиля, где встречаются мелкие ржавые и сизоватые пятна. Водный режим выпотной и периодически выпотной, грунтовые воды залегают на глубине 3–5 м. Солончаки типичные формируются в условиях аридного климата. В «Классификации и диагностике почв СССР» рассматриваемому подтипу соответствует типичный подтип типа солончаков гидроморфных (заказник «Меклетинский»).

2. Солонцеватые Ssn,s-Cs. Характеризуются уплотнением и наличием элементов призматической структуры в нижней части солончакового горизонта. Профиль отличают щелочная реакция, сильная потечность гумуса, а также обычное присутствие обменного натрия в поглощающем комплексе.
3. Слабодифференцированные (литогенные) S-Cs. Строение профиля определяется литологией соленосных отложений. В распределении солей часто обнаруживаются два максимума — с поверхности и в нижней части профиля. Почвы характеризуются непромывным или периодически выпотным водным режимом от капиллярно-подвижной влаги атмосферных осадков. Приурочены к выходам на поверхность засоленных пород при глубоком (более 10 м) залегании грунтовых вод. В «Классификации и диагностике почв СССР» рассматриваемому подтипу соответствует подтип солончаков типичных в типе солончаков автоморфных (заказник «Меклетинский») [Шишов и др. 2004: 170].

Тип: Солончаки сульфидные (соровые) S-SS-Gs

Солончаки сульфидные (соровые), по существу, не имеют поверхностных гумусовых аккумуляций, и поэтому лишь условно могут рассматриваться как почвенное образование. Их профиль состоит из маломощного солончакового горизонта с отчетливо выраженной поверхностной солевой коркой, содержащей 25–60 % легкорастворимых солей. Ниже залегает черный, иловатый сульфидный солевой горизонт, сменяющийся глеевой толщей, в большин-

стве случаев имеющей сульфатное засоление. Весь профиль мокрый, сильноминерализованные грунтовые воды залегают на глубине 0,5–1,5 м. Формируются при почти полном отсутствии растительности в замкнутых депрессиях и на обнажившихся днищах обсыхающих соленых озер аридных регионов. В «Классификации и диагностике почв СССР» выделяются на правах одноименного подтипа в типе солончаков гидроморфных. Выделяют один подтип — типичные (заказники «Меклетинский» и «Сарпинский») [Шишов и др. 2004: 172].

Одной из главных проблем в организации природопользования и экологии является сохранение биоразнообразия, которое тесно связано с сохранением почвенного разнообразия. Поэтому для создания экологического равновесия в систему охраняемых территорий должны вписаться почвенные объекты. По принципу репрезентативности заповедные территории должны быть эталонами природных комплексов во всех ландшафтах изученного региона.

В последнее время особая охрана почв и проблема создания Красной книги почв выделены в самостоятельное направление в почвоведении: создана Красная книга почв России. Важным моментом при решении этой проблемы следует считать поиск и выделение эталонов почв — в первую очередь в существующей сети ООПТ. Эталонными почвами, с точки зрения вопросов глобального фонового мониторинга, могут быть только целинные почвы, испытывающие минимальное антропогенное воздействие.

При любой форме организации мониторинга почв ООПТ не обойтись без показателей эталонных почв, не утративших своих эколого-генетических связей со всеми компонентами ландшафта. Поэтому обозначенные в почвенно-экологических паспортах Красной книги почв участки с эталонными, а также редкими и уникальными для территории Калмыкии почвами и экосистемами составляют потенциальную сеть мониторинговых участков, причем не только для почвенного мониторинга. Речь идет о комплексном подходе ко всей экосистеме, в которой почва играет определяющую роль фундамента биосферы [Ташнинова 2000: 200].

References

- Krasnaja kniga Respubliki Kalmykija. Redkie i nahodjashiesja pod ugrozoi ischeznovenija zhivotnye. [The Red book of the Republic of Kalmykia. Rare and endangered animals. T. I.]. Elista, NPP «Dzhangar», 2013. 200 p. (In Russ.).
- Krasnaja kniga Respubliki Kalmykija. Redkie i nahodjashiesja pod ugrozoi ischeznovenija rastenija i griby. T. II. [The Red book of the Republic of Kalmykia. Rare and endangered plants and mushrooms. T. II.]. Elista, NPP «Dzhangar», 2014. 200 p. (In Russ.).
- Lobova E. V., Khabarov A.V. Pochva [Soil]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. pp. 82–98, pp. 33–142. (In Russ.).
- Shishov L.L., Tonkonogov V. D., Lebedeva I. I., Gerasimova M. I. Klassifikacija i diagnostika pochv Rossii (pod red. akademika RAN G. V. Dobrovol'skogo). [Classification and diagnostics of soils of Russia (under the editorship of academician of the RAS Dobrovolsky G.V.). Smolensk, «Ojkumena» Publ., 2004. 342 p. (In Russ.).
- Tashninova L.N. Krasnaja kniga pochv i ekosistem Kalmykii [The red book of soils and ecosystems of Kalmykia]. Elista, APP «Dzhangar», 2000. 214 p. (In Russ.).
- Ubushaev B.S., Gabunshchina E.B. Federal'nye zakazniki obretajut hozjajinu. Stepnoj bjulleten', no.34 [Federal Special Nature Reserves find a host. Steppe Bulletin, no. 34.]. Novosibirsk, LTD. Printing center «Copier». 2012. pp. 8–11. (In Russ.).

ЮБИЛЕЙ ИЗВЕСТНОГО МОНГОЛОВЕДА.

Григорию Цереновичу Пюрбееву — 75 лет

The 75th anniversary of a famous Mongolist Grigory Tserenovich Pyurbееv

*Е. В. Бембеев (E. Bembeev)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

Пюрбеев Григорий Церенович, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, Почетный гражданин Республики Калмыкия – признанный в нашей стране и за рубежом ученый, исследователь в области монгольского языкознания и монгольской филологии.

Г. Ц. Пюрбеев родился 20 марта 1940 года в п. Шатта Приютненского (ныне – Ики-Бурульского) района Калмыцкой АССР. В 1957 г. закончил Чумаковскую среднюю школу Михайловского района Новосибирской области. В том же году поступил на калмыцкое отделение историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института. По окончании института переехал в Москву, где работал старшим лаборантом в НИИ национальных

школ в секторе родных языков. В 1964 г. поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР по специальности «монгольские языки». В 1967 г. был принят в группу монгольских языков Института языкознания АН СССР в должности младшего научного сотрудника. Здесь Г. Ц. Пюрбеев прошел все ступени профессионального роста — от младшего до главного научного сотрудника.

Г. Ц. Пюрбеев — автор около 200 научных работ, в том числе 11 монографий. Научные интересы ученого связаны с исследованием проблем фразеологии, синтаксиса, терминологии, ономастики, языка письменных памятников и фольклорных произведений, лексикологии, лексикографии, культурологии монгольских языков. Его концептуально ценные труды по монгольской филологии известны широкому кругу специалистов в стране и за рубежом. Так, работы «К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах (на материале монгольских языков)», «Глагольная фразеология монгольских языков» стали основополагающими в области монгольской фразеологии, на основе которых проводились все последующие исследования на материале конкретных монгольских языков. Изыскания ученого в области терминологии воплотились в монографии «Современная монгольская терминология» (1984) и многочисленных научных статьях. Работы профессора Г. Ц. Пюрбеева в области синтаксиса представляют столь высокий уровень исследования определенных теоретических проблем на материале монгольских языков,

что нашли продолжение в последующих синтаксических исследованиях монголов. Монографические работы Г. Ц. Пюрбеева «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения» (1977 г.) и «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения» (1979 г.), будучи первыми, наиболее полными и системными описаниями строя синтаксических образований современного калмыцкого литературного языка, имели новаторский характер и внесли значительный вклад в дальнейшее развитие калмыковедения и монголоведения.

Григорий Церенович Пюрбеев — соредактор тома «Монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки» в серии «Языки мира» (1997 г.), редактор трудов Б. Х. Тодаевой «Словарь языка ойратов Синьцзяна», «„Джангар“. Героический эпос ойрат-монголов» в 3-х томах, соавтор и ответственный редактор фундаментального лексикографического издания «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах (2000–2002 гг.). В настоящее время Г. Ц. Пюрбеев является руководителем нового монгольско-русского лексикографического проекта «Большой русско-монгольский словарь», который планируется завершить в 2016 г. В 2012 г. вышла в свет монография ученого «Монгольский памятник права XVIII века „Халха джирум“», в котором исследованы все уровни языка этого сочинения: фонетика, морфология, синтаксис, лексика, фразеология.

Наряду с научными исследованиями Г. Ц. Пюрбеев участвует в решении и разработке практических вопросов методики преподавания калмыцкого языка в образовательных учреждениях Республики Калмыкия. Г. Ц. Пюрбеев являлся главным консультантом Государственной комиссии по реформированию современной калмыцкой орфографии и редактором «Орфографического словаря калмыцкого языка» (1999 г.).

Профессор Г. Ц. Пюрбеев успешно руководит аспирантами и соискателями. Под его руководством было подготовлено около

10 кандидатов и докторов филологических наук. Г. Ц. Пюрбеев является профессором-консультантом Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, неоднократно возглавлявшим Государственную аттестационную комиссию в качестве председателя.

Крупнейший ученый-монголовед, доктор филологических наук, профессор Григорий Церенович Пюрбеев ведет большую научно-организационную деятельность: он член Экспертного совета по филологии ВАК РФ, член Ученого Совета Института языкознания РАН, член Правления Общества монголоведов РАН, член диссертационных советов при Институте языкознания РАН и Калмыцком государственном университете, член редколлегий «Бюллетеня» Общества монголоведов РАН, «Вестника Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», эксперт Российского гуманитарного научного фонда.

Научная и общественная деятельность Г. Ц. Пюрбеева отмечена многими российскими и зарубежными наградами: благодарностью Президента РАН Ю. С. Осипова в связи с 275-летием Академии наук России (1999), Почетной грамотой Правительства Республики Калмыкия (2000), почетными званиями «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия» (1990), «Почетный гражданин Республики Калмыкия» (2010), медалью «Найрамдал» (2001, Улан-Батор), медалью «800-летие Великого Монгольского государства» (2006, Улан-Батор), Академическим почетным знаком АН Монголии «Хубилай-хан — основатель Монгольской Академии» (2006, Улан-Батор), орденом «Серебряная звезда» Академии Юмжагийн Цеденбала (2006, Улан-Батор), орденом «Полярная звезда» (2010, Улан-Батор).

Коллектив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН сердечно поздравляет Григория Цереновича с 75-летием со дня рождения, желает ему крепкого здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов и новых научных свершений.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

23 апреля 2015 г. в КИГИ РАН состоялась встреча ученых и делегации из Алашаньского хошуна Автономного района Внутренней Монголии КНР в составе 19 человек, которая представляла государственную телерадиокомпанию АРВМ КНР «Одон» и творческий коллектив «народных самородков», являющихся хошутами — представителями родственной калмыкам России ойратской народности. Государственная телерадиокомпания Внутренней Монголии КНР вела в Калмыкии съемки

фильма «Священные границы Алашаня», который должен стать крупномасштабным многосерийным документальным фильмом об истории и культуре ойратов мира. Съёмочная группа документального фильма «Священные границы Алашаня» с 2013 по 2014 гг. побывала в местах проживания ойратов, объехав Синьцзян и Кукунор, а в апреле 2015 г. специально прибыла в Калмыкию для завершения съемок. Делегацию возглавлял д.ф.н., профессор Борджигид Дорги.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

22 апреля 2015 г. состоялось расширенное совместное заседание Ученого совета КИГИ РАН и Ученого совета Калмыцкого государственного университета, посвященное 75-летию со дня рождения известного ученого-монголоведа Григория Цереновича Пюрбеева. Заседание проводилось в конференц-зале Дома Правительства Республики Калмыкия, в нем, кроме членов Ученых советов, приняли участие сотрудники и профессора, преподаватели и студенты научных и образовательных учреждений г. Элисты, г. Москвы и г. Улан-Удэ. К этому знаменательному событию Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН совместно с Калмыцким государственным университетом было подготовлено и издано 2 научных труда юбиляра: *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык («Жаңһр дуулвр: сойл болн келн») / на русском и калмыцком языках. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2015. — 280 с.; *Пюрбеев Г. Ц.* Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Сб. избранных ст. Элиста: изд-во Калм ун-та, 2015. — 496 с.

Первый труд является переизданием монографии Г. Ц. Пюрбеева, вышедшей на русском языке в 1993 г. и на калмыцком языке в 2004 г. В книге рассматриваются элементы традиционной культуры ойрат-калмыков, а также явления и фак-

ты, составляющие своеобразие эпического языка на уровне фонетики, фразеологии, морфологии и синтаксиса. Вторая же работа представляет сборник статей ученого разных лет, которые были опубликованы в различных научных изданиях: коллективных монографиях, журналах, бюллетенях, энциклопедиях, материалах международных, всесоюзных, всероссийских и региональных конференций.

В преддверии празднования 70-летия Великой Победы 24 апреля 2015 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Вклад народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне». Ее организаторами явились Правительство Республики Калмыкия, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН и Калмыцкий государственный университет. В конференции приняли участие ведущие ученые из Москвы, Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Астраханской области, Ставропольского края, Ростовской области и других регионов страны. Открытие конференции состоялось в Большом зале заседаний Правительства Республики Калмыкия. В рамках работы конференции состоялись заседания трех секций.

Прошедшая в г. Элисте конференция к 70-летию Победы еще раз подтвердила непреходящее значение вклада калмыцкого и других народов Юга России в Победу в

Великой Отечественной войне. Научный форум позволил специалистам из разных научных и образовательных учреждений обсудить актуальную проблематику и способствовал плодотворному сотрудничеству ученых.

23–25 апреля 2015 г. состоялась Международная научная конференция «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося монголоведа, уроженки Калмыкии, Буляш Хойчиевны Тодаевой (1914–2014 гг.). Местом ее проведения были избраны конференц-зал и зал заседаний Ученого совета Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. На заседаниях были обсуждены актуальные вопросы, связанные с языком, письменностью, фольклором и историей монголоязычных народов. Конференция была организована при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-14057Г). Рабочими языками конференции стали русский, калмыцкий и монгольский. В конфе-

ренции приняли участие исследователи-монголоведы, представлявшие российские научные центры, а также ученые из КНР и Монголии.

Доклады на секционных заседаниях были посвящены проблемам дальнейшего развития монгольской науки, сохранения и развития калмыцкого языка в условиях глобализации, а также современного состояния монголоведных исследований в области языка и фольклора. В процессе дискуссии участники конференции высказались о необходимости дальнейшего изучения тюрко-монгольских взаимосвязей, что благоприятствует углублению отношений народов Центральной Азии и Юга России. В резолюции конференции участники отметили значительный вклад Б. Х. Тодаевой в развитие отечественной науки и приняли решение обратиться с ходатайством в мэрию г. Элисты о присвоении одной из улиц города имени ученого — Б. Х. Тодаевой.

*Ученый секретарь КИГИ РАН,
к.и.н. Д. Г. Кукеев*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисунковых подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Jurisprudence;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 2, 2015

Сдано в набор 01.06.2015. Подписано в печать 15.06.2015. Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

Индекс 10236

ISSN 2075-7794. Вестник Калмыцкого института
гуманитарных исследований РАН